

СТАЛИНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ В ПЛЕНУ

XX военные
тайны
века

**СТАЛИНСКИЕ
ГЕНЕРАЛЫ В ПЛЕНУ**

XX военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Annotation

Новая книга О.С. Смылова продолжает рассказ о самой трагичной стороне войны — плене. Теперь объектом исследования стали судьбы генералов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, оказавшихся в годы войны в немецком плену. На страницах книги рисуются тяжелейшие испытания, выпавшие на долю попавших в плен генералов, анализируется их поведение в плену и дается оценка тем или иным действиям.

- [О.С. Смылов](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [Глава первая.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Глава вторая.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Глава третья.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Глава четвертая.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- 5
- 6
- [Глава пятая.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Глава шестая.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Глава седьмая.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Глава восьмая.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Глава девятая.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Глава десятая.](#)
 - [1](#)

- [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Глава одиннадцатая.](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

О.С. Смыслов

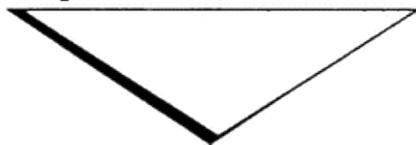
СТАЛИНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ В ПЛЕНУ

XX *военные
тайны
века*

ОТ АВТОРА

Доктор исторических наук, профессор, полковник Ф.Д. Свердлов (участник войны, автор 20 книг и более 300 статей по теории, тактике и истории военного искусства) был первым военным историком, который написал книгу «Советские генералы в плену». Она вышла в издательстве фонда «Холокост» в 1999 году. Несмотря на многие достоинства этой работы, у Федора Давыдовича названо 77 генералов, а также учтен генерал-майор М.М. Шаповалов, который попал в плен полковником, а генеральское звание ему было присвоено позже — 1 октября 1942 года. Кроме того, у Ф.Д. Свердлова есть и другие неточности. Впоследствии в печати не однажды появлялись на эту тему статьи, где можно встретить самое разное количество советских генералов, попавших в немецкий плен. При этом вместе с фактическими генералами их авторы причисляют к ним и лиц высшего политического состава Красной армии, а также не аттестованных на это звание комбригов и комдива. Кроме того в этих статьях нередко присутствуют надуманные, не проверенные и не уточненные факты.

Именно по этой причине была написана эта книга (всего лишь попытка исследования), где речь пойдет, прежде всего, о тех, кто на момент своего пленения имел воинское звание «генерал-майор» и «генерал-лейтенант» (как известно, «генерал-полковники» и «генералы армии», не говоря уже о маршалах, в плен в годы Великой Отечественной войны не попали). Основными источниками для нее явились не только научные книги, мемуары, статьи, публикации, различные биографические справочники, но и самые разные архивные документы, которые, вне всяких сомнений, помогли автору более или менее объективно рассказать о каждом из 75 советских генералов, оказавшихся в немецком плену.

Глава первая.

ГЕНЕРАЛЫ КРАСНОЙ АРМИИ

7 мая 1940 года Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной армии были введены новые воинские звания высшего командного состава: для общевойсковых командиров — генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник, генерал армии и Маршал Советского Союза; для командиров родов войск (артиллерии, авиации, танковых войск, войск связи, инженерных и технических войск) — генерал-майор, генерал-лейтенант и генерал-полковник с добавлением к ним названия рода войск, а для интендантов — с добавлением слов «интендантской службы».

И.В. Сталину проект новых воинских званий был представлен наркомом обороны К. Ворошиловым 17 марта. В нем, в частности, говорилось: «...При обсуждении этого вопроса с заместителями мы пришли к выводу о необходимости принятия в нашей армии такого же количества генеральских чинов, как это было в царской армии и имеет место в ряде европейских армий — германской, французской, английской. В данное время мы имеем военных званий, равных генеральским, 5 (комбриг, комдив, комкор, командарм 2-го ранга и командарм 1-го ранга). Целесообразно военные звания комдив и комкор объединить в одном звании генерал-лейтенант, а военные звания командарм 2-го ранга и командарм 1-го ранга также объединить в одном звании генерал пехоты (артиллерии, кавалерии, авиации, танковых войск и т.д.). Следующее высшее военное звание в Красной армии — Маршал Советского Союза, что соответствует такому же чину в иностранных буржуазных армиях. Полагаем, что добавлять какие-либо другие военные звания выше маршала нет надобности. Прошу рассмотреть и утвердить...»

Соответствующий документ, а именно проект Постановления Совета народных комиссаров, подписанный вождем, появился на свет уже 11 апреля, однако он не был введен в действие. Вполне возможно, что И. Сталин решил еще раз проверить реакцию высшего комсостава на предстоящее введение новых военных званий. Тем не менее в нем мы можем найти ответ, для чего все это делалось: «Существующие воинские звания высшего командного состава Красной армии — комбриг, комдив, командарм 2-го ранга и командарм 1-го ранга — являются по существу сокращенными наименованиями соответствующих высших должностей в армии. При обращении по службе военнослужащих друг к другу и в особенности в боевых приказах и донесениях существующие воинские

звания высшего командного состава вызывают на практике значительные неудобства. Так, например, командира дивизии в звании комбрига часто именуют не комбригом, а комдивом, а командующего армией в звании комдива или комкора — именуют командармом и т.п.».

Словом, небольшой опыт показал, что такое смешение воинских званий и должностей необходимо устранить, что и было сделано 7 мая...

Как видно из вышеупомянутых дат, долго спорить и дискутировать не пришлось. Последнее слово всегда оставалось за товарищем Сталиным, а он, как известно, отличался умом, сообразительностью и даже вкусом. Именно так в Советском Союзе были впервые введены генеральские звания, правда, пока только для командного состава. Военно-политический, военно-технический, военно-медицинский, военно-ветеринарный, юридический, административный и интендантский начальствующий состав сохранял свои прежние звания, к изменению которых подберутся аж к 1943 году. Но первыми из них станут полноценными генералами, конечно же, военно-политические работники. Это случится осенью 1942 года, когда Сталин наконец-таки упразднит давно отживший себя институт военных комиссаров.

Примечательно, что заняться вопросом генеральских званий, фактически заменивших персональные военные звания (до этого существовали категории начальствующего состава по должностям (13 категорий)), введенные постановлением ЦИК и СНК СССР 22 сентября 1935 года, подсказала война с Финляндией. Банальное совпадение военных званий высшего командного состава с наименованиями должностей, как оказалось, вносило большую путаницу в систему управления войсками. На состоявшемся в середине апреля 1940 года (14–17) совещании по обобщению опыта советско-финляндской войны И. Сталин прямо спросил высших командиров: «Надо ли восстановить звание генерала?» И все участники совещания, чуть ли не хором, ответили вождю, что это сделать необходимо. Тогда по итогам совещания была и составлена соответствующая таблица, включающая в себя все намеченные и существующие звания. А на следующий день после Указа Президиума Верховного Совета СССР, то есть 8 мая, на основании его был объявлен приказ наркома обороны СССР № 112, о введении для высшего командного состава генеральских званий.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР для генералов Красной армии устанавливалась и соответствующая форма одежды: парадная, повседневная и походная. По тем временам, все было очень просто, без всяких изысков. К парадным предметам форменной

одежды относились: парадная фуражка (зимой — папаха), парадная шинель, мундир, брюки в сапоги (для строя) или навывпуск (вне строя), сапоги (для строя) или ботинки (вне строя), перчатки, пояс и шашка на поясной портупее. К предметам повседневной одежды: фуражка, папаха, шинель, китель цвета хаки или белый (вне строя), брюки в сапоги или навывпуск, сапоги или ботинки, строевое снаряжение и перчатки. При этом повседневная фуражка, папаха, шинель, китель цвета хаки, брюки в сапоги, сапоги и походное снаряжение являлись предметами походной одежды.

Несмотря на простоту новой генеральской одежды, все же она заметно отличалась от форменной одежды среднего и старшего командного звена. Например, фуражка, мундир и китель изготовлялись из мериносовой ткани. Сапоги и ботинки — из черного шевро. Поясной ремень — из коричневой шорно-седельной кожи. Были и другие существенные отличия. Например, лампасы, металлические звездочки на петлицах от двух до пяти, вышитые звезды и угольники из широкого золотистого галуна на рукавах, пуговицы с гербом СССР, кокарда на головном уборе и золотистый ремешок на фуражке. Были и другие заметные отличия. Словом, генерал должен был внешне в полной мере соответствовать своему высокому воинскому званию и своему предназначению.

Особый статус у членов семей военнослужащих РККА появился в 30-е годы, когда кроме денежного содержания главы семьи пользовались достаточно хорошим продуктовым пайком. Он выдавался абсолютно бесплатно и даже во времена так называемого голодомора 1932–1933 годов. Туда входили жиры, мясо, рыба, что, собственно, в открытой продаже найти было практически невозможно. Кроме того, в Красной армии повсеместно были созданы закрытые военные кооперативы, благодаря которым армия не просто выживала, но и занималась вопросами боевой подготовки. Безусловно, высший командный состав Красной армии всегда находился в более привилегированном положении, однако в те времена эта разница (по всем параметрам) была еще не так велика, как впоследствии. Например, с 1939 года оклад командира взвода составлял 625 рублей, а командира полка — 1200. Тогда как командир дивизии получал 1600 рублей, а командир корпуса — все 2000. Помимо этого всем военнослужащим полагался и ряд других выплат. Это могли быть подъемные и лагерные деньги. С началом войны к окладам добавились так называемые полевые деньги, которые примерно на четверть увеличивали денежное содержание того военнослужащего, кто находился в составе действующей армии. К слову сказать, среднемесячная зарплата рабочего в 30-е годы доходила до 200 рублей в месяц, мелкого служащего — до 180, врача — 400, литературного работника — 500. Зато оплата труда ответственных работников и специалистов превышала 1500–5000 руб. в месяц. Правда, отдельные советские писатели получали поистине фантастические суммы. Так, доход 39 «инженеров человеческих душ» колебался от 2000 до 5000 рублей. У 11 — от 6000 до 10 000. И, наконец, у 14 особо выдающихся превышал все 10 тысяч рублей. При этом вполне обычный костюм стоил 800 рублей, хорошие туфли — 200–300, а всего метр драповой ткани — 100.

В годы войны материальное положение начальствующего состава Красной армии менялось не сразу. Например, в 1941 году всему начсоставу гвардейских частей был установлен полуторный оклад (для сравнения: бойцам — двойной оклад денежного содержания), но только в январе 1942 г. Государственный Комитет Обороны своим постановлением повысил оклады содержания командирам и комиссарам дивизий, бригад и полков. Теперь командиры и военные комиссары дивизий получали от 1600 до 2200

рублей в месяц, а командиры и военные комиссары бригад — от 1600 до 2000.

Впервые с начала войны новые оклады содержания по должностям руководящего начсостава фронтов, округов, армий и центральных управлений НКО были изменены с 1 мая 1943 года. Теперь командующий войсками фронта получал 4000 рублей, а командующий армией — 3200. Первый заместитель командующего войсками фронта получал 3400, а заместитель командующего армией — 2600. Начальник штаба фронта получал 3200, а начальник штаба армии — 2600. Помимо всего прочего на фронте прочно работала система Военторга, которая тогда представляла собой достаточно крупную структуру. Как подчеркивает В.С. Пирог, его «авангард составляли автолавки, работающие непосредственно с частями передней линии. Ассортимент автолавок и цены были строго регламентированы. Так, например, к 1944 году ассортиментный минимум состоял из следующих наименований: “открытки, конверты с бумагой, карандаши, зубной порошок и зубные щетки, кисти и лезвия для бритвы, расчески, гребенки, зеркала карманные, нитки, иголки, крючки, петлицы и пуговицы, кисеты, трубки и мундштуки, погоны, звездочки и эмблемы”. В целом же к 1944 году на фронте работало более 600 таких автолавок».

Существовала в те годы и система подарков, которые передавал тыл. Безусловно, в зависимости от должности эти подарки отличались, прежде всего, количеством и своей значимостью. Так, накануне Нового, 1942 года командующий 20-й армией генерал А.А. Власов в соответствии с приказом Военного совета Западного фронта получил на руки посылку-подарок со следующим ассортиментом: икра — 0,5 кг, балык — 1 кг, шоколадный набор — 5 коробок, шоколад — 5 плиток, какао — 2 банки, вино — 1 бутылка, яблоки — 2 кг, коньяк — 6 флаконов, лимоны в сахаре — 1 банка, папиросы — 10 коробок, мыло туалетное — 2 куски, паста зубная — 2 тюбика, одеколон — 1 флакон, белье простое — 2 пары, белье шелковое — 1 пара, свитер — 1 штука, носки шерстяные — 2 пары. Но и этот подарок был не единственным. Как сообщал своей законной жене А.А. Власов 15 января 1942 года: «Я сейчас одет очень тепло и сшил себе полностью все что у меня было во Львове. Вообще о мне не беспокойся. Нужно тебе сказать, что о нас заботится вся страна. Представь себе, я получаю со всех концов необъятного нашего дорогого отечества посылки на свое имя. Люди, зная меня только по газетам, шлют нам продукты, теплые вещи и вообще крепко заботятся о нас. Вот, например, вчера мне из Пензы рабочие прислали лично: часы ручные и на них надпись мне, теплые вещи и даже яблоки и вино. При такой заботе трудно жить плохо. Поэтому ничего мне

не шли, все у меня есть». Следующие строки генерала (6 февраля) еще раз подтверждают его вполне благополучное положение на фронте: «Я тебе вышлю на днях новый аттестат на 2500 рублей. Пиши, как его получишь, а то мне денег и этих хватает с избытком. У нас, кроме еды, их тратить некуда».

Весной 1943 года вышло очередное постановление СНК СССР за № 462, в котором говорилось об обеспечении семей генералов и лиц старшего начсостава РККА, умерших, погибших и пропавших на фронте без вести. Согласно документу, женам офицеров и генералов за погибших мужей полагались единовременные пособия. Например, если в семье военнослужащих не было нетрудоспособных, то это 50 000 руб. для жен генералов и 10 000 для жен старшего начсостава.

При наличии одного нетрудоспособного: женам генералов — 75 000, женам старшего начсостава — 15 000. При наличии в семье двух и более нетрудоспособных, соответственно: 100 000 и 20 000.

Уже после Победы, когда началась массовая демобилизация, генералы и старший комсостав, прослужившие в армии 25 и более лет, могли получить ссуду на проведение индивидуального жилищного и дачного строительства. Так, генералы получали такую ссуду в размере 35 тыс. рублей, а старшие офицеры — всего 20 тыс. со сроком погашения в 10 лет.

До сих пор можно встретить утверждения, что политические репрессии 30-х годов оказали достаточно серьезное влияние на некомплект и подготовку командного состава РККА перед войной. Однако согласно некоторым, и вполне объективным, исследованиям, «вред, нанесенный репрессиями, заключается не в снижении уровня подготовленности кадров, их некомплекте и недостатке опыта прохождения службы в соответствующих должностях, а в нагнетании атмосферы страха и неуверенности среди командного состава», — считает Г.И. Герасимов. Если в 1937 году было репрессировано 8% списочной численности начсостава, а в 1938-м 2,5% начсостава, то некомплект начсостава в эти же годы достигал 34 тыс. и 39 тыс. Доля же репрессированных в некомплекте начсостава составляла 32% и 11%. Объяснение вполне простое: Красная армия была самой насыщенной по количеству начальствующего состава, и «если бы доля начсостава в РККА была на уровне немецкой армии, польской или любой другой европейской армии, то в ней, несмотря на огромный некомплект по действующим штатам, существовал бы переизбыток офицеров». Все тот же автор констатирует: «Если в 1939 году на 1-го офицера РККА приходилось 6 рядовых, то в вермахте — 29, в английской армии — 15, в французской — 22, японской — 196». Советская насыщенность начсоставом объяснялась просто: в его состав «входили такие категории военнослужащих, которых не было в других армиях, например, политработники».

Г.И. Герасимов совершенно правильно называет «некомплект» искусственным, в основе которого лежал не недостаток офицерских кадров, а излишнее количество штатных должностей. В Красной армии роль унтер-офицерского состава по-прежнему продолжал выполнять средний комсостав или младшие офицеры. Отсюда его многочисленность.

Не выдерживает критики влияние репрессий на боеспособность Красной армии из-за связанных с этим перемещений по службе. Например, в 1937 году продвижение по службе получило 23,8% начсостава, в 1938 году — 59,9%, в 1939 году — 55,4%. Но этот рост был связан, прежде всего, с огромным количеством молодых офицеров, выпущенных в войска из училищ и курсов.

Чтобы было понятно несведущим, поясним: с 1921 по 1924 год Красную армию сократили с 5,5 млн. до 565 тыс. человек. С 1924 по 1925

год была проведена военная реформа, результатом которой стал переход к смешанной территориально-кадровой политике комплектования. Только в 1936 году в СССР вновь вернулись к кадровой системе. Уже к 1938 году численность РККА довели до 1,5 млн. человек, а к 1941 году — до 4,2 млн. Сам по себе размах организационных мероприятий был фантастически огромен и неповоротлив. Отсюда столь массовое выдвижение комсостава. Кстати сказать, маршал Г. К. Жуков в своих мемуарах в качестве основной причины недостатка квалифицированных кадров накануне войны называл именно огромные организационные мероприятия.

Что же касается уровня образования начсостава Красной армии, то, по утверждению Г.И. Герасимова, репрессии не могли наложить на них своего отпечатка из-за незначительности их масштабов. В частности, он подчеркивает: «Некоторое падение доли офицеров, имеющих среднее военное образование, в 1938–1939 гг. объясняется не репрессиями, а значительным притоком в армию офицеров из запаса, из сверхсрочников, и, особенно, офицеров, окончивших курсы младших лейтенантов. В то же время в предвоенные годы наблюдается устойчивая тенденция к увеличению процента офицеров, имеющих академическое образование. В 1941 году этот процент был наивысшим за весь межвоенный период и равнялся 7,1%. До репрессий, в 1936 году эта цифра составляла 6,6. Проведенные расчеты показывают, что в период репрессий наблюдался устойчивый рост количества начсостава, имеющего среднее и высшее военное образование. Так, академическое образование в 1936 году имело 13 тыс. лиц начсостава, в 1939 году — после фактического окончания репрессий — 23 тыс., в 1941 году — 28 тыс. офицеров. Военное образование в объеме военной школы имело соответственно — 125, 156 и 206 тыс. военнослужащих».

К 1941 году уровень военного образования комсостава был восстановлен. За счет широкого развертывания военно-учебных заведений количество командиров с высшим и средним образованием значительно возросло. Однако поступление в армию офицеров с краткосрочной подготовкой, доля которых к началу войны достигала аж 39%, действительно могло оказать свое негативное влияние на общий уровень подготовки командного состава РККА в целом.

Примечательно, что вопреки репрессиям уровень образования советского генералитета вырос. И этот фактор вполне объективен: «В первой половине 30-х гг. доля лиц этой категории, имеющих высшее военное образование, колебалась от 30 до 40%. Перед началом репрессий 29% имело академическое образование, в 1938 году их было уже 38%, а в

1941 году — 52% военачальников имело высшее военное образование».

Г.И. Герасимов в пользу этой версии приводит следующие аргументы: «Например, в пик репрессий, с 1 мая 1937 года по 15 апреля 1938 года, из 3-х арестованных заместителей Наркома обороны ни один не имел академического образования, 2 из назначенных его имели. Из командующих войсками округов арестовано 3 “академика”, назначено — 8; заместители командующих округами: соответственно арестовано 4 с высшим военным образованием, назначено — 6; начальники штабов округов — арестованные не имели академического образования, 4 из 10 назначенных его имели; командиры корпусов арестовано 12 с высшим военным образованием, назначено 19; начальники штабов корпусов — арестовано 14 “академиков”, назначено 22. И так по всем должностям, за исключением командиров дивизий. 33 арестованных комдивов имели академическое образование, а среди назначенных таких было только 27. В целом по высшему командному составу количество назначенных, имеющих высшее военное образование, превышает число арестованных с аналогичным образованием на 45%. Таким образом, репрессии не снизили образовательный уровень затронутых ими категорий офицеров, они повлияли на уровень образования старших и средних офицеров, которые выдвигались на вышестоящие должности. Архивные данные свидетельствуют о том, что это были, как правило, наиболее высокоподготовленные командиры».

Что же касается опыта начальствующего состава РККА (командиры полков, дивизий и корпусов) в исполнении служебных обязанностей перед войной, то он имел наихудшие показатели по сравнению с 1934 годом. Но опять-таки объяснение здесь простое: из-за размаха организационных мероприятий в армии.

И, наконец, что касается боевого опыта военных кадров Красной армии, то Герасимов оценивает его, «как достаточный для армии мирного времени, но значительно уступающий боевому опыту офицерского состава германского вермахта». В частности, он приводит следующие цифры: «В 1923 году доля комсостава, имеющего боевой опыт, была равна 80%, к 1930 году она упала до 60%, в 1934 и 1938 гг. составляла 23%, а в 1941 году, несмотря на развертывание армии, равнялась 29,5%. Военные конфликты второй половины 30-х годов стабилизируют долю командного и начальствующего состава армии, имевшего боевой опыт».

Специальная правительственная комиссия по представлению кандидатов на присвоение новых званий под председательством К.Е. Ворошилова была назначена 8 мая. В состав комиссии вошли: маршалы С.М. Буденный, Г.И. Кулик, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников, армейские комиссары 1-го ранга Е.А. Щаденко и Л.З. Мехлис, командармы 2-го ранга Н.Н. Воронов, Д.Г. Павлов, Я.В. Смушкевич, флагманы флота 2-го ранга Л.М. Галлер, И.С. Исаков, Н.Г. Кузнецов, армейский комиссар 2-го ранга И.В. Рогов, и от ЦК ВКП(б) — куратор военных кадров Г.М. Маленков.

К слову сказать, более или менее четкого соответствия прежних званий (1935 г.) новым (1940 г.) при рассмотрении комиссией К.Е. Ворошилова вопроса о присвоении генеральского звания тому или иному кандидату не было. Так, из списка генералов, подписанного комиссией 11 мая 1940 года, генерал-лейтенантами стали 11 командармов 2-го ранга, 22 комкора, 10 комдивов; генерал-майорами — 9 комдивов, 24 комбрига.

Из списка, подписанного 20 мая, генерал-лейтенантами стали 10 комкоров и 10 комдивов; генерал-майорами — 3 комкора, 62 комдива и 47 комбригов.

А через месяц результаты ее деятельности были обнародованы. Всего новые звания получили 1056 человек:

- 982 человека стали генералами;
- 74 человека адмиралами.

Из 1056–914 генералов в составе Наркомата обороны СССР (Сухопутные войска и Военно-Воздушные Силы); 74 адмирала и 34 генерала — в Наркомате Военно-Морского Флота (НК ВМФ); 34 генерала служили в органах НКВД. К слову сказать, для присвоения генеральских званий высшему командному составу НКВД была образована своя собственная комиссия.

Звание генерала армии было присвоено трем командующим военными округами — Г.К. Жукову (Киевский Особый), К.А. Мерецкову (Ленинградский) и И.В. Тюленеву (Московский). Звание генерал-полковника присвоили четверем командармам 2-го ранга: И.Р. Апанасенко, О.И. Городовикову, А.Д. Локтионову, Г.М. Штерну. Начальнику автобронетанкового управления Д.Г. Павлову присвоили звание генерал-полковника танковых войск, В.Д. Грендалю и Н.Н. Воронову — генерал-полковника артиллерии. Генерал-лейтенантами стали 110 человек, а более

800 (без учета НК ВМФ и НКВД) — генерал-майорами.

Кроме того, с июля по октябрь 1940 года звание генерал-майора получили еще 6 человек. В декабре 1940 года 20 бывших генералов латвийской, литовской и эстонской армий стали советскими генералами (3 генерал-лейтенантами и 17 генерал-майорами). И, наконец, в феврале 1941 года звания генерала армии было присвоено Д.Г. Павлову и И.Р. Апанасенко; генерал-полковника артиллерии — Н.Д. Яковлеву, генерал-полковника — М.П. Кирпоносу, Я.Т. Черевиченко и Ф.И. Кузнецову. 21 мая 1941 года звания высшего комсостава получили 23 командира ВМФ (9 контр-адмиралов, 8 генерал-майоров береговой службы, 2 генерал-майора интендантской службы и 4 инженер-контр-адмирала).

Любопытную статистику по генералам Сухопутных войск приводит в материале «Первые советские генералы» А.А. Печенкин: «Боевой опыт генералов Сухопутных войск был солидным. Многие из них воевали еще в первую Мировую войну, 742 человека (почти 93%) являлись участниками Гражданской войны. Правда, здесь следует оговориться: в Первую мировую войну они были солдатами или, в лучшем случае, унтер-офицерами. В период Гражданской войны большинство будущих генералов командовали подразделениями (взвод, рота, эскадрон) и лишь немногие — полками, бригадами и дивизиями. Эта категория участников Гражданской войны почти полностью погибла в годы ежовщины.

В советские времена сложилось мнение, что большинство красных командиров обязательно состояли в ВКП(б), а уж генералы — поголовно. Это не совсем так... партийная прослойка была значительной: это 673 генерала (84%). Однако 134 генерала были беспартийными, т.е. каждый шестой. Социальное происхождение первых генералов также было достаточно характерным: 239 человек (почти 30%) до службы в армии являлись рабочими, 151 (18,8%) — крестьянами, 417 (52%) вышли из служащих.

Важную роль в характеристике высшего комсостава Красной армии играли уровень военного образования, стаж военной службы и командный опыт, а также участие в войнах и военных конфликтах... подавляющее большинство генералов (95%) имело командный стаж более 20 лет; только 2% занимали командные должности менее 17 лет. Военное образование также было достаточным: 7,6% окончили Академию Генерального штаба; почти 47% — другие военные академии; 7,6% окончили Высшие военные академические курсы (ВВАК) или Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС); 35,7% обучались на Курсах усовершенствования командного состава (КУКС) и только 3 человека

(0,37%) вообще не имели военного образования, но эти трое были генералами интендантской службы.

По национальному составу советский генералитет преимущественно славянский: свыше 84% генералов Сухопутных войск были русскими, 6,4% — украинцами, 5% — белорусами; евреи составляли 1,75%, на все остальные нации приходилось менее 3%».

Следует отметить, что не всем относящимся к высшему комсоставу Красной армии до начала Великой Отечественной войны были присвоены генеральские звания. Приблизительные подсчеты говорят о том, что таких было немало: 1 комкор, 15 комдивов, 196 комбригов. Например, комиссия К.Е. Ворошилова «выявляла» недостойных простыми фразами типа: «по своей работе и подготовке генеральского звания не заслуживает», «с руководством боем дивизии в период военных действий не справился... дивизия была в окружении... подлежит переводу на менее ответственную работу, не связанную с командованием соединением... генеральского звания не присваивать», «без перспектив на продвижение, штабс-капитан старой армии, оставить в прежнем звании», «с обязанностями справляется посредственно, оставить в прежнем звании», «частями не командовал, оставить в прежнем звании», «вопрос остается нерасмотренным».

Безусловно, генеральские звания не были присвоены, прежде всего, лицам высшего начальствующего состава из числа репрессированных. После реабилитации и возвращения в армию они оставались в своих прежних военных званиях (1935 г.) и лишь со временем рассматривался вопрос о присвоении им нового звания — генеральского.

За годы войны число генералов в Советском Союзе выросло не на шутку. Как подчеркивал в своем докладе И. Сталину от 18 мая 1944 г. начальник Главного управления кадров НКО СССР генерал-полковник Ф. Голиков, «уже сейчас мы имеем почти 3 тыс. генералов (2952 чел.). Это очень серьезная цифра. В сравнении с другими армиями она будет выглядеть так: США — 1065 генералов, сухопутная армия Англии — 517 генералов, Германия — 2198 генералов (без санитарной и ветеринарной службы), Япония — 1209 генералов (данные разведывательного Управления от 25 января 1944 года).

Требования на присвоение новых и новых генеральских званий не прекращаются и не ослабевают. Особенно они велики по линии службы тыла Красной армии (в то же время они наиболее сдержаны из действующей армии и по общевойсковой линии). С точки зрения штатной нам могут предъявить требования еще на присвоение 6 тыс. генеральских званий. Это вытекает из того, что в действующих сейчас штатах военного ведомства установлено 9007 должностей, которые должны и могут замещаться лицами генеральского состава. Эта цифра в 3 раза больше количества уже имеющихся генералов. Кроме того, нужно учесть, что в целом ряде случаев центральные управления стремятся добиться генеральского звания даже тем лицам, должностное положение которых определяется категорией «Подполковник — полковник»».

Со слов документа, путь к получению генеральских званий был не особенно оригинален: «Основные центральные управления НКО представляют свои кандидатуры в СНК СССР на присвоение генеральских званий каждое самостоятельно, исходя из своего собственного критерия и своих ограниченных служебных интересов. При этом стараются избежать представления через Главное Управление Кадров НКО и избавиться от его контроля. Нагляднее всего это проявляется со стороны Управления Тыла, где ярко выражено стремление как можно больше произвести генералов и возвести их в высший ранг. Уже сейчас по службе тыла имеется 326 генералов, что составляет к общему числу 11,04%. Это обстоятельство приводит к фактам незаслуженного присвоения генеральских званий. Так, Постановлением Совнаркома СССР от 11.5.1944 года присвоены генеральские звания 24 офицерам и генералам службы Тыла, из которых по крайней мере 6 человекам, по моему мнению, звание присвоено

незаслуженно, среди них:

1. Начальник административно-хозяйственного Управления Поляков В.В. Он только 20.12.1942 г. получил звание Генерал-майора. В Красной армии прослужил всего лишь 6 лет и 5 месяцев, из которых один год рядовым, 5 лет военкомом финуправления и 5 месяцев начальником административно-хозяйственного Управления НКО. Военного образования никакого не имеет. Он с успехом мог бы и сейчас быть в звании “Полковник интендантской службы”. Столь стремительного движения в званиях нет даже в Действующей армии.

2. Начальник Управления Базы Центра НКО Азизбеков А.М. в Красной армии всего лишь 8 месяцев, ни опыта, ни военного образования, ни стажа службы в армии совершенно не имеет.

3. Начальник 1 отдела Интендантского Управления Чистяков В.А. Хотя в армии он и с 1918 г., но вся его служба с 1920 г. проходила только в военно-хозяйственном управлении НКО, на канцелярских должностях, начиная с младшего делопроизводителя по положению не выше майора-подполковника, и сейчас он занимает должность не генерала, а только полковника. С 1920 г. ни одного месяца службы в войсках.

4. Начальник автомобильного Управления Белорусского округа Наберухин И.М. Ему звание полковника было присвоено только в апреле 1943 года. Будучи в окружении в 1941 году, по сообщению Управления Контрразведки “Смерш”, сдался в плен румынам, порвал и выбросил партбилет. В плену подвергался допросам, после чего был освобожден и направлен на работу. При выходе из окружения неоднократно задерживался немцами и полицейскими органами. Вышел из окружения одиночным порядком, что пытается скрыть. В 1942 году во время осады Сталинграда немцами высказывал пораженческие настроения.

5. Зам. начальника вещевого управления Палеев Борис Соломонович. Вся его служба в Красной армии с 1919 г. исчерпывается четырьмя месяцами рядовым и начальником разведки батальона в 1919 г., восемью годами учебы в хозяйственных ВУЗах (с 1920–1928 г. г.) и 16 годами непрерывной службы в интендантском управлении НКО, начиная с должности мл. приемщика в г. Москве; ни одного дня службы в войсках.

6. Зам. начальника отдела кадров управления тыла Бавин И.В. Занимал и занимает должность, отнесенную к званию “Подполковник — полковник”. Имеет перерыв по службе в армии 7 лет».

В своем докладе генерал Голиков особо отмечал, что, прежде всего, в штабах и органах тыла, разного рода генералов гораздо больше, чем непосредственно в войсках: «Из 2952 генералов Красной армии — 1569

чел. (или 57,5%) находятся в органах управления, из них 395 чел. — в Центральном аппарате НКО, 1174 — во фронтовом, окружном и армейском аппарате. В войсках же (в корпусах, дивизиях, бригадах, училищах, академиях и научно-исследовательских институтах) находится 1256 генералов (или 42,5%). При всем значении органов управления все же необходимо установить более правильное распределение генеральского состава между аппаратом управления и между войсками. Сейчас у нас в звании “полковник” находится 276 командиров дивизий, 74 командира бригады и 67 начальников училищ. По мере их роста они войдут в состав генералов. Но даже при полной заполненности штатных должностей генералами в войсках количество генералов в управленческом аппарате остается очень большим; еще больше оно по штату».

Что же касается военной подготовки генералов на 1944 год, то со слов главного кадровика она выглядела неважно: «Очень велика цифра генералов, не имеющих никакого военного образования, — 142 чел. (4,8% к всему составу генералов). Также очень велика цифра генералов, имеющих военное образование всего лишь в объеме военного училища (443 чел.) и курсов (769 чел.), что составляет 41,05% (по обеим цифрам). К генеральскому составу необходимо предъявить серьезные требования в отношении собственного военного образования. В первую очередь нужно потребовать от лиц, вовсе не имеющих военного образования, подготовиться и сдать за военное училище. Для генералов, окончивших лишь военные училища и курсы, установить определенный план получения академического образования, хотя бы по сокращенной программе (в соответствии со специальностью), — для одних путем пропуска через академические курсы, для других путем самостоятельной работы над собой, для третьих — путем широкой организации в Красной армии заочного и вечернего обучения».

Исходя из вышеизложенного, генерал Голиков предлагал остановить неконтролируемый рост численности советского генералитета двумя путями:

«а) установить ориентировочную численность генералов для вооруженных сил Советского Союза, чтобы ее придерживаться;

б) основательно сократить штатно-должностное количество генералов, установленное сейчас, тем более что излишне большая численность генеральского состава отрицательно скажется на авторитете генералов».

И еще он предложил И. Сталину установить в этом вопросе самый жесткий контроль:

«Для более правильного подхода и в целях усиления контроля

необходимо установить, чтобы представления к генеральским званиям шли только через Главное Управление Кадров НКО и им докладывались. Конечно, могут быть исключения, но и тогда начальник любого центрального Управления, лично докладывающий вопрос о присвоении генеральского звания, должен иметь на материале мнение Главного Управления Кадров НКО».

Теперь трудно сказать, чем руководствовался И. Сталин, когда проигнорировал доклад своего подчиненного генерала. Ибо, согласно сборнику статистических материалов «Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», изданном в 1963 году, к концу войны в Советском Союзе насчитывалось уже 5625 генералов.

Что же касается упоминаемых в докладе Голикова имен шести генералов службы Тыла, которым, по его мнению, звания были присвоены незаслуженно, то и здесь вождь все оставил без изменений.

Генерал-майор интендантской службы Василий Васильевич Поляков занимал должность заместителя начальника Финансового управления Красной армии по политической части. За выслугу лет в армии был награжден орденом Ленина. А 22 августа 1944 года погиб в автомобильной катастрофе.

Генерал-майор интендантской службы Азизбеков Азиз-Мешади Опгы занимал должность начальника Управления Закавказской Базы Центра НКО. Был сыном Мешади Азизбекова, одного из расстрелянных английскими интервентами 26 бакинских комиссаров. Во время войны Азизбеков регулировал в Баку прием и отгрузку на фронт поставляемых из тыла вооружения, боеприпасов, оборудования, продовольствия. Следил за своевременным выполнением военных заказов, изыскивал новые сырьевые и продовольственные ресурсы для нужд фронта, помогая на местах решать вопросы размещения и снабжения резервных воинских частей и соединений, находящихся на территории Азербайджана. Важная персона. Несмотря на указанное в докладе Голикова отсутствие у Азизбекова военного образования и выслуги лет, был награжден орденом Красного Знамени.

Генерал-майор интендантской службы Чистяков Владимир Алексеевич в должности начальника 1-го отдела Главного интендантского управления Красной армии даже был награжден орденом Отечественной войны II степени. Правда, за что, в документах не говорится.

Генерал-майор интендантской службы Наберухин Исай Моисеевич свое звание, как известно, получил на должности начальника

автомобильного Управления Белорусского округа. До этого он занимался трофейными делами. Так, будучи начальником 1-го отдела управления трофейного вооружения и имущества Красной армии, Исай Моисеевич был награжден орденом «Знак Почета». В наградном представлении написано следующее:

«Полковник и/сл. тов Наберухин Исай Моисеевич работал в управлении на должности начальника 1 отдела с 24.1.43 г. по май 1943 г.

Тов. Наберухин Исай Моисеевич, бывший начальник 1 отдела управления, своей образцовой работой и хорошим руководством в отделе обеспечивал выполнение заданий командования по руководству трофейными частями фронтов, по сбору и эвакуации с полей сражений трофейного вооружения, боеприпасов, военного имущества и металлолома.

За образцовое руководство отделом, обеспечивавшим выполнение заданий командования по эвакуации с полей бывших сражений большого количества трофейного вооружения, боеприпасов, различного военного имущества и металлолома, достоин Правительственной награды орденом «Знак Почета»...»

Генерал-майор интендантской службы Палеев Борис Соломонович тихо и мирно дослужился до заместителя начальника Главного интендантского управления Красной армии. Больше звезд с неба не схватил, прожив достаточно длинную жизнь. Он умер в 1983 году в возрасте 85 лет.

И, наконец, генерал-майор авиации Бавин Иван Федорович — заместитель начальника отдела кадров начальника тыла Красной армии. В наградном листе (20 апреля 1943 г.) на подполковника Бавина И.Ф., помощника начальника 1-го отдела Штаба тыла Красной армии указано:

«Старый командир Красной армии и работник Особых Отделов. Занимал руководящие должности в органах НКВД.

Руководит работой по вопросам учета военнопленных и спецконтингента, их обслуживания и вывода с фронтов.

Зарекомендовал себя с самой хорошей стороны, работая напряженно, несмотря на плохое состояние здоровья.

За хорошую добросовестную работу в условиях военного времени достоин награждения орденом «Красная Звезда»...»

Парадоксально, но факт: имея выслугу в армии с 1917 по 1934 и затем с 1941 года, генерал Бавин был награжден орденом Красного Знамени за 20 лет безупречной службы в Красной армии... Ну что тут скажешь?

Согласно официальным данным (1993 год) всего за время войны погибли, пропали без вести, умерли от болезни и по другим причинам 421 генерал и адмирал, в том числе: генерал-майоров — 344, контр-адмиралов — 7, генерал-лейтенантов — 59, вице-адмиралов — 2, генерал-полковников — 4, генералов армии — 4 и 1 маршал Советского Союза. В 2001 году официальные данные по генералам были снижены до 416. Оказывается, авторы очередного выпуска статистического исследования на этот раз исключили из списка не принимавших участия в войне генерал-полковников А. Локтионова, Г. Штерна, генерал-лейтенантов Алексева, Арженухина, Проскурова, Птухина, Пумпура, Рычагова, Смушкевича, генерал-майоров Володина, Каюкова, Левина, репрессированных перед войной и расстрелянных в годы войны. Однако, из перечисленных имен четверо генералов (Володин, Проскуров, Птухин и Пядышев) были арестованы в начале войны, а следовательно, приняли в ней участие.

По мнению доктора исторических наук А.А. Печенкина, «военно-историческая литература и документы Российского государственного военного архива (РГВА) и Центрального архива Минобороны РФ (ЦАМО) дают основания для включения в список — в дополнение к 416 (в начале 1990-х в «Военно-историческом журнале» был опубликован список, содержащий 416 фамилий погибших во время войны советских генералов и адмиралов) — фамилий еще 42 генералов и адмиралов, погибших с 1941 по 1945 год. С учетом новых данных получается список из 458 человек».

В своей статье он приводит следующие данные: «Наибольшие боевые потери имели место в 1941 году. За шесть месяцев (22 июня — 31 декабря 1941 года) РККА лишилась 74 генералов — то есть ежемесячно теряла 12–13 представителей своего высшего состава. В первый год войны четверо генералов, оказавшись в окружении, не пожелали сдаться в плен и застрелились».

На протяжении всей войны были пленены 72 советских генерала (в основном в 1941–1942 годах). Среди военнопленных оказались несколько командармов, десятки командиров корпусов и дивизий. Подавляющее большинство из них остались верными присяге, и лишь единицы согласились сотрудничать с врагом. В немецком плену погибли 23 советских генерала.

В 1942, 1943 и 1944 годах ежемесячные боевые потери высшего

командного состава РККА уменьшились более чем вдвое. Из общих потерь за весь период войны (458 человек) боевые составили 296 человек (64,6%).

В 1941 году небоевые потери среди генералов достигали 33 человек: трое умерли от болезней, двое застрелились, один погиб в катастрофе и 27 были приговорены к расстрелу. Чудовищная цифра! Здесь надо отметить, что если из 72 пленных советских генералов в гитлеровских лагерях погиб каждый третий, то из ста арестованных НКВД — погибли почти две трети — 63 человека (47 расстреляны, шестеро умерли в тюрьме в 1942–1945 годах и еще 10 — в 1946–1953 годах).

Картина изменилась в 1943–1945 годах. Основную часть небоевых потерь уже составляли умершие от болезней. В марте 1945 года на 63-м году жизни скончался маршал Борис Шапошников. Его участь разделили и более молодые военачальники: командующие армиями Леселидзе, Харитонов и другие генералы, едва перешагнувшие сорокалетний рубеж.

Удельный вес небоевых потерь в 1941–1943 годах колебался в пределах 27–30%, а в 1944–1945 годах — 36–39%. Если в начале войны было много репрессированных генералов, то к окончанию войны возросла смертность от болезней (в 1943 году — 85%, в 1944 году — 75%, в 1945 году — 66,6% небоевых потерь соответствующего года).

Самыми большими потери были в 1941 году (за шесть месяцев — 107 человек) — 18 человек ежемесячно. В 1942–1944 годах потерь стало вдвое меньше (от 8 до 9 человек в месяц).

Наибольший урон в войну понес командный состав (почти 89%), тогда как политический — менее 2%, технический — 2,8%, административный — 4,6%, медицинский — около 1%, юридический — 0,65%. Генералы Военно-воздушных сил (ВВС) составили 8,73% погибших, а адмиралы и генералы ВМФ — 3,71% общего числа потерь высших офицеров. Большие потери имели Сухопутные войска — к ним принадлежали 87,56% погибших генералов.

Наибольшие потери понесли генерал-майоры (372 человека — то есть более 80%). Потери среди генерал-лейтенантов составили 66 человек (около 14%), генерал-полковников — 6 человек (1,3%), контр-адмиралов — 7 (1,5%). Среди маршалов, генералов армии и вице-адмиралов эта цифра менее 1%».

Таким образом, «на алтарь Отечества, — констатирует А.А. Печенкин, — сложили свои головы четверо командующих фронтами, двое из них — в 1941 году. Всего в годы войны погибли 22 командующих армиями и восемь их заместителей, 55 командиров корпусов и 21 заместитель командира корпуса, 127 командиров дивизий и 8 командиров бригад».

В 2011 году А.А. Печенкин по поводу количества советских генералов, попавших в немецкий плен, скажет несколько иначе: «За годы войны свыше 70 генералов были пленены (подавляющее большинство — в 1941–1942 гг.)».

Несколько иные данные можно увидеть в книге «100 великих военных тайн. Вторая мировая война (1939–1945)». В ней (по материалам В. Миркискина) Н.Н. Непомнящий пишет: «В немецкий плен попали 83 (по другим данным — 72) генерала Красной армии, в основном в 1941–1942 годах. Среди военнопленных оказались несколько командармов, десятки командиров корпусов и дивизий. Подавляющее большинство из них остались верными присяге, и лишь единицы согласились сотрудничать с врагом. Из них 26 (23) человек погибли по разным причинам: расстреляны, убиты лагерной охраной, умерли от болезней».

Кстати сказать, в этой же книге говорится о том, что «последним генералом (и одним из двух генералов ВВС), захваченных немцами в плен, был генерал-майор авиации Полбин, командующий 6-м гвардейским бомбардировочным корпусом, поддерживающим деятельность 6-й армии, которая в феврале 1945 года окружила Бреслау. Он был ранен, захвачен в плен и убит. Лишь потом немцы установили личность этого человека».

Но так ли было на самом деле?

Еще в 2002 году, то есть за 6 лет до выхода книги Н.Н. Непомнящего, журнал «Щелково» напечатал небольшим тиражом книгу Героя Советского Союза Н.И. Гапеенка, военного летчика, участника войны, полковника в отставке. В ней он упоминает и о выдумках про плен генерала Полбина: «О гибели командира 2-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса, дважды героя Советского Союза гвардии генерал-майора Полбина Ивана Семеновича написано в книгах, статьях газет и журналов. В некоторых из них приводятся различные версии, не имеющие ничего общего с действительностью. Нам из опыта известно, как часто отсутствие точной и проверенной информации становится основой для появления всякого рода слухов и домыслов. Вот один из примеров, когда автор, пытаясь показать свою большую осведомленность о происходивших событиях, в том числе и о гибели генерала Полбина, приводит различные домыслы, не соответствующие реальности. В Алма-Ате в 1963 году (издательство “Жазуши”) вышла книга дважды Героя Советского Союза Сергея Луганского “На глубоких виражах”, там же переизданная через три года. Есть в ней такие строки: «Генерала Полбина сбили уже в Германии. Благодаря тому, что он носил форму простого летчика, немцы его не узнали и, подобрав среди обломков самолета в беспамятстве, доставили в

госпиталь. Генерал очнулся и долго не мог понять, где он находится. Потом среди других пленных он узнал летчика, подозвал его и рассказал ему о себе. Летчик, к сожалению, оказался подлецом и выдал Полбина. О дальнейшей судьбе генерала рассказывают, что его голову якобы доставили Гитлеру, чтобы незадачливый диктатор хоть чем-то утешился перед бесславным концом”.

Оказывается, как подчеркивает ветеран, ”...приказом Главного управления кадров Министерства Обороны № 02227 от 6 июля 1945 года Полбин и Зарукин считались пропавшими без вести. Ни у кого не было сомнений, что Полбин погиб во время бомбометания. Когда с подбитого зениткой самолета не удалось сбить пламя, охватившее весь фюзеляж, самолет врезался в землю и взорвался. Но получилось так, что формально Полбин числился пропавшим без вести. Говорили и писали о его последнем полете-подвиге, а в документах черным по белому было записано “не вернулся с боевого задания”. Такая же запись была сделана в документах М.К. Зарукина. То, что командир и штурман не вернулись с боевого задания — это истина, но они не пропали без вести, а погибли, и не где-нибудь, а на восточной окраине города Бреслау при выполнении боевой задачи.

Куда только не обращались мы, ветераны-полбинцы! И в Главное Управление кадров Министерства обороны, и в Центральный архив МО СССР... Всюду находились чуткие и отзывчивые люди, помогавшие добиться истины. Только после того, как работники Центрального архива МО СССР обнаружили оперативную сводку штаба 2-го гвардейского бомбардировочного авиакорпуса за 11 февраля 1945 года, справедливость восторжествовала”». А в том документе черным по белому написано: (11 февраля 1945 года, 24.00) «8 экипажей Пе-2 под командованием командира корпуса гвардии генерал-майора Полбина в период 15.30–15.45 с высоты 1500–600 метров с пикирования с замкнутого круга бомбардировали и штурмовали войска и технику в юго-западной части Бреслау. В результате бомбардировочных действий в юго-западной части Бреслау вызвано 10 очагов пожаров.

Противодействие: в районе Бреслау группа бомбардировщиков обстреляна интенсивным огнем 4 батарей СЗА и 5 батарей МЗА.

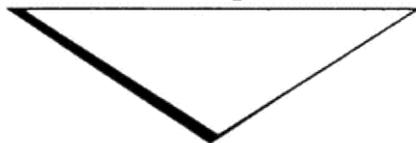
При бомбардировании групп методом пикирования с замкнутого круга на четвертом заходе на цель, прямым попаданием снаряда СЗА подожжен самолет, пилотируемый гвардии генерал-майором Полбиным с главным штурманом 2-го гвардейского бак гвардии подполковником М.К. Зарукиным, флагманским стрелком-радистом гвардии старшиной В.С.

Орловым.

При попытке сорвать пламя у самолета отвалилось хвостовое оперение. Горящий самолет упал на восточной окраине Бреслау и взорвался. Из состава экипажа один человек выбросился на парашюте.

В 1 самолете Пе-2 81-го гв. бап (летчик гвардии лейтенант П.И. Носков) над целью огнем ЗА был подбит правый мотор и повреждена плоскость. В районе Бриг загорелся правый мотор и центральный бензобак. После посадки на аэродром самолет сгорел. Экипаж невредим. Группу прикрывали непосредственным сопровождением с аэродрома Бриг до цели и обратно по 4–8 Як-3 и Як-9 на группу. Погода в районе базирования 9 баллов на высоте 2500–3000 метров, в районе цели — 3–4 балла на высоте 2000–4000 метров». Сводку подписали начальник штаба 2-го гвардейского авиакорпуса генерал-майор Качев и начальник оперативно-разведывательного отдела майор Гуменюк.

Таким образом, дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации И.С. Полбин (1905–1945) погиб в небе над городом Бреслау. Как говорится, других мнений здесь быть просто не может.

Глава вторая.
В БЕЛОСТОКСКО-МИНСКОМ
СРАЖЕНИИ И ПОСЛЕ

22 июня 1941 года по предложению наркома обороны маршала С.К. Тимошенко Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа были преобразованы в Северо-Западный, Западный и Юго-Западные фронты. А буквально через два дня были созданы Северный и Южный фронты... Однако никто в те дни из высшего военного руководства и высшего руководства страны еще не знал размеров уже случившейся катастрофы... Д.А. Волкогонов совершенно точно передает в своей книге о Сталине этот факт: «Ватутин два или три раза привозил в Кремль оперативную карту. На ней цветными карандашами были тщательно нанесены районы расположения наших армий, корпусов, места базирования авиации, направления выдвижения резервных соединений. Не было главного: где конкретно шли бои, где находился противник, каков был характер действий советских войск. В Кремле еще не представляли, что немецкие войска смогли нарушить, а на Западном фронте почти полностью парализовать управление и связь. Генерал армии Павлов уже через несколько часов после начала вторжения потерял нити управления войсками своего фронта».

По авторитетному мнению доктора исторических наук В.А. Анфилова, «о положении войск приграничных округов к началу вторжения немцев убедительно свидетельствует журнал боевых действий Западного фронта: “22 июня 1941 г. около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии. Примерно в 2 часа — 2 часа 30 минут аналогичное приказание было сделано шифром армиям. Частям укрепленных районов предписывалось немедленно занять укрепленные районы. (Заметим, что этого они так и не успели сделать.) По сигналу «Гроза» вводился в действие «Красный пакет», в котором находился план прикрытия государственной границы. Шифровки штаба округа штабами армий были получены слишком поздно. 3-я и 4-я армии успели расшифровать их и сделать кое-какие распоряжения, а 10-я армия расшифровала это распоряжение уже после начала военных действий”.

Получив с трудом некоторые сведения о нападении немцев из штабов армий, Военный совет Западного фронта отдал войскам следующий приказ: “Командующим 3-й, 10-й и 4-й армиями. Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска

и действовать по-боевому.

Павлов. Климовских. Фоминых”.

На документе отметка: “Отправлен 22 июня 1941 г. 5 часов 25 минут”.

Нет оснований утверждать, что этот документ дошел до исполнителей, так как ночью проводная связь была выведена из строя засланными в наш тыл диверсантами и вражеской агентурой, а радиостанции на узле связи разбиты ударами немецкой авиации. В результате этого войска Западного фронта, не управляемые вышестоящими штабами, в первые часы 22 июня самим ходом событий втягивались в сражения».

Западный фронт насчитывал в своем составе три армии. Третья под командованием генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова (4 стрелковые дивизии и механизированный корпус) занимала оборонительный рубеж в районе Гродно. Десятая под командованием генерал-майора К.Д. Голубева (2 стрелковых, 2 механизированных корпуса и 1 кавалерийский) располагалась в Белостокском выступе. Четвертая под командованием генерал-майора А.А. Коробкова (7 дивизий) прикрывала район Бреста. Но это первый эшелон. Войска же второго эшелона Западного округа, а потом и фронта еще только выдвигались к государственной границе. Накануне войны штаб 2-го стрелкового корпуса прибыл на южный фас Белостокского выступа, где должен был войти в состав новой 13-й армии (армия под командованием генерал-лейтенанта П.М. Филатова должна была занять оборону на южном фасе Белостокского выступа). Из-под Смоленска в состав этой же армии перебрасывался 44-й стрелковый корпус (3 дивизии). 21-й стрелковый корпус (3 дивизии) начал выдвижение из Витебска в район Лиды и был подчинен штабу 3-й армии. 47-й стрелковый корпус начал выдвижение из Бобруйска в район Обуз-Лесьна. Кроме того, на Западный фронт перебрасывалась 22-я армия Уральского военного округа и 21-я армия Приволжского военного округа. Всего в составе фронта насчитывалось 45 соединений (24 стрелковых дивизии, 12 танковых дивизий, 6 моторизованных дивизий, 2 кавалерийские и 1 воздушно-десантный корпус).

Против Западного (округа) фронта немцы сосредоточили самую мощную группировку своих войск. Всего 50 дивизий: 31 пехотную, 9 танковых, 6 моторизованных, 3 охранных и 1 кавалерийскую. Кроме внезапности противник использовал здесь и хорошие знания военного искусства. Так, 3-я танковая группа противника наносила главный удар в Литве, с тем чтобы затем выйти в тыл советского Западного фронта. На

южном фланге действовала 9-я немецкая армия, которая с фронта атаковала 3-ю армию генерала Кузнецова и, отбросив ее, заняла Гродно. На фронте 10-й армии генерала Голубева немцы вели отвлекающие действия, однако на южном фланге 4-я армия под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге нанесла сокрушительный удар в направлении Бельск. В районе Бреста 2-я танковая группа с ходу атаковала 4-ю армию генерала Коробкова.

Как подчеркивает Д.А. Волкогонов, «начиная с утра 23-го иллюзии, которые еще питал Сталин, начали быстро испаряться. Дважды он пытался связаться лично с Д.Г. Павловым, но оба раза из штаба Западного фронта односложно отвечали, что “командующий находится в войсках”. Ничего определенного не удалось добиться и от генерал-майора В.Е. Климовских, начальника штаба фронта. Появилась страшная догадка: штаб потерял управление войсками и не контролировал катастрофическое развитие событий.

А штаб Западного фронта действительно через сутки утратил управление войсками. <...>

Командующий фронтом, которому оставалось пробыть на этом посту всего неделю, из отрывочных сведений, поступавших в штаб, на четвертый день войны понял, что подвижные группы войск противника через два-три дня могут выйти к Минску с северо-запада и юго-запада. Войска 3-й и 10-й армий фронта, действовавшие в белостокском выступе, оказались в тяжелом положении. Их обошли с флангов, а частично и с тыла».

«В соответствии с разрешением, полученным из Москвы, — продолжает В.А. Анфилов, — Военный совет Западного фронта днем 25 июня направил в войска директиву об отходе на восток. “Сегодня в ночь с 25 на 26 июня 1941 г. не позднее 21 часа, — указывалось командующим армиями, — начать отход, приготовить части. Танки в авангарде, конница и сильная противотанковая оборона — в арьергарде. Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв произвести широким фронтом. Первый скачок — 60 км в сутки”.

Осталось неизвестным, дошло ли до исполнителей содержание этой уже невыполнимой в сложившихся условиях директивы».

3-я армия под командованием генерала Кузнецова должна была отступить на Новогрудок, а 10-я под командованием Голубева — на Слоним. 27 июня советские войска оставили Белосток, и, чтобы сохранить пути отхода, вели бои в районе Волковыска и Зельвы. А на следующий день немцы заняли Волковыск и пути отхода этим армиям были

перерезаны. 1 июля 1941 года две немецких армии (4-я и 9-я) завершили окружение советских войск, отступавших в Белостокском выступе.

Словом, обстановка на Западном фронте складывалась все хуже и хуже. В.А. Анфилов констатирует: «Огромное преимущество противнику предоставляло господство в воздухе. Из-за недостатка истребителей, зенитных орудий и боеприпасов к ним наши войска не прикрывались с воздуха.

Вот что писал по этому поводу в политдонесении начальник отдела политической пропаганды 2-го стрелкового корпуса 13-й армии: «С 27 по 30 июня на фронте в районе Минска ни одного раза не появлялась наша авиация; в этих условиях авиация противника орудует безнаказанно». И не случайно воины 100-й и 161-й стрелковых дивизий, сражавшиеся с врагом в Минском укрепленном районе, говорили тогда: «Дайте снарядов, помогите самолетами — мы никогда не отступим».

В оборонительном сражении под Минском войска 13-й армии умело использовали занятые ими долговременные огневые точки. В отчете о боях 3-й танковой группы отмечалось, что минские доты частично пройдены не занятыми войсками противника, в то время как при преодолении других дивизии несли тяжелые потери, прорываясь через укрепленный пояс. Соединения армии, особенно 2-го ск генерала А.Н. Ермакова, удерживали занимаемые рубежи до 28 июня. <...>

Однако, встречая на том или ином участке фронта упорное сопротивление, танковые соединения противника, не ввязываясь в затяжные бои, стремились обойти их с флангов. К исходу 28 июня большая часть войск 13-й армии находилась восточнее Минска. К городу с северо-запада и юго-запада рвались немецкие танки. В 17 часов 28 июня 12-я танковая дивизия группы Гота после упорного боя ворвалась в столицу Белоруссии, а на следующий день танковые группы Гота и Гудериана соединились. Войска 13-й армии в основном успели отойти на восток и развернуться на рубеже Борисов, Смолевичи, р. Птичь. Соединения 3-й и 10-й армий, отступавшие из Гродно и Белостока на Новогрудок, Минск, оказались в окружении».

О том, что немцы ворвались в Минск и окружили 3-ю и 10-ю армии, а также 21-й стрелковый корпус 13-й, Сталин узнал только 29 июня. И, как пишет В.А. Анфилов, именно «в тот день, 29 июня, когда после захвата врагом Минска у всех политических и государственных руководителей открылись глаза, какая угроза нависла над страной, Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли специальную директиву советским и партийным организациям прифронтовых областей. Этой директиве, положенной потом

в основу речи Сталина 3 июля, суждено было стать программой мобилизации всех сил народа на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками».

К слову сказать, именно в Белостокско-Минском сражении (22 июня — 8 июля) большая часть войск Западного фронта попала в окружение. Фронт был фактически уничтожен за первые две недели войны. Из 625 000 человек своего состава он потерял около 420 000... Командующий фронтом Герой Советского Союза генерал армии Д.Г. Павлов был отстранен от командования и арестован. 22 июля 1941 года по приговору суда его расстреляли. Вместе с ним были расстреляны начальник штаба фронта генерал-майор В.Е. Климовских и начальник связи фронта генерал-майор А.Т. Григорьев. Также были арестованы и расстреляны начальник артиллерии фронта генерал-лейтенант Н.А. Клич, командир 14-го мехкорпуса генерал-майор С.И. Оборин и командующий 4-й армией генерал-майор А.А. Коробков.

4-й стрелковый корпус 3-й армии Западного фронта, которым командовал генерал-майор Е.А. Егоров, участвуя в приграничном сражении, прикрывал фас Белостокского выступа и район Гродно. Уже на третий день войны связь корпуса со штабом 3-й армии и 56-й стрелковой дивизией была потеряна. «К исходу 28 июня в распоряжении командира корпуса генерал-майора Е.А. Егорова оставалось чуть больше полка, — говорится в книге «Комкоры». — Присоединив к ним отходящие части 85-й стрелковой дивизии, он отдал приказ остаткам корпуса занять оборону в районе местечка Деречин и после непродолжительных боев — отходить на восток к реке Щара. При отходе колонна штаба корпуса попала под огонь противника, Е.А. Егоров был ранен и 29 июня 1941 г. попал в плен».

ЕГОРОВ Евгений Арсентьевич (10 марта 1891 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в Киеве в семье рабочего. После окончания четырехклассной городской школы работал столяром на паркетной фабрике. В ноябре 1912 года призван в Русскую армию. Принимал участие в Первой мировой войне. Службу закончил в чине старшего унтер-офицера в декабре 1917-го.

В марте 1918 года вступил в Красную армию. Окончил 3-й Киевские пехотные курсы (1919), Высшую повторную школу старшего комсостава в г. Харьков (1924), Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1930).

В годы Гражданской войны бойцом отряда Муравьева сражался с германскими войсками и гайдамаками на Украине, с ноября — старшиной роты и командиром взвода 1-го Киевского пехотного полка боролся с вооруженными формированиями «Белого Ангела» в районах городов Нежин, Киев. После учебы на 3-х Киевских курсах снова проходил службу в 1-м киевском пехотном полку в должности командира роты. С июля 1919 года командиром батальона 8-го стрелкового полка бригады Красных коммунаров участвовал в боях на Восточном фронте против уральских белоказаков в районе г. Оренбург и в киргизских степях, с июля 1920 г. — на Южном фронте командиром взвода 8-го стрелкового полка 3-й стрелковой дивизии воевал с войсками генерала П.Н. Врангеля в районе г. Александровск и в Крыму. Был дважды ранен.

После войны Егоров командир взвода и помощник командира батальона в 8-м стрелковом полку 3-й стрелковой дивизии (г. Керчь). После

окончания Харьковской высшей повторной школы среднего состава командовал отдельным батальоном ЧОН в Донецкой губернии. С октября 1924 года — помощник командира полка по хозяйственной части и временно исполняющий должность командира 72-го стрелкового полка 24-й стрелковой дивизии. С мая 1929 года — командир 286-го стрелкового полка 96-й стрелковой дивизии (Украинского военного округа, Киевского военного округа). С мая 1935 года — помощник командира 100-й стрелковой дивизии в Киевском округе, с августа 1937 года — комендант Тираспольского укрепрайона. В июне 1938 года переведен на Дальний Восток на должность заместителя командующего Приморской группой войск ОКДВА. С июля того же года — заместитель командующего 1-й Краснознаменной армией Дальневосточного фронта. 14 августа 1938 года ему присвоено звание комдива. С сентября этого же года состоял в распоряжении Управления по комначсоставу РККА (был арестован и находился под следствием). С января 1939 года — помощник командира, а с августа — командир 10-го стрелкового корпуса Белорусского особого военного округа. В феврале 1940 года Егоров назначен командиром 4-го стрелкового корпуса.

На второй день войны 11-й механизированный корпус 3-й армии Западного фронта по распоряжению Генерального штаба принимает участие в контрударе с общим направлением на Белосток. А на четвертый день с большими потерями в живой силе и технике (в корпусе осталось около 60 танков и 20 броневедомостей) отступает в направлении Новогрудка. 28 июня оставшиеся части 11-го мехкорпуса совместно с частями 6-го кавкорпуса ведут бои в окружении в районе реки Щара. Заместитель командира 11-го мехкорпуса генерал-майор П.Г. Макаров при попытке выйти из окружения попадает в немецкий плен 8 июля, а командующий артиллерией 11-го мехкорпуса генерал-майор Н.М. Старостин — в начале августа, столкнувшись с большой группой немецких солдат.

К слову сказать, остатки 11-го мехкорпуса вышли из окружения 14 июля 1941 года возле станции Рабкор, что в 80 километрах от Бобруйска. И если генерал Макаров оказался в плену раньше этой даты и просто не дошел до заветной станции, то генерал Старостин, как начальник артиллерии, задержался в окружении по уважительной причине. Ему пришлось руководить закапыванием всех оставшихся орудий артиллерии корпуса, к которым уже не было снарядов.

МАКАРОВ Петр Григорьевич (29 июня 1898 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в селе Кудияровка Тульской губернии в крестьянской

семье. После окончания церковноприходской школы работал батраком и чернорабочим. В феврале 1917 года призван в Русскую армию, рядовой. В октябре 1918 года вступил в Красную армию. В 1919–1922 годах принимал участие в Гражданской войне. В 1919 году он стал командиром взвода 11-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии и принимал участие в сражениях с Добровольческой армией генерала Деникина. В 1920 году Макаров стал командиром эскадрона той же дивизии, участвовал в сражениях против войск Врангеля. В 1921–1922 годах он уже командир 13-го кавалерийского полка 1-й кавалерийской бригады 1-й Конной армии, действовавшей против махновцев.

После Гражданской войны до 1931 года Макаров командовал кавалерийскими подразделениями и частями. В 1931–1937 годах проходил службу в должности начальника штаба кавалерийского полка, до 1938 года — командиром полка, до 1939-го — помощником командира 6-й кавалерийской дивизии Белорусского особого военного округа. 5 января 1937 года ему было присвоено звание полковника, 31 октября 1938 года — комбрига. В 1939 году Макарова назначили командиром этой дивизии. 9 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. В марте 1941 года Макаров был назначен заместителем командира 11-го механизированного корпуса. Награжден орденом Красного Знамени (1930).

СТАРОСТИН Николай Михайлович (1901 год). Русский. Генерал-майор артиллерии (1940). Родился в деревне Каменка Смоленской губернии. После окончания сельской школы в течение восьми лет работал в Санкт-Петербурге учеником продавца и продавцом.

6 июня 1919 года он вступил в Красную армию. В 1919–1920 годах принимал участие в Гражданской войне на Западном фронте в должности командира взвода. В марте 1921 года участвовал в подавлении Кронштадтского восстания. После войны Старостин в течение двух лет командовал ротой. В 1925 году он окончил артиллерийское отделение объединенной военной школы. В 1925–1932 годах командовал батареей и дивизионом. Затем в течение пяти лет занимал должность начальника штаба артиллерийского полка, в 1937—1939 годах — командовал полком. В 1939 году Старостина назначили начальником артиллерии 49-й стрелковой дивизии 3-й армии Белорусского Особого военного округа, а 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. В марте 1941 года Старостина назначают начальником артиллерии 11-го механизированного корпуса. Награжден орденом Красной Звезды (1938).

113-я стрелковая дивизия начало войны встретила в составе 5-го стрелкового корпуса 10-й армии Западного фронта. 23 июня в боевом распоряжении командующего войсками фронта генерала Павлова командующему войсками 10-й армии говорилось: «Найти, где 49-я и 113-я стрелковые дивизии, и вывести». То есть и на второй день войны связи с дивизией, которой командовал генерал Алавердов, не было. Предположительно 113-я дивизия уже на второй день войны находилась в окружении и в течение последующих нескольких дней погибла на поле брани у поселка Семятичи. Сам командир соединения генерал Х.Н. Алавердов был взят в плен 1 июля 1941 года, при попытке выйти из окружения.

29-я моторизованная дивизия 23 июня 1941 года развернулась на фронте Кузница — Сокулка для прикрытия левого фланга своего 6-го механизированного корпуса 10-й армии. 25 июня она своим правофланговым 128-м мотострелковым полком в районе Кузницы вступила в бой с подошедшей 162-й пехотной дивизией противника. Не выдержав атаки пехоты противника, усиленной артиллерией, полк отступил на линию Номики — Заспиче. В дальнейшем 29-я дивизия прикрывала находящиеся в тылу части 27-й стрелковой дивизии и сосредоточение за ее левым флангом 6-й кавалерийской дивизии 6-го кавалерийского корпуса. И если еще днем 26 июня 29-я дивизия продолжала удерживать свои позиции, то к концу дня была оттеснена противником. В июле она попала в окружение в районе Гродно — Белосток — Минск. Например, вот что вспоминал инструктор пропаганды 106-го полка 29-й мотодивизии В.Е. Фролов о событиях, произошедших 29 июня 1941 года: «...В районе местечка Деречин — прорыв с боем. Тут была настоящая мясорубка. Помимо нас, тут собралось разных частей около 15 тысяч человек. Всю ночь, окружив, нас расстреливали в упор, давили танками, и немногие в эту ночь остались в живых. Шли на восток, собирались снова и шли с надеждой прорваться к своим». 17 июля 1941 г. командир 29-й мотодивизии генерал И.П. Бикжанов, переодевшись в гражданскую одежду, с группой офицеров двинулся на восток. Но уже 25-го числа у деревни Заболотье, под Бобруйском, был взят немцами в плен. Свои документы и форму он предусмотрительно зарыл в земле.

Когда в конце июня танковые группы противника отрезали пути

отхода двум армиям Западного фронта, отходившим от Гродно и Белостока, войска этих армий, а также части 6-го кавалерийского корпуса 10-й армии, были окружены в районе Налибокской пущи. Те, кто не погиб, мелкими группами выходили из кольца через Неман и Березину в Полесье. Командир 6-го кавкорпуса генерал И.С. Никитин, будучи тяжело раненным, практически в бессознательном состоянии был захвачен в плен.

4-я танковая дивизия 6-го мехкорпуса 10-й армии в течение всего дня 23 июня 1941 года, выполняя противоречивые приказания вышестоящего командования, совершала бесконечные марши... Утром 24 июня она наконец-то перешла в наступление, но в результате тяжелого боя была остановлена на подступах к Гродно. На следующий день 4-я дивизия уже отходила за Свислочь. Как пишет А.В. Исаев, «на контрударе под Гродно история 4 тд не закончилась. Она приняла активное участие в попытках прорыва из “белостокского котла”. 4 тд пыталась прорвать немецкую оборону на рубеже реки Зельвянки южнее Зельвы. Отчаянные и достаточно организованные атаки прорывавшихся из окружения под Белостоком советских войск заставили командование немецкой группы армий “Центр” на несколько дней задержать на рубеже ряд соединений 2-й танковой группы Г. Гудериана. 30 июня стало последним днем организованных попыток прорыва под Зельвой». Командир 4-й танковой дивизии генерал А.Г. Потатурчев был взят в плен в гражданской одежде в Бобруйске. Его выдал предатель, бывший вольнонаемный из тыла дивизии, предложивший на время укрыться и подлечиться в доме своего родственника.

13-я стрелковая дивизия 5-го стрелкового корпуса 10-й армии уже на второй день войны была вынуждена под давлением противника отступить. 24 июня она занимает оборону по реке Нарев, а 26 июня совершает отход в Супрасельскую пущу, где рассыпается на неорганизованные группы. Ее командир генерал А.З. Наумов попал в плен в июле 1941 года под Осиповичами, что находится в 136 километрах на юго-запад от Могилева.

36-я кавалерийская дивизия была поднята по тревоге ровно в 4 часа. Вскоре она выступила на соединение с 6-й кавалерийской дивизией с целью совместного отражения наступления противника на ломжевском направлении. Попав под удар немецкой авиации, соединение только к вечеру сосредоточилось юго-восточнее Белостока. Как сообщается в официальных источниках, «дивизия участвовала в приграничном сражении, во фронтовом контрударе на белостокском и гродненском направлениях. В этих боях она была разбита, и ее остатки вели бои в окружении». Что же касается командира дивизии генерала Зыбина, то 28 августа 1941 года в районе деревни Клетное Волковысского района в

Белоруссии он попал в плен...

АЛАВЕРДОВ (АЛАВЕРДЯН) Христофор Николаевич (25 мая 1895 года). Армянин. Генерал-майор (1940). Родился в селе Огбин (Армения) в Российской империи в крестьянской семье. В школе не учился, был самоучкой. В 1914 году был призван по мобилизации в армию и до 1917 года участвовал в Первой мировой войне, которую закончил в звании подпоручика. В феврале 1918 года добровольно вступил в Красную армию. Принимал участие в боевых действиях Красной армии против Каледина в 1918 году и немецких войск и войск гетмана Скоропадского в 1919 году. Был ранен в голову. В 1920–1921 годах он участвовал в боевых действиях против войск Колчака. С 1921 по 1924 год на Украине командовал кавалерийским полком 9-й кавалерийской дивизии, где сражался против махновцев и других банд.

В течение двух лет Алавердов учился в Киевской объединенной военной школе, а затем еще год воевал в Таджикистане против басмачей в должности начальника штаба кавалерийского полка. Следующие шесть лет проходил службу в той же должности в Московском и Закавказском военном округах.

В 1935 году Алавердов окончил Военную академию имени Фрунзе. Командовал кавалерийским полком на Кубани. В течение последующих двух лет учился в Военной академии Генерального штаба и еще три года преподавал в Военной академии имени Фрунзе. В феврале 1938 года ему было присвоено звание полковника, а в феврале 1940-го его назначили командиром 113-й стрелковой дивизии Белорусского особого военного округа. В марте 1940 года Алавердову было присвоено звание комбрига, а 4 июня 1940 года — генерал-майора. Алавердов в качестве командира дивизии принимал участие в советско-финской войне 1939–1940 годов в период с 11 февраля по 13 марта 1940 года. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1938, 1940) и орденом Трудового Красного Знамени (1940).

БИКЖАНОВ Ибрагим Паскаевич (17 ноября 1895 года). Татарин. Генерал-майор (1940). Родился в селе Болотцы Рязанской губернии. После окончания трех классов сельской школы работал в отцовском хозяйстве. В марте 1915 года призван в Русскую армию. Участник Первой мировой войны. Был ранен. Службу закончил в октябре 1917 года в звании старшего унтер-офицера.

В Красную армию вступил в ноябре 1918 года. Окончил учебную команду 42-го Сибирского стрелкового полка (1916), Московскую школу военных шоферов (1918), 2-е Московские советские кавалерийские

командные курсы (1920), кавалерийские курсы усовершенствования комсостава РККА в Новочеркасске, отдел старшего комсостава (1927).

В годы Гражданской войны проходил службу в должности командира взвода сначала в 1-м кавалерийском полку, а затем в автотоциклетной роте 9-й стрелковой дивизии. Воевал на Южном фронте против войск генерала Деникина. С августа 1919 года служил в запасном стрелковом полку в Рязани. После окончания 2-х Московских курсов был направлен в 1-ю конную армию, где получил назначение на должность командира эскадрона 1-й кавалерийской бригады 14-й кавалерийской дивизии. Из-за ранения после убития дивизии на фронт под Ростов-на-Дону был оставлен Таганроге в отдельной кавалерийской бригаде и назначен помощником командира полка. Затем воевал на Южном фронте против Врангеля. В марте 1921-го направлен на Туркестанский фронт, где командовал 1-м отдельным Бухарским кавалерийским полком. В марте — апреле 1922-го воевал против басмачей.

С января 1924 года Бикжанов командовал эскадронами в Ташкенте, а через три года в Ашхабаде проходил службу на должностях помощника начальника и начальника штаба 2-го Туркменского кавалерийского полка. В декабре 1929 года с должности начальника полковой школы переведен в Самарканд, где временно исполнял должность начальника штаба Отдельного узбекского кавалерийского полка. В апреле — июне 1931 года принимал участие в боях с басмачами. С октября 1933 года — командир 48-го Казахского кавалерийского полка (Алма-Ата), с ноября 1936 года — помощник командира 19-й кавалерийской дивизии в Самарканде. Спустя два года Бикжанов переведен в Ленинградский округ на должность командира 16-й кавалерийской дивизии. В июне 1940 года ему присваивают звание генерал-майора, а в июле назначают командиром 29-й моторизованной дивизии Западного особого военного округа. Награжден орденом Красного Знамени (1923), двумя орденами Красного полумесяца Бухарской республики и орденом Трудового Красного Знамени Узбекистана.

НИКИТИН Иван Семенович (22 октября 1897 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в поселке Дубровка Брянской губернии в семье служащего. После окончания начального училища работал служащим. В 1916 году был призван в Русскую армию, унтер-офицер. Принимал участие в Первой мировой войне. Окончил учебную команду (1917), Тверские советские курсы кавалерии (1919), Военную академию РККА им. Фрунзе (1927).

В Красную армию вступил в декабре 1918 года. Красноармейцем

Тверского отдельного эскадрона воевал против войск генерала Юденича. После окончания Тверских курсов командовал взводом и эскадронами в 22-м отдельном кавалерийском дивизионе 22-й стрелковой дивизии. Воевал против войск Деникина на Дону, а в 1920-м — на Северном Кавказе. В 1920 году за взятие Майкопа был награжден почетным наградным оружием «Маузер». С апреля — командир 1-го кавалерийского полка 2-й кавалерийской бригады. Воевал против войск Врангеля и с повстанцами в Донбассе. В феврале 1921-го назначен помощником командира полка 1-й кавалерийской отдельной Кубанской бригады. В апреле — командиром полка в составе 39-й стрелковой бригады. В ноябре — командир 82-го кавалерийского полка 14-й кавалерийской дивизии. В июле 1922-го — командир 79-го кавалерийского полка.

После окончания Академии имени Фрунзе, в сентябре 1927 года, Никитин был назначен преподавателем Кавалерийских курсов усовершенствования командного состава. С сентября 1928 года — начальник штаба 9-й Крымской кавалерийской дивизии. С 1930-го, в течение двух лет, проходил службу в Украинской кавалерийской школе, а затем был назначен командиром и военкомом 5-й кавалерийской дивизии. С марта 1936-го был военным советником в армии Монголии. В сентябре следующего года назначен преподавателем тактики Военной академии РККА имени Фрунзе. С сентября 1939-го — помощник по оперативному отделу армейского инспектора Белорусского особого военного округа, а с февраля 1940-го — помощник командующего войсками этого округа по военно-учебным заведениям. В марте назначен командиром 6-го кавалерийского корпуса. 4 июня ему присвоено звание генерал-майора. Награжден двумя орденами Красной Звезды (1938, 1941).

ПОТАТУРЧЕВ Андрей Герасимович (2 ноября 1898 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1940). Родился в селе Князищево Лихвинского уезда Калужской губернии в семье крестьянина. Работал на шахте. В Русской армии с февраля по октябрь 1917 года, рядовой.

В феврале 1918 года вступил в ряды Красной армии. Окончил 1-е Петроградские артиллерийские курсы (1919), повторную школу зенитной артиллерии РККА в Ленинграде (1924), курсы усовершенствования при Школе механической тяги ЛВО (1926), Военную академию механизации и моторизации РККА им. Сталина (1935).

В годы Гражданской войны служил в партизанском отряде, а после окончания 1-х Петроградских артиллерийских курсов воевал в должностях командира связи и помощника командира батареи в составе 45-й стрелковой дивизии против войск генерала Деникина на Правобережье

Днепра, в Одесской операции. В мае 1920-го он назначен начальником связи конно-горной батареи, а затем помощником командира батареи в 8-й кавалерийской дивизии. Воевал с белополяками, петлюровцами и бандами Паляя. С октября — помощник командира и командир батареи 2-й кавалерийской дивизии.

После войны до весны 1925-го продолжал служить в том же соединении, а затем был назначен начальником службы связи, наблюдения и разведки отдельной зенитной батареи в Севастополе. В октябре 1926 года получил назначение на должность помощника командира батареи 121-го артиллерийского полка. Через год назначен командиром батареи, а затем дивизиона 118-го артиллерийского полка. Следующие 5 лет Потатурчев учился: сначала в Военно-технической академии РККА, а затем в Военной академии механизации и моторизации Красной армии. Весной 1935-го он назначен командиром учебного батальона 5-й танковой бригады. В 1936 году ему присвоено звание майора. Летом 1937-го назначен на должность командира 1-й тяжелой танковой бригады в Смоленске. С июля следующего года исполнял должность начальника отдела автобронетанковых войск Белорусского особого военного округа. В 1938 году присвоено звание полковника. В мае следующего года — командир 21-й танковой бригады. В этой же должности участвовал в походе Красной армии в Западную Белоруссию. 4 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора танковых войск, и в том же месяце он вступает в командование 4-й танковой дивизией 3-го мехкорпуса Прибалтийского округа, а затем 6-го мехкорпуса Западного особого военного округа. Награжден орденом Красной Звезды.

НАУМОВ Андрей Зиновьевич (19 ноября 1891 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился 19 ноября 1891 года в деревне Чистопольские Выселки Казанской губернии в крестьянской семье. После окончания сельской школы работал столяром. В 1911 году был призван в Русскую армию. Принимал участие в Первой мировой войне на Северо-Западном фронте, был ранен. Старший унтер-офицер.

В апреле 1918 года вступил в Красную армию. В Гражданской войне воевал против войск Колчака.

После войны до 1926 года командовал ротой и батальоном. В 1926 году окончил командную пехотную школу в Москве, затем до 1931 года командовал различными стрелковыми подразделениями. В 1931–1932 годах проходил службу в должности заместителя командира полка. Затем окончил Высшие командные курсы «Выстрел» и до 1938 года командовал стрелковым полком. В 1938–1939 годах Наумов занимал должность

заместителя командира дивизии. 10 февраля 1939 года ему было присвоено звание комбрига, и в тот же день его назначили командиром 13-й стрелковой дивизии Белорусского особого военного округа. 4 июня 1940 года Наумову было присвоено звание генерал-майора.

ЗЫБИН Ефим Сергеевич (25 декабря 1894 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в деревне Васильевка Александровской волости Задонского уезда Воронежской губернии в крестьянской семье. После окончания сельской школы работал батраком. С 1915 года в Русской армии. Участник Первой мировой войны, рядовой лейб-гвардии Семеновского полка.

В Красной армии с сентября 1918 года. Окончил 4-е Орловские кавалерийские командные курсы (1919), Петроградскую кавалерийскую школу (1926), Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава РККА (1931).

В годы Гражданской войны в сентябре 1919-го оставлен на курсах командиром взвода и начальником хозяйственной команды. С мая по ноябрь 1921-го — командир кавалерийского дивизиона курсантов. В этой должности принимал участие в подавлении восстания Антонова. С декабря — комендант Управления вузов Орловского округа, а с марта 1922-го — начальник хозяйственной команды 4-х Орловских кавалерийских курсов. В 1922 году подвергся аресту Орловским губернским ЧК за должностные преступления. В январе 1923 года уволен в запас, но уже в сентябре откомандирован Орловским губернским военкоматом на учебу в Петроградскую кавалерийскую школу, где оставлен командиром взвода и курсовым командиром. С мая 1931-го — командир эскадрона, кавалерийского дивизиона Объединенной кавшкола им. 1-й конной армии, с апреля 1933 года — начальник и политрук полковой школы 61-го кавполка 1-й особой кавбригады им. И.В. Сталина. В мае 1935 года назначен начальником полковой школы 118-го кавалерийского полка 30-й кавалерийской дивизии Ленинградского округа. С февраля 1937-го — помощник командира полка по материальному обеспечению. С июня — помощник начальника 1-го отделения Отдела по ремонту конского состава РККА. В мае 1938 года назначен командиром 62-го кавалерийского полка, а с октября — исполняющим должность помощника командира Особой Краснознаменной кавалерийской дивизии им. Сталина. В том же году был арестован органами НКВД по подозрению в антисоветском военном заговоре, но вскоре был освобожден. С апреля 1939-го — командир 36-й кавалерийской дивизии, входившей в состав 3-го, затем 6-го кавалерийских корпусов Белорусского округа. 4 июня 1940 года присвоено

звание генерал-майора.

С 28 июня 1941 года части 172-й стрелковой дивизии сосредотачивались в районе Могилева. Вместе с горожанами они создавали полевые сооружения, окопы и ходы сообщения. Командир дивизии генерал Романов прибыл на место со своим штабом к 31 июня. Соединение заняло оборону по западному берегу Днепра. Его подчинили 61-му стрелковому корпусу в составе отходящей 13-й армии Западного фронта. А 5 июля передовые отряды 172-й дивизии встретили противника...

В течение трех недель 172 сд вместе с другими соединениями 13-й армии обороняла город Могилев, сковав тем самым не менее 4 немецких дивизий. Только за один день 388-й полк 172-й дивизии подбил 39 танков. Свидетельствуя об этом, писатель К. Симонов без всякого пафоса напишет: «Я не был солдатом, был всего-навсего корреспондентом, но я видел, что такое военная “мясорубка”, как она перемалывала наших бойцов. И как они, преодолевая страх, становились победителями там, где это, казалось, было просто невозможно по всем законам логики. Мне никогда не забыть поле под Могилевом, которое в июле 1941 года в самом прямом смысле было пропитано кровью наших солдат. И в то же время там впервые я воочию увидел триумф солдатского мужества — 39 сгоревших немецких танков!»

К слову сказать, частям соединения генерала Романова противостояли целых две дивизии 24-го танкового корпуса танковой группы Гудериана. Однако длительная оборона могилевского рубежа (с 5 по 25 июля 1941 года), несмотря на значительное превосходство противника, не позволила ему оккупировать занятую территорию, что дало возможность большому количеству наших войск в составе соединений, частей, подразделений мелкими группами и в одиночку выйти из окружения, соединившись со своими частями.

Бывший заместитель начальника штаба 13-й армии С.П. Иванов в своих мемуарах так охарактеризует комдива 172-й: «Генерал М.Т. Романов показал себя хорошим организатором боя, он умело и твердо руководил частями, мужественно и храбро вел себя в смертельно опасных ситуациях». Михаил Тимофеевич Романов, как командир 172-й стрелковой дивизии, насмерть стоявшей на днепровском рубеже, действительно заслужил самое великое уважение и признательность на вечные времена.

В ночь на 26 июля он собрал всех командиров на совещание. Это

произошло, когда дальнейшая оборона днепровского рубежа на ограниченном участке уже не имела никакого оперативного значения, а части дивизии были отрезаны от остальных сил корпуса. На нем комдив отдал следующий приказ: «27 июля с наступлением темноты всем частям и штабам оставить гор. Могилев и начать пробиваться из окружения: а) частям, действующим на левом берегу р. Днепр, под общим командованием командира 747-го стрелкового полка Щеглова прорываться в северном направлении, пункты прорыва на местности назначить командиру полка. По прорыву кольца окружения повернуть на восток в направлении лесов, что восточнее Могилева, и двигаться до соединения со своими частями; б) частям, обороняющимся на правом берегу р. Днепр, под общим командованием командира 388-го стрелкового полка Кутепова прорываться из окружения в юго-западном направлении вдоль Бобруйского шоссе на кирпичный завод и далее в лес в районе д. Дашковка, в тыл врага. В дальнейшем, следуя в южном направлении, вдоль р. Днепр, переправиться на его левый берег и после этого двигаться в восточном направлении до соединения со своими частями; в) группе управления дивизии, штабу дивизии, дивизионным частям (батальон связи, саперный батальон и др.) двигаться за 388-м стрелковым полком во втором эшелоне».

Генерал Романов был взят в плен 21 сентября 1941 г., а 24 сентября будет подписан приказ о его назначении на должность начальника штаба армии...

РОМАНОВ Михаил Тимофеевич (3 ноября 1891 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в Нижнем Новгороде в семье цехового ремесленника. В 15 лет остался без отца. С отличием окончил городское училище. Для того чтобы содержать семью (мать и сестру), стал работать ремесленником-надомником по пошивке фуражек для торговцев Сорокиных. В 1915 году был призван в Русскую армию. Окончил Чистопольскую школу прапорщиков. Командовал ротой в составе 72-го полка в Ржеве, поручик.

В Красной армии с 1918 года. Окончил пехотную командирскую школу. Был назначен начальником полковой школы. Воевал на Восточном фронте, принимал участие в боях с колчаковцами. Участвовал в боевых действиях в Туркестане. Помощником командира полка участвовал в ряде операций, был ранен в голову. После выздоровления за проявленные в боях с басмачами незаурядные командирские способности и доблесть назначен командиром 11-го полка.

После Гражданской войны Романов командовал 50-м стрелковым полком 17-й дивизии в Нижнем Новгороде, а потом 18-м полком в г. Ливны.

В 1939 году его назначили командиром 185-й дивизии. В 1940 году получил звание генерал-майора, а после окончания шестимесячных курсов усовершенствования командного состава при Академии Генерального штаба получил назначение на должность командира 172-й стрелковой дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года награжден орденом Красного Знамени.

27 июня 1941 года части 21-го стрелкового корпуса были вынуждены оставить Лиду. А ведь еще днем раньше силами двух дивизий в полосе до 100 километров он перешел в наступление и даже продвинулся вперед. Однако к концу дня противник контратаковал корпус и начал теснить его к Лиде и в район восточнее города. Неудача объяснялась просто: тыловые части, как корпуса, так и соединений, еще не прибыли на место. Поэтому не было боеприпасов, горючего, средств связи и транспорта. Более того, не подоспела и корпусная артиллерия. Фланги 21-го корпуса были обнажены. Все последующие дни части корпуса без боеприпасов выходили из окружения севернее Минска. При попытке прорыва частей корпуса из кольца 30 июня 1941 года погиб его командир генерал-майор Б.В. Борисов. Как сообщается в книге «Комкоры», после гибели комкора «корпус, возглавляемый начальником штаба генерал-майором Д.Е. Закутным, сумел вырваться из окружения. Затем, после восстановления, 21-й стрелковый корпус был подчинен 21-й армии, которая в составе Западного, затем Центрального фронтов вела боевые действия на гомельском направлении. Приказом Военного совета армии от 21 июля 1941 года Д.Е. Закутный был утвержден в должности командира корпуса».

Совершенно новый корпус, объединивший в своем составе свои тыловые части, свою артиллерию и другие соединения, выдвинулся на передовую в полосе северо-западнее Пропойска до Бохани. 23 июля 1941 года он принял участие в наступлении в направлении на Быхов и Бобруйск. Но уже через два дня в районе сел Большие и Малые Зимницы Гомельской области снова попал в окружение и был разбит. Генерал-майор Закутный, оказавшись отрезанным от своих, был взят в плен.

ЗАКУТНЫЙ Дмитрий Ефимович (7 ноября 1897 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился на хуторе Калмыцкий станицы Великокняжеская Области Всевеликого войска Донского в крестьянской семье. В 1911 году окончил сельскую школу. В 1914-м экстерном сдал экзамен за 5 классов реального училища.

В Красной армии с марта 1918 года. Окончил курсы усовершенствования при Разведывательном управлении РККА (1924), Военную академию РККА им. Фрунзе (1931), Академию Генштаба РККА (1938).

В годы Гражданской войны с марта 1918-го — член ревкома и председатель военного отдела Зимовниковского революционного комитета, с мая — начальник штаба, затем рядовой Зимовник-Куберлеевского партизанского отряда, в составе которого участвовал в боях против казачьих отрядов генерала Краснова. С сентября — помощник командира 1-й отдельной Зимовниковской батареи 1-й Советской отдельной стрелковой бригады. С ноября — при штабной роте штаба Южного боевого участка Царицынского фронта. В феврале 1919-го — адъютант отдельного артиллерийского дивизиона 1-й Советской Донской рабоче-крестьянской дивизии, с апреля — адъютант 2-го отдельного артиллерийского дивизиона 37-й стрелковой дивизии, затем в той же должности — в 1-м легком артиллерийском дивизионе. С февраля 1920-го — адъютант 3-го артдивизиона 32-й стрелковой дивизии, с августа — в отдельном тяжелом артиллерийском дивизионе. Принимал участие в боях против войск генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля.

После войны Закутный проходил службу в Северо-Кавказском военном округе: с мая 1921-го — исполняющий должность порученца в инспекции артиллерии 2-го Кавказского корпуса, с августа — помощник адъютанта 120-го, затем 9-го Кавказского и 18-го Кавказского стрелковых полков. С марта 1922-го — командир взвода конной разведки 248-го стрелкового полка, с июня — помощник начальника штаба 83-го стрелкового полка, с июля — помощник начальника пулеметной команды. В октябре 1922 года его переводят в штаб 9-го стрелкового корпуса на должность помощника начальника оперативной части штаба корпуса. По окончании курсов при Разведуправлении проходил службу заведующим разведывательным отделом штаба корпуса. С января 1925-го — помощник начальника разведывательного отдела штаба СКВО. В мае 1931 года, по окончании Академии им. Фрунзе, был назначен начальником 1-й части штаба 14-го стрелкового корпуса. С марта 1932 года в Штабе РККА, а с сентября 1935-го в Генштабе РККА: помощник начальника и заместитель начальника 1-го сектора оперативного отдела, с января 1935 года — начальник 1-го отделения оперативного отдела. В августе 1938 года, по окончании Академии Генштаба, назначен ассистентом кафедры службы штабов Военной академии РККА им. Фрунзе. С августа 1939-го — начальник штаба Горьковского стрелкового корпуса, затем 21-го стрелкового корпуса Западного особого военного округа. Звание генерал-майора присвоено 5 июня 1940 года (полковник — 29 ноября 1935 года, комбриг — 4 ноября 1939 года).

Профессора Военной академии Генерального штаба, доктора военных наук, генерал-лейтенанта инженерных войск Д.М. Карбышева начало войны застало в штабе 3-й армии Западного особого военного округа, в Гродно. Находясь в командировке на западной границе СССР, он должен был инспектировать качество возведения укреплений. Через два дня он уже в штабе 10-й армии, а 27 июня вместе с ним попал в окружение. При попытке выйти из него с группой бойцов и командиров в районе деревни Добрейка Могилевской области генерал Карбышев был тяжело контужен и в бессознательном состоянии попал в плен. По одним данным, это произошло 8 августа 1941 года. По другим — 26 июля.

КАРБЫШЕВ Дмитрий Михайлович (14 (26) октября 1880 года). Русский. Генерал-лейтенант инженерных войск (1940).

Родился в городе Омске в семье военного чиновника. Из дворян. В 12 лет остался без отца. Старший брат Карбышева Владимир в 1887 году был исключен за участие в студенческом революционном движении из Казанского университета и арестован. В связи с этим Карбышев не был принят в Сибирский кадетский корпус для обучения за государственный счет. 6 сентября 1891 года он был зачислен в корпус «приходящим по плате». Несмотря на это, он блестяще закончил Сибирский кадетский корпус и в 1898 году был принят в Николаевское инженерное училище. В 1900 году, по окончании училища, направлен служить в 1-й Восточно-Сибирский саперный батальон начальником кабельного отделения телеграфной роты. В 1903 году произведен в поручики.

В ходе Русско-японской войны в составе батальона укреплял позиции, устанавливал средства связи, наводил мосты, вел разведку боем. Участвовал в сражении под Мукденом. Награжден орденами и медалями. Войну закончил в чине поручика.

В 1906 году по обвинению в агитации среди солдат ушел с военной службы в запас. Жил во Владивостоке, занимался чертежной работой. В 1907 году вернулся на военную службу, служил во Владивостоке во вновь сформированном крепостном саперном батальоне, где командовал ротой. Осенью 1908 года поступил в Николаевскую военно-инженерную академию в Санкт-Петербурге, которую окончил с отличием в 1911 году. По распределению штабс-капитан Карбышев был направлен в Брест-Литовск на должность командира минной роты. Там он принимал участие в

строительстве фортов Брестской крепости. В Первую мировую войну воевал в Карпатах в составе 8-й армии генерала А.А. Брусилова (Юго-Западный фронт). Был дивизионным инженером 78-й и 69-й пехотных дивизий, затем начальником инженерной службы 22-го финляндского стрелкового корпуса. В начале 1915 года участвовал в штурме крепости Перемышль. Был ранен в ногу. За храбрость и отвагу награжден орденом Св. Анны и произведен в подполковники. В 1916 году был участником знаменитого Брусиловского прорыва. В 1917 году — производитель работ по укреплению позиций на границе с Румынией.

В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В апреле 1918 года Карбышев назначается в Коллегию по обороне страны при Главном военно-техническом управлении РККА. В июле 1918 года — начальником отдельного инженерного управления Северо-Кавказского военного округа. Весной 1919 года — главным руководителем всех оборонительных работ Восточного фронта. Участвовал в строительстве Симбирского, Самарского, Саратовского, Челябинского, Златоустовского, Троицкого, Курганского укрепленных районов; обеспечивал форсирование рек Уфимки и Белой, начало наступления на Сибирь, проектировал оборонительные сооружения Уральска. С января 1920-го — начальник Управления военно-полевых строителей. Руководил работами по восстановлению железнодорожного моста через Иртыш в Омске, укреплял Забайкальский плацдарм. В 1920 году был назначен начальником инженеров 5-й армии Восточного фронта. С октября 1920-го — заместитель начальника инженеров Южного фронта, руководил строительством укреплений на Каховском плацдарме. В ноябре 1920 года руководил инженерным обеспечением штурма Чонгарских укреплений и Перекопа. В 1921–1923 годах — помощник, заместитель, а затем начальник инженеров вооруженных сил Украины и Крыма. В 1923–1926 годах — председатель Инженерного комитета Главного военно-инженерного управления РККА. С 1926 года — преподаватель в Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1929 году был назначен автором проекта «Линий Молотова и Сталина». В феврале 1934-го — начальник кафедры военно-инженерного дела Военной академии Генштаба. 5 декабря 1935 года присвоено звание дивинженер. С 1936-го — помощник начальника кафедры тактики высших соединений по инженерным войскам Военной академии Генерального штаба. В 1938 году окончил Военную академию Генерального штаба. 23 октября 1938 года утвержден в ученном звании профессора. В 1940 году ему присвоено звание генерал-лейтенанта инженерных войск. В 1941 году — ученая степень доктора военных наук.

Участник советско-финской войны 1939–1940 годов. В составе группы заместителя начальника Главного военно-инженерного управления по оборонительному строительству вырабатывал рекомендации войскам по инженерному обеспечению прорыва линии Маннергейма.

К слову сказать, Дмитрию Михайловичу Карбышеву принадлежит наиболее полное исследование и разработка вопросов применения разрушений и заграждений. Его вклад в научную разработку вопросов форсирования рек и других водных преград огромен. Он опубликовал более 100 научных трудов по военно-инженерному искусству и военной истории. Его статьи и пособия по вопросам теории инженерного обеспечения боя и операции, тактике инженерных войск были основными материалами по подготовке командиров Красной армии в предвоенные годы.

Награжден орденами Красной Звезды (1938) и Красного Знамени (1940).

Глава третья.

В УМАНСКОМ И КИЕВСКОМ КОТЛАХ

[\[1\]](#)

Неразбериха и хаос царили не только на Западном фронте, но и на других фронтах. Как подчеркивал Д.А. Волкогонов, «в первые дни и недели войны высшее и фронтовое руководство, ошеломленное непредвиденным развитием событий, вносило своими неадекватными обстановке действиями еще больше путаницы. Бесконечные перемещения, отсутствие гибкого взаимодействия, утрата управления соединениями и объединениями, незнание истинной обстановки лишь усугубляли и без того крайне тяжелое положение войск». Подкрепляя это фактами, в своей книге он приводит воспоминания командира 8-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта Д.И. Рябышева, которые тот направил в Генштаб в специальной записке: «Только в 10.00 22-го мной был получен приказ командующего 26-й армией о сосредоточении корпуса западнее г. Самбор... Совершив 80-километровый марш к 23.00, войска корпуса сосредоточились в указанном районе. В 22.30 получен новый приказ: к 12.00 23-го корпус должен выдвинуться на 25 км восточнее Львова. Во второй половине дня корпус, переданный уже 6-й армии, получил указание выйти в р-н Яворов... Вышли. В 23.00 командующий Юго-Западным фронтом своим приказом поставил новую задачу: выйти в р-н Броды и с утра 26-го нанести удар по противнику в направлении Берестечко. А перед этим за полутора суток корпус совершил 300-километровый марш... В районе Броды 8-й механизированный корпус сосредоточился 25 июня. С утра перешли в наступление, достигнув частичного успеха, но в целом корпус задачу не выполнил. Горючего не было. В воздухе — только немецкая авиация. В 4.00 27-го получили новый приказ: корпус отводился в резерв фронта. Начали отвод. В 6.40 — новый приказ: нанести удар по противнику в направлении Броды — Дубно. Но войска уже начали отход. В 10.00 на КП корпуса прибыл член Военного совета Юго-Западного фронта корпусной комиссар Н.Н. Ватутин, который, угрожая мне расстрелом, требовал выполнения приказа... Позже было установлено, что намечаемое ранее штабом фронта наступление было отменено... Лишь 2 июля, занимая оборону в составе двух дивизий, узнали, что приказ о наступлении давно отменен... Выходили из окружения по частям. По приказу командующего фронтом отошли в район Проскуров. Послали донесение в штаб фронта в Житомир, но город был уже взят противником...»

В ходе сражения под Луцком — Ровно — Бродами были разбиты части

4-го, 15-го и 16-го, а также 9-го, 19-го и 22-го механизированных корпусов Красной армии из состава Юго-Западного фронта. А ведь на Юго-Западном направлении находилась самая мощная группировка советских войск, так как главный удар противника высшим военным руководством СССР ожидался на Киев.

Юго-Западный фронт, образованный на базе Киевского особого военного округа 22 июня 1941 года, включал в себя войска четырех армий: 5-й, 6-й, 12-й и 26-й. И здесь, как, впрочем, и на других фронтах, не было завершено сосредоточение и развертывание. Например, в непосредственной близости от границ находилось 9 дивизий, а 6 располагались в 50–100-км полосе. Кроме того прибывали войска 16-й и 19-й армий, из состава которых к 22 июня сосредоточилось только 10 дивизий.

К слову сказать, даже не будучи полностью укомплектованными, советские войска значительно превосходили группировку противника, что ничуть не помешало пехоте вермахта за первые 20 дней пройти от границы более 200 километров. Уже 9 июля немецкие войска заняли город Житомир и стремительно продвигались вдоль Житомирского шоссе на столицу Украины — город Киев.

Но вернемся в первый день войны. Как фиксирует в своем труде В.А. Анфилов, «главный удар группа армий “Юг” под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта наносила в направлении Соколь, Дубно. В отличие от других групп армий, при прорыве пограничных укреплений в первом эшелоне наступили пехотные соединения.

Генерал Клейст начал вводить в сражение танковые соединения около 10 часов утра, после того как пехота форсировала Западный Буг. Танковые дивизии, поддерживаемые бомбовыми ударами авиации, сломив сопротивление выдвигавшихся им навстречу наших стрелковых частей, устремились вперед. Как только об этом стало известно в штабе фронта, генерал Кирпонос приказал немедленно командующему 6-й армии генерал-лейтенанту И.Н. Музыченко нанести частями 4-го механизированного корпуса контрудар и совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса, выделенным для ликвидации авиадесанта противника в Радзехове, уничтожить противника...

С целью подрыва узлов и линий связи, захвата мостов, аэродромов и других объектов, а также деморализации наших войск и дезорганизации тыла, противник на всех фронтах широко использовал с первых же часов войны парашютные и посадочные десанты численностью от 4–6 до 200–400 человек с мотоциклами, велосипедами, легким оружием и

радиостанциями для связи и передачи разведывательных данных. Свыше десяти десантов было выброшено и посажено 22 июня только в полосе Юго-Западного фронта. Наиболее крупные из них были в районах Дубно, Ковеля, аэродрома Черновцы, северо-восточнее города Стрый.

В этой связи нельзя не указать на неправильное использование многочисленных танковых войск на Юго-Западном фронте в первый день войны. Вместо того, чтобы ликвидировать десанты силами пехоты, на уничтожение бросали танковые подразделения 22, 15 и 8-го мехкорпусов, а в некоторых случаях даже бомбардировочную и истребительную авиацию».

Печален и вывод доктора исторических наук: «Юго-Западный фронт имел достаточные силы сухопутных войск не только для того, чтобы восстановить положение, но и перенести боевые действия на вражескую территорию». И тем не менее этого не произошло...

В книге «Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь» можно найти данные и по Киевской стратегической оборонительной операции (7 июля — 26 сентября 1941 г.): «Проводилась войсками Юго-Западного фронта (командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос) и частью сил Пинской военной флотилии (контр-адмирал Д.Д. Рогачев). В ходе боевых действий дополнительно были введены 21-я армия Центрального фронта, 6-я и 12-я армии Южного фронта, 37,38 и 40-я армии, вновь созданные в составе Юго-Западного фронта, — всего двадцать восемь дивизий и четыре бригады. В рамках данной операции проведены: Коростеньская фронтовая оборонительная операция, оборонительная операция на подступах к Киеву, Уманская и Киевско-Прилукская фронтовые оборонительные операции.

Продолжительность — 82 суток. Ширина фронта боевых действий — 300 км. Глубина отхода советских войск — 600 км».

Говорится там и о составе войск противоборствующих сторон: «Основные силы немецко-фашистских войск, наступавшие на Киев, были из состава группы армий “Юг” (командующий генерал-фельдмаршал Г. Рунштедт), это 1-я танковая группа (командующий генерал Э. Клейст), 6-я и 17-я армии. Всего почти полностью укомплектованных 40 дивизий, в числе которых 10 танковых и моторизованных.

С советской стороны оборонялись войска Юго-Западного фронта в составе: 5-й (командующий генерал-майор танковых войск М.И. Потапов), 6-й (командующий генерал-лейтенант И.Н. Музыченко), 12-й (командующий генерал-майор П.Г. Понеделин) и 26-й (командующий генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко) армий, которые в общей сложности имели 44 сильно ослабленные в боях дивизии. По своему составу

противник превосходил советские войска в пехоте, артиллерии более чем в два раза, в самолетах — в 1,5 раза».

О самом ходе операции авторская группа Генерального штаба и Военно-мемориального центра ВС РФ рассказывает предельно лаконично: «По распоряжению Ставки ВГК наши войска 30 июня начали отход из Западной Украины к старой границе, где они должны были занять Коростеньский, Новоград-Волынский, Шепетовский, Староконстантиновский и Проскуровский укрепрайоны и организовать крепкую оборону.

7–8 июля танковые соединения противника прорвали оборону советских войск южнее Новоград-Волынского, захватили Бердичев, Житомир и 11 июля вышли к реке Ирпень (15–20 км западнее Киева). Здесь танки и мотопехота противника были остановлены советскими войсками на внешнем обводе Киевского укрепрайона. Попытка немцев захватить Киев с ходу не удалась. Тогда командование группы армий “Юг” решило повернуть большую часть войск 1-й танковой группы Клейста и 6-й полевой армии на Кировоград — в обход основной группировки войск Юго-Западного и Южного фронтов.

Советские войска оказывали упорное сопротивление. На северном участке фронта 5-я армия генерала М.И. Потапова, опираясь на Коростеньский укрепрайон, не только успешно отражала атаки дивизии 6-й немецкой армии, но сама наносила чувствительные контрудары, угрожая тылу 1-й танковой группы немцев.

Более месяца 5-я армия успешно противостояла противнику и только по приказу командования фронта оставила свои позиции.

Гораздо хуже складывалась обстановка в полосе наших 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта. Личный состав обеих армий участвовал в боях с начала войны и был крайне утомлен. Соединения и части несли большие потери, не хватало боеприпасов.

18 июля, опасаясь окружения, Ставка ВГК распорядилась их отвести. Выполняя решение об отходе на новые позиции, дивизии 6-й и 12-й армий начали продвигаться на восток, но большинство их тылов были отрезаны соединениями танковой группы Клейста. Вскоре положение войск 6-й и 12-й армий стало критическим.

24 июля по просьбе генерал-полковника М.П. Кирпоноса 6-я и 12-я армии были переданы в состав Южного фронта (командующий — генерал армии И.В. Тюленев).

26 июля прекратила свои атаки и 26-я армия, понесшая в предыдущих боях тяжелые потери.

2 августа немецкие клещи сомкнулись в районе Добрянки, в результате чего полностью замкнулось кольцо вокруг 6-й и 12-й армий. Советские части совершали отчаянные попытки прорваться на восток, но сделать это удалось немногим. В общей сложности из окружения вышло лишь 11 тыс. человек. Бои в котле под Уманью продолжались до 8–11 августа. <...>

К концу августа 1941 г. фронт временно стабилизировался на линии Днепра. Немецкому командованию не удалось с ходу ворваться в Киев. Огромную роль в обороне города сыграли сами киевляне. Свыше 200 тыс. горожан добровольно вступили в Красную армию, еще 160 тыс. ежедневно работали на строительстве оборонительных рубежей.

31 августа немецкой 17-й армии удалось захватить небольшой плацдарм на левом берегу Днепра в районе Кременчуга (в 260 км юго-восточнее Киева). В начале сентября туда была переброшена вся немецкая 1-я танковая группа. В те же дни к северо-востоку от Киева противник занял два плацдарма на южном берегу Десны. Сложилась критическая обстановка, грозящая возможностью окружения всей группировки советских войск в районе Киева. Предвидя катастрофу, начальник генштаба РККА маршал Б.М. Шапошников и его заместитель А.М. Василевский предложили Сталину оставить Киев и отвести оборонявшие его войска на восточный берег Днепра, но Сталин делать это запретил.

14–15 сентября передовые части 1-й и 2-й танковых групп (Клейста и Гудериана) достигли городов Лубны и Лоховица, где соединились, замкнув кольцо вокруг 5-й, 26-й и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта. Это было крупнейшее с начала Великой Отечественной войны окружение советских войск.

Во вражеском кольце оказалось 452,7 тыс. человек. 20 сентября в бою недалеко от Лохвицы, при попытке прорваться из кольца, погибло, почти в полном составе, управление Юго-Западного фронта, в том числе генерал-полковник М.П. Кир-понос. <...>

Бои в котле продолжались до 26 сентября, а группы бойцов и командиров продолжали выходить из окружения до 2 октября».

С первых дней войны 6-я армия Юго-Западного фронта вела оборонительные бои в приграничном сражении северо-запада Львова. «Три стрелковые и одна кавалерийская дивизии девять суток отражали натиск 17-й полевой армии вермахта у государственной границы, — напишет В.И. Афанасенко в очерке о генерале Музыченко. — 1-я танковая группа барона Эвальда Клейста уже в первый день войны вбила клин на стыке с правым соседом, прорвалась на восток. 7 июля немецкие танки ворвались в Бердичев, за который неделю шли жестокие бои. В середине июля бронированные полчища Клейста повернули на юг, в тылы наших 6-й и 12-й армий. С 15 июля соединения двух армий сражались в условиях полуокружения, глубоко обойденные с обоих флангов. Отступая, обескровленные дивизии создали круговую оборону, в центре которой располагались органы управления и войсковые тылы, а также — десятки госпиталей и санитарных поездов с ранеными. Командующим 12-й армией был Павел Григорьевич Понеделин, в свое время обучавший Музыченко на Высших курсах усовершенствования комсостава.

В ежедневных боях произошло распределение усилий двух армий. Войска Понеделина, составляя ударную группу, в дневное время наступали на восток, вдоль линии железной дороги Калиновка — Христиновка — Умань, оттесняя на десять — двенадцать километров танковые дивизии Клейста. Войска Музыченко днем вели арьергардные бои, сдерживая наседающего врага с севера, запада и юга, а ночью отходили на восток ровно настолько, насколько удавалось продвинуться ударной группе. Таким образом, не допускалось сужение территории, занимаемой окруженными войсками».

25 июля и 6-ю и 12-ю армии передали Южному фронту. На этот момент в армии генерала Музыченко были только три поредевших корпуса: два стрелковых и один механизированный. А ведь еще недавно их было целых пять: два стрелковых, два механизированных и один кавалерийский.

С 1 по 5 августа, когда дивизии танковой группы генерала Клейста вышли к Новоархангельскому, где соединились с 17-й полевой армией вермахта, вокруг лесного массива Зеленая Брама все, что осталось от двух армий, сковывали двадцать две дивизии противника, оттянув время для укрепления обороны по рубежу Днепра.

Тылы армии были выведены четырьмя колоннами еще 27–28 июля в

Днепропетровск. Но только в ночь на 6 августа окруженные под Уманью тремя колоннами двинулись на прорыв, на юг...

Начальник разведотдела 6-й армии подполковник В. Новобранец свидетельствует: «Генерал Понеделин решение на прорыв принял в ночь с 4 на 5 августа. Прорыв наметили в ночь с 5 на 6 августа. Решили прорываться без артподготовки. А впереди вместо танков пустить тракторы и тягачи. Я узнал об этом решении вечером 5 августа. Будучи уверен, что это решение приведет нас к катастрофе, я побежал к командующему 6-й армией генералу Музыченко.

— Товарищ командующий, — говорю, — решение прорыва на юг — неправильное. На этом направлении мы из окружения не выйдем и все погибнем. Смотрите сюда. Смотрите на карту. Вот, в направлении на Первомайск находится самая сильная группировка немцев. Здесь уже танковая армия Клейста. Если даже мы прорвемся к Первомайску, то окажемся еще дальше от своих, завязнем в тылу немецких и румынских армий, и танки Клейста здесь нас уничтожат. Это самоубийство! О чем вы думали, когда принимали такое решение?

Музыченко лежал на кровати. С каким-то безразличием ко всему он выслушал меня и неторопливо сказал:

— Мы выполняем директиву Ставки. Войска сосредотачиваются к месту прорыва... Если изменим решение, нужно делать новую перегруппировку... а немцы в это время перейдут в атаку и сомнут нас. Кроме того, товарищ подполковник, я уже не командующий. Командующий всей группой — генерал Понеделин».

6 августа 1941 года генерал И.Н. Музыченко был тяжело ранен в левую ногу и захвачен в плен.

Начальник Разведотдела армии подполковник Новобранец в своих воспоминаниях напишет, как покидал свой штаб накануне прорыва генерал-лейтенант: «В штабе 6-й армии после контратаки уже никого из начальства не осталось. Командующий армией генерал Музыченко сел в танк и уехал в неизвестном направлении. Исчезли и оба члена Военного совета Грищук и Попов. Уехал на танке начальник штаба армии комбриг Иванов и начальник Оперативного отдела полковник Меандров. В общем, штаба не существовало».

О том, что будет потом, командующий 6-й армией не забудет никогда: «Помнил туманное сырое утро 6 августа 1941-го. Семь танков — две “тридцатьчетверки” и пять “бетушек”, облепленные бойцами и командирами, а внутри танков — командование 6-й армии — он, генерал-лейтенант Музыченко, член Военного совета дивизионный комиссар

Попов, начальник штаба комбриг Иванов, командир 8-й танковой дивизии полковник Петр Фотченков, начальник штаба 10-й танковой дивизии подполковник Виктор Породенко... Танки с ходу форсировали речку Ятрань и ворвались в занятую немцами Емиловку. Немцы, очевидно, приняли колонну из семи танков за своих и спокойно получали завтрак у полевых кухонь. Емиловку прорвали без потерь, а вот дальше... За селом, на развилке дорог, пять танков повернули налево, на Новоселки, а “тридцатьчетверка” командующего и замыкающий БТ — направо, на Голованевск, где, по сведениям трехсуточной давности, дралась 96-я горнострелковая дивизия соседней, 18-й армии. Уже перед самым Голованевском по танкам градом ударили снаряды. Оглушенный генерал вылез через верхний люк и потерял сознание» (В.И. Афанасенко).

По воспоминанию В. Новобранца, начало прорыва из-за опоздания с перегруппировкой началось на полтора часа позже, в 2.30 6 августа. Вот что он пишет: «По сигналу красных ракет взрели тракторы и тягачи... и двинулись в атаку. Их было около сотни. Мужественные трактористы, подлинными героями, шли на верную гибель и первыми подставляли себя под огонь фашистов. Трактористы подняли такой треск, гул и лязг, что немцы перепугались мощного “танкового” удара и стали быстро отходить. Пехотные части без препятствий двинулись за тракторами и тягачами...

А что же танки? Неужели не было ни одного?

Были. Хотя и немного: в 6-й армии было пять танков командования. Это последние танки, вместо того чтобы принять участие в прорыве, в этот решающий момент увозили командование 6-й армии. Укатил в танке командующий генерал Музыченко, захватив моего помощника капитана Ободовского...»

МУЗЫЧЕНКО Иван Николаевич (10 сентября 1901 года). Русский. Генерал-лейтенант (1940). Родился в Ростове-на-Дону в семье матроса торгового флота. Окончил трехклассную школу и 2 класса Учительской семинарии. С 1913 года два года работал переплетчиком, затем два года грузчиком в Выборгском порту. Рядовым служил в Русской армии (1917).

В Красной армии с 1918 года. Окончил Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (1927).

В годы Гражданской войны в должности военкома снабжения бригады и комиссара кавалерийского полка (1921–1926) воевал против отрядов С.Н. Булак-Балаховича, А.С. Антонова, в Чечне и Дагестане (1918–1926). Пять раз был ранен: в голову, 3 раза в правую руку и 1 раз в спину.

После войны Музыченко командовал кавалерийским эскадром, был помощником командира кавалерийского полка по хозяйственной части. С

1932-го — командир и комиссар кавалерийского полка, с 1937-го — командир кавалерийской дивизии, с 1938-го — преподаватель на Кавалерийских курсах усовершенствования состава РККА. В звании комбрига участвовал в советско-финской войне. Командовал 4-й стрелковой дивизией. 21 марта 1940 года ему было присвоено звание комдива. 4 июня 1940 года стал генерал-лейтенантом. В июне назначен на должность командира 6-го стрелкового корпуса, а в июле 1940-го — командующим войсками 6-й армии Киевского особого военного округа. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1938, 1940).

10-я танковая дивизия вступила в свой первый бой 23 июня 1941 года. Это был бой после марша, в районе Радзехува и Бродов, сразу против двух пехотных дивизий вермахта. 26 июня эта дивизия под командованием генерала Огурцова участвовала в контрударе механизированных корпусов Юго-Западного фронта. Понесла потери, в дальнейшем она прикрывала отход войск фронта. Примечательно, что, дважды попадая в окружение (у Берди-чева и под Уманью), это соединение выходило из него...

Начальник разведотдела 6-й армии подполковник В. Новобранец о генерале Огурцове будет отзываться без всякого преувеличения только хорошо: «В 23.00 я со своей группой разведчиков прибыл на западную окраину Подвысокого к генералу Огурцову. Его части только что штыковой контратакой отбросили немцев и заняли позиции, утерянные днем. О генерале Огурцове я слышал много хороших отзывов еще раньше, первая моя встреча с ним подтвердила их.

Генерал Огурцов был человеком смелым, мужественным во всем значении этого слова. Солдаты его любили за простое и дружеское к ним отношение, за очень тонкое и умное понимание солдатских дум и настроений. В военном отношении Огурцов был высокообразованным человеком и талантливым командиром. Когда я доложил ему о решении командования, он схватился за голову:

— Что они делают? Я же говорил Музыченко, что нельзя рваться на юг. Мы только Тюленеву поможем отвести войска на восток, а сами погибнем. Где же это видано, чтобы две армии обеспечивали отход одной армии Тюленева?!»

В боевой характеристике на генерала Огурцова, подписанной командующим 6-й армией генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко, говорится: «10-я танковая дивизия с первых дней войны ведет упорные бои с противником, нанося ему большие потери. Дивизия для выполнения боевых задач перебрасывалась на самые ответственные и опасные участки и с задачами справлялась. Под руководством тов. Огурцова дивизия имеет

большие боевые подвиги. Сам лично тов. Огурцов проявлял на фронте мужество и бесстрашие».

О пленении генерала Огурцова в официальных источниках говорится следующее: «В начале августа армия была окружена противником в районе г. Умань. В ходе тяжелых боев часть войск прорвалась из окружения, остальные были захвачены в плен. Среди пленных был и командир дивизии генерал-майор С.Я. Огурцов».

ОГУРЦОВ Сергей Яковлевич (5 июля 1898 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1940). Родился в селе Рождество Дорогобужского уезда Смоленской губернии в семье рабочего. После окончания сельской школы работал наемным чернорабочим на мануфактурной фабрике «Эмиль-Циндель» в Москве. В феврале 1917-го призван в Русскую армию. Службу проходил до декабря, младший унтер офицер. Участник Первой мировой войны на Западном фронте.

15 августа 1918 года вступил в Красную армию. Окончил Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава РККА в г. Новочеркасске (1927), академические курсы технического усовершенствования комсостава при Военно-технической академии РККА в Ленинграде (1931).

В годы Гражданской войны проходил службу сначала отделенным командиром Особого кавалерийского полка, затем командиром взвода, помощником командира и командиром эскадрона. Участвовал в боях с войсками генерала Деникина под Воронежем. С июня 1920-го — командир взвода, а затем командир эскадрона 35-го Егорлыкского кавалерийского полка в составе 6-й кавалерийской дивизии 1-й конной армии. Воевал с белополяками на Юго-Западном фронте, участвовал в боях на львовском направлении. После окончания войны с Польшей вместе с дивизией убыл на Южный фронт. Командиром эскадрона 32-го Белоглинского кавалерийского полка сражался с врангелевскими войсками под Армавиром и в Крыму, участвовал в ликвидации вооруженных формирований Махно на Украине.

После войны Огурцов продолжал командовать эскадроном в том же полку, в составе войск Западного фронта. В октябре 1924-го переведен в 36-й Новоград-Волынский кавалерийский полк, где исполнял должности начальника полковой школы и командира эскадрона. После окончания курсов службу продолжил в том же полку и в тех же должностях. В 1931 году назначен командиром дивизиона 7-го механизированного полка 7-й кавалерийской дивизии в Минске. С ноября 1932-го командовал батальоном в 4-й механизированной бригаде в Бобруйске, с июня 1935-го — 24-м

механизированным полком 24-й кавалерийской дивизии в Лепеле. С февраля 1939-го — помощник командира по строевой части 24-й легкотанковой бригады в Новоград-Волынском. 16 февраля присвоено звание полковника. Участвовал в походе в Западную Украину. 7 января 1940-го назначен командиром 35-й танковой бригады Северо-Западного фронта, а в феврале — командиром 123-й стрелковой дивизии. Принимал участие в советско-финской войне. С апреля 1940 г. командовал 58-й стрелковой дивизией, а с июня — 10-й танковой дивизией. 5 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1928, 1940).

Войска 12-й армии под командованием генерала Понеделина с началом войны участвовали в приграничном сражении западнее города Станислав, вели ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами наступающего противника на винницком направлении. В книге «Комкоры» говорится: «На Юго-Западном фронте к 24 июня на ровенском направлении противник прорвал фронт обороны 5-й и 6-й армий и ввел для развития оперативного успеха свои подвижные войска (1-ю танковую группу и 6-ю армию), которые стали стремительно наступать в направлении Бердичев, Первомайск, в результате чего 8, 12, 18 и 9-я армия Южного фронта были окружены. В этих условиях П.Г. Понеделину ничего не оставалось делать как выводить войска армии из окружения в тяжелых условиях при превосходстве немецко-фашистских войск. 2 августа значительная часть армии была окружена и в течение пяти суток вела тяжелые бои. Отдельные группы сражались до 13 августа, прорываясь на восток».

Подполковник В. Новобранец свидетельствует: «В Умани мы продержались всего неделю. Под давлением немцев 2 августа отошли в район Подвысокое. Вернее будет сказать, немцы прижали нас к реке Синюха, восточнее и юго-восточнее Умани. Сюда же немцы совершенно неожиданно для нас отбросили с юга 12-ю армию генерала Понеделина. В этот же котел пробилась остаток некоторых других частей с юга и запада.

Всю эту массу разрозненных войск, примерно 45–50 тыс. человек, немцы окружили в районе Подвысокое — Покотилово — Копенковать — Новоархангельск — Тальное. Бои в полном окружении мы вели с начала августа.

Штаб 6-й армии размещался в Подвысоком, штаб 12-й — в Покотилове.

Свою последнюю разведывательную сводку я выпустил 3 августа. В ней устанавливалось, что против нас действует 17-я и 11-я немецкие армии и танковая армия Клейста (3, 14 и 48-й моторкорпуса). Это было почти вдвое больше того, что имелось в усталых остатках 6-й и 12-й армий.

Первое время обе армии, оказавшиеся в одном котле, не имели даже единого командования. Только 5 августа было создано общее командование — всей группой окруженных войск стал командовать командующий 12-й армией генерал-майор Понеделин.

На основании анализа сложившейся обстановки генерал Понеделин

решил прорываться на восток. Разведотделам обеих армий было приказано уточнить группировку немецких войск по обводу окружения и выявить наиболее слабые места в обороне противника.

Результаты разведки были неутешительные: везде было слишком большое превосходство противника. Все же в результате уточненных и проверенных данных мы заявили, что наиболее слабое место у немцев было в направлении на Новоархангельск. Переправа через речку Синюха в этом направлении была в наших руках. Был и соответствующий плацдарм на левом берегу для сосредоточения сил.

Прорываться нужно было на Новоархангельск.

Так думали разведотделы двух армий. Так подсказывал здравый смысл — через Новоархангельск мы находились ближе к своим главным силам, к “большой земле”.

Так думал и командующий генерал Понеделин. Но не так думали в Москве, в Кремле, в Ставке.

Москва подтвердила ранее отданную директиву прорываться на юг, на Первомайск. Понеделину ничего не оставалось делать, как принимать решение прорываться на Первомайск, несмотря на то, что Первомайск был уже давно занят противником.

В район Первомайска еще 3 августа вышли 17-я и 11-я немецкие армии, две румынские и танковая армия Клейста. Мы сами лезли в мешок окружения...»

При выходе из окружения генерал Понеделин был контужен и взят в плен.

ПОНЕДЕЛИН Павел Григорьевич (16 марта 1893 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Парниково ныне Юрьевоцкого района Ивановской области в крестьянской семье. В Русской армии с 1914 года. Окончил 4-ю Московскую школу прапорщиков (1916), прапорщик, участник Первой мировой войны, командир батальона на Западном фронте.

В Красной армии с 1918 года. Окончил Военную академию им. Фрунзе (1926).

В годы Гражданской войны командиром полка и командиром бригады воевал на Восточном, Южном и Западном фронтах против войск Колчака, Деникина и белополяков.

После войны командовал бригадой, полком и дивизией. С октября 1927-го — преподаватель Академии им. Фрунзе, с апреля 1933-го — командир и комиссар стрелковой дивизии. В феврале 1934-го назначен на должность начальника и военкома Ленинградского пехотного училища. В

1938 году присвоено звание комбрига. В советско-финскую войну командовал стрелковой дивизией. С июня 1940-го начальник штаба Ленинградского округа. В марте 1941 года назначен командующим 12-й армией Киевского округа. Награжден орденом Ленина (1940) и двумя орденами Красного Знамени (1922, 1923).

В начале войны 13-й стрелковый корпус 12-й армии Юго-Западного фронта под командованием генерала Кириллова участвовал в приграничном сражении западнее г. Станислав. «В ходе боевых действий, — сообщается в книге «Комкоры», — он проявил себя волевым, решительным командиром. Войска армии вели ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами наступающего противника на винницком направлении. В начале августа 1941 г. вследствие нанесения противником фланговых ударов и выхода его в район г. Первомайск части корпуса и значительная часть других соединений армии были окружены южнее г. Умань и в этих условиях в течение 5 суток вели тяжелые оборонительные бои. В ходе этих боев генерал-майор Н.К. Кириллов 10 августа 1941 г. был пленен...»

КИРИЛЛОВ Николай Кузьмич (30 ноября 1897 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в Саратове. В Русской армии с мая 1916 года. Окончил Оренбургскую школу прапорщиков (1917). Участник Первой мировой войны, прапорщик, командир взвода, выборный командир роты батальона.

В Красной армии с февраля 1920 года. Окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» (1929), заочно 2 курса Военной академии РККА им. Фрунзе (1932).

В годы Гражданской войны после демобилизации из армии учился в строительном техникуме, работал на заводе. С февраля 1920-го исполнял должность для поручений Управления санитарных частей Кавказского фронта. С июня 1921-го — командир роты всеобуча Саратовского губернского военкомата, с мая 1922-го — командир взвода 4-го стрелкового полка 2-й бригады. В июне того же года назначен помощником командира роты 94-го стрелкового полка, затем командиром роты, начальником дивизионной школы, начальником штаба и командиром 97-го стрелкового полка. В 1932 году отозван из Военно-воздушной академии им. Жуковского и назначен инспектором 15-й авиабригады. С марта 1933-го — командир 50-го стрелкового полка, с января 1937-го — начальник штаба, затем командир 19-й стрелковой дивизии, с февраля 1938-го — командир 13-го стрелкового корпуса. Звание генерал-майора присвоено 5 июня 1940 года. Награжден орденом Красного Знамени (1938).

В начале войны 49-й стрелковый корпус под командованием генерала Корнилова участвовал в приграничном сражении. Как сообщается в официальных источниках, «в июле — августе 1941 г. в составе 6-й армии Юго-Западного, затем Южного фронтов вел боевые действия в районе городов Бердичев, Богуслав. 10 августа генерал-майор И.А. Корнилов, будучи раненым, был взят в плен...»

По данным Ф.Д. Свердлова, «в течение месяца Корнилов пытался вывести свои части на восток, но в одном из боев получил тяжелое ранение в грудь и был оставлен своими товарищами в одной из деревень, где Корнилова 7 сентября 1941 года взяли в плен немецкие подразделения».

КОРНИЛОВ Иван Алексеевич (14 сентября 1899 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в селе Свотиново ныне Костромского района Костромской области в семье пекаря. После окончания четырехклассной сельской школы работал пекарем и чернорабочим. В 1917 году был призван в Русскую армию, участник Первой мировой войны, был ранен, унтер-офицер.

В Красной армии с ноября 1918 года. Окончил Костромские пехотные командные курсы (1919), Высшую тактико-стрелковую школу комсостава РККА им. III Коминтерна (1921 и 1924), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (1941).

В годы Гражданской войны воевал на Юго-Западном фронте, учился на пехотных курсах, командовал пехотным взводом 1-го Троицкого пехотного полка.

С декабря 1921-го, после окончания Высшей тактико-стрелковой школы, командовал ротой караульного батальона, с января 1923-го — помощник командира батальона Частей особого назначения, с июля — командир отделения Жмеринской роты ЧОН. С августа 1924-го — командир роты и начальник полковой школы 288-го стрелкового полка 96-й стрелковой дивизии. В марте 1930 года Корнилов назначен начальником штаба 287-го стрелкового полка. В декабре 1932 года — командир 131-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии. С мая 1939 года — помощник командира 46-й стрелковой дивизии, а с июля — командир этой дивизии. В марте 1941-го Корнилов назначен командиром 49-го стрелкового корпуса. Награжден орденами Ленина (1941) и Красной Звезды (1936).

В начале войны 8-й стрелковый корпус под командованием генерала

Снегова в составе 26-й армии Юго-Западного фронта вел бои против соединений 17-й армии вермахта. Как говорится в официальных источниках, «именно соединения 8-го корпуса (99-я стрелковая дивизия и часть сил 72-й стрелковой дивизии) освободили первый советский город от немецко-фашистских захватчиков — г. Перемышль (23 июня) и удерживали его несколько дней. Затем 25–27 июня 1941 г. корпус участвовал в нанесении фронтового контрудара в районе г. Броды. До конца июня части корпуса под командованием генерал-майора М.Г. Снегова успешно отбивали все попытки противника форсировать р. Сан, затем в июле они отходили по приказу командующего войсками фронта в направлении городов Золочев, Тернополь, Винница. Трижды корпус прорывал кольцо окружения противника в районах городов Перемышль, Львов, Проскуров. Остатки корпуса в составе 12-й армии отошли к г. Умань. За умелое руководство частями корпуса в этих боях М.Г. Снегов был награжден орденом Красного Знамени. Однако 2 августа противник в районе г. Первомайск Одесской области окружил значительную часть войск армии. В ночь на 7 августа 1941 г. при попытке вырваться из окружения генерал-майор М.Г. Снегов был тяжело ранен и попал в плен».

СНЕГОВ Михаил Георгиевич (12 ноября 1896 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Мордвиново ныне Можайского района Московской области в крестьянской семье. После окончания гимназии в 1914 году был призван в Русскую армию. Окончил учебную команду артиллерийского дивизиона при 85-м запасном полку в Москве (1915) и Алексеевское военное училище (1916). Участник Первой мировой войны, поручик. Занимал должности: командира роты, обер-офицера для поручений и старшего адъютанта штаба дивизии, исполняющего обязанности инспектора административной части.

В марте 1918 года вступил в Красную армию. В составе 4-го Московского революционного советского пехотного полка в должности помощника начальника команды конных разведчиков и командира роты участвовал в разоружении отряда анархистов в Москве. В июне командовал сводным отрядом полка при подавлении антисоветских выступлений в Москве и Ярославле. С октября 1918-го воевал в составе Особой Московской бригады Южного участка отрядов завесы, которая участвовала в боях с белоказаками генерала Краснова в районах Новохоперска, Поворино, в обороне Царицына, на должности командира роты, помощника начальника штаба бригады. В должности начальника штаба бригады (дивизии) участвовал в боях с войсками генерала Деникина, белоказаками

генерала Мамонтова на Кубани, подавлял контрреволюционные мятежи в районе Владикавказа и Моздока. В августе — сентябре 1920 года участвовал в разгроме врангелевского десанта под командованием генерала Улагая, затем боролся с вооруженными формированиями в Кубанских плавнях, а в начале 1921-го разоружал бандформирования в Дагестане.

После войны Снегов был назначен начальником штаба сначала 19-й стрелковой дивизии (сентябрь 1922), а затем 10-го стрелкового корпуса (октябрь 1924) в Московском округе. С августа 1926 года по декабрь 1927 года находился в специальной командировке в Китае. По возвращении назначен начальником 2-го (организационного) отдела Финансово-планового управления снабжения РККА. К 10-летию революции награжден пистолетом «Маузер». С декабря 1929-го проходил службу в Техническом штабе начальника вооружений РККА. Занимал должности: начальника 5-го отдела, начальника 4-го сектора (ноябрь 1930) и одновременно старшего инспектора штаба, начальника войсковой инспекции (февраль 1932). В июле 1932 года Снегов назначен начальником штаба Главного артиллерийского управления РККА, а в феврале 1933-го — начальником 1-го отдела и одновременно — помощником секретаря РВС СССР. С марта 1935-го — заместитель начальника Управления делами при НКО СССР, с марта 1937-го — командир 90-й стрелковой дивизии, с ноября — начальник Управления делами при НКО СССР. В октябре 1939 года он назначен начальником Главного управления Красной армии, а в августе 1940 года — командиром 8-го стрелкового корпуса. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1938, 1941).

22 июня 1941 года 72-я горнострелковая дивизия отражала атаки немцев на Львовском выступе по реке Сан. Только 24-го числа, когда фронт в стыке между 6-й и 26-й армиями был прорван и возникла угроза для их флангов, командующий Юго-Западным фронтом приказал отвести дивизию. После нескольких дней отдыха 72-я горнострелковая дивизия снова занимает оборону на указанном ей рубеже, а затем отходит с тяжелейшими боями, то сменяя части мотострелков, то перегруппировываясь, то снова обороняясь... Дивизия была уничтожена немцами в ходе ликвидации Уманского котла. 8 августа ее командир генерал Абрамидзе попал в плен.

АБРАМИДЗЕ Павел Ивлианович (19 марта 1901 года). Грузин. Генерал-майор (1940).

Родился в селе Ваны Кутаисской губернии в крестьянской семье. В 1915 году окончил сельскую школу и до 1917 года работал рабочим в Баку, а затем в отцовском крестьянском хозяйстве.

В 1923 году был призван в Красную армию. Окончил объединенную военную школу в Тбилиси. С 1926 по 1934 год командовал различными стрелковыми подразделениями.

В 1930 году Абрамидзе окончил курсы усовершенствования комсостава Закавказского военного округа. В 1934–1939 годах командовал стрелковым полком, с 1939 года — стрелковой дивизией. 5 ноября 1938 года ему было присвоено звание полковника, 4 ноября 1939 года — комбрига, 4 июня 1940 года — генерал-майора. В должности командира 130-й стрелковой дивизии принимал участие в советско-финской войне.

8 августа 1940 года назначен на должность командира 72-й горнострелковой дивизии. Награжден орденом Красного Знамени (1940).

22 июня 1941 года 80-я стрелковая дивизия имени Пролетариата Донбасса вместе с частями 49-го стрелкового корпуса была брошена на уничтожение парашютных десантов противника под Тернополем. А затем были многодневные изнуряющие июльские бои 41-го. Примечательно, но и 2 августа 80-я дивизия считалась наиболее боеспособным соединением в 6-й армии Южного фронта. Известно, что на следующий день она пыталась пробиться к переправам через Ятрань у Покотилова и Лебединки, но вырваться из кольца ей так и не удалось. Командир дивизии генерал Прохоров 15 августа 1941 года в этих боях был ранен и попал в плен.

ПРОХОРОВ Василий Иванович (1900). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в слободе Хмелевка, на окраине Васильсурска Нижегородской губернии в крестьянской семье. Окончил 3 класса сельской школы.

В 1919 году вступил в Красную армию. После окончания пехотной школы (1920) участвовал в Гражданской войне: на Южном фронте был командиром взвода и роты. В 1921 году воевал в Монголии. В последующие годы командовал стрелковыми подразделениями. В 1932–1934 годах был помощником командира полка. В 1937 году, после окончания Военной академии им. Фрунзе, был назначен на должность заместителя начальника отдела Оперативного управления Генерального штаба. В начале 1939 года стал помощником командира 80-й стрелковой дивизии, а в августе — командиром этой дивизии. Участник советско-финской войны. Звание полковника присвоено 27 сентября 1937 года, а звание комбрига — 4 ноября 1939 года. 4 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора. Награжден орденом Красного Знамени (1940).

22 июня 44-я горнострелковая дивизия в составе 13-го стрелкового корпуса 12-й армии Юго-Западного фронта была поднята по тревоге и заняла оборону в районе Тухли. А потом начался отход с боями на восток.

Еще 15 июля 1941-го в строю соединения числилось более 10 тысяч человек, а уже в августе оно было уничтожено под Уманью. Командир дивизии генерал Ткаченко 7 августа при прорыве из окружения был ранен в голову и правую руку, но продолжал командовать своими частями. Его захватили в плен, когда он выходил из кольца в составе группы управления дивизии. Было это в районе Голованевска.

ТКАЧЕНКО Семен Акимович (24 мая 1898 года). Украинец. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Плахтеевка Тарамского района Днепропетровской области в семье бедного крестьянина. Работал с малых лет, пас скотину, батрачил. За лучшей долей семья переселилась в деревню Николаевка Кротовской волости Тобольской губернии.

В 1919 году вступил в Красную армию. В годы Гражданской войны проходил службу красноармейцем в 51-й стрелковой дивизии. Воевал на Восточном фронте против войск Колчака. Летом 1920-го на Южном фронте участвовал в боях против армии Врангеля сначала рядовым красноармейцем, а затем на должностях начальствующего состава. В ноябре 1920 года назначен командиром взвода 2-й роты 452-го стрелкового полка, а за проявленное мужество награжден орденом Боевого Красного Знамени.

После войны Ткаченко был направлен учиться на Одесские пехотные командные курсы (1921). В составе 51-й Перекопской стрелковой дивизии занимал различные командные должности от командира взвода до командира батальона. В 1921 году в Тирасполе, где дислоцировался 152-й стрелковый полк 51-й Перекопской стрелковой дивизии, вновь отличился в борьбе с бандформированиями, за что был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени. В 1927 году окончил Киевскую высшую объединенную школу командиров РККА имени С.С. Каменева. В ноябре 1929 года назначен командиром батальона 137-го Киевского стрелкового полка 46-й стрелковой дивизии. После окончания Академии им. Фрунзе (1934) назначается помощником командира по строевой части 79-го стрелкового полка 27-й Омской Краснознаменной стрелковой дивизии им. Итальянского пролетариата. В декабре 1935-го он уже командир и военком 79-го стрелкового полка.

В январе 1937 года майора Ткаченко освобождают от занимаемой должности и зачисляют в распоряжение Управления по начальствующему составу РККА, а уже в марте 1937-го назначают помощником командира по строевой части 53-го стрелкового полка 18-й Ярославской Краснознаменной стрелковой дивизии. В июне 1938 года Ткаченко —

помощник командира 31-й Сталинградской стрелковой дивизии в Астрахани, в августе 1939 года — командир 28-й Горской Краснознаменной горнострелковой дивизии. В январе 1940 года назначен командиром 44-й Киевской Краснознаменной стрелковой дивизии. Участник советско-финской войны. Звание полковника присвоено 16 августа 1938 года. Звание комбрига — 29 апреля 1940 года. Звание генерал-майора — 4 июня 1940 года. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1929, 1921) и был представлен к ордену Ленина за успехи дивизии в боях под г. Липовец.

«С начала Великой Отечественной войны 5-я армия под командованием генерал-майора М.И. Потапова, входя в состав Юго-Западного фронта, участвовала в приграничном сражении, вела оборонительные бои на государственной границе южнее г. Брест, затем в районах гг. Ковель, Дубно, Ровно, Житомир, — говорится в книге «Командармы». — В последующем армия упорно оборонялась на позициях Коростеньского УР, с июля участвовала в Киевской оборонительной операции, сражаясь с превосходящими силами противника на киевском направлении. В этих боях войска армии понесли тяжелые потери и значительная часть из них попала в окружение. При выходе из окружения М.И. Потапов попал в плен...»

Здесь следует лишь добавить, что 5-я армия под командованием генерала Потапова, находясь на стыке немецких групп армий, все первые месяцы войны представляла реальную угрозу немецким войскам из группы армий «Центр» и «Юг». Сам генерал-майор танковых войск Потапов показал себя весьма умелым военачальником, способным быстро перегруппировать войска для внезапного удара, выстроить стойкую оборону и умело нанести контрудар. В свои последние часы перед пленом Потапов сражался врукопашную, но был тяжело ранен осколком снаряда и потерял сознание.

ПОТАПОВ Михаил Иванович (3 октября 1902 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1940).

В Красной армии с 1920 года. Окончил командные кавалерийские курсы (1922), химические курсы усовершенствования командного состава (1925), Военную академию механизации и моторизации РККА (1936).

С 1921 года Потапов — командир отделения, взвода, эскадрона. С 1925-го — начальник химической службы полка, начальник полковой школы, с 1930-го — временно исполняющий должность начальника штаба кавалерийского полка. В июле 1937 года назначен командиром механизированного полка, а в 1939-м — командиром танковой бригады. С июня этого же года — заместитель командующего 1-й армейской группой, успешно участвовавшей в боях в районе р. Халхин-Гол. В июне 1940 года назначен командиром 4-го механизированного корпуса, а в январе 1941-го — командующим 5-й армией Киевского округа. Звание генерал-майора танковых войск присвоено 4 июня 1940 года. Награжден орденом Красного

Знамени (1939).

Такая же участь постигла и начальника артиллерии 5-й армии. В начале сентября 1941 года при попытке выйти из окружения генерал Сотенский, будучи раненым, попал в плен.

СОТЕНСКИЙ Владимир Иванович (1899). Русский. Генерал-майор артиллерии (1940).

Родился в Ташкенте в семье полковника Русской армии. Окончил кадетский корпус (1916) и Михайловское артиллерийское училище. Участник Первой мировой войны, подпоручик.

В феврале 1918 года вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны на Туркестанском фронте.

До 1925 года Сотенский — командир взвода и батареи. В 1926-м окончил курсы усовершенствования комсостава артиллерии и до 1932 года преподавал на них. Затем до 1935 года занимал должность начальника отдела в инспекции артиллерии РККА. В 1935 году он окончил вечерний факультет Военной академии им. Фрунзе и до 1938 года командовал артиллерийским полком. В 1938–1940 годах занимал должность начальника отдела в управлении начальника артиллерии Киевского особого военного округа.

В 1940 году назначен на должность начальника артиллерии 5-й армии Киевского особого военного округа. 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора артиллерии.

18-я армия, сформированная на базе управления Харьковского военного округа и войск Киевского округа в июне 1941 года, в состав Южного фронта вошла 25 июня. Свои первые оборонительные бои она вела на границе с Румынией, а в августе — на юге Правобережной Украины. В боевом донесении командующего войсками Южного фронта от 1 августа говорится: «18 А группой генерала Гольцева и полком охраны во взаимодействии частями Музыченко наносит удар на Ладыжинка». Известно, что в группу генерала Гольцева, начальника автобронетанковых войск 18-й армии, входили остатки 47-й танковой дивизии, 218-й мотодивизии, 145-го танкового полка и 727-го артиллерийского полка. К середине месяца немецко-румынские подвижные части прорвали оборону армии и начали наступление, угрожая выходом на тылы фронта. В ночь на 14 августа генерал Тюленев отдал приказ на уничтожение прорвавшегося в район Николаева противника, а 15-го генерал Гольцев попал в плен.

ГОЛЬЦЕВ Николай Дмитриевич (декабрь 1897 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1940).

Родился в Москве в семье рабочего-ткача. Окончил городское училище

в 1912 году. До военной службы работал конторщиком. В октябре 1915 года призван в Русскую армию. Участник Первой мировой войны. Воевал на Западном фронте. В 1916 году окончил учебную команду, старший унтер-офицер 55-го пехотного полка.

В Красную армию вступил в марте 1918 года. Участник Гражданской войны. Воевал на Восточном и Туркестанском фронтах: курсант 1-х Московских военно-инструкторских курсов, командир взвода и роты, комендант 2-го Симбирского стрелкового полка, начальник хозяйственной команды 208-го Симбирского стрелкового полка, заведующий разведкой, командир роты 7-го Туркестанского стрелкового полка. Был трижды ранен и контужен. В ноябре 1921 года руководил обороной города Душанбе во время мятежа Данияр-бека. Проявил личную храбрость, с группой бойцов освободив арестованных мятежниками товарищей. Отстоял город, за что был награжден Золотым оружием. В декабре 1922 года возглавил оборону города Куляб.

В 1924–1932 годах Гольцев командовал батальоном, учился на Ленинградских бронетанковых курсах. С 1933-го — начальник сектора управления бронетанковыми войсками в штабе Уральского военного округа, затем командир 14-го механизированного полка 14-й кавалерийской дивизии Киевского военного округа. Затем командовал автобронетанковыми войсками 8-го стрелкового корпуса и Житомирской армейской группы. В должности начальника автобронетанковых войск 5-й армии участвовал в походе Красной армии на Западную Украину (1939). В 1940 году назначен начальником автобронетанкового управления Прибалтийского особого военного округа. 4 июня ему присвоено звание генерал-майора танковых войск. В 1941 году назначен начальником автобронетанковых войск 18-й армии. Награжден орденами Красного Знамени (1920) и Красной Звезды (Бухарской НСР) 1-й степени (1923).

6-й стрелковый корпус 6-й армии Юго-Западного фронта вступил в бой в первый день войны. Одна из его дивизий (41-я) заняла Рава-Русский укрепленный район, сумев не только приостановить наступление противника, но и, отбросив его, войти на территорию, оккупированную Германией. Однако в дальнейшем под натиском врага соединения корпуса были вынуждены оставлять позиции. 28 июня 1941 года начальник штаба генерал Рихтер при прорыве немецких танков к штабу корпуса был взят в плен.

РИХТЕР Борис Стефанович (1898). Русский немец. Генерал-майор (1940).

Родился в городе Жмеринка (Украина) в семье потомственного

дворянина, инженера путей сообщения. Экстерном окончил 6 классов и Александровское военное училище в Москве (1916). Участник Первой мировой войны, поручик, начальник пулеметной роты.

В июне 1918 года вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. До 1926 года командовал различными пулеметными подразделениями. В 1929 году окончил Военную академию им. Фрунзе. До 1932 года служил заместителем начальника и начальником оперативного отдела штаба стрелковой дивизии Украинского военного округа, затем был назначен начальником штаба дивизии. С 1935 по 1936 год Рихтер командовал стрелковым полком. В 1938 году после окончания Военной академии Генерального штаба был назначен начальником факультета в Военно-химической академии. 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора, а 15 июля 1940 года он был назначен начальником штаба 6-го стрелкового корпуса Киевского особого военного округа. Награжден орденом Красного Знамени (1923).

Когда началась война, командир 6-го стрелкового корпуса генерал Алексеев боевыми действиями не руководил, так как находился в госпитале по болезни в Харькове. В официальных источниках о нем говорится следующее: «После выздоровления с 15 по 18 сентября командовал Лубненской оперативной группой Юго-Западного фронта. “Командуя Лубненской оперативной группой, — писал в своей автобиографии в декабре 1952 г. генерал-майор И.И. Алексеев, — с 18 сентября по 1 октября 1941 г. находился в окружении немецких войск в районе г. Лубны. При выходе из окружения попал в плен (переодетый в гражданский костюм)”...»

АЛЕКСЕЕВ Иван Иванович (6 января 1896 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Ретюн Санкт-Петербургской губернии. В Русской армии с 1915 года. Участник Первой мировой войны, подпоручик.

В Красной армии с 1919 года. Окончил Владимирское военное училище в Петрограде (1915), Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1927), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Высшей военной академии им. Ворошилова (1941).

В годы Гражданской войны проходил службу командиром роты в 1-м армейском запасном полку, затем в армейской школе младшего комсостава при этом же полку. С августа 1919-го — командир роты и батальона в 47-м стрелковом полку 6-й стрелковой дивизии на Северо-Западном и Западном фронтах. Участвовал в боях против войск генерала Юденича и

белополяков. Был ранен.

После войны Алексеев продолжал свою службу в том же полку командиром батальона и помощником командира полка. В октябре 1921-го он — командир 53-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии в Белгороде. С августа 1922-го — помощник командира 17-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии. После окончания курсов «Выстрел» командует стрелковым полком. С января 1934-го — помощник командира 18-й стрелковой дивизии в Ярославле, а с февраля — исполняющий должность командира этой дивизии. В 1934 году назначен начальником Свердловского пехотного училища, а летом 1940-го — командиром 6-го стрелкового корпуса. 16 августа 1938 года присвоено звание комбрига, а 4 июня 1940 года — звание генерал-майора. Награжден орденом Красного Знамени (1938).

С первых дней войны 36-й стрелковый корпус под командованием генерала Сысоева участвует в приграничных сражениях северо-западнее Львова. «В конце июня 1941 г. корпус под командованием П.В. Сысоева совместно с другими механизированными и стрелковыми корпусами Юго-Западного фронта участвовал в контрударе по войскам противника в направлении городов Кременец, Дубно, Шепетовка, — говорится в книге «Комкоры». — В июле корпус попал в окружение, 23 июля в районе г. Житомир П.В. Сысоев, будучи тяжело раненным, попал в плен».

СЫСОЕВ Павел Васильевич (29 июля 1901 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в поселке Реутово Московской губернии в семье рабочего ткацкой фабрики. После окончания начальной школы работал чернорабочим.

В феврале 1918 года вступил в ряды Красной армии. Окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1929).

В годы Гражданской войны Сысоев воевал с войсками генералов Корнилова и Краснова на Дону, затем участвовал в подавлении контрреволюционного восстания в Москве. Весной 1919-го заболел тифом, после излечения был уволен из армии как несовершеннолетний. Работал начальником и комиссаром продотряда в Казанской губернии. В начале 1921 года участвовал в подавлении кулацких восстаний в Чувашии. Был назначен сначала районным, а затем уездным продкомиссаром. В том же году снова призван в армию по партийной мобилизации.

С 1922 по 1929 год проходил службу в 132-м Донецком полку на должностях: командира отделения, помощника политрука, политрука роты,

временно исполняющего должность военкома и помощника военкома полка, секретаря партийной организации, комиссара полка. После окончания курсов «Выстрел» назначен командиром батальона 9-го стрелкового полка 9-й Крымской стрелковой дивизии. В марте 1931-го назначен командиром 89-го стрелкового полка 30-й стрелковой дивизии. В марте 1934-го Сысоев назначен командиром 95-й Молдавской стрелковой дивизии. В 1937 году снят с должности и арестован «за связь с врагами народа». В марте 1938 года полностью реабилитирован, восстановлен в армии и назначен старшим преподавателем кафедры общей тактики Военной академии РККА им. Фрунзе. С октября 1939-го — начальник курса этой академии. В июне 1940 года присвоено воинское звание генерал-майор. С марта 1941 года — командир 38-го стрелкового корпуса в Киевском округе, а с 23 июня 1941 года — командир 36-го стрелкового корпуса. Награжден орденом Красной Звезды (1936).

С началом войны 27-й стрелковый корпус под командованием генерала Артеменко в составе 5-й и 37-й армий Юго-Западного фронта участвовал в приграничном сражении, затем в Киевской оборонительной операции. Из книги «Комкоры» мы можем узнать следующее: «Имея немногочисленные 124-ю и 135-ю стрелковые дивизии, укомплектованные не полностью, по штату мирного времени, — отмечалось в боевой характеристике командующего 5-й армией генерал-майора танковых войск М.И. Потапова от 11 июля 1941 г., — прикрывал владимир-волыньское, гороховское направления. 22.6.1941 г. противник вдвойне превосходящими частями неожиданно перешел в наступление, и части 27-го стрелкового корпуса, несмотря на превосходство противника, стойко защищали каждый метр, строя подвижную оборону, расстраивая планомерное наступление противника и нанося ему большие потери как в живой силе, так и материальной части. С 22 по 27 июня 1941 г. части корпуса вели упорные бои, не оставляя противнику ничего ценного, все что могли увозить и что оставалось, то было уничтожено и сожжено. Тов. Артеменко, находясь в тяжелой обстановке, не теряя самообладания, руководил частями и сам, выезжая на место боя, уточнял обстановку. Принимал смелые решения и проводил их в жизнь». 27 сентября 1941 года он был пленен немецкими войсками. В докладной записке начальника отдела боевой подготовки 40-й армии полковника Н.А. Никитина от 28 февраля 1941 года заместителю начальника Главного управления кадров Красной армии полковнику Свиридову подчеркивалось: «О бывшем командире 27 ск генерал-майоре Артеменко П.Д. мне известно следующее: 26 сентября 1941 года, попав в тактическое окружение в районе села Семеновка Березанского района

Киевской области, он сдался в плен фашистам вместе с группой командиров и бойцов. Группа состояла из следующих лиц: сын генерал-майора Артеменко Михаил был его адъютантом, бывший начальник снабжения корпуса майор Терпугов, бывший заместитель военкома корпуса старший политрук Воронин, “сестра” Тамара, фамилии ее не знаю (всегда ездила в машине Артеменко) и 4 красноармейца — шофер и трое из личной охраны Артеменко. Причина сдачи в плен, по словам этих трусов и предателей, — бесполезность жертвовать собой и терпеть лишения, т.к. положение безвыходное, добровольная сдача в плен гарантирует жизнь». Военным трибуналом Юго-Западного фронта 10 апреля 1942 г. П.Д. Артеменко был осужден заочно по ст. 58, п. 1 «б» УК РСФСР («измена Родине военнослужащими») и приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества.

АРТЕМЕНКО Павел Данилович (12 июля 1896 года). Украинец. Генерал-майор (1940).

Родился на хуторе Тополи Двуречанского района Харьковской области. После окончания четырехклассной школы работал на паркетной фабрике. В 1915 году был призван в Русскую армию. Окончил 3-месячную учебную команду при 232-м запасном пехотном полку (1916). Участник Первой мировой войны, младший унтер-офицер.

В мае 1918 года вступил в Красную армию. Окончил повторный курс при штабе 44-й стрелковой дивизии (1922), Киевскую объединенную военную школу (1927), Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1931), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Академии Генштаба им. Ворошилова (1941).

В годы Гражданской войны старшиной 1-го пограничного отряда и начальником конной разведки Сумского уездного военкомата служил в Группе войск сумского направления. С апреля 1919-го — помощник начальника пулеметной команды 38-го Украинского полка, затем командир взвода 1-го стрелкового полка Сумской крепостной бригады. С июля 1919 года воевал на Южном фронте в должности помощника начальника и начальника пулеметной команды 369-го стрелкового полка 123-й бригады 41-й стрелковой дивизии, участвовал в оборонительных боях с войсками генерала Деникина, с декабря 1919 года — в наступлении войск Южного фронта, в борьбе с вооруженными формированиями Махно. Был ранен. Участник войны с белополяками. Осенью 1920-го боролся с вооруженными формированиями Тютюнника и Мордалевича.

После войны Артеменко проходил службу исполняющим должность

начальника, затем помощника начальника и вновь начальника пулеметной команды, начальника полковой школы в 396-м стрелковом полку 132-й стрелковой бригады 44-й стрелковой дивизии. С августа 1927 года он — в 285-м стрелковом полку 95-й стрелковой дивизии: командир пулеметной и стрелковой рот, исполняющий должность командира батальона, командир и политрук роты, начальник полковой школы. С ноября 1933-го — командир стрелкового полка. В августе 1937 года назначен командиром 95-й стрелковой дивизии, а через два года — командиром 27-го стрелкового корпуса. 22 февраля 1938 года ему было присвоено звание комбрига, 4 ноября 1939 года — комдива. 4 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора. Награжден орденом Красного Знамени (1938).

37-я армия Юго-Западного фронта была сформирована 10 августа 1941 года на базе соединений и частей, оказавшихся в результате отхода в районе Киевского укрепленного района и резервов Ставки ВГК. В состав армии вошли 6 дивизий, Киевский укрепрайон и ряд артиллерийских и других соединений и частей. Командующим армией был назначен генерал Власов, а начальником штаба — генерал Добросердов. После формирования 37-я армия обороняла Киев. В ходе Киевской стратегической оборонительной операции войска армии понесли тяжелые потери и были окружены. А 19 сентября после упорных боев, по приказу Ставки ВГК, оставили столицу Украины. Как говорится в книге «Комкоры», «после отхода на левый берег Днепра в районе г. Бровары и Борисполь войска армии были окружены, но сумели прорваться в район г. Яготин, где вновь попали в окружение. 5 октября генерал-майор К.Л. Добросердов был пленен...».

По данным Ф.Д. Свердлова, «14 октября 1941 года группа офицеров штаба армии во главе с Добросердовым была блокирована при попытке прорваться из окружения и после боя захвачена в плен».

ДОБРОСЕРДОВ Константин Леонидович (24 октября 1891 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в Москве в семье служащего. После получения начального образования окончил школу прапорщиков (1915). Участник Первой мировой войны. Командир роты, поручик.

В Красной армии с января 1919 года. Окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1925), Курсы усовершенствования начальствующего состава при Военной академии РККА им. Фрунзе (1930), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Академии Генштаба им. Ворошилова (1941).

В годы Гражданской войны с января 1919-го — командир роты 3-го запасного стрелкового батальона, с февраля 1920-го — командир этого

батальона, затем командир батальона в 5-м и 14-м стрелковых полках. С августа 1920-го он командует полком. Воевал на Южном фронте. Участник ликвидации врангелевского десанта в Донской области и Улагаевского десанта в районе станицы Ольгинская. Участвовал в боях против войск генерала Врангеля, а затем боролся с вооруженными формированиями Махно.

После войны (с 1922 г.) Добросердов командовал отдельным караульным батальоном. С октября 1922-го был начальником дивизионной учебной школы 9-й Донской стрелковой дивизии. С февраля 1923-го он — помощник командира 25-го полка этой дивизии, с октября — командир 64-го стрелкового полка 22-й стрелковой дивизии. По окончании курсов «Выстрел» командовал 64-м и 65-м стрелковыми полками 22-й стрелковой дивизии. В феврале 1931-го — помощник командира 37-й стрелковой дивизии. С февраля 1937-го — командир 52-й стрелковой дивизии, а с февраля 1938-го — командир 7-го стрелкового корпуса. 4 июня 1940 года ему присвоено звание генерал-майора. Награжден орденом Красного Знамени (1937).

С первого дня войны 212-я моторизованная дивизия под командованием генерала Баранова участвовала в приграничном сражении на Юго-Западном фронте, а затем в Киевской оборонительной операции на житомирском направлении. Как писал Ф.Д. Свердлов, «при попытке прорыва дивизия понесла большие потери, а ее командир генерал-майор Сергей Баранов был ранен и захвачен в плен». Случилось это в июле 1941 года.

БАРАНОВ Сергей Васильевич (2 апреля 1897 года). Русский. Генерал-майор технических войск (1940).

Родился в деревне Систа Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии в рабочей семье. Окончил шестиклассное ремесленное училище в Санкт-Петербурге. До службы в армии работал упаковщиком на складе Морозова в Петрограде. В Русской армии с ноября 1916 года. Окончил учебную команду 1-го запасного пехотного полка в Петрограде (1917) и ускоренный курс 2-й Иркутской школы прапорщиков (1917). После увольнения из армии в звании прапорщика работал кассиром в Литейной продовольственной управе Петрограда. Позже жил в деревне в Ратчинской волости Ямбургского уезда.

В Красную армию вступил в июле 1918 года. Окончил курсы старшего начсостава транспортной службы в Ленинграде (1924), курсы усовершенствования комсостава ВОСО при школе ВОСО (1930).

В годы Гражданской войны — военный руководитель Ратчинского волостного военкомата. В октябре 1920 года переведен на ту же должность в Наровский волостной военкомат. В мае 1919 г. назначен начальником команды управления дивизиона во 2-й Петроградский легкий артиллерийский дивизион 6-й стрелковой дивизии, а в ноябре — исполняющим должность начальника связи управления начальника артиллерии этой дивизии. Участник боев с войсками генерала Н.Н. Юденича под Петроградом, Ямбургом и Красным Селом, в Нарвской операции. В 1920-м воевал с белополяками под Полоцком, Лепелем, на варшавском направлении и под Гродно. В августе Баранов назначен исполняющим должность начальника связи батареи легкого артиллерийского дивизиона.

После войны Баранов продолжал службу в своей дивизии: начальником связи батареи управления начальника артиллерии дивизии,

начальником связи батареи управления легкого артиллерийского дивизиона. В январе 1922-го переведен в Петроград на должность командира взвода 6-го кадрового военного транспорта. Воевал в Карелии с белофиннами. С апреля 1923-го — командовал эшелонам 6-го кадрового военного транспорта. В январе 1925 года назначен командиром 23-й отдельной кадровой транспортной роты. В ноябре 1930-го, после окончания курсов, назначен во 2-й учебный автотранспортный батальон начальником школы, а затем помощником командира батальона. С июня 1932 года проходил службу в Ленинградской школе танковых техников: начальником учебной части, командиром батальона, временно исполняющим должность помощника начальника школы по учебно-строевой части, командиром курсантского батальона. С апреля 1939-го назначен помощником командира по строевой части 6-й танковой бригады. С октября — временно исполняющий должность командира 48-й отдельной автотранспортной бригады. Участник советско-финской войны: начальник отдела автотранспортной и дорожной службы Северо-Западного фронта. 4 июня 1940 года ему присвоено звание генерал-майора технических войск. С августа — помощник генерал-инспектора Инспекции автобронетанковых войск Красной армии. С марта 1941-го — командир 212-й моторизованной дивизии 15-го механизированного корпуса 6-й армии Киевского округа. Награжден орденом Красного Знамени (1940).

141-ю стрелковую дивизию под командованием генерала Тонконогова война застала в районе Щасновки. В ночь на 23 июня она ночным маршем вышла в район Збаража, а уже спустя несколько дней успешно отразила атаку на Новый Почаев. К концу июля 141-я была окружена и рассечена противником, понесла тяжелые потери, но продолжала сражаться во вражеском котле под Уманью. Группа генерала Тонконогова была разгромлена, а сам командир дивизии попал в плен.

ТОНКОНОГОВ Яков Иванович (15 мая 1897 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в слободе Александровской Воронежской губернии в крестьянской семье. После окончания трехклассной школы батрачил. В Русскую армию призван в 1916 году. Участник Первой мировой войны.

В марте 1918 года вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. Воевал против войск Деникина и Врангеля. Был ранен. В 1920 году окончил командные пехотные курсы. До 1930 года окончил пехотную школу, командовал различными стрелковыми подразделениями. В 1930 году окончил Высшие командные курсы «Выстрел», после чего до 1935 года командовал батальоном. В 1935 году он окончил разведывательные

курсы при Генеральном штабе РККА. До 1938 года командовал разведывательным батальоном. В 1938 году Тонконогова выдвинули на должность заместителя командира 24-й Железной стрелковой дивизии. В 1939 году он был назначен командиром 141-й стрелковой дивизии. Участник советско-финской войны. 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. Награжден орденом Красного Знамени (1938) и медалью «За отвагу» (1939).

58-я горнострелковая дивизия в начале войны находилась в составе 13-го стрелкового корпуса 12-й армии Юго-Западного фронта. 22 июня к 18 часам она выступила в свой оборонительный район на линии Зелена — Яблоница — Ворохта — Любное, но уже 1 июля начала вынужденный отход. В августе 1941-го 58-я дивизия была разгромлена вместе с другими частями 6-й и 12-й армии у села Подвысокое возле урочища Зеленая Брама. Командир соединения генерал Прошкин попал в плен.

ПРОШКИН Николай Игнатьевич (1898). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Бухлево Смоленской губернии в семье рабочего. После окончания сельской школы работал на фабрике.

В Красную армию вступил в 1918 году. Окончил пехотную школу. Участник Гражданской войны: командир взвода и роты.

После войны в течение пяти лет занимал должность заместителя командира полка по хозяйственной части, а затем заместителя командира корпуса по хозяйственной части.

После окончания Высших командных курсов «Выстрел» пять лет командовал стрелковым батальоном и еще четыре года был начальником штаба механизированной бригады и стрелковой дивизии. В 1938 году Прошкин окончил вечерний факультет Военной академии имени Фрунзе. 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. В июле 1940 года назначен командиром 58-й горнострелковой дивизии Киевского особого военного округа.

171-я стрелковая дивизия под командованием генерала Будыхо вступила в бой с пехотой и танками противника 16 июля 1941 года. Затем она несколько дней вела бои в районе Наливайковка. 24-го числа совместно с частями Киевского укрепрайона отразила очередную немецкую атаку и заняла рубеж Забуянье — Голе — Дружня — Бородянка. Только 21 августа части соединения Будыхо начали отход за Днепр, а 21 сентября были окружены и уничтожены. Командир дивизии, будучи дважды раненым, передал командование начальнику штаба, а сам с двумя бойцами и младшим лейтенантом стал выходить из кольца самостоятельно. 22 октября

в Белгороде их задержал немецкий патруль.

БУДЫХО Александр Ефимович (12 августа 1893 года). Белорус. Генерал-майор (1940).

Родился в городе Велиж Витебской губернии в семье рабочего. После окончания четырехклассного городского училища (1914) был призван в Русскую армию. Окончил 5-ю Киевскую школу прапорщиков (1916) и 2-ю Офицерскую северную школу гренадеров при Особой армии. Участник Первой мировой войны, поручик, командир роты.

В апреле 1918 года вступил в ряды Красной армии. Окончил Бронетанковые курсы РККА (1932). Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии РККА им. Фрунзе (1941). Воевал против войск адмирала Колчака, белополяков, войск Врангеля и бандформирований на Украине. Был ранен. Первая должность — инструктор по формированию 1-го стрелкового полка им. Исполнительного комитета Западного фронта. С мая 1918-го — порученец при штабе полка, затем начальник штаба 3-го отряда Шихранской группы 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии. С октября — начальник штаба бригады. С ноября — командир батальона в 233-м стрелковом полку. В феврале 1919 года назначен командиром полка, в июне 1920 года — командиром батальона. В феврале 1921 года переведен в войска ВЧК. Сначала он — помощник командира 192-го отдельного пограничного батальона Украинской ЧК. С августа — командир отдельной Велижской роты ЧОН. С июня 1922 года — командир 30-го отдельного Велижского взвода ЧОН. С ноября — командир 776-й отдельной Полоцкой роты ЧОН. С февраля 1923 года — помощник командира 770-го отдельного батальона ЧОН. С апреля — помощник начальника оперативной части ЧОН Витебской губернии. С июля — командир 770-го отдельного батальона ЧОН.

В декабре 1923 г. Будыхо снова в рядах Красной армии: помощник командира 13-го стрелкового полка по строевой, с мая 1924 года — исполняющий должность командира 14-го стрелкового полка, с октября — помощник командира 89-го стрелкового полка по строевой. В январе 1926-го назначен помощником начальника отдела по комсоставу в Управлении Западного военного округа. В ноябре возглавил мобилизационный отдел штаба. С октября 1928-го — командир 85-го стрелкового Акмолинского полка. В декабре 1931 года назначен военным руководителем Московского зернового института. В 1933-м — военрук в Московском сельскохозяйственном институте им. Тимирязева. В июне 1935 года назначен на должность помощника начальника отдела по военной подготовке Управления военно-учебных заведений РККА. 2 декабря 1935

года присвоено звание полковника. С апреля 1936 года — военрук в Московском текстильном институте. В октябре 1938 года назначен помощником командира 38-й стрелковой дивизии. С августа 1939-го — командир 171-й стрелковой дивизии. Звание генерал-майора присвоено 4 июня 1940 года. Награжден орденом Красного Знамени (1924).

В начале войны генерал Скугарев командовал 160-й стрелковой дивизией на Западном и Центральном фронтах. В июне 1941 года, несмотря на большие потери, ему удалось вырвать свои части из вражеского кольца. В сентябре 160-я была восстановлена и снова брошена в бой. А вот самому командиру пришлось принимать другое соединение. В приказе командующего Центральным фронтом генерала Ефремова говорилось: «Генерал-майору тов. Скугареву И.М. немедленно вступить в командование 219 мед». Во время Киевской оборонительной операции эта дивизия оказалась в окружении. 5 сентября 1941 года в окружении оказался и ее штаб. Генерал Скугарев получил два тяжелых ранения в грудь и был захвачен в плен у станции Плиски Черниговской области.

СКУГАРЕВ Иван Михайлович (26 августа 1895 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Порожки Санкт-Петербургской губернии в крестьянской семье. В 1906 году окончил четырехклассную школу, а в 1913-м — ремесленное училище. До призыва в армию работал токарем на Путиловском заводе. В 1914 году призван в Русскую армию. Окончил школу прапорщиков (1916). Участник Первой мировой войны, поручик, командир роты.

В апреле 1918 года вступил в Красную армию. Участник Гражданской войны. Воевал на Северном и Западном фронтах. Последняя должность — помощник командира полка.

После войны Скугарев командовал стрелковым полком 2-й стрелковой дивизии Белорусского особого военного округа. В феврале 1937-го был назначен командиром 37-й стрелковой дивизии. Уже через несколько месяцев арестован органами НКВД как «враг народа». В сентябре 1938 года реабилитирован и восстановлен в рядах Красной армии. До мая 1940 года преподавал в Военно-химической академии (старший преподаватель), а затем был назначен командиром 160-й стрелковой дивизией. 4 июня 1940 года ему присвоено звание генерал-майора. Награжден орденом Красного Знамени (1938).

Вечером 22 июня 1941 года 146-я стрелковая дивизия начала выдвижение к фронту. Спустя несколько дней она отразит атаку немецких танков и пехоты, а затем будет откатываться на восток. В июле соединение

передадут в подчинение 26-й армии. Сначала она находится в резерве, а потом снова в бою: обороняет переправы и рубежи, наступает и расширяет плацдармы, переправляется через реки для усиления обороны. 12 сентября отряд, возглавляемый командиром дивизии Герасимовым, будет разбит. Сам генерал окажется в немецком плену.

ГЕРАСИМОВ Иван Михайлович (5 января 1901 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в Санкт-Петербурге в семье рабочего. После окончания шестиклассной гимназии работал служащим.

В июле 1920 года вступил в Красную армию, а уже в марте 1921 года принимал участие в подавлении Кронштадтского восстания. В 1923 году окончил Смоленскую пехотную школу. До 1931 года командовал различными стрелковыми подразделениями, затем был командиром стрелкового полка. В 1937 году назначен командиром стрелковой дивизии, а в 1938-м — комендантом Киевского укрепрайона. 5 июня 1940 года ему присвоено звание генерал-майора. После окончания курсов усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии Генерального штаба (1940) назначен командиром 146-й дивизии Киевского особого военного округа. Награжден орденами Красного Знамени (1921) и Трудового Красного Знамени (1940).

62-я бомбардировочная авиационная дивизия с первых дней войны действовала на киевском направлении Юго-Западного фронта, поддерживая части его 5-й армии. К слову сказать, вся авиация Киевского округа насчитывала 11 дивизий, из которых шесть были армейского подчинения и базировались в полосе от 50 до 300 км от границы. 22 июня 1941 года противник нанес удар по 23-м передовым аэродромам округа. Наиболее сильные удары пришлось на пять смешанных авиадивизий и 62-ю бомбардировочную. На аэродромах в этот день летчики люфтваффе уничтожили более 200 советских самолетов, а еще 97 были сбиты ими в воздухе. И тем не менее советская авиация не была уничтожена полностью. Только за первые 40 дней боевых действий дивизия совершила 2173 самолетовылета.

В середине сентября 1941-го в котел под Киевом попали войска пяти советских армий Юго-Западного фронта. Разрешение на отход было получено из Москвы лишь 18-го числа. А на следующий день штаб 62-й авиадивизии попал в окружение в районе Пирытин Полтавской области. Заместитель командира соединения генерал Тхор организовал выход из него, объединив личный состав штаба и частей обеспечения. Через три дня в районе села Загребенья Гребенковского района авиаторы вступили в

неравный бой. Генерал Тхор, отстреливаясь из пулемета, был тяжело ранен в плечо и голову и в бессознательном состоянии попал в плен.

ТХОР Григорий Илларионович (28 сентября 1903 года). Украинец. Генерал-майор авиации (1940).

Родился в селе Подлипное Кевской губернии в крестьянской семье. После окончания церковно-приходской школы работал рассыльным на телеграфе и телеграфистом в Конотопе.

В Красную армию вступил в 1923 году. Окончил Сумские пехотные курсы (1924), Московскую объединенную школу им. ВЦИК СССР (1929), аэроклуб по курсу летчика-наблюдателя (1931), 2-ю Краснознаменную военную школу летчиков им. Осоавиахима (1934), курсы усовершенствования высшего начальствующего состава РККА при Военной Академии Генштаба (1941).

После окончания пехотных курсов Тхор командовал различными стрелковыми подразделениями. С 1932 года служил в 9-й бомбардировочной авиабригаде в Смоленске: командиром экипажа и помощником начальника штаба бригады по разведке. С 1935-го — командир звена самолетов-разведчиков в Монино Московской области. В 1937 году назначен командиром бригады 64-й тяжелой бомбардировочной авиационной дивизии. В течение года добровольцем воевал на стороне республиканцев во время Гражданской войны в Испании. С начала 1938 года — командир 32-го скоростного бомбардировочного авиаполка. В этой должности участвовал в боях в Монголии. С 1939-го — военно-воздушный атташе и главный военный советник по авиации в Китае. 4 августа Тхору присвоено звание комбрига. По возвращении — заместитель командующего военно-воздушными силами Забайкальского военного округа, а в 1940-м был назначен командиром тяжелой авиационной бригады Сибирского военного округа. 4 июня 1940 года ему присвоили звание генерал-майора авиации. После окончания курсов при Академии Генштаба Тхора назначили на должность заместителя командира 62-й тяжелой авиационной дивизии Киевского округа. Награжден орденами Ленина (1939), Красного Знамени (1937, 1937, 1938), «Знак Почета» (1936).

С 12 июля 1941 года 196-ю стрелковую дивизию перебрасывают под Одессу. Однако командование Юго-Западного фронта отдает приказ на прекращение марша. Дивизию нацеливают на Киев, где она должна была в районе Корсуня влиться в 6-й стрелковый корпус 26-й армии. Уже 20-го числа 196-я вступает в бой, но под сильными ударами противника начинает отходить. К 10 августа в составе 26-й армии она освобождает город Богуслав, форсирует Днепр и занимает плацдарм у Триполья. 12-го ее

передают 38-й армии, а 7 сентября снова в состав 26-й. К 16-му числу соединение занимает оборону на рубеже по реке Оржица, где попадает в окружение. Командир 196-й стрелковой дивизии генерал Куликов 21 сентября попадает в плен у деревни Сазоновки.

КУЛИКОВ Константин Ефимович (18 мая 1896 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Витомово Тверской губернии в крестьянской семье. После окончания четырехклассной сельской школы работал в хозяйстве отца. В 1914 году призван в Русскую армию. Участник Первой мировой войны, унтер-офицер.

В апреле 1918 года вступил в Красную армию. До 1920 года участвовал в Гражданской войне в должностях командира взвода, роты, батальона. В 1920–1922 годах служил в должности помощника командира полка. Окончил пехотную школу, до 1927 года служил помощником командира полка по хозяйственной части. В 1928 году окончил Высшие командные курсы «Выстрел», до 1930 года был помощником командира дивизии. С 1931 года по 1937 год командовал стрелковым полком. 17 февраля 1936 года ему было присвоено звание полковника. В 1938 году назначен на должность командира 39-й стрелковой дивизии. 17 февраля 1938 года ему было присвоено звание комбрига. Участник боевых действий на озере Хасан. Некоторое время спустя был арестован, а через год реабилитирован и восстановлен в армии. В 1939 году назначен на должность начальника курсов усовершенствования комсостава в Днепропетровске. 5 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. В марте 1941 года назначен командиром 196-й стрелковой дивизии Одесского военного округа.

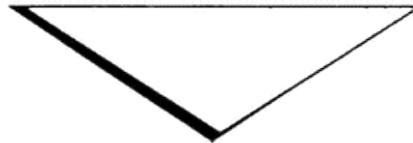
51-я стрелковая дивизия 22 июня 1941 года заняла участок обороны государственной границы СССР по восточному берегу реки Дунай от Измаила до Черного моря, а буквально через день отбросила речной десант противника в районе Каргал. Через месяц ее передадут из Приморской армии в 9-ю. О том, как она воевала, можно судить по следующим цифрам: по 10 сентября 51-я сд потеряла более 9 тыс. человек своего личного состава, в том числе ранеными — более 3600 человек и пропавшими без вести — более 2600 человек. К 7 октября дивизия вместе с остальными войсками 9-й и 18-й армий оказалась в плотном кольце окружения превосходящими силами противника. С утра 7-го 51-я дивизия, во взаимодействии с частями 18-й армии и 30-й стрелковой дивизии, пошла на прорыв. 10 октября остатки соединения вышли к своим. Не было среди них только командира дивизии генерала Цирульникова, который попал в плен.

ЦИРУЛЬНИКОВ Петр Гаврилович (3 июля 1900 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Кирилловна Калужской губернии в семье плотника. После окончания сельской школы работал пастухом, плотником и чернорабочим.

В феврале 1919 года вступил в Красную армию. Окончил Тамбовскую пехотную школу (1924) и Высшие командные курсы «Выстрел» (1930). Участник Гражданской войны. Воевал против финских войск и белополяков. Был ранен.

После окончания пехотной школы командовал рядом стрелковых подразделений. В 1936 году назначается на должность помощника командира 71-го стрелкового полка 24-й стрелковой дивизии, а в 1937-м — командиром стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии Ленинградского округа. 16 августа 1938 года ему было присвоено звание полковника, а 4 ноября 1939 года — комбрига. В 1939 году Цирульников — командир 51-й стрелковой дивизии. Участник советско-финской войны. 4 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1938, 1940).

Глава четвертая.
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ
НАПРАВЛЕНИИ

Прибалтийское направление прикрывал Северо-Западный фронт в составе трех общевойсковых армий. 27-я прикрывала территорию от района южнее Либавы на север, 8-я — от линии разграничения с 27-й до района восточнее Тильзита, имея в ближнем тылу 12-й мехкорпус, а 11-я — от линии разграничения с 8-й до линии разграничения с Западным фронтом, имея в ближнем тылу 3-й мехкорпус и 29-й стрелковый корпус.

Как пишет доктор исторических наук В.А. Анфилов, «в Прибалтийском особом военном округе (командующий генерал-полковник Ф.И. Кузнецов...) на государственной границе к началу войны находились 10-я стрелковая дивизия, по три батальона от 90, 125, 5, 33, 188-й стрелковых дивизий. Всего 15 стрелковых батальонов на фронте 165 км.

Войска частично были приведены в боевую готовность, отдельные соединения выдвигались в новые районы. К государственной границе совершали марш 23, 48 и 162-я стрелковые дивизии. 11-я стрелковая дивизия перевозилась из Ленинградского военного округа. 21-й и 24-й стрелковые корпуса находились на переформировании в пунктах постоянной дислокации. 3-й и 12-й механизированные корпуса были подняты по тревоге и выдвинуты в районы боевого предназначения согласно плану прикрытия. Штабы 8-й и 11-й армий и их корпусов находились на полевых командных пунктах в готовности взять на себя управление войсками с началом боевых действий. Всего командованию округа удалось привести в боевую готовность 6 стрелковых дивизий из 19 имеющихся в округе».

В результате в первый же день войны Северо-Западный фронт оказался расчлененным по линии разграничения 8-й и 11-й армий. 25 июня Ставка потребовала организовать новый фронт обороны по рубежу реки Западная Двина. Что же касается противника (Группа армий «Север» — 18-я полевая армия, 4-я танковая группа, 16-я полевая армия), то с выходом своих войск на рубеж Западной Двины он взял оперативную паузу. С этого момента приграничное сражение в Прибалтике закончилось.

26 июня 1941 года командующий войсками Северо-Западного фронта генерал Кузнецов докладывал в Москву: «... 1. Противник продолжает окружение Либавы.

2. 8-я армия — 12-й механизированный корпус и 5-я танковая дивизия в тылу противника без горячего. Командир 3-го механизированного

корпуса донес открыто 25.6.41 г.: “Помогите, окружен”. Стрелковые соединения на фронте Плателяй, Кражай, Кемле, Шиауленай, Шедува. В ночь на 27 июня начнет отход р. Лиелупе и далее на северный берег Зап. Двина до Екабпилс. Соединения армии понесли потери и нуждаются в их немедленном пополнении, которое начало по мобилизации поступать, но не может быть одето, так как обмундирование двух стрелковых дивизий осталось в бывших пунктах дислокации.

Соединения потеряли часть оружия, что уточняется.

11-я армия — штаб и Военный совет армии, по ряду данных, пленен или погиб. Немцы захватили шифрдокумент. 5, 33, 188, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых направлении Двинск. Много брошено оружия. 11-я армия не является организованным боеспособным соединением.

На вильнюсском направлении необходимо развертывание новой армейской группировки немедленно. За счет пополнения, видимо, погибших дивизий, прошу разрешить формирование новых четырех стрелковых дивизий...»

Согласно данным «Книги потерь», Прибалтийская стратегическая оборонительная операция проводилась в период с 22 июня по 9 июля 1941 года: «...войсками Северо-Западного фронта и частью сил Балтийского флота. В ходе боевых действий в состав советских войск дополнительно введены четырнадцать дивизий и одна бригада. В рамках данной операции проведены: приграничное оборонительное сражение и фронтовой контрудар на шяуляйском направлении.

Продолжительность — 18 суток. Ширина фронта боевых действий — 350–450 км. Глубина отхода советских войск — 400–450 км. <...>

Наступавшая в Прибалтике группа армий “Север” (командующий фельдмаршал В. Лееб) состояла из 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы. Вместе с 3-й танковой группой ее передовые силы вторжения насчитывали 655 тыс. чел., 7673 орудия и миномета, 1389 танков и 1070 самолетов 1-го воздушного флота...

Оборонялся Северо-Западный фронт... преобразованный из Прибалтийского Особого военного округа. Он имел в своем составе 8-ю, 11-ю и 27-ю армии, а также 5-й воздушно-десантный корпус. Общая численность войск фронта, без учета части сил Балтийского флота, составляла около 440 тыс. чел., около 5 тыс. орудий и минометов, 1274 танка и 1078 самолетов. <...>

В начале первого дня войны противник выбросил диверсионные группы, бомбил аэродромы, внезапной атакой захватил целыми все мосты

через Неман. Части 8-й и 11-й армий не смогли удержать линию фронта. Танковая группа генерала Гота, прорвав оборону 11-й армии, устремилась на Вильнюс, а 4-я танковая группа генерала Гепнера, смяв боевые порядки 8-й армии, быстро продвигалась к Даугавпилсу.

Пытаясь остановить рвущегося к Вильнюсу врага, командующий 11-й армией генерал-лейтенант В.И. Морозов бросил в бой 3-й мехкорпус, однако в ожесточенном сражении вечером 22 июня 5-я дивизия корпуса была разгромлена и отступила. 24 июня Вильнюс пал, а танки Гота рванулись к Минску.

23 июня командующий фронтом Ф.И. Кузнецов попытался организовать контрудар силами 3-го и 12-го мехкорпусов против 4-й танковой группы противника. Хотя в целом советские войска имели полуторное превосходство в танках, они вдвое уступали в живой силе и артиллерии. Двухдневное ожесточенное танковое сражение из-за огромных потерь и нехватки боеприпасов пришлось прекратить. В 12-м мехкорпусе осталось всего 35 танков.

26 июня немецкие танки ворвались в Даугавпилс и захватили мосты через Западную Двину, а пехотные соединения 18-й армии противника решительно наступали на Ригу. На целых три дня задержал стремящегося к Риге врага героический гарнизон советско-морской базы в Лиепае. Только 29 июня немцы все же ворвались в город. Части 8-й армии генерал-майора П.П. Собенникова, не успевшие отойти, решительной контратакой выбили противника из города. Это позволило 8-й армии в полном порядке отойти за Двину. Вновь занять Ригу немцы смогли лишь 1 июля.

2 июля противник нанес мощный удар в стык между 8-й и 27-й армиями и прорвал фронт. За неумелое руководство войсками командование фронта было снято со своих постов. Новым командующим фронтом стал генерал-майор П.П. Собенников.

6 июля устремившиеся в прорыв танки Гепнера захватили город Остров, а 10 июля после ожесточенного боя — Псков. Над Ленинградом нависла реальная угроза. Противник упрямо продвигался на Восток. Лишь в Эстонии 8-й армии удалось задержать врага на линии Пярну — Тарту.

За три недели боев советские войска оставили почти всю Прибалтику».

Безвозвратные потери Северо-Западного фронта составили более 73 900 (а вместе с санитарными — 87 208) от 400 000 человек.

27 июня 1941 года заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта генерал Трухин по приказу командующего фронтом выехал в район Паневежиса для наблюдения за отходом войск фронта. По данным историка К.М. Александрова, «в 8 км южнее Якобштадта (Литва) прорвавшиеся автомобили противника расстреляли машину Трухина, его адъютант был убит, а он — ранен и захвачен в плен».

ТРУХИН Федор Иванович (29 февраля 1896 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в семье штабс-капитана в отставке и будущего предводителя дворянства Костромской губернии. В 1906 году закончил Костромскую начальную школу, в 1914 году — 2-ю Костромскую гимназию и в 1916 году — два курса юридического факультета МГУ. С 1916 года в Русской армии. Окончил 2-ю Московскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны, выборный командир батальона на Юго-Западном фронте.

В ноябре 1918 года вступил в Красную армию. Окончил Военную академию РККА (1925) и Военную академию Генштаба.

В годы Гражданской войны принимал участие в боях на Юго-Западном фронте против частей атамана Петлюры, белополяков и повстанцев. С ноября 1918-го — командир отделения Костромского губернского запасного кавалерийского полка. Через год назначен командиром роты 363-го стрелкового полка. С июля 1920-го — командир батальона, в октябре — командир 362-го стрелкового полка, с января 1921-го — командир батальона 361-го стрелкового полка. В этом же месяце убыл в отпуск по болезни. В августе 1921 года — командир роты Костромских пехотных командных курсов.

В августе 1925 года, по окончании Академии им. Фрунзе, Трухин назначен начальником штаба и исполняющим должность командира 133-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии. С сентября 1926-го — начальник штаба 7-й стрелковой дивизии. В январе 1931 г. назначен начальником штаба 12-го стрелкового корпуса. Через год переведен на должность преподавателя в Военную академию им. Фрунзе. С апреля 1934-го — начальник кафедры методики боевой подготовки. В 1935 году присвоено звание полковника. В октябре 1936 года зачислен слушателем в Военную академию Генштаба. С октября 1937-го — старший руководитель курса, с ноября — старший преподаватель кафедры оперативного

искусства. 5 июня 1940 года присвоено звание генерал-майора. В августе переведен на должность заместителя начальника 2-го отделения Управления боевой подготовки РККА, а в январе 1941-го назначен на должность начальника оперативного отдела и заместителя начальника штаба Прибалтийского округа. Награжден орденом Красного Знамени (1924).

«С началом Великой Отечественной войны корпус под командованием Н.М. Шестопалова в составе 8-й армии Северо-Западного фронта участвовал в приграничном сражении в Прибалтике, — сообщается в книге «Комкоры». — 23–24 июня 1941 г. в ходе фронтового контрудара по противнику западнее г. Шяуляй корпус понес большие потери и был вынужден отойти на рубеж р. Западная Двина. В этих боях 27 июня при отходе Н.М. Шестопалов был тяжело ранен и попал в плен...»

ШЕСТОПАЛОВ Николай Михайлович (16 января 1896 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1940). Родился в Воронеже. В Русской армии с 1915 года. Окончил учебную команду при 4-м запасном кавалерийском полку (1916). Участник Первой мировой войны на Юго-Западном фронте, младший унтер-офицер.

В Красную армию вступил в феврале 1918 года. Окончил кавалерийские курсы усовершенствования командного состава РККА в Новочеркасске. Командовал взводом в составе отряда особого назначения Воронежской ЧК. С июля принимал участие в боях против войск генерала Иванова. В ноябре назначен помощником командира, а затем и командиром эскадрона в составе кавалерийского дивизиона кавалерийского полка Воронежской ЧК. В составе полка, позднее ставшим 10-м стрелковым, принимал участие в боях против войск генерала Деникина. С мая 1919-го — оперативный комиссар и временно исполняющий должность заведующего секретным оперативным отделом Воронежской ЧК, участвовал в освобождении Воронежа. Летом 1920-го на Южном фронте — командир эскадрона 1-й отдельной стрелковой бригады 2-й особой армии. Принимал участие в боях против формирований Махно. С сентября — помощник командира 50-го и 51-го кавалерийских полков, с ноября — командир эскадрона 53-го кавполка. Принимал участие в боях против войск генерала Врангеля и формирований Махно и Тютюнника.

После войны Шестопалов — помощник командира 52-го кавалерийского полка, командир 51-го кавалерийского полка. После окончания кавалерийских курсов вернулся на прежнюю должность. Через шесть лет Шестопалова назначат сначала помощником командира 5-й кавалерийской дивизии, а в мае 1935-го — командиром 26-й кавалерийской дивизии. В сентябре 1937 года он — временно исполняющий должность командира 7-го кавалерийского корпуса. В мае следующего — начальник

Управления военно-конных заводов РККА. С июля 1940-го — командир 65-го стрелкового корпуса, а с марта 1941-го — командир 12-го механизированного корпуса Прибалтийского округа. Награжден орденом Красной Звезды.

Части 22-го территориального Эстонского корпуса впервые вступили в бои с передовыми разведывательными группами противника только 7–8 июля 1941 года. А 9-го числа немцы атаковали их в двух направлениях: на Порхов и на Дедовичи. Во время боев 9–10 июля некоторые бойцы и командиры национального соединения дезертировали и переходили на сторону противника, а начальник снабжения корпуса генерал Ротберг попал в плен.

РОТБЕРГ Тынис Юрьевич (9 сентября 1882 года). Эстонец. Генерал-майор интендантской службы (1940). Родился в деревне Куце Вильяндинского уезда (Эстония) в семье крестьянина. Служил в Русской армии. В 1903 году окончил Виленское военное училище. Подпоручик 4-го Финляндского стрелкового полка. В 1914 году окончил Интендантскую академию в Петербурге. Участник Первой мировой войны. Проходил службу в этапно-хозяйственном отделе штаба 4-й армии, затем обер-офицером для поручений в штабе 24-го армейского корпуса. С марта 1917-го — интендант 188-й пехотной дивизии, подполковник.

С 1919-го — интендант 1-й стрелковой дивизии в эстонской армии. В период 1919–1938 гг. — начальник управления снабжения армии. Генерал-майор эстонской армии (1928). С 1938 года — помощник военного министра и военный министр Эстонии. С сентября 1940 года в Красной армии, интендант 22-го территориального стрелкового корпуса РККА. Звание генерал-майора интендантской службы присвоено 29 декабря 1940 года. В начала войны — начальник снабжения 22-го стрелкового корпуса.

Начальник обороны северо-восточного участка блокированной 24 июня 1941 года Либавы генерал Благовещенский успел побыть на этой должности всего два дня: 25–26 июня. Ночью 27-го в составе одной из контратаковавших колонн ему удалось прорваться из Либавы, однако 6 июля, как утверждает К.М. Александров, Благовещенский был захвачен в плен членами латышской военизированной организации «Айзсарг».

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ Иван Алексеевич (14 сентября 1893 года). Русский. Генерал-майор береговой службы (1941). Родился в Юрьевце в семье священника. В 1904 году окончил подготовительный класс духовного училища, в 1905-м — Юрьевецкое городское училище, в 1908-м — Кинешемское духовное училище и 4 класса Костромской духовной семинарии (1913). До службы в Русской армии работал учителем церковно-

приходской школы. В 1914 году окончил Виленское пехотное училище, прапорщик. Участник Первой мировой войны на Юго-Западном фронте, был ранен. Начальник команды службы связи, командир батальона запасного полка, штабс-капитан.

В Красной армии с марта 1918 года. Окончил мобилизационные курсы при Военно-морской академии (1927), курс тактики при Ленинградской высшей военно-педагогической школе и вечернее отделение Военной академии им. Фрунзе (1934).

Участник Гражданской войны. Принимал участие в боях на Восточном и Северо-Западном фронтах. Первая должность — инструктор и военный руководитель военкомата Муром. С августа — командир 30-го стрелкового полка, с сентября — начальник оперативной части боевого отряда ВЧК 1-й армии. В январе 1919 года назначен командиром 164-го финского коммунистического полка 7-й армии, а в мае — командиром ударного отряда моряков-курсантов 6-й дивизии 7-й армии. После боев под Петроградом откомандирован в Петроградское училище командного состава. Командир курсантской батареи.

В январе 1923 года Благовещенский назначен помощником заведующего учебными классами. С октября 1924-го — помощник начальника курса. Через год — начальник курса. В ноябре 1927 года — начальник строевого отдела. С января 1931-го — штатный преподаватель Военно-морского училища им. Фрунзе. С ноября 1932-го — преподаватель военно-морского инженерного училища им. Дзержинского. С декабря — преподаватель в Военно-морском училище связи. Начальник штаба училища (1933). С 1936 года — начальник штаба Южно-Кавказского укрепрайона Черноморского флота. С 1938-го — начальник курсов усовершенствования командного состава запаса Черноморского флота. В 1939 году присвоено звание комбриг. С 1939-го — начальник учебно-строевого отдела штаба учебного отряда подводного плавания, с 1940-го — начальник курсов подготовки начальствующего состава, с апреля 1941-го — начальник училища ПВО Военно-морского флота в Лиепае. В мае 1941 года присвоено звание генерал-майора береговой службы. Награжден орденом Красного Знамени (1939).

128-я стрелковая дивизия в первый же день войны попала под удар 3-й танковой группы немцев. Большой частью она была окружена в течение трех дней, и все остальные дни июня ее положение командованию было неизвестно. Командир соединения генерал Зотов в этих боях был ранен в руку, но сумел прорваться к Минску с группой своих подчиненных. Однако 28 июля в бою с немецким подразделением снова попал в окружение и был

взят в плен.

ЗОТОВ Александр Семенович (3 июля 1897 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в Санкт-Петербурге в семье рабочего. Окончил четырехклассную школу и шесть классов реального училища (1915). В Русской армии окончил школу прапорщиков (1916). Участник Первой мировой войны. Воевал на Западном фронте, был ранен, командир роты.

В октябре 1918 года вступил в Красную армию. Окончил Высшие командные курсы «Выстрел» (1927). Участник Гражданской войны. Принимал участие в боях против войск генералов Деникина и Врангеля.

После войны до 1932 года командовал различными строевыми и учебными подразделениями. В период с 1932 по 1937 год Зотов занимал должность командира стрелкового полка, в период с 1937 по 1939 год — заместителя командира дивизии. 4 ноября 1939 года ему было присвоено звание комбрига. С 1939-го он — командир 128-й стрелковой дивизии. Участник советско-финской войны. 4 июня 1940 года ему присвоено звание генерал-майора. В этом же году его 128-я стрелковая дивизия была передислоцирована в Латвию. Награжден орденами Красного Знамени (1936) и Красной Звезды (1940).

В первый день войны 48-я стрелковая дивизия на марше сначала попала под авианалет противника, а затем под удар его 56-го моторизованного корпуса. Тем не менее 23 июня остатки соединения участвовали в контрударе в районе Расейняй. Полностью же 48-я дивизия была разгромлена в Эстонии в июле. Командир дивизии генерал Богданов попал в плен 17 июля 1941 года.

БОГДАНОВ Павел Васильевич (15 января 1900 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в Орле в семье рабочего. После окончания шестиклассного городского училища работал на заводе.

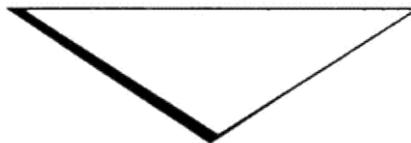
В Красную армию вступил в 1918 году. Участник Гражданской войны. Принимал участие в боях против войск Петлюры, Скоропадского, Деникина и белополяков.

После войны Богданов окончил Московские курсы комсостава РККА и командовал различными стрелковыми подразделениями. В 1926-м окончил Высшие командные курсы «Выстрел» и до 1935 года командовал батальоном. В период с 1935 по 1938 год — командир стрелкового полка 20-й стрелковой дивизии Ленинградского округа. С 1938-го — начальник штаба дивизии. В 1939 году назначен командиром 48-й стрелковой дивизии Белорусского округа. 4 ноября 1939 года ему было присвоено звание комбрига, а 4 июня 1940 года — звание генерал-майора.

Активные действия наземных войск Ленинградского фронта на границе с Финляндией начались только 29 июня 1941 года. В этот день 43-я стрелковая дивизия совместно с частями 115-й стрелковой дивизии отбили внезапно захваченный финскими войсками г. Энсо. А 31 июля, когда финны нанесли удар по всему фронту 23-й армии, соединению пришлось отступить. 5 августа 43-я участвует в неудачном контрударе в направлении шоссе Выборг — Лаппенранта, но 20-го с боями отходит севернее Выборга. В ходе очередного неудачного контрудара (24 августа) по прорвавшейся группировке противника части соединения, встретив упорное сопротивление финнов, понесли тяжелые потери. В лесном массиве между деревнями Порлами и Мятсякюля они были окружены и стали отходить. Командир соединения генерал Кирпичников был тяжело ранен и 1 сентября был взят в плен.

КИРПИЧНИКОВ Владимир Васильевич (1903). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в Симбирске.

Окончил Ульяновское пехотное военное училище (1925). До 1937 года последовательно командовал взводом, ротой, батальоном. В 1937 году в должности начальника штаба полка находился в спецкомандировке в Испании. По возвращении был назначен начальником штаба полка 11-й стрелковой дивизии. С августа 1939-го — командир 43-й стрелковой дивизии. Участник советско-финской войны в составе 7-й армии. На ее завершающем этапе дивизия под командованием В.В. Кирпичникова форсировала Выборгский залив и овладела островами Суонионсаари и Равансаари. Перед войной окончил курсы высшего начсостава при Военной Академии Генштаба. Награжден орденами Красного Знамени (1940) и Красной Звезды (1938).

Глава пятая.

НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

«О завершении подготовки к наступлению на Москву, — подчеркивал в своем труде доктор исторических наук В. А. Анфилов, — Гитлер говорил в обращении к войскам 2 октября 1941 г.: “Создана, наконец, предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага. Все приготовления, настолько это возможно для человеческих усилий, уже окончены... Сегодня начинается последнее, решающее сражение этого года”».

Внимание советского политического и военного руководства в те дни было приковано к западному направлению. Для защиты Москвы Ставка Верховного Главнокомандования развернула войска трех фронтов:

Западного, Резервного и Брянского, во главе которых стояли генерал И.С. Конев, маршал СМ. Буденный и генерал А.И. Еременко. Основные силы Резервного фронта располагались за Западным фронтом, составляя второй эшелон войск в стратегической оборонительной операции. <...>

Вскрыв подготовку наступления немецких войск на Москву, 27 сентября Ставка ГКО приказала войскам перейти к жесткой, упорной обороне и мобилизовать все инженерные части на устройство заграждений и отрывку окопов с ходами сообщения. Особое внимание Конева обращалось на прикрытие вяземского направления, Буденного — рославльского и Еременко — брянско-орловского».

В официальных источниках состав войск противоборствующих сторон представлен следующими цифрами: «...группа армий “Центр” была усилена за счет резервов и танковых соединений группы армий “Север”. В ней насчитывалось свыше 1 млн. 800 тыс. человек, 74,5 дивизии (в том числе 14 танковых и 8 моторизованных), свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков, 1390 самолетов.

Противнику в 350–550 км от Москвы в полосе 730 км противостояли три советских фронтовых объединения...

Всего в составе этих фронтов насчитывалось 1 млн. 250 тыс. человек, 95 соединений (в том числе 3 механизированные дивизии и 13 танковых бригад), 7600 орудий и минометов, 900 танков и 667 самолетов.

Группа армий “Центр” превосходила противостоявшие ей советские войска в людях в 1,4 раза, в орудиях и минометах — в 1,8 раза, в танках — в 1,7 раза, в боевых самолетах — в 2 раза».

Что касается хода операции, то по данным «Книги потерь», «6

сентября Гитлер издал директиву № 35, согласно которой группе армий «Центр» надлежало подготовиться к решительному наступлению на Москву. Этой операции было присвоено условное наименование «Тайфун». Планом ее проведения предусматривалось ударами трех танковых группировок из районов Духовщины, Рославля и Шостки расчлнить оборону советских войск, окружить их под Вязьмой и Брянском, а затем сильными подвижными группами охватить Москву с севера и юга и одновременно с фронтальным наступлением пехотных соединений овладеть столицей нашего Отечества.

Операция «Тайфун» началась 30 сентября наступлением 2-й немецкой танковой группы против войск Брянского фронта.

2 октября в наступление перешли 3-я и 4-я немецкие танковые группы против войск Западного и Резервного фронтов. 7 октября они окружили западнее Вязьмы основные силы Западного и Резервного фронтов, которые в течение 12—13 октября сковывали в боях до 28 дивизий противника. Часть советских войск сумела выйти из окружения, многие бойцы остались за линией фронта и продолжали борьбу в партизанских отрядах.

9 октября неприятель расчленил и отрезал пути к отходу трем армиям Брянского фронта. 14 октября немцы захватили Ржев и Калинин, на юге возникла угроза Туле.

К середине октября в обороне Красной армии образовалась огромная брешь шириной до 500 км. Немецкому командованию после такого впечатляющего успеха казалось, что ничто уже не сможет воспрепятствовать захвату Москвы. Но германская сторона переоценила свои возможности.

В срыве немецкого плана быстрого наступления на Москву имели большое значение многие сражения на дальних подступах к столице. <...>

10 октября в целях объединения руководства войсками на западном направлении армии Резервного фронта были включены в состав Западного фронта. Командовать войсками фронта было поручено генералу армии Г.К. Жукову, срочно вызванному из Ленинграда. Его решительные действия по сбору оставшихся частей и упорядочения управления войсками дали положительный результат. Наступление противника на западном направлении начало замедляться».

Но вернемся в начало октября 1941 года. 2-го числа точно по московскому времени в 5.30 утра после короткой, но весьма мощной артиллерийской и авиационной подготовки главные силы немецкой группы армий «Центр» перешли в наступление. Уже «3 октября глубина прорыва немцев на Западном фронте достигала 50 километров, на Резервном — 80,

а в полосе Брянского фронта противник преодолел 200 километров и ворвался в Орел. Брянский фронт, будучи рассечен на ряде направлений, потерял свою боеспособность и, неся потери, разрозненными группами отходил на восток. Над его войсками нависла угроза окружения. Сгущались тучи над Западным и Резервным фронтами, оборона которых была разбита. Обстановка с каждым часом накалялась, а приказа на отход все не было. Лишь в 19 часов 45 минут начальник Генерального штаба приказал войскам Западного фронта начать отход. Одновременно Ставка приняла решение об отводе в ночь на 6 октября войск Резервного и Брянского фронтов» (Краснов В. Неизвестный Жуков).

Осенью 2011 года, семьдесят лет спустя, свой визит на Смоленщину группа ветеранов и молодых специалистов МИД начала с Вязьмы и Богородицкого поля:

«Здесь 11 октября 1941 года части четырех армий — 19,20, 24, 32 — пытались вырваться из окружения. Общее командование осуществлял М.Ф. Лукин. 85 тысячам человек удалось выйти из окружения. На полях боев остались около 400 тысяч, а 685 тысяч человек попали в плен (по данным немцев). Сотни тысяч людей ценою своих жизней удерживали врага, сковывая силы фашистов на подступах к Москве» (Визит ветеранов и сотрудников МИД России на Смоленщину. Совет ветеранов МИД России. 13 октября 2011 г.).

Там же, на Смоленщине, из 12 июльских дивизий московского народного ополчения 1941 года погибли 9...

«С 10 сентября генерал-лейтенант М.Ф. Лукин командующий 19-й армией Западного фронта, — говорится в книге «Командармы». — В начале октября 1941 г. в ходе Вяземской оборонительной операции соединения 19-й, а также 20, 24 и 32-й армий Западного и Резервного фронтов были окружены в районе западнее г. Вязьма. Ставкой ВГК было приказано окруженным армиям под общим руководством М.Ф. Лукина прорываться на Гжатск. При выходе из окружения 14 октября М.Ф. Лукин был тяжело ранен, попал в плен к немцам...»

ЛУКИН Михаил Федорович (6(18) ноября 1892 года). Русский. Генерал-лейтенант (1940).

Родился в деревне Полухтино, ныне Зубцовского района Тверской области в крестьянской семье. В Русской армии с 1913 года. Участник Первой мировой войны. В 1916 году окончил школу прапорщиков, затем командир роты, поручик.

В Красной армии с июля 1918 года. Окончил курсы разведчиков при Полевом штабе РККА (1918) и курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии им. Фрунзе (1925 и 1931).

В годы Гражданской войны воевал на Южном фронте под Царицыном и на Северном Кавказе против войск генерала Деникина, на Западном фронте против белополяков: командир запасного батальона, помощник начальника штаба стрелковой дивизии, командир стрелкового полка и бригады, начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии. В 11-й Петроградской стрелковой дивизии — командир 94-го стрелкового полка и 33-й стрелковой бригады. Был ранен и контужен.

После войны Лукин — начальник 92-х пехотных курсов в г. Лубны, а затем помощник командира 23-й стрелковой дивизии в Харькове. С 1923 года — начальник штаба 7-й стрелковой дивизии, с ноября 1924-го — начальник строевого отдела штаба Украинского округа, с июня 1927-го — начальник 1-го отдела Управления по командно-начальствующему составу Главного управления РККА, с января 1929-го — командир 23-й стрелковой дивизии. В 1935 году Лукин назначен комендантом Москвы, а в 1937 году находился в распоряжении по командно-начальствующему составу РККА. В декабре назначен заместителем начальника, затем начальником штаба, а в декабре 1939-го — заместителем командующего войсками Сибирского округа. В июне 1940 года назначен на должность командующего 16-й

армией этого округа. 21 ноября 1935 года присвоено звание комдива, а в июне 1940-го — генерал-лейтенанта.

Как отмечается в книге «Командармы», «с начала Великой Отечественной войны генерала-лейтенант М.Ф. Лукин продолжал командовать этой же армией в составе резерва Ставки ГК (с середины июля — Западного фронта). Участвовал в Смоленском сражении. С 10 по 20 июля войска группы армий “Центр” противника прорвали оборону Западного фронта на его правом крыле и в центре и захватили гг. Орша, Смоленск, Ельня, Кричев. В течение всей второй половины июля соединения 16-й армии под командованием М.Ф. Лукина вели тяжелые бои на подступах и на окраине Смоленска, имея задачу овладеть городом. Однако части, измотанные и обескровленные непрерывными боями в течение месяца, не могли выполнить эту задачу. Войска понесли большие потери и оказались в окружении. 2 августа войскам армии удалось прорвать кольцо окружения, выйти к Днепру, переправиться на левый берег и соединиться с основными силами фронта. 8 августа в ходе Смоленского сражения М.Ф. Лукин был назначен командующим 20-й армией этого же фронта. В августе — сентябре соединения армии вели упорные оборонительные бои южнее Ярцево, прикрывая дорогобужское направление. За умелое командование войсками и проявленное при этом личное мужество в Смоленском сражении М.Ф. Лукин был награжден орденом Красного Знамени». Награжден тремя орденами Красного Знамени (1921, 1925, 1941) и орденом Трудового Красного Знамени (1932).

Начальник штаба 19-й армии генерал Малышкин в плен попал несколько позже своего командующего. Вот как об этом пишет К.М. Александров: «Бои по прорыву из окружения 11–12 октября окончились безрезультатно. 24 октября во время ночевки у костра захвачен в плен немецким патрулем. В момент пленения был в гражданской одежде и назвался рядовым Володиным.

Отправлен в лагерь военнопленных под Вязьму, где опознан и выдан одним из сотрудииков штаба армии».

МАЛЫШКИН Василий Федорович (26 декабря 1896 года). Русский. Генерал-майор (1941). Родился на Марковском руднике под Юзовкой в семье служащих. С 1908 по 1916 год учился в Новочеркасской гимназии. В Русской армии с октября 1916 года. Окончил юнкерское Чугуевское военное училище. Прапорщик.

В апреле 1918 года вступил в Красную армию. Окончил Военную академию РККА (1927).

Участник Гражданской войны. Первая должность — командир роты 2-

го Донецкого советского полка. С мая 1919 года — командир батальона и помощник командира 334-го стрелкового полка. В дальнейшем: командир 339-го стрелкового полка, командир 351-го стрелкового полка, командир 174-го стрелкового полка. С октября 1921 года — командир 7-го Кавказского стрелкового полка.

После окончания академии в 1927 году Малышкин назначен начальником штаба 33-й стрелковой дивизии в Могилеве. С октября 1930-го — начальник штаба Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава «Выстрел», с 1931-го — начальник сектора Управления военно-учебных заведений РККА, с 1933-го — начальник Киевской пехотной школы. В мае 1935 года назначен военным комиссаром и командиром 99-й стрелковой дивизии, а в декабре 1936-го — заместителем начальника штаба Забайкальского военного округа. С августа 1937-го — начальник штаба 57-го особого корпуса в Монголии. В августе 1938-го был арестован и обвинен в участии в антисоветском заговоре и шпионаже. В октябре 1939 года освобожден. С декабря 1939-го — старший преподаватель Военной академии Генерального штаба. В декабре 1939 года присвоено звание комбриг. В июле 1941 года назначен начальником штаба 19-й армии.

С 7 октября 1941 года присвоено звание генерал-майор. Награжден орденами Красного Знамени и «Знак Почета».

«В сентябре — октябре 1941 года Ф.А. Ершаков — командующий 20-й армией Западного фронта, которая вела упорные оборонительные бои южнее Ярцево, прикрывая дорогобужское направление, в октябре — принимала участие в Вяземской оборонительной операции, — говорится в книге «Командармы». — В этой операции, вследствие прорыва противником обороны Западного фронта севернее Ярцево и юго-западнее Ельни и выхода его ударных группировок в район Вязьмы, войска армии оказались в окружении. В тяжелой обстановке они продолжали вести оборонительные бои. Часть войск армии, прорвав фронт окружения, с боями вышла на Можайскую линию обороны, однако в этих боях Ф.А. Ершаков попал в плен». Случилось это 2 ноября 1941 года в районе г. Сухиничи.

ЕРШАКОВ Филипп Афанасьевич (22 января 1893 года). Русский. Генерал-лейтенант (1940). Родился в селе Таганки Смоленской губернии в семье крестьянина. В Русской армии с 1914 года. Участник Первой мировой войны на Северо-Западном фронте, командир роты, подпрапорщик.

В Красной армии с апреля 1918 года. Окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1924), курсы единачальников при Военно-политической академии (1930), особый факультет Военной академии им. Фрунзе (1935).

В годы Гражданской войны воевал на Северном фронте против войск генерала Миллера, против войск генерала Юденича и на Западном против белополяков: командир роты, помощник командира полка и командир полка.

После Гражданской войны Ершаков проходил службу в Белоруссии: помощник командира и командир стрелкового полка, помощник командира и командир стрелковой дивизии. После окончания академии в 1935 году командовал 29-й стрелковой дивизией и 5-м стрелковым корпусом. С 1938-го — заместитель командующего войсками Харьковского военного округа, а с июля — командующий войсками Уральского округа. В 1940 году Ершакову присвоено звание генерал-лейтенанта, а в июне 1941-го он назначен командующим 22-й армией.

Из книги «Командармы»: «С началом Великой Отечественной войны Ф.А. Ершаков — командующий этой армией, находившейся в резерве

Ставки ВГК. В конце июня армия начала выдвижение в район Полоцка и 2 июля передана в состав Западного фронта. Войска армии под командованием Ф.А. Ершакова, не закончив сосредоточения и развертывания, вступили в сражение с соединениями 16-й армии и 3-й танковой группы немецко-фашистских войск на рубеже Идрица, Витебск. В дальнейшем войска армии участвовали в Смоленском сражении на великолукском направлении. В ходе этого сражения 6 стрелковых дивизий армии под командованием Ф.А. Ершакова вели ожесточенные бои на фронте 220 км с наступавшими 16 дивизиями противника, в т.ч. 3 танковыми и 3 моторизованными. Под ударами превосходящих сил противника войска армии вынуждены были отходить. Упорно обороняя каждый выгодный рубеж, они наносили по вражеским войскам контрудары, мужественно отстаивали каждую пядь земли. Несмотря на большие потери от огня и контратак соединений армии, немецко-фашистские войска продолжали наступление и 20 июля заняли г. Великие Луки. В июле — августе соединения армии сорвали попытки немецко-фашистского командования уничтожить Невельскую группировку советских войск и создать условия для глубокого обхода левого крыла Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов. В конце августа 1941 г. Ф.А. Ершаков проявил мужество и умение руководить войсками армии в условиях окружения при ведении оборонительных действий на торопецком направлении». Награжден двумя орденами Красного Знамени (1919 и 1920).

Начальник артиллерии 20-й армии генерал Прохоров также попал в плен при попытке прорваться из окружения.

ПРОХОРОВ Иван Павлович (27 апреля 1901 года). Русский. Генерал-майор артиллерии (1940). Родился в деревне Коверино Тульской губернии в крестьянской семье. Окончил 4 класса сельской школы.

В Красную армию вступил в 1919 году. Окончил Саратовские артиллерийские курсы (1920), Бакинские артиллерийские курсы, Петроградскую высшую школу комсостава и Военную артиллерийскую академию им. Дзержинского (1936). Участник Гражданской войны. Воевал в составе 3-го Украинского полка. До 1931 года командовал различными артиллерийскими подразделениями. После окончания академии в 1936 году командовал артиллерийским полком в Ленинградском военном округе, с 1938-го — артиллерией дивизии, с 1940-го — артиллерией корпуса. 4 июня 1940 года Прохорову было присвоено звание генерал-майора, а в 1941 году его назначили начальником артиллерии 20-й армии Орловского военного округа. Награжден орденами Красного Знамени (1940) и Красной Звезды

(1940).

24-я армия вошла в состав Резервного фронта 30 июля 1941 года, а уже в августе — сентябре участвовала в Ельнинской операции. Однако в ходе Вяземской оборонительной операции была окружена. По данным Ф.Д. Свердлова, «артиллерия, которой командовал Мошенин, вела бои до середины октября 1941 года, пока у нее не кончились снаряды. 4 ноября 1941 года Мошенин попал в плен вместе с несколькими офицерами своего штаба при попытке выйти из окружения». При таких же обстоятельствах попал плен и генерал Сиваев, начальник военных сообщений 24-й армии.

МОШЕНИН Степан Арсентьевич (28 марта 1898 года). Русский. Генерал-майор артиллерии (1940). Родился в Санкт-Петербурге в семье садовника. Окончил начальную школу и три класса сельскохозяйственного училища (1914). В Русской армии с 1914 года. Участник Первой мировой войны. Воевал на Западном и Юго-Западном фронтах. Был ранен.

В Красной армии с 1918 года. Окончил 2-ю Петроградскую артиллерийскую школу (1919), Томское артиллерийское училище (1928). Участник Гражданской войны. Принимал участие в боях против войск Юденича, белополяков и в ликвидации Тамбовского восстания. До 1926 года командовал различными артиллерийскими подразделениями. С 1928-го — командир батареи, дивизиона, начальник штаба артиллерийского полка. С 1936 года командовал артиллерийским полком в Ленинградском округе, а с 1938-го — командующий артиллерией Сибирского военного округа. В июне 1940 года ему присвоено звание генерал-майора, и в том же году Мошенин назначен начальником артиллерии 24-й армии. Награжден орденом Красной Звезды (1936).

СИВАЕВ Максим Наумович (1 января 1891 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в деревне Хлысты Смоленской губернии в крестьянской семье. Окончил земскую начальную школу. Работал рабочим, экспедитором и чернорабочим. С 1916 года в Русской армии. Участник Первой мировой войны на Западном фронте.

В Красной армии с октября 1918 года. Окончил Ленинградские курсы усовершенствования работников военных сообщений (1930) и Военно-транспортную академию (1936). До 1920 года работал на Железной дороге на Южном фронте, затем был помощником начальника военных сообщений этого фронта. До 1924 года — военный комиссар на железной дороге. С 1924-го — военный помощник начальника Читинской железной дороги.

Участник конфликта на КВЖД (1929). После окончания академии занимал должности начальника военных сообщений военных округов. В феврале 1938 года ему присвоено звание военного инженера 1-го ранга, в апреле 1940-го — комбрига и в июне — генерал-майора. Через год Сиваев назначен на должность начальника военных сообщений 24-й армии.

Генерал Вишневский 32-й армией Резервного (Западного — с октября) фронта командовал с сентября 1941 года. «С 3 октября войска армии вели оборонительные бои под Вязьмой, с 7 октября — в окружении, — сообщается в книге «Командармы». — Вышедшие из окружения войска были переданы в другие армии, а управление 13 октября расформировано. Командующий армией С.В. Вишневский из окружения не вышел и 22 октября 1941 г. был пленен».

ВИШНЕВСКИЙ Сергей Владимирович (18 апреля 1893 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в г. Рогачев, ныне Республика Беларусь. Окончил кадетский корпус в г. Сумы (1912), Елизаветградское кавалерийское училище (1914). В Русской армии с 1912 по 1918 год. Участник Первой мировой войны на Юго-Западном фронте, командир взвода, эскадрона. Штабс-ротмистр.

В Красной армии с 1918 года. Окончил курсы усовершенствования высшего комсостава при Военной академии им. Фрунзе (1929) и Военную академию им. Фрунзе (1933).

В годы Гражданской войны помощник и временно исполняющий должность начальника штаба бригады, командир кавалерийского полка, командир кавалерийской бригады. Участвовал в боях против формирований Махно и басмачей на Туркестанском фронте.

После войны состоял в распоряжении начальника штаба Туркестанского фронта, затем Инспекции кавалерии РККА. С октября 1923-го — командир кавалерийского полка, с мая 1924-го — заместитель начальника кавалерийской школы, с марта 1925-го — помощник командира и командир кавалерийской бригады и с октября 1926-го — помощник начальника отдела штаба Ленинградского округа. В октябре 1927 года назначен на должность командира 7-й Самарской кавалерийской дивизии, в апреле 1929-го — на должность начальника штаба кавалерийской бригады. С мая 1933-го — преподаватель тактики Военной академии им. Фрунзе, с октября 1940-го — помощник генерал-инспектора кавалерии РККА. В декабре 1935 года Вишневскому присвоено звание полковника, а в апреле 1940-го — звание комбрига. В июне 1940-го он был переаттестован в генерал-майоры. Награжден орденами Красной Звезды (1940) и Красной Звезды 1-й степени Бухарской Народной Республики (1921).

«С началом Великой Отечественной войны, — говорится в книге «Комдивы» (I том), — генерал-майор И.А. Пресняков приказом НКО СССР от 2 июля 1941 г. назначен командиром 5-й стрелковой дивизии народного ополчения Фрунзенского района Москвы. Формировал ее из добровольцев рабочих заводов “Каучук” и “Электросвет”, текстильного комбината “Красная Роза”, строителей Дворца Советов, работников некоторых оборонительных предприятий, сотрудников Наркомстроя СССР, студентов и преподавателей 1-го и 2-го медицинских институтов, Всесоюзного пединститута им. В.И. Ленина, Института иностранных языков. К 6 июля в дивизию записалось около 8 тысяч человек, а к началу октября ее численность достигла 11 700 человек. В августе дивизия была передислоцирована в район Спас-Деменска и вошла в 33-ю армию Западного фронта. 26 сентября она была переименована в 113-ю стрелковую дивизию 2-го формирования. В конце сентября 1941 г. дивизия была выдвинута на рубеж р. Шауцы в район дер. Жорелово (западнее Спас-Деменска). Со 2 по 10 октября она в составе Резервного фронта вела оборонительные бои с перешедшим в наступление противником на восточном берегу р. Шуйцы на рубеже Гарь, Каширино, Выгорь (Смоленская обл.). С 15 октября дивизия вместе с армией вошла в состав Западного фронта и вела бои в Износковском районе Смоленской обл. Будучи контуженным, 18 октября 1941 г. попал в плен...»

ПРЕСНЯКОВ Иван Андреевич (22 августа 1893 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в селе Гридино Нижегородской губернии. После окончания учительской семинарии в Арзамасе работал наемным работником. В Русской армии с 1915 года. Окончил Казанское военное училище (1917). Участник Первой мировой войны. Начальник команды пеших разведчиков, прапорщик.

В Красной армии с июня 1918 года. Окончил курсы при Военной академии РККА (1923), Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1929, 1938).

В годы Гражданской войны сначала работал военным комиссаром, а затем военруком Ляписской волости Нижегородского уезда. С июля 1919-го командовал ротой и батальоном в 1-м стрелковом полку Особой стрелковой бригады. В составе войск 5-й армии участвовал в боях против войск Колчака. В феврале 1920-го формировал караульный батальон при

Атбасарском уездном военкомате Акмолинской области, а затем был назначен командиром Крепостного полка Акмолинского укрепленного района. С мая — помощник командира 525-го стрелкового полка 175-й Сибирской стрелковой бригады 35-й стрелковой дивизии, с июля — командир полка. В апреле 1921 года назначен преподавателем повторных курсов, а в июле — командиром отдельного отряда 35-й Сибирской стрелковой дивизии. Участвовал в боях по ликвидации частей генерала Унгерна. С июля 1921-го по июль 1923-го: командир резервного полка, заведующий разведкой и адъютант командующего 105-й бригадой, помощник командира 314-го стрелкового полка и временно исполняющий должность командира этого полка, помощник командира 107-го Владимирского стрелкового полка 36-й стрелковой дивизии Сибирского округа.

После обучения в академии назначен помощником командира 251-го стрелкового полка. С декабря 1924-го — помощник командира и командир 252-го стрелкового полка, с августа 1926-го — командир 76-го Карельского стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии, с августа 1928-го — преподаватель Омской пехотной школы. В сентябре 1931 года назначен руководителем по тактике в той же школе. В период 1934–1938 годов возглавлял военную кафедру Московского института физической культуры, затем 2 года был старшим помощником инспектора пехоты Красной армии. С февраля 1940-го — старший инспектор 1-го отдела Управления начальника пехоты Красной армии и начальник отдела боевой подготовки штаба Архангельского округа. В июне присвоено звание генерал-майора.

280-я стрелковая дивизия была сформирована в июле 1941 года в Туле. В начале августа ее включили в состав 24-й армии Резервного фронта, а 26-го числа передали уже из состава Центрального фронта в состав войск Брянского. В этот день дивизия, встретив сильное сопротивление противника, приостановит свое наступление и будет вести бой в обороне. Пройдет еще месяц, и в конце сентября 280-я окажется в окружении. Командир дивизии генерал Данилов при выходе из окружения, будучи раненым, останется в тылу у немцев и будет выдан врагу. Случится это 24 ноября 1941 года в районе Орла, в обычной поселковой больнице.

ДАНИЛОВ Сергей Евлампиевич (5 октября 1895 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в деревне Нечаевка Ильинского района Ивановской области. С 1907 года жил в Москве, где окончил реальное училище (1914). В Русской армии с 1914 года. Окончил юнкерское Алексеевское училище (1916). Участник Первой мировой войны, командир роты, поручик.

В Красной армии с июля 1918 года. Окончил Военную академию им. Фрунзе (1933). Участник Гражданской войны. В 1919 году воевал на Северном фронте командиром роты против войск Юденича, а в 1920 году — на Западном фронте командиром батальона и помощником командира полка против белополяков. Дважды был тяжело ранен. К концу Гражданской войны заболел тифом. После выздоровления командовал ротой 18-й стрелковой дивизии в Ярославле, затем батальоном 53-го стрелкового полка той же дивизии в Рыбинске. После окончания академии служил в штабе Московского военного округа. С 1934-го — начальник учебной части военного факультета Инженерно-технической академии связи им. В.Н. Подбельского, затем — начальник кафедры Военной академии им. М.В. Фрунзе. Одновременно преподавал общую тактику в Военной академии Генерального штаба. 22 февраля 1938 года Данилову присвоено звание комбриг. В 1938–1939 годах он “был помощником командира дивизии, затем сформировал на базе 97-го стрелкового полка 137-ю стрелковую дивизию и стал ее первым командиром. 4 июня 1940 года Данилову было присвоено звание генерал-майора. Войну встретил командиром новой формирующийся в Гороховецких лагерях 280-й стрелковой дивизии. Награжден орденом Красного Знамени.

«19 сентября 1941 года “Правда” в статье “Двадцать суток в боях” писала о том, что путь 280-й стрелковой дивизии под командованием генерала Данилова “усеян свежими могилами фашистов”. Фронтовые спецкоры газеты Л. Митлицкий и М. Сиволобов видели на этом пути десятки немецких сгоревших пятитонных грузовиков, брошенные противотанковые пушки, цистерны с неиспользованным горючим, походную солдатскую утварь, простреленные каски, бидоны с недопитым вином. Радовали, окрыляли сердца миллионов людей такие строки: “Двадцать суток ведет непрерывные и жестокие бои дивизия тов. Данилова. Двадцать суток она пробивается все вперед и вперед, отвоеывая в ожесточенных боях населенные пункты, укрепленные рубежи. И за все это время дивизия ни разу не повернула вспять, врагу ни разу не удалось поколебать ее наступательный порыв...”, — пишет о генерале Данилове Л. Далецкий. — Неделю спустя другая газета, “Красная Звезда”, тоже рассказала о славных делах бойцов-даниловцев под командованием подполковника Груздова. Они наголову разгромили отборную германскую часть с устрашающим названием “Волчий полк”, победным маршем прошагавшую по Европе.

Эти элитные вояки фюрера отличались особой жестокостью. “Из багажника серой вместительной машины штаба «Волчьего полка» помимо

важных документов и карт были извлечены на свет божий награбленные белорусские вышивки, домотканые рубахи, украинские полотенца, женские чепцы, детские трусики, — сообщала «Красная Звезда» о грабителях-убийцах. — Пухлый альбом с фотографиями валялся в грязи. Владелец альбома — командир «Волчьего полка» — запечатлел свою жизнь садиста в 290 фотографиях... Открывался альбом жирной надписью: «Так мы живем». На фотографиях — виселицы, трупы замученных голландцев, сербов, греков. И под каждым фото — короткая запись: где, когда это сделано».

Столкновение не на жизнь, а на смерть со столь жестоким врагом генерал Данилов в письмах к жене называл “горячими днями” и “делом”. О том, насколько это “горячо” и насколько “дело” — важное и серьезное, его верная подруга могла судить лишь по коротким, но емким фразам»».

Далее в своей статье Л. Далецкий приводит свидетельство бывшего помкомвзвода разведроты 280-й дивизии Е.И. Пихтовникова о бое за придеснянскую деревню Святая: «Разведка донесла, что именно в этой деревне, занятой врагом, находится мост, по которому пробивавшаяся из окружения дивизия сможет переправиться через реку.

Перед рассветом, еще затемно, наша пехота подобралась к деревенской околице на расстояние километра, а прикрывавшая ее артиллерия заняла удобные позиции несколько позади. Артогонь оказался внезапным и метким. Выбегавшие со сна из загоревшихся домов фашисты не сумели наладить оборону и отбить атаку наших стрелков. Кто уцелел, в панике бежал. Сопrotивление оказывали лишь прятавшиеся на деревьях и в скирдах соломы снайперы. От их метких пуль погибло немало бойцов и командиров. Но вскоре покончили и с ними. От штаба какой-то немецкой дивизии, располагавшейся, как оказалось впоследствии, в деревне, остались несколько пленных да множество трупов, лошади, повозки, штабное имущество, документы. Главное, что уцелел мост, по которому, следуя приказу генерала Данилова, тут же началась переправа.

Мост был слабый, построенный, видимо, на скорую руку самими немцами, с узким проездом в одну повозку. А тут еще с противоположного обрывистого берега начался фланговый обстрел переправы, с каждым часом все усиливавшийся. Когда заухали вражеские минометы, на мосту образовалась пробка, поднялись шум и неразбериха.

Даниловцы, залегшие в низине, в лугах, вели ответную стрельбу из винтовок, автоматов, ручных и станковых пулеметов. Они-то и заметили, как в решающий момент к мосту по скошенному лугу, где по-пластунски, где короткими перебежками пробирается наш командир дивизии! Он

говорит — ничего-ничего, поддайте им жару как следует, а то видите, какой они нам создали беспорядок на переправе. По команде комдива мы усилили огонь. Генерал лежит со мной, наблюдая в бинокль, а потом говорит мне: “ну как, жарко, товарищ помкомвзвода?” Я говорю: “жарковато, товарищ генерал”. Он говорит: “ничего, все будет хорошо, вот только реку Десну форсируем и там соединимся с соседней дивизией”. После этой короткой передышки и разговора со мной он короткими перебежками начал пробираться к мосту, до которого было уже не так далеко. Мы думали, что командир дивизии где-то в тылу, а он рядом с нами, на поле боя. После этого разговора с комдивом ровно сил у меня прибавилось и настроение поднялось. Вот это настоящий командир, который не страшится ни пуль, ни снарядов, обсуждали мы между собой.

Не получив ни отдыха, ни пополнения, ни боеприпасов, ни поддержки соседей, соединение к концу сентября выходило из окружения с непрерывными боями, но организовано. Оружием и боеприпасами зачастую пополнялись за счет разгромленных вражеских подразделений. Вдохновляло бойцов дивизии умелое руководство со стороны их нестигаемого командира. Он продолжал показывать личный пример подчиненным даже тогда, когда был тяжело ранен в обе ноги и остался один из командования дивизии (до сего дня не известно, что заставило покинуть боевые порядки комиссара соединения Мельникова, начальника штаба Мерзлякова, начальника политотдела Когана).

Тяжелораненый генерал Данилов в последний раз собрал совещание. Он сказал: “Дорогие мои боевые друзья, мы с вами крепко дрались с фашистами не на жизнь, а на смерть, отдавали все свои силы и умение, выполняя воинский долг перед матерью-Родиной. Но вот сейчас, в данную минуту, наше положение окончательно безвыходное, мы можем бесцельно погибнуть, не дав никакой пользы Родине. Передайте всем бойцам и командирам, пусть они разбиваются на мелкие группы по 5–7 человек и с оружием в руках пробиваются к своим”».

Генерал-майора Данилова вынесли на руках в безопасное место и пристроили к надежным людям в больнице близлежащего поселка. А дальше был плен...

Глава шестая.
В 1942 ГОДУ

Начало войны генерал Самохин встретил в должности командира 29-го стрелкового корпуса в Прибалтике. Как сообщается в книге «Комкоры», «с конца июня 1941 г. корпус находился в резерве фронта, затем был передан 22-й армии Западного фронта. С 10 июля его части участвовали в боевых действиях в составе 27-й армии того же фронта, а с 20 июля — вновь в 22-й армии. В июле 1941 г. корпус под его командованием участвовал в Смоленском сражении. В ходе этих боев генерал-майор А.Г. Самохин проявил личное мужество и умение управлять частями и соединениями корпуса. В последующем соединения корпуса вели оборонительные бои на рубеже р. Ловать, г. Великие Луки, в конце августа — сентябре 1941 г. — действовали на торопецком направлении. В ходе этих боев, в результате обходного маневра противника. Главные силы 22-й армии, в т.ч. и корпус под командованием генерал-майора А.Г. Самохина, были окружены. Высокая организованность, героизм и самоотверженность воинов позволили сохранить боеспособность корпуса, прорвать фронт окружения и выйти в район г. Андреаполь. В сентябре корпус был расформирован, а его командир генерал-майор А.Г. Самохин находился под следствием в органах НКВД “за самовольное оставление занимаемых позиций, за допущенные потери в живой силе и боевой технике”. В декабре 1941 г., ввиду отсутствия состава преступления, все обвинения с него были сняты, следствие прекращено, после чего он был назначен помощником начальника отдела и начальником разведывательного управления Генштаба Красной армии. В феврале 1942 г. генерал-майор А.Г. Самохин был назначен командующим 48-й армией, но в должность не вступил. 21 апреля 1942 г. при следовании в расположение армии самолет, на котором он летел, ошибочно совершил посадку не в г. Елец, а в оккупированном немцами г. Мценск, где он был захвачен в плен». Словом, ошибка летчика в 200 км оказалась роковой для командующего армией.

САМОХИН Александр Георгиевич (20 августа 1902 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился на хуторе Верхне-Бузиновка ныне Волгоградской области в семье рабочего. Окончил 4 класса сельской школы.

В Красную армию вступил в мае 1919 года. Окончил 3-й пулеметные Пензенские командные курсы (1921), Высшую объединенную военную школу в г. Киев (1923), Военную академию РККА им. Фрунзе (1934).

В годы Гражданской войны с мая 1919-го — красноармеец 5-го крепостного Казанского рабочего полка, затем красноармеец отдельного лыжного батальона, а с апреля 1920-го — красноармеец 456-го стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии. После окончания курсов командовал взводом в 142-м кадровом учебном полку 16-й стрелковой дивизии. Участвовал в подавлении восстания Антонова.

После окончания высшей военной школы был командиром взвода, исполняющим должность помощника командира роты и исполняющим должность командира роты в 7-й Казанской пехотной школе. С сентября 1924-го — командир роты окружной военно-политической школы на Северном Кавказе, с апреля 1928-го — командир батальона 221-го стрелкового полка 74-й стрелковой дивизии. После окончания академии с мая 1934 г. — начальник 1-й части штаба, временно исполняющий должность начальника штаба 74-й дивизии. С февраля 1936-го — помощник начальника 1-го отдела Управления вузов РККА. В сентябре 1937-го назначен начальником Орджоникидзевского Краснознаменного военного училища, а в марте 1940-го — заместителем начальника Управления вузов РККА. С августа — военный атташе при посольстве СССР в Югославии. 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора, а через год его назначили командиром 29-го стрелкового корпуса. Награжден орденами Красного Знамени (1938) и Красной Звезды (1938).

В январе 1942 года войска Юго-Западного фронта в ходе успешного наступления в районе Изюма создали на западном берегу реки Северский Донец, в районе Барвенково, плацдарм (барвенковский), который открывал возможность дальнейшего выхода на Харьков и Днепропетровск. Приостановленное из-за весенней распутицы наступление под Харьковом началось 12 мая 1942 года, одновременным ударом по немецким войскам на севере и на юге. Войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов должны были окружить 6-ю немецкую армию Паулюса в районе Харькова, чтобы тем самым отсечь группу армий «Юг» (6-я армия, 17-я армия и 1-я танковая армия), прижать ее к Азовскому морю и уничтожить. К 17 мая Красной армии удалось потеснить 6-ю армию вермахта и подойти к Харькову, но в этот же день 1-я танковая группа Клейста нанесла удар в тыл ее наступающим частям и буквально сразу же прорвала оборону 9-й армии Южного фронта. Когда 18 мая ситуация для советских войск явно ухудшилась, главком Юго-Западного направления маршал Тимошенко и член Военного совета Хрущев доложили в Ставку, что угроза со стороны южной группировки противника преувеличена. Как результат, 23 мая пути отхода на восток для советских войск были отрезаны, а с 25 мая начались их отчаянные попытки вырваться из котла. Только 28 мая Тимошенко отдал приказ о прекращении наступления, однако усилия по выходу из окружения продолжались еще несколько дней. Из «барвенковского котла» удалось вырваться менее десятой части окруженных. Общие потери советских армий составили 270 тыс. человек, в том числе 171 тыс. безвозвратно.

Заместитель по тылу командующего 6-й армией Юго-Западного фронта генерал Зусманович в бою восточнее Краснограда был ранен в ногу, и не имея возможности двигаться, попал в плен.

ЗУСМАНОВИЧ Григорий Моисеевич (29 июня 1889 года). Еврей. Генерал-майор (1940). Родился в селе Хортица Екатеринославской губернии в еврейской семье. Окончил 4 класса сельской школы. Работал в Харькове, Бердянске, Павлограде грузчиком, смазчиком, вальцовщиком на мельницах. В Русской армии с 1910 года. Участник Первой мировой войны, старший унтер-офицер.

В феврале 1918 года вступил в Красную армию. Окончил курсы усовершенствования высшего командного состава при Военной академии им. Фрунзе (1926). Участник Гражданской войны. В 1918 году был

комиссаром и командиром продовольственно-реквизиционной армии Наркомпрода РСФСР, затем членом РВС Резервной армии. С 1919-го — командир 47-й стрелковой дивизии 12-й армии Южного фронта, командир 2-й Тульской стрелковой дивизии. В 1920 году был назначен военным комиссаром Орловского военного округа, а в 1921–1922 годах Дагестанской республики.

До 1925 года — военный комиссар Ставропольского края и Донского округа. С 1926 года работал начальником Территориального управления Ленинградского военного округа в Карельской АССР. До 1928 года — военком Карачаевской республики. С 1928 по 1935 год — командир и комиссар 2-й Украинской конвойной дивизии Украинского военного округа. 26 ноября 1935 года присвоено звание комдива. С 1935-го командовал 45-й стрелковой дивизией в Киевском военном округе, будучи одновременно комендантом Новоград-Волынского укрепленного района. С 1937 по 1940 год служил в Закавказском военном округе начальником тыла и начальником снабжения округа. 4 июня 1940 года Зусмановичу было присвоено звание генерал-майора. В течение года он занимал должности старшего преподавателя и помощника начальника интендантской академии.

В сентябре 1941 года его назначили заместителем по тылу командующего 6-й армии Юго-Западного фронта. В ходе Киевской оборонительной операции армия была окружена, но Зусманович вышел из окружения с группой солдат и остался в прежней должности. Участвовал в Донбасской и Барвенково-Лозовской наступательных операциях Юго-Западного фронта. Награжден орденами Красного Знамени (1924) и Трудового Красного Знамени Украинской ССР (1932).

Генерал Носков командовал 6-м кавалерийским корпусом 6-й армии Юго-Западного фронта с февраля 1942 года. В книге «Комкоры» о нем говорится следующее: «...в Харьковском сражении. В этих боях корпус, действуя на направлении главного удара 6-й армии, понес большие потери и попал в окружение. 29 мая А.А. Носков, будучи контуженным в районе с. Петровское, был захвачен противником в плен...» Ф.Д. Свердлов пишет об этом эпизоде более точно: «Оставшись без боеприпасов и продовольствия, корпус был разбит, а его остатки отдельными группами пытались прорваться к своим. Носков вел отряд в 300 человек, но вскоре в нем осталось лишь 5 бойцов. В очередном бою с немцами Носков был контужен, оглушен ударом приклада и попал в плен».

НОСКОВ Александр Алексеевич (30 августа 1898 года). Русский. Генерал-майор (1942). Родился в деревне Эндогорово Тверской губернии в крестьянской семье. Окончил (вечернее) четырехклассное народное

училище. С 1909 года работал на колбасной фабрике, а с 1912 года — в булочной в Москве. С 1916 года в Русской армии, рядовой.

В Красную армию вступил в октябре 1918 года. Окончил 5-ю кавалерийскую школу им. Буденного в Елизаветграде (1923), курсы усовершенствования командного состава (1932), 2 курса Военной академии им. Фрунзе (заочно, 1941).

В годы Гражданской войны — сначала красноармеец 3-го запасного кавалерийского полка в Твери, затем с ноября 1919-го — 62-го кавалерийского полка 11-й кавалерийской дивизии. Участник боев на Западном и Южном фронтах. Также принимал участие в боях против повстанцев на Украине.

По окончании кавшколы проходил службу командиром отделения в 8-м кавполку, командиром взвода в 9-м Черкасском полку, затем снова в 8-м полку — политруком эскадрона, командиром эскадрона, помощником начальника штаба. По окончании курсов вернулся во 2-ю кавалерийскую дивизию, где исполнял должность начальника 4-го отделения штаба дивизии, а с февраля 1933-го — помощника командира 7-го Черниговского кавполка Червоного казачества этой дивизии. С апреля 1938-го Носков — исполняющий должность начальника строительства 106-го участка военно-строительных работ Киевского округа, а с декабря — командир 52-го кавалерийского полка 9-й кавалерийской дивизии. В декабре 1940 года назначен заместителем командира 150-й стрелковой дивизии в Одесском округе.

«С началом Великой Отечественной войны с июля 1941 г. А.А. Носков командовал 26-й кавалерийской дивизией в составе 6-й армии Южного фронта, — сообщается в книге «Комкоры». — «Принимал активное участие в боях в районе г. Днепродзержинск, — отмечалось в боевой характеристике на него. — Под натиском противника вынужден был перейти на левый берег р. Днепр. Несмотря на сильный огонь противника и большие потери, сумел в чрезвычайно трудных условиях сохранить основные части дивизии и занять оборону на левом берегу». В конце сентября дивизия в составе армии была передана Юго-Западному фронту и участвовала в Донбасской оборонительной операции». 28 марта 1942 года ему было присвоено звание генерал-майора. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1938, 1941).

Из наградного листа на командира 26-й кавдивизии полковника НОСКОВА А. А.:

«Боевой путь 26 Кавдивизия под руководством т. НОСКОВА начала с 8 августа 1941 г. Первые бои дивизия выдержала в районе КУЦЕВОЛОНА.

Под Днепродзержинском дивизия отлично в течение нескольких суток в тяжелых условиях отражала яростные атаки врага, выйдя из окружения без потерь. В районе КАМЕНКА, ЛОМОВКА части дивизии в течение 18 дней героически громили фашистскую пехоту. В процессе боевых действий в районе ПЕРЕЩЕПИНО в тяжелых условиях окружения дивизия разгромила немцев, захватила много пленных и трофеев.

У ФЕДОРОВКА личным руководством т. НОСКОВА произведена засада против немцев и уничтожено много пехоты, до полутора десятка автомашин, до двух десятков мотоциклов.

Полковник НОСКОВ в бою смел, решителен и храбр и вполне заслуживает высокой награды — ордена “Красное Знамя”.

Командир кавкорпуса генерал-майор Вычковский,

*Военный комиссар кавкорпуса полковой комиссар
Быстров...»*

Начальник штаба 6-го кавалерийского корпуса генерал Борисов во время Харьковского сражения командовал отдельной кавалерийской группой своего корпуса. Совершив удачный рейд по тылам противника, кавгруппа Борисова дальше всех продвинулась вперед, оказавшись в немецком тылу в 150 км от линии фронта. 27 мая при попытке прорыва группы генерал Борисов попал в плен.

БОРИСОВ Аркадий (Арон) Борисович (Шистер) (13 мая 1901 года). Еврей. Генерал-майор (1941). Родился в Бухаре в семье портного. Окончил реальное училище. Один из организаторов комсомола Туркестана.

В Красную армию вступил в 1919 году. Окончил кавалерийские командные курсы (1919) и Военную академию РККА (1924). Участник Гражданской войны. Командовал эскадроном. До 1921 года воевал в составе «летучих отрядов» в Туркестане. После окончания академии — начальник оперативного отдела, заместитель начальника штаба Туркестанского военного округа. Командовал отдельным эскадроном 3-й стрелковой дивизии 13-й стрелковой бригады в Восточной Бухаре.

С 1925 по 1928 год Борисов командовал 84-м кавалерийским Балашовским полком, затем проходил службу на должностях начальника штаба корпуса Червоного казачества на Украине и начальника штаба корпуса Терского казачества. В 1926-м принимал участие в боях против банд Ибрагим-бея и Гурам-бея в горах Бабатаг в Таджикистане, был ранен. В 1927 году руководил походом 84-го кавполка 8-й отдельной

Туркестанской кавбригады в Кара-Кумскую пустыню. В 1928-м — руководил первым в СССР воздушным десантом посадочного типа. Автор книги «Поход конной группы 8-й кавбригады в Кара-Кумскую пустыню в 1927 году» (М., 1932). С ноября 1928 года работал в оперативном управлении штаба РККА, занимаясь организационными вопросами кавалерийской службы. В этот период опубликовал две книги по военной географии и истории, а также несколько научных статей. В период с 1930 по 1937 год проходил службу в должности начальника штаба 1-й особой кавалерийской ордена Ленина Краснознаменной бригады имени тов. Сталина. 28 ноября 1935 года ему было присвоено звание комбрига, а 26 мая 1937 года Борисов был назначен командиром 4-го казачьего корпуса имени тов. Буденного. В феврале 1938 года был арестован и содержался в тюрьме города Ростова. В январе 1941 года освобожден и восстановлен в армии.

В сентябре 1941 года командовал кавалерийской группой Юго-Западного фронта, а затем был назначен начальником штаба 6-го кавалерийского корпуса. 9 ноября 1941 года ему было присвоено звание генерал-майора. В декабре 1941 года Борисов в составе своего корпуса принимал участие в военных операциях по освобождению Ельца и Ефремова. В январе 1942 года кавалерийская группа под командованием Борисова во время наступления на барвенковском направлении совершила рейд по тылам противника, что способствовало освобождению города. Награжден тремя орденами Красного Знамени (1925, 1927, 1941–5 ноября).

Из наградного представления к ордену Красного Знамени на командующего кавалерийской группой Юго-Западного фронта генерал-майора Борисова А.Б.: «В период операции по выводу из окружения частей Кавалерийской Группы в районе Белоусовка, Исковцы, Оржица Полтавской области, в течение 19–23 сентября 1941 г. проявил исключительную личную храбрость и мужество.

В сложных условиях, при полном окружении частей Кавгруппы превосходными силами пр-ка, умело организовал операцию прорыва фронта пр-ка и форсирование рек Удай и Сула, при отсутствии постоянных переправ и табельных переправочных средств.

Комбриг тов. Борисов, благодаря проявленному личному мужеству, отлично продуманному плану операции и умелому руководству частями — сумел частями Кав.группы прорвать фронт пр-ка, с упорными боями форсировать 4 серьезных водных преграды и вывести части Кав.группы из окружения вполне боеспособными, нанеся при этом пр-ку ряд чувствительных ударов.

Сам Комбриг Борисов, 22 сентября, руководя боем частей за овладение переправой у с. Оржица, был ранен».

В мае 1942 года 14-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала Шепетова сражалась в окружении южнее Харькова. Когда в районе севернее города Изюм она попыталась прорваться из кольца на восток, командир соединения в бою получил ранение и 25 мая попал в плен.

ШЕПЕТОВ Иван Михайлович (11 июля 1902 года). Украинец. Генерал-майор (1941).

Родился в селе Каменское (ныне город Днепропетровск, Украина) в семье рабочего. После окончания семи классов работал на заводе токарем.

В Красную армию вступил в мае 1918 года. Окончил Полтавскую пехотную школу (1921), Кировоградскую кавалерийскую школу (1924), Военно-политические курсы (1927) и Военную академию им. Фрунзе (1934). Участник Гражданской войны с 1918 по 1921 год. В период 1924–1931 годов командовал различными кавалерийскими подразделениями. После окончания академии — начальник оперативного отделения штаба 7-й кавалерийской дивизии в Таджикской ССР, затем — начальник штаба полка, командир полка, начальник учебного отдела Тамбовского военного кавалерийского училища. С апреля 1940-го — заместитель командира 115-й стрелковой дивизии, а с ноября — командир 2-й моторизованной бригады. Следующая должность — командир 96-й горнострелковой дивизии Киевского округа. В том же месяце ему было присвоено звание полковника.

«В начале Великой Отечественной войны Шепетов на должности командира 96-й горнострелковой дивизии в составе 18-й армии принимал участие в приграничных боях на Южном фронте, — пишет Ф.Д. Свердлов. — Дивизия попала в окружение, но в августе 1941 года сумела не только вырваться из него, но и обеспечила выход других частей 18-й армии». В октябре Шепетову было присвоено звание генерал-майора, а в ноябре — звание Героя Советского Союза. Его же дивизия была преобразована в 14-ю гвардейскую стрелковую. За время войны генерал Шепетов был трижды ранен и трижды контужен. В операции по освобождению Ростова в ноябре 1941 года он применил совершенно новый метод управления частями дивизии: командный пункт соединения первым эшелоном вышел непосредственно в поле для более гибкого и оперативного управления войсками, после чего 96-я горнострелковая дивизия разгромила части дивизии СС «Викинг», прорвала фронт и вышла на реку Тузлов. Награжден

орденами Ленина (1941) и Красного Знамени (1941).

Из наградного представления к званию Героя Советского Союза на командира 96-й горнострелковой дивизии полковника Шепетова И.М.: «Тов. ШЕПЕТОВ энергичный, грамотный, культурный командир. В боях против фашистской Германии т. ШЕПЕТОВ не командовал войсками из щелей. Сам постоянно находился на поле боя. Вся дивизия с успехом выполняла задания командования, нанося тяжелые потери врагу.

Тов. ШЕПЕТОВ показал образцы умения организовать бой. Под его руководством дивизия особенно отлично вела себя в боях под Голованевском, на восточном берегу реки Буг, и под с. Ингулец.

За все время войны дивизией уничтожено и взято в плен 6377 солдат и офицеров, захвачено и уничтожено 13 орудий, 78 танков, 36 пулеметов, 19 бронемашин, 238 автомашин, свыше 200 мотоциклов, 13 минометов, сбито 2 самолета противника, один германский дирижабль и масса других трофеев. Дивизия под командованием полковника ШЕПЕТОВА, находясь в авангарде частей 18-й армии, на рубеже ст. Грейгово, имела задачу прорвать фронт противника и обеспечить выход всех частей армии из окружения. Примененная идея таранить противника в ночном бою исключительно себя оправдала.

В бою под Грейгово было уничтожено 475 немецких солдат и офицеров, 79 ОПП, 16 МПД СС частей противника. Уничтожено больше 100 машин, 13 минометов, 16 пулеметов и 6 орудий.

В районе ст. Заселье части дивизии продолжали быть в авангарде частей армии. 16.8–1941 года разбив противника, обеспечили выход частей 18 армии из окружения, после став в арьергарде, прикрывала все отходящие части, обеспечила прикрытие переправы через р. Днепр».

Командиром 175-й стрелковой дивизии Уральского округа генерал Кулешов был назначен в январе 1942 года. Из книги «Комкоры» мы можем узнать следующее: «В именном списке командиров дивизий этого округа было написано: “Кулешов имеет большой опыт командования. По всем служебным данным вполне соответствует занимаемой должности”. С мая того же года командовал этой же дивизией в составе 28-й армии Юго-Западного фронта, затем был начальником тыла 38-й армии этого же фронта. Участвовал в Харьковском сражении. В июне 1942 г. А.Д. Кулешов попал в плен». По утверждению Ф.Д. Свердлова, это произошло при следующих обстоятельствах: «При отходе войск на восток танковые силы противника прорвали оборону 175-й стрелковой дивизии и атаковали ее командный пункт. В бою Кулешов был взят в плен».

КУЛЕШОВ Александр Демьянович (28 августа 1893 года). Русский.

Генерал-майор (1940). Родился в деревне Семенково ныне Рузского района Московской области в крестьянской семье. После окончания четырехклассной земской школы работал в отцовском хозяйстве. В Русской армии с 1914 года. Участник Первой мировой войны. Окончил учебную команду гренадерского полка (1915). Командовал взводом, старший унтер-офицер.

В Красной армии с декабря 1918 года. Окончил Высшие военные академические курсы РККА (1923) и Военную академию РККА им. Фрунзе (1934).

В годы Гражданской войны участвовал в боях с чехословацкими войсками в районе Ртищево, а также в подавлении восстания Викторова. В декабре 1918 года назначен комиссаром 1-го Ярославского стрелкового полка. В составе 4-й армии Восточного фронта полк участвовал в боях с белоказаками на Южном Урале. В июле 1919-го назначен военкомом 3-й бригады 20-й стрелковой дивизии. В этой должности участвовал в боях с войсками генерала Деникина под Царицыном, затем в Доно-Манычской операции. С февраля 1920 года дивизия в составе 1-й Конной армии вела бои на тихорецком направлении. С апреля 1920-го — военком 18-й кавалерийской дивизии, которая в составе 2-го кавалерийского корпуса 11-й армии Кавказского фронта участвовала в освобождении Азербайджана и ликвидации контрреволюционного мятежа в Гяндже, с сентября охраняла границу Азербайджана с дашнакской Арменией, в феврале — марте вела бои против меньшевистской Грузии, затем участвовала в подавлении дашнакского восстания в Армении и наступлении на Эривань. С июня 1921 года Кулешов — военком 5-й кавалерийской дивизии. После окончания курсов назначен на должность командира 58-го стрелкового полка 20-й стрелковой дивизии АВО, затем направлен на Туркестанский фронт в Восточную Бухару командиром 9-го Туркестанского стрелкового полка. С июля 1925-го — командир и военком 4-й Туркестанской дивизии. Участвовал в боях с басмачеством. С января 1931-го — командир и военком 10-й кавалерийской Северо-Кавказской дивизии. После окончания академии назначен командиром и военкомом 85-й стрелковой дивизии в Челябинске. С июня 1937 года — командир Особого корпуса железнодорожных войск РККА. В марте 1938-го арестован органами НКВД и находился под следствием. В ноября 1939-го освобожден «за отсутствием состава преступления». С февраля 1940 года — старший преподаватель Академии Генштаба РККА. С августа 1940-го работал в группе командиров под руководством заместителя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С.М. Буденного, где успешно справился с разработкой и

проведением командно-штабных учений. С марта 1941 года — командир 64-го стрелкового корпуса в СКВО. С сентября 1941 года — начальник управления тыла и заместитель командующего по тылу 38-й армии Юго-Западного фронта, с октября 1941 года — в распоряжении Военного совета этого фронта, а с ноября — Военного совета Уральского округа. Награжден орденом Красного Знамени (1933).

Во время Харьковского сражения 5-я гвардейская танковая бригада под командованием генерала Михайлова попала в окружение. 26 мая 1942 года, когда немцы прорвали советскую оборону в трех направлениях, танкисты вместе с кавалеристами и пехотой оказались под ударом с фронта, справа и с тыла. А в ночь на 27-е окруженцы пошли на прорыв... Из более чем 1200 бойцов и командиров бригады к своим вышли 155. Из 14 танков только 5. В бою в правое плечо был ранен и командир бригады, после чего был взят в плен.

МИХАЙЛОВ Николай Филиппович (22 мая 1897 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1941). Родился в деревне Тростино Тверской губернии в крестьянской семье. После окончания четырехклассной сельской школы в течение пяти лет работал слесарем на заводе. В Русской армии с 1916 года. Участник Первой мировой войны, унтер-офицер.

В августе 1918 года вступил в Красную армию. Окончил курсы усовершенствования старшего командного состава РККА (1939).

Участник Гражданской войны. В период с 1918 по 1919 год в должности командира взвода воевал против войск генерала Юденича, а в 1919-м в должности командира эскадрона воевал против войск Колчака. Был ранен в обе ноги. В период с 1920 по 1921 год воевал на Дальнем Востоке против белых банд и войск барона Унгерна. С 1924 года командовал кавалерийским полком в Средней Азии, участвовал в ликвидации басмаческих бандформирований. С 1938-го командовал 141-м кавалерийским полком 12-й кавалерийской дивизии. В мае 1941-го был назначен командиром 142-й танковой бригады. С 24 июня 1941 года бригада принимала участие в боях с немецкими войсками на Южном фронте. 9 ноября 1941 года Михайлову было присвоено звание генерал-майора. В феврале 1942 года бригада была преобразована в 5-ю гвардейскую бригаду.

В ходе Любанской наступательной операции войск Волховского и Ленинградского фронтов (7 января — 30 апреля 1942 г.), замысел которой заключался в том, чтобы ударом войск Волховского фронта с рубежа р. Волхов в северо-западном направлении во взаимодействии с 54-й армией Ленинградского фронта окружить и уничтожить группировку противника в районе Любань, Чудово и в дальнейшем выйти в тыл немецким войскам, блокировавшим Ленинград с юга, 2-я ударная армия под командованием генерала Власова оказалась в окружении. Уже с марта немцы стали наносить сильные контрудары по ее флангам, а 19 марта им удалось перехватить важные коммуникации армии у основания ее прорыва. И хотя 27 марта войскам 52-й и 59-й армий удалось пробить 3–5 километровую горловину, соединившую 2-ю ударную с фронтом, ее положение оставалось весьма непростым. Но еще более тяжелым оно стало с началом весенней распутицы, когда испортились дороги, проложенные через болотистые участки местности и лесные массивы. 30 апреля армия прекратила наступательные действия, а с 12 мая поэтапно отходить к коридору у Мясного Бора. Однако с 22 мая немцы усиливают нажим на ослабевшую армию и 31 мая полностью перекрывают ей коридор выхода. В котле оказывается более 40 тыс. человек, находящихся в строю. Только 21 июня в тяжелых боях удалось пробить коридор шириной всего в 250–400 метров, куда буквально хлынул поток еще живых бойцов и командиров 2-й ударной армии. 28 июня 1942 года 2-я ударная армия прекратила свое существование. Из окружения вышли от 13 до 16 тыс. человек, а в плен попали около 30 000.

19 июля 1942 года в берлинской газете «Новое слово» была напечатана статья под броским названием «Как был взят в плен генерал Власов».

«Среди пленных, взятых германскими войсками при окружении большевиков в районе реки Волхов, находится и сам командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант Власов, — пишет ее автор. — Отдельные разрозненные группы этой армии блуждали в лесах и по болотам и, в поисках пропитания, нападали на мирных жителей окрестных деревень.

Из донесений стало известно, что и сам командующий скрывался в волховских лесах. Германским солдатам были сообщены приметы генерала Власова. После одной из стычек с бродячей большевистской бандой

разнесся слух, что Власов был убит. Но слух этот не подтвердился. Германский офицер, выяснивший, что советский командующий жив, на обратном пути проезжал деревню, бургомистр которой сообщил ему, что в одном из домов скрывается большевистский командир и с ним какая-то женщина.

Офицер арестовал неизвестного. Последний был одет в длинную блузу, которую обычно носят чины советского командного состава. Германский офицер сразу узнал Власова по роговым очкам, но тот, не дожидаясь вопроса, на ломаном немецком языке сказал:

— Не стреляйте! Я — генерал Власов.

Предъявленными им документами, а также очной ставкой с другими пленными командирами личность Власова была точно установлена». Случилось это 12 июля 1942 года в деревне Туховежи Ленинградской области.

ВЛАСОВ Андрей Андреевич (1 сентября 1901 года). Русский. Генерал-лейтенант (1942). Родился в с. Ломакино ныне Гагинского района Нижегородской области в семье крестьянина-кустаря. Окончил духовную семинарию (1917), школу 2-й ступени (1918) и 1 курс агрофакультета Нижегородского университета (1919).

В Красной армии с мая 1920 года. Окончил военные пехотные курсы (1920), Стрелково-тактические курсы усовершенствования «Выстрел» (1929). Участие в Гражданской войне: в 1920 году против Врангеля — командиром взвода и в 1921 году против банд в Донецкой, Воронежской и Харьковских областях. После окончания пехотных курсов: сотрудник штаба тылового района, командир взвода, помощник командира роты и командир роты. С 1926-го — начальник школы 26-го стрелкового полка. После окончания курсов «Выстрел»: командир батальона, преподаватель тактики Ленинградской школы комсостава запаса, помощник начальника учебной отдела в Детскосельской объединенной школе. С 1933-го в штабе Ленинградского округа: помощник начальника 2-го отдела, начальник учебной части Ленинградских курсов военных переводчиков. С 1937-го — командир 133-го (бывшего 215-го) стрелкового полка, с 1938-го — помощник командира 72-й стрелковой дивизии, начальник 2-го отдела штаба Киевского округа. В период с 1938 по 1939 год — в особой командировке в Китае. С 1940-го — командир 99-й стрелковой дивизии, с января 1941-го — командир 4-го механизированного корпуса. В июле 1941 года назначен командующим 37-й армией Юго-Западного фронта, одновременно являясь комендантом Киева и командующим Киевского Ура. В ноябре 1941 года назначен командующим 20-й армией Западного фронта.

С марта 1942-го заместитель командующего войсками Волховского фронта. 16 апреля 1942 года, как тактический руководитель 2-й ударной армии, в связи с болезнью командующего, временно назначен командующим 2-й ударной армией. Звание комбрига присвоено 20 февраля 1940 года, звание генерал-майора присвоено 5 июня 1940 года, и генерал-лейтенанта — 24 января 1942 года. Награжден орденами Ленина (1941) и Красного Знамени (1942).

Командир 327-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии генерал Антюфеев был назначен командиром 24-й гвардейской стрелковой дивизии, но отказался улететь к новому месту службы, решив вывести свои части из окружения. О том, как он попал в плен, пишет Ф.Д. Свердлов: «Командующий армией генерал-лейтенант Андрей Власов отдал приказ выходить из окружения отдельными группами. 25 июня 1942 года Антюфеев во главе одной из таких групп принимал участие в неудачной штыковой атаке в районе Мясного Бора. Антюфеев был контужен, но продолжил вести свою группу. В течение десяти дней они шли к линии фронта через тылы немецких войск. 5 июля 1942 года, когда до нее оставалось около пяти километров, Антюфеев подорвался на mine и был вторично контужен. Группа была захвачена подоспевшими немецкими солдатами в плен».

АНТЮФЕЕВ Иван Михайлович (20 января 1897 года). Русский. Генерал-майор (1942). Родился в селе Нестеровка Оренбургской губернии в крестьянской семье. Работал пастухом и батраком. Окончил сельскую школу. В Русской армии с 1916 года.

В Красную армию вступил в 1918 году. Окончил Симферопольские пехотные курсы, курсы «Выстрел» (1922, 1932) и разведывательные курсы (1925). Участник Гражданской войны против войск Врангеля и бандформирований. В период с 1922 по 1925 год командовал различными стрелковыми и разведывательными подразделениями. С 1925-го — начальник разведки стрелковой дивизии. С 1934-го — помощник начальника штаба стрелкового полка, затем начальник штаба. В период с 1936 по 1938 год — командир стрелкового полка. В 1939 году назначен командиром стрелковой дивизии в Уральском округе. Участник боев на реке Халхин-Гол. В сентябре 1941 года назначен командиром 327-й стрелковой дивизии. Участвовал в боевых действиях на Западном и Южном фронтах. В Любанской операции 327-я дивизия добилась наибольшего успеха и неофициально называлась «Антюфеев-ской». Звание генерал-майора присвоено 21 мая 1942 года.

Командующий ВВС 2-й ударной армии генерал Белешев в плен попал

при выходе из окружения группами.

БЕЛЕШЕВ Михаил Александрович (18 сентября 1900 года). Русский. Генерал-майор авиации (1941). Родился в Москве в семье рабочего. Окончил городское училище и работал конторщиком на фабрике.

В Красную армию вступил в 1919 году. Участник Гражданской войны против войск Врангеля и бандформирований. Окончил школу летчиков-наблюдателей (1922) и Военную академию им. Фрунзе (1933). В период с 1922 по 1928 год — инструктор летного отряда. С 1928 года — командир звена 31-й отдельной авиационной эскадрильи. После академии с 1933 по 1937 год — начальник штаба 11-й авиабригады, а затем командир авиабригады в Киевском округе. 20 февраля 1937 года ему присвоено звание полковника. С 1938-го — преподаватель в Военно-воздушной академии им. Жуковского, начальник ВВС Харьковского военного округа. 29 октября 1941 года ему присвоили звание генерал-майора авиации. С ноября 1941 года — командующий ВВС 26-й армии Приволжского военного округа, которая в декабре была передана на Волховский фронт и преобразована во 2-ю ударную армию.

После эвакуации командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского и командующего Приморской армией генерал-майора И.Е. Петрова, командир 109-й стрелковой дивизии генерал Новиков был назначен временно исполняющим обязанности командующего Севастопольским оборонительным районом. Как капитан тонущего корабля он должен был уходить последним... Собственно, так и произошло. 2 июля 1942 года группа сторожевых катеров (СКА-0112, СКА-0124 и СКА-028), на которых находился Новиков со своим штабом, была перехвачена немецкими торпедными катерами...

О том, как это было, рассказывает Булат Тынчеров: «Между 22: 00 и 23: 00 01.07.1942 генерал Новиков и сопровождающие его командиры (до 20 человек) начали выходить из 35-й башенной береговой батареи через амбразуру башни.

При этом генерал-майора поддерживали под руки в связи с ранением (уже третьим по счету) в руку. Подходя к пристани, остановились. Пристань и вся дорога к ней были забиты лежащими людьми. Раздавались выкрики: «Погрузка раненых в первую очередь!» Майор из штаба 109-й СД попросил: «Пропустите раненого генерала!», «Дорогу генералу Новикову!» Группа тихо двинулась, прошли пристань, по мосткам перешли на сооруженную на консолях из рельс, заделанных в скалу, вторую часть причала.

Через некоторое время с моря слышался гул моторов. Томительное ожидание многотысячной толпы военных и гражданских людей на берегу, раненых на причале сменилось на реальную надежду эвакуироваться. Когда с моря показались три сторожевых катера, один из которых стал помалу сдавать кормой к причалу, толпа на берегу стала неуправляемой.

Первый катер ударился бортом в первый пролет причала, раздался треск.

Толпа ринулась по причалу, сметая автоматчиков роты охраны. Под ее напором по всей длине причала были сброшены в воду не только находившиеся на причале раненые, но и первые, и последующие ряды людей прорвавшейся толпы, оказавшихся на краю его.

Немного погодя рухнула секция причала вместе с людьми. В воде образовалось «месиво» из барахтающихся и пытающихся спастись сотен людей, часть которых утонула, а напор не ослабевал, и люди по инерции

некоторое время падали в воду. Подходивший катер к первому пролету сильно накренился от нахлынувших на его палубу людей, которые почти все, не удержавшись, попадали в воду. Катер выпрямился и отошел от причала. Командир в мегафон передал, что посадка невозможна, и катер отошел несколько дальше в море. Многие вплавь поплыли к катеру.

Когда прибыли на рейд катера, то в толпе стреляли в воздух от радости, что в лунном свете увидели их. Многие бросились вплавь к маневрирующим катерам на рейде, слышал, что раздавались голоса со скалы: “Подходите сюда, примите генерала Новикова”.

Как теперь известно, в момент прорыва заслона краснофлотцев-автоматчиков из охраны причала часть толпы бросилась по подвесному мостику-настилу, чтобы добраться до скалы, на которой находилась группа генерала Новикова, но на своем пути встретила автоматчиков охраны с капитаном 3-го ранга Ильичевым, которые открыли предупредительный огонь, а потом и на поражение, так как ничего не помогало.

Группе удалось выбраться на берег, и с наступлением темноты, спрятав оружие в скалах, вплавь, скрываясь под настилом мостика, добрались до скалы, где сидели, держась за канаты, пока не подошел сторожевой катер СКА-0112. Пользуясь темнотой, члены группы прыгнули на катер. Между 01: 00 и 02: 00 после принятия людей и генерала Новикова, катер отвалил и ушел в море.

Командиром СКА-0112 был старший лейтенант Е.А. Коргун. Его катер в конце июня находился в Сочи после только что закончившегося ремонта. Получив приказание начальника штаба флота контр-адмирала Елисеева прибыть в Новороссийск и затем следовать в Севастополь, Коргун попросил назначить ему помощника. В это же время командир СКА-043 лейтенант К.П. Булатов обратился с просьбой к комиссару дивизиона И.Ф. Кардашу разрешить ему идти в Севастополь помощником командира СКА-0112 и получил на это согласие.

Из Новороссийска вышли утром 1 июля с задачей подойти к причалам ББ № 35, принять оттуда людей и доставить их к тральщикам, которые вышли ночью из Новороссийска к Херсонесскому мысу, и возвратиться в Новороссийск.

Уже во второй половине дня 1 июля германская авиация непрерывно бомбила и обстреливала сторожевые катера из пушек и пулеметов. Во время обстрела был убит старший лейтенант Е.А. Коргун, в командование катером вступил лейтенант Булатов.

После принятия на борт генерал-майора П.Г. Новикова боцман провел его в командирскую каюту, остальные командиры разместились в кубрике и

на палубе. Всех принятых накормили из “НЗ”.

На рассвете 2 июля около трех часов утра И.А. Заруба, который был на мостике, увидел четкий силуэт небольшого корабля, подававшего непонятные сигналы. СКА-0112 продолжал идти прежним курсом. Спустя некоторое время с правого, а потом и с левого борта слышались выстрелы. Стали видны дорожки трассирующих крупнокалиберных пуль. С левого борта с трех точек — значит, три корабля, с правого с двух точек — два корабля. Через несколько минут Заруба различил силуэты торпедных катеров.

К командиру катера подошел капитан 2-го ранга и сказал: “Генерал приказывает принять бой и прорываться на Кавказ, я с ним согласен, другого выхода нет...”

Командир катера приказал готовиться к бою. Краснофлотцы заняли места у двух мелкокалиберных пушек и пулемета. Из носового кубрика по цепочке передавались ящики со снарядами. Армейские штабные командиры выбрались из кубриков на палубу и обсуждали непривычную для них обстановку.

СКА-0112 взял курс на ближайший немецкий катер. Все напряглись, казалось, что катер идет на морской таран. Немцы от неожиданности на минуту прекратили стрельбу, в этот момент бойцы услышали громкий, но спокойный голос по другую сторону мостика: “Морской таран, молодцы морячки!” Это был генерал Новиков — он стоял в гимнастерке с расстегнутым воротом, с бритой головой. “Вот так же пробивались «Варяг» и «Кореец»...” — снова донеслись его слова.

Немецкий катер свернул с курса и ушел вправо.

Булатов подметил, что катера противника идут параллельными курсами. Если отстать, то торпедные катера, стреляя, будут поражать друг друга... И Константин Павлович стопорил ход, прекращал стрельбу, а торпедные катера продолжали вести огонь, но уже поражая друг друга. Но этот маневр удавался лишь в темноте, а с рассветом обстрел усилился, была повреждена носовая часть катера, отсек быстро заполнился забортной водой. СКА-0112 стал зарываться носом — снизилась скорость.

Германские катера развернулись и пошли параллельно с нами по два с каждого борта и один за кормой. Снова начался ураганный обстрел с трех сторон, а внезапно появившийся над нами немецкий самолет снизился и, делая круги, обстреливал нас с воздуха. СКА-0112 продолжал идти в сторону Большой земли.

Команда и принятые на борт защитники Севастополя заделывали образовавшиеся пробоины, откачивали воду. Пули прошивали борт катера.

Убитые и раненые были в переполненном кубрике, на палубе. Вышел из строя один мотор.

И. Трофименко, в прошлом комендор береговой батареи, заменил убитого комендора у кормовой пушки. Тут же находился и генерал Новиков, который стоял без гимнастерки, с перевязанной рукой. От прямого попадания снаряда на немецком катере произошел взрыв, начался пожар. На СКА-0112 раздались радостные возгласы.

Когда совсем рассвело, вышел из строя второй мотор. На мостике уже нельзя было находиться. За рулем лежали двое убитых. Очередной рулевой лежал на спине и снизу управлял штурвалом. Булатов, раненный в лицо, продолжал вести катер полулежа, подавая команду лежащему рулевому.

Когда заглох последний мотор, П.Г. Новиков и А.Д. Хацкевич находились в моторном отделении. Раненый моторист докладывал Новикову, что идти будут только на одном моторе и надо сменить перебитый маслопровод. Совместными усилиями моториста и Е.А. Звездкина сменили маслопровод. Катер получил ход.

Генерал, не дожидаясь завершения ремонта, выбираясь из люка на палубу, кричал: “Братцы, ход будет! Отгоняйте гадов!”

На СКА-0112 просто пассажиров не было — каждый стремился что-то сделать, чем-то помочь экипажу. Вели огонь, боролись за живучесть корабля, исправляя повреждения. Один мотор с трудом тянул катер, все более заполнявшийся забортной водой. СКА-0112 оседал. Накатившейся волной смыло убитых, раненые удержались за надстройки и леера.

Командира катера снова ранило. С трудом, по-пластунски перебрался он к кормовой пушке и стал корректировать стрельбу. Закончились снаряды. Тяжело раненый комендор прошептал, что в носовом кубрике, в правом борту над настилом, есть снаряды. Армейские командиры ползком пробрались в носовой кубрик, волоком притащили ящики со снарядами. И. Трофименко помнит, как к кормовой пушке подполз, толкая перед собой снаряд, полковник А.Б. Меграбян. У него была перебита нога, полковник был весь в крови...

Генерал Новиков лежал среди моряков на палубе и здоровой рукой показывал единственному у пушки израненному И. Трофименко на немецкий катер, который приближался с противоположной стороны. Комендор развернул пушку, зарядил и выстрелил. Немецкий катер ушел в сторону.

СКА-0112 уже не имел хода, но все еще продолжал отстреливаться. Немецкие катера близко не подходили, продолжали вести огонь.

“Что там?” — спросил Новиков, пытаясь подняться и снова падая на

палубу. Видимо, он получил еще одно ранение или обессилел от потери крови. В моторном отделении был разбит мотор, последний уцелевший моторист был убит, а в образовавшуюся пробоину в корпусе быстро прибывала вода. Когда об этом доложили Новикову, он из последних сил произнес: “Флаг не спускать!” — и поник головой.

Около 06: 00 появился Ю-88. Сначала он на бреющем облетел немецкие торпедные катера, а потом на высоте не более 25–30 метров зашел на СКА-0112 с кормы и обстрелял его из пулемета. Самолет сделал несколько заходов. Смолкли кормовая пушка и пулемет катера. Несколько человек вылезли из кубрика и бросились за борт.

В это время корма СКА-0112 совсем погрузилась в воду, волны обмывали палубу. Кто еще мог, полз к носу катера. Команда подошедшего германского катера S-72 во главе с лейтенантом Беренсом переместила всех уцелевших в бою на свою палубу — 16 человек из 74 пассажиров и 20 человек команды катера, 1 женщина и 15 мужчин. Все люди имели ранения, за исключением одного бойца.

Катер СКА-0112 от подложенного заряда затонул.

Обычно все корабли из Севастополя шли сразу в сторону турецкого берега, а потом поворачивали к берегам Кавказа во избежание встречи не только с авиацией противника, но и с вражескими катерами. В связи с нехваткой бензина катера шли на Новороссийск напрямую поблизости от крымских берегов, что означало в это время верную гибель.

На палубе немецкого катера всех раненых перевязали и прикрыли брезентом. Все это происходило на видимости Ялты. Вскоре катер прибыл в Ялту, и все пленные были высажены на песчаную часть берега в порту. Туда же были высажены 15 оставшихся в живых человек со СКА-0124, который был потоплен противником в районе мыса Сарыч.

Всего на песчаном берегу оказалось 31 человек и в их числе генерал Новиков, капитан 2-го ранга Заруба, политрук Звездкин, старшина 1 статьи Карякин, а также другие командиры и бойцы из штаба Новикова и оставшиеся в живых члены экипажа СКА-0112.

Во время высадки в Ялтинском порту пленные видели, как подошла санитарная машина и с германских торпедных катеров выносили убитых и раненых немцев. Кто-то из наших тихо сказал: “Набили-то мы их немало!” Раздался слабый голос Новикова: “А все-таки, братцы, мы их пощипали”».

НОВИКОВ Петр Георгиевич (18 декабря 1907 года). Татарин. Генерал-майор (1940). Родился в поселке Луч Казанской губернии в татарской православной семье. Окончил сельскую школу и начальное училище.

В Красной армии с 1923 года. Окончил 6-ю объединенную татаро-

башкирскую командную школу. После ее окончания до 1937 года командовал стрелковыми подразделениями. С 1937-го — командир батальона. Принимал участие в гражданской войне в Испании. После возвращения был назначен командиром стрелкового полка. Участник советско-финской войны. С мая 1940-го — командир 2-й кавалерийской дивизии. 4 июня 1940 года ему присвоено звание генерал-майора. С начала войны воевал на Южном фронте, а в октябре был назначен командиром 109-й стрелковой дивизии, во главе которой принимал участие в обороне Севастополя (южный сектор). В июне 1942-го дивизия осталась в арьергарде отступающих частей Отдельной Приморской армии, прикрывая их отступление. Основная часть соединения погибла или попала в плен. Награжден орденом Красного Знамени (1940).

Вот что написал 9 сентября 1942 года командующий Приморской армией генерал Петров в последней аттестации на генерала Новикова:

«...Разумный, волевой командир, правильно понимающий природу современного боя и умеющий организовать усилия подчиненных ему войск. Оставаясь до последнего с войсками, Новиков, по немецким данным, якобы попал в плен. Последнее маловероятно, Новиков мог попасть либо убитым, либо тяжело раненным...»

246-я стрелковая дивизия под командованием генерала Мельникова держала оборону подо Ржевом. «Во время Ржевско-Вяземской наступательной операции во второй половине февраля 1942 года, — пишет Ф.Д. Свердлов, — дивизия в составе нескольких частей 29-й армии попала в окружение в районе Ржева. 25 февраля 1942 года Мельников был тяжело ранен пулей в грудь. При попытке выйти из окружения группа бойцов и командиров, несших Мельникова, подверглась атаке немецкого подразделения, и 1 марта 1942 года был захвачен в плен».

МЕЛЬНИКОВ Иван Иванович (27 июня 1892 года). Русский. Генерал-майор (1941). Родился в деревне Шилово Смоленской губернии в крестьянской семье. Окончил два класса сельской школы и учительскую семинарию (1912). В Русской армии с 1914 года. Окончил школу прапорщиков (1916). Участник Первой мировой войны, младший офицер связи в штабе корпуса, подпоручик.

В Красной армии с февраля 1918 года. Участник Гражданской войны, начальник штаба полка. Окончил Высшую тактико-стрелковую школу командного состава «Выстрел» (1928) и заочно Военную академию им. Фрунзе (1933).

После Гражданской войны Мельников командовал различными стрелковыми подразделениями. С 1928-го занимал ряд должностей в Главном управлении пограничных войск НКВД СССР. В декабре 1935 года ему было присвоено звание полковника. В 1937 году был арестован органами НКВД и только в 1939-м освобожден и полностью реабилитирован.

Был назначен начальником отдела в управлении пограничных войск. С июля 1941-го — командир 246-й стрелковой дивизии. 15 июля ему было присвоено звание генерал-майора. В августе дивизия под командованием Мельникова принимала участие в боях на Калининском фронте. В бою был ранен в голову и спину. 6 декабря 1941 года дивизия перешла в общее наступление, освободив 20 населенных пунктов. Сражалась за город Зубцов.

181-я стрелковая дивизия 2-го формирования на фронте находилась с 12 июля 1942 года. Под командованием генерала Тимофея Новикова, во время Ржевско-Сычевской операции, дивизия попала в окружение. Командир организовал прорыв, однако сам попал в плен 15 августа 1942

года.

НОВИКОВ Тимофей Яковлевич (7 сентября 1900 года). Русский. Генерал-майор (1942). Родился в деревне Загорье Тверской губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую школу и учительскую семинарию. В Русской армии с 1917 года.

В Красной армии с июля 1918 года. Окончил пехотную школу в Петрограде. Участник Гражданской войны. В период с 1919 по 1920 год командовал отрядом красноармейцев в боях против войск генерала Деникина и белополяков. Курсантом принимал участие в подавлении Кронштадтского мятежа. До 1932 года командовал различными стрелковыми подразделениями. В период с 1932 по 1937 год занимал должности помощника начальника и начальника оперативного отдела штаба дивизии. С 1937-го — начальник разведотдела штаба корпуса, с 1938-го он командир 406-го стрелкового полка 124-й стрелковой дивизии. 28 ноября 1940 года ему было присвоено звание полковника. С начала войны принимал участие в приграничном сражении. Попал в окружение, был ранен в ногу, но благополучно вышел к своим. В октябре 1941 года назначен командиром 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, сражавшейся на Западном фронте. В январе 1942 года ему присваивают звание генерал-майора и назначают командиром 181-й стрелковой дивизии.

Награжден орденом Ленина (1942).

Из наградного представления к ордену Ленина на командира 1-й гвардейской мотострелковой дивизии полковника Новикова Т.Я.: «НОВИКОВ с первого дня войны вступил в бой с немецкими фашистами в качестве Командира 406 СП 124 СД. Его полк, прорываясь из окружения, уничтожил 1000 фашистских солдат, 12 орудий и захватил в плен и захватил в плен 105 солдат и 15 офицеров, приняв впоследствии на себя командование дивизией, он в течение 32 дней с непрерывными боями выводил и вывел дивизию из окружения, нанеся противнику огромные потери: уничтожено более 3000 немецких солдат и офицеров, уничтожено 300 автомашин, 1500 мотоциклов и много другого оружия и имущества. Об этих действиях НОВИКОВА и его части было отмечено в Приказе Ставки Главного Командования за № 270.

На должности Командира 222 Стрелковой Дивизии в период боев 19–21 ноября 1941 г. НОВИКОВ зарекомендовал себя волевым Командиром, хорошим организатором. Несмотря на тяжелое положение, в котором оказалась 222 СД, в связи с отходом частей 32 СД, оголившими правый фланг дивизии — 222 Дивизия отбила яростные атаки фашистов, нанеся им значительный урон: до 1250 человек только убитыми, не считая раненых и

потерь от артиллерийского огня.

НОВИКОВ в этих боях проявил и личную храбрость, находясь всегда в опасных местах, руководя боем лично и днем и ночью.

Успешно отразила все атаки фашистов 1-я ГМСД, Командиром которой в настоящее время является НОВИКОВ, за период боев с 1 по 3.12.41 противник отброшен на зап. берег р. НАРА, потеряв на участке 1-й ГМСД более 1000 убитых солдат и офицеров. Уничтожено 16 пушек, 12 пулеметов, захвачено 9 пушек, 26 станк. пулеметов и другое военное имущество и оружие...»

3-я гвардейская армия была сформирована в декабре 1942 года в составе Юго-Западного фронта и была введена в боевые действия в ходе операции «Уран». Она принимала участие в уничтожении немецких войск на Среднем Дону и срыве попытки деблокирования их окруженной группировки в районе Сталинграда. Как пишет Ф.Д. Свердлов, «в декабре 1942 года 3-я гвардейская армия в составе ударной группы нанесла удар в тыл немецких войск в районе Миллерово. Одна из попавших в окружение немецких частей сумела прорваться и напасть на штаб». Именно так 20 декабря 1942 года начальник штаба армии генерал Крупенников угодил в плен.

КРУПЕННИКОВ Иван Павлович (20 января 1896 года). Русский. Генерал-майор (1942). Родился в Москве в семье ремесленника. Окончил городское училище и работал ремесленником по изготовлению шор. В Русской армии с 1916 года. Окончил школу прапорщиков. Командир роты.

В Красную армию вступил в апреле 1918 года. Окончил Высшую тактическо-стрелковую школу командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел» (1923), Военную академию им. Фрунзе (1930). Участник Гражданской войны. Принимал участие в боях против войск Деникина, Колчака и бандформирований. В период с 1923 по 1926 год занимал должность начальника оперативного отдела штаба корпуса, а затем — заместителя командира корпуса. Впоследствии проходил службу на должностях заместителя начальника оперативного отдела штаба округа, начальника штаба дивизии, затем начальника штаба корпуса. С 1938-го Крупенников — старший преподаватель Военной академии им. Фрунзе. 29 ноября 1935 года ему было присвоено звание полковника, 13 августа 1938 года — комбрига, 4 августа 1942 года — генерал-майора. В 1942 году Крупенников назначен начальником штаба 5-й резервной армии, впоследствии преобразованной в 3-ю гвардейскую. Награжден орденом Красной Звезды (1942).

«В начале Великой Отечественной войны дивизия под командованием

генерал-майора П.Ф. Привалова в составе 12-й армии Юго-Западного фронта участвовала в приграничном сражении западнее г. Станислав (Ивано-Франковск). Вследствие нанесения противником фланговых ударов 2 августа 1941 г. дивизия и часть войск армии были окружены, в течение 5 суток они вели тяжелые оборонительные бои в окружении. После выхода из окружения генерал-майор П.Ф. Привалов был направлен на учебу в Академию Генштаба им. К.Е. Ворошилова. В ноябре 1942 г. был назначен командиром 15-го стрелкового корпуса, который в составе 6-й армии Воронежского фронта вел боевые действия на правом берегу р. Дон севернее с. Коротояк (Острогожский район Воронежской обл.). 22 декабря 1942 г. во время поездки на КП 267-й стрелковой дивизии в район Кантемировка машина П.Ф. Привалова попала в засаду, была обстреляна танками противника, П.Ф. Привалов был тяжело ранен и захвачен в плен...» — говорится в книге «Комкоры».

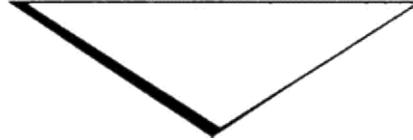
ПРИВАЛОВ Петр Фролович (22 декабря 1898 года). Русский. Генерал-майор (1940).

Родился в селе Смолевичи Гомельской губернии в семье рабочего. После окончания сельской школы в течение семи лет работал пекарем и чернорабочим. В феврале 1917 года призван в Русскую армию. Участник Первой мировой войны на Западном фронте, старший унтер-офицер.

В марте 1918 года вступил в Красную армию. Окончил учебную пулеметную команду в г. Ржев (1917), 1-годичный курс повторного отделения при 5-й Киевской пехотной школе (1926), Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна (1930), Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава РККА (1941), ускоренный курс Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (1942). Проходил службу в 1-м Петроградском морском отряде, воевал против войск Юденича и Колчака. Был ранен. С ноября 1918-го проходил службу в 1-м Украинском Советском Богунском полку на Западном и Южном фронтах: красноармеец, помощник командира и командир пулеметного взвода, помощник начальника пулеметной команды. В составе этого полка участвовал против германских войск, петлюровцев и войск Деникина.

После войны Привалов был помощником начальника пулеметной команды 388-го стрелкового полка, затем был переведен в 130-й стрелковый Богунский полк 44-й стрелковой дивизии на должность помощника начальника. Там же временно исполнял должность командира батальона, временно исполнял должность командира роты. После окончания повторных курсов вернулся в полк на должность командира

сводной роты, был командиром пулеметного батальона. С декабря 1930-го — начальник полковой школы 131-го стрелкового полка, затем командир стрелкового и пулеметного батальонов. С августа 1931-го — начальник штаба полка. С ноября 1933-го — командир и военком 130-го стрелкового Богунского полка. В 1938 году назначен помощником командира 44-й стрелковой дивизии, а в августе 1939-го — командиром 192-й горнострелковой дивизии. 4 июня 1940 года ему было присвоено звание генерал-майора. Награжден орденом Красного Знамени (1928).

Глава седьмая.
В 1943 И 1944 ГОДАХ

Генерал Борисов командиром 8-го кавалерийского корпуса стал в октябре 1942 года. И, как о нем говорится в книге «Комкоры», «который в составе Брянского фронта, затем 5-й танковой армии Юго-Западного фронта участвовал в Сталинградской битве. В ходе Среднедонской наступательной операции соединения корпуса участвовали в развитии успеха и освобождении станицы Тацинская, затем корпус освобождал г. Морозовск. В феврале 1943 г. 8-й кавалерийский корпус был передан 3-й гв. Армии и в ходе Ворошиловградской наступательной операции был выведен в прорыв в полосе армии в направлении Миллерово, Макеевка. За решительные действия по развитию успеха войск армии корпус был преобразован в 7-й гв. При наступлении корпуса в глубине обороны противника в районе Дебальцево 23 февраля 1943 г., в отрыве от основных сил армии, генерал-майор М.Д. Борисов был захвачен в плен...».

По утверждению Ф.Д. Свердлова, «в тылу немцам удалось окружить корпус, в результате чего раненый Борисов и офицеры штаба после короткого боестолкновения 23 февраля 1943 года попали в плен. На следующий день немцы начали сбрасывать с самолетов листовки с известиями о пленении Борисова».

БОРИСОВ Михаил Дмитриевич (4 октября 1900 года). Русский. Генерал-майор (1942). Родился в селе Голубовка Самарской губернии в семье служащего. Окончил приходское и Реальное училища (1910, 1915). В Русской армии с апреля 1917 года (рядовой и юнкер Саратовской школы прапорщиков).

В Красной армии с декабря 1918 года. Окончил Киевскую объединенную военную школу, кавалерийское отделение (1926), Военную академию им. Фрунзе (1941).

Участник Гражданской войны с декабря 1918 года: в боях на Восточном и Туркестанском фронтах, красноармеец и адъютант тяжелого артиллерийского дивизиона. С июня 1921-го — исполняющий должность для поручений при коменданте Самарканда, начальник учетно-административного отделения штаба обороны Самарканда, начальник учетно-организационного отделения штаба Бухарской группы войск, помощник начальника оперативного отдела штаба, исполняющий должность для поручений при начальнике штаба 13-го стрелкового корпуса. После окончания Киевской школы был назначен командиром

эскадрона, затем помощником начальника штаба Узбекского кавалерийского полка. Участник боевых действий против банд Джунаид-хана в песках Каракумов (1927). С мая 1927-го — командир эскадрона Туркменского кавалерийского полка, командир отдельного отряда. Участник боевых действий с басмачами в Керкинском районе. С января 1931-го — помощник начальника штаба и начальник штаба отдельного Казахского кавалерийского полка, с октября 1936-го — временно исполняющий должность командира 48-го кавалерийского полка. В 1937 году воевал в Испании в должности начальника штаба конной группы. По возвращении в сентябре 1938-го назначен на должность начальника 1-й части штаба и временно исполняющим обязанности начальника штаба 19-й горнокавалерийской дивизии.

В начале войны Борисов — начальник штаба, а с октября — командир 31-й отдельной кавалерийской дивизии Центрального фронта, затем 50-й армии Брянского и Западного фронтов. «В этой должности, — как подчеркивается в книге «Комкоры», — в ходе битвы под Москвой участвовал в Тульской оборонительной, затем Тульской и Калужской наступательных операциях. В контрнаступлении Красной армии под Москвой дивизия особо отличилась при проведении Калужской наступательной операции. Действуя в составе подвижной группы 50-й армии, дивизия за трое суток в условиях снежной и морозной зимы продвинулась на 90 км и вышла на южную окраину Калуги. Однако противник подтянул резервы и усилил сопротивление. Соединения подвижной группы, ворвавшиеся в город, в том числе 31-я кавалерийская дивизия, оказались отрезанными от главных сил армии и были вынуждены вести тяжелые уличные бои в окружении. Только 30 декабря совместными усилиями подвижной группы и подошедших соединений 50-й армии в тесном взаимодействии с другими соединениями Западного фронта г. Калуга была полностью освобождена. В ходе этих боев М.Д. Борисов проявил личное мужество, храбрость, твердость, гибкость в управлении частями дивизии в сложных условиях оперативной обстановки, в отрыве от основных сил армии и боевых действий в городе. За успешные действия в этих операциях 31-я отдельная кавалерийская дивизия была преобразована в 7-ю гв., а ее командиру присвоено воинское звание “полковник”. С февраля 1942 г. полковник М.Д. Борисов — командир формируемого 9-го кавалерийского корпуса, который впоследствии был расформирован. С апреля 1942 г. — заместитель командира 1-го гв. Кавалерийского корпуса Западного фронта...»

Награжден орденами Красного Знамени (1942), Суворова 2-й степени

(1943) и Красной Звезды (1938).

Из наградного представления к ордену Красного Знамени на командира 31-й отдельной кавалерийской дивизии подполковника Борисова М.Д.: «Подполковник Борисов отважный кавалерист и боевой командир. Умело руководит дивизией. Дивизия сколочена.

В боях под Козельском с 11 по 18.10.41 будучи начальником штаба дивизии в сложной обстановке действий на открытом фронте умело организовал управление войсками.

Лично руководил боем 116 кп, обходившего Козельск с юга. В результате обходного маневра уничтожен батальон пехоты 52 пд пр-ка, 3 танка и несколько бронемашин.

В боях под Тулой 27–29.11.41 в районе “Косая Гора” под его руководством в упор были расстреляны 9 танков пр-ка и убито до 200 солдат и офицеров.

В боях в районе Суходол (11.41) под руководством подполковника Борисова были зарублены 200 конников пр-ка, захвачены 4 орудия и другие трофеи.

31 кд в боях 4–7.12.41 способствовала разгрому группы “Гудериана”. Удачным налетом на Вошинцево с севера 31 кд вынудила пр-ка бросить танки, много автомашин, мотоциклов.

Командир дивизии подполковник Борисов во всех этих боевых эпизодах проявил личное мужество и храбрость...»

Генерал Павлов 25-м танковым корпусом в составе 60, 40, 1-й гв. армий Воронежского и Юго-Западных фронтов командовал с июля 1942 года. В книге «Комкоры» об этом говорится следующее: «Корпус участвовал в Воронежско-Ворошиловградской оборонительной операции, прочно удерживал оборону на чижовском плацдарме южнее г. Воронеж, затем в Среднедонской наступательной операции. В ходе последней части корпуса наносили удар в направлении городов Богучар, Слобода, Кашары и за 10 дней боев прошли свыше 350 км, вышли западнее г. Морозовск, задержав продвижение противника, пытавшегося деблокировать окруженную группировку войск под Сталинградом. С февраля 1943 г. корпус в составе 6-й армии Юго-Западного фронта участвовал в Донбасской наступательной операции, форсировании Днепра и захвате плацдарма на западном берегу южнее г. Запорожье. В этой операции корпус в течение 13 суток действовал в отрыве от главных сил армии, ведя тяжелые бои с превосходящими силами противника. В ходе этих боев П.П. Павлов был ранен, но продолжал руководить боевыми действиями, организовал прорыв частей корпуса из окружения в районе г. Запорожье, но при этом сам попал в плен».

К слову сказать, генерал Павлов был ранен дважды и от эвакуации отказался в пользу раненых подчиненных. Ситуация была очень сложной, ведь окружившие 22 февраля корпус Павлова немцы имели семикратное превосходство в танках. Когда самолет перевез все раненых, сам командир корпуса был уже пленен.

ПАВЛОВ Петр Петрович (12 февраля 1896 года). Русский. Генерал-майор танковых войск (1942). Родился в слободе Уразово Курской области, ныне Валуйского района Белгородской области.

В Красной армии с февраля 1918 года. Окончил кавалерийские курсы усовершенствования командного состава РККА в Новочеркасске (1929) и Ленинградские бронетанковые курсы РККА (1932).

В Гражданской войне — отделенный командир 12-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии, командир взвода отдельного кавалерийского эскадрона. Воевал на Южном и Западном фронтах против немецких войск, войск генералов Краснова, Деникина, Врангеля и белополяков.

С января 1923-го — командир эскадрона в 23-м и 24-м Донском

кавалерийских полках. С февраля 1925-го — исполняющий должность командира эскадрона, помощник начальника штаба полка, начальник полковой школы в 19-м Манычском кавалерийском полку. После окончания курсов был назначен помощником начальника штаба полка. С ноября 1930-го — начальник 2-го отделения штаба 4-й Ленинградской кавалерийской дивизии. С мая по ноябрь 1931-го — начальник полковой школы 23-го Сальского кавалерийского полка, затем снова в штабе 4-й кавдивизии. В марте 1932 года назначен преподавателем Нижегородской бронетанковой школы Московского округа. С июля 1937-го в Бронетанковом училище им. Сталина: преподаватель, командир учебного батальона, помощник начальника училища по строевой. С января 1939-го — помощник командира 38-й легкотанковой бригады в Киевском округе. С августа 1940-го — помощник генерал-инспектора Бронетанковых войск Красной армии, затем командир 38-й легкотанковой бригады. В марте 1941 года назначен командиром 41-й танковой дивизии 22-го механизированного корпуса Киевского округа.

И вновь вернемся к книге «Комкоры»: «В начале Великой Отечественной войны дивизия под командованием П.П. Павлова в составе корпуса 5-й армии участвовала во встречном танковом сражении в районе городов Дубно, Луцк, Ровно. В последующем части дивизии вели оборонительные бои на киевском направлении. С сентября 1941 г. — заместитель командира 46-й танковой бригады 4-й армии Волховского фронта. На этой должности зарекомендовал себя смелым, инициативным, умеющим быстро ориентироваться и разбираться в любой обстановке. В ходе боевых действий за г. Тихвин П.П. Павлов заменил раненого командира бригады. За умелое руководство боем, мужество и отвагу был награжден орденом Красной Звезды и представлен к присвоению воинского звания генерал-майор. С февраля 1942 г. — заместитель командующего 59-й армией Волховского фронта по АБТВ. В боевой характеристике на П.П. Павлова отмечалось: “Проявил себя как требовательный, дисциплинированный организатор, умело применяет свои знания и опыт на практике, что особенно проявилось в восстановлении материальной части в бригадах... Тактически грамотен. Хорошо понимает общую и тактику АБТ войск...”» Награжден орденами Красного Знамени (1928,1938,1943) и Красной Звезды (1941).

127-я стрелковая дивизия, преобразованная 15 января 1943 года в 62-ю гвардейскую, под командованием генерала Зайцева в ходе войны входила в состав армий Сталинградского, Донского и Воронежского фронтов. «В марте 1943 года дивизия Зайцева в ходе отражения контратаки немецких войск к югу от Харькова прикрывала отход 3-й танковой армии за реку Северский Донец, — пишет Ф.Д. Свердлов. — В одном из ночных боев Зайцев на наблюдательном пункте был ранен в ногу с переломом кости. После отхода частей дивизии, 16 марта 1943 года помощник Зайцева спрятал его в стоге сена, а 17 марта перенес его в один из домов близлежащей деревни Терновое, а сам пошел искать оставшихся в окружении бойцов, чтобы те помогли им вернуться к своим. Пока он отсутствовал, деревню заняли немецкие подразделения, которые захватили Зайцева в плен».

ЗАЙЦЕВ Георгий Михайлович (23 апреля 1895 года). Русский. Генерал-майор (1943). Родился в Орше в семье служащего. После окончания четырехклассного училища работал писарем в городской управе. В Русской армии с 1915 года. Окончил школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны, помощник командира роты, был тяжело ранен.

В Красной армии с октября 1918 года. Окончил Высшую тактико-стрелковую школу командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел» (1929) и Военную академию Генштаба (1941).

Участник Гражданской войны. Принимал участие в боях против белополяков и повстанческой армии Антонова. Командир стрелкового полка.

После Гражданской войны командовал стрелковым полком, а затем был назначен на должность помощника начальника оперативного отдела штаба дивизии. Следующая должность — помощник начальника оперативного отдела штаба корпуса. После окончания курсов «Выстрел» снова командовал стрелковым полком. В январе 1936 года ему было присвоено звание полковника. С 1937-го — заместитель командира дивизии и заместитель командира корпуса. После окончания Академии Генштаба был назначен начальником оперативного отдела штаба 21-й армии, а в декабре 1941-го командиром 127-й стрелковой дивизии, впоследствии преобразованной в 62-ю гвардейскую. 19 января 1943 года ему было присвоено звание генерал-майора. Награжден орденами Красного

Знамени (1921, 1943) и Суворова 2-й степени (1943).

Из наградного представления к ордену Красного Знамени командира 127-й стрелковой дивизии полковника Зайцева Г.М.: «С 16 по 19 декабря части 127 стрелковой дивизии решительными действиями вклинились в оборону противника, захватили и удержали несколько важных в тактическом отношении высот и населенных пунктов и обеспечили плацдарм для развития дальнейшего наступления войск 6 армии. При дальнейшем продвижении наступательной операции части дивизии нанесли серьезное поражение двум полкам 385 пехотной немецкой дивизии, и одному полку 5 пехотной итальянской дивизии. В боях было уничтожено свыше 5 тыс. солдат и офицеров противника, захвачено в плен до 1000 солдат и офицеров, захвачено свыше 100 орудий разного калибра, до 500 пулеметов, несколько разных складов и др. военное имущество.

Прорвав оборону противника, в настоящее время дивизия выполняет одну из важнейших задач — продолжает наступление вдоль тактической полосы обороны противника.

Успешные действия дивизии были обеспечены правильным руководством командира дивизии и его штабом...»

В ноябре 1943 года на 4-м Украинском фронте произошло чрезвычайное происшествие. Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов в своих воспоминаниях поведал об этом следующее: «Но в тот самый момент, когда в Москве гремел салют в честь освобождения Киева, а у нас повсеместно проходили праздничные митинги, радость наша была омрачена неожиданной вестью из-под Никополя. Там трагически погибли два боевых генерала — командующий 44-й армией Василий Афанасьевич Хоменко и командующий артиллерией той же армии С.А. Бобков.

А произошло это так. У командарма появилось желание посоветоваться по поводу предстоящих боев за Никополь со своими командирами корпусов И.А. Рубанюком и П.К. Кошевым. Прихватив с собой С.А. Бобкова, Василий Афанасьевич направился сначала на КП генерала Рубанюка. Туда они добрались вполне благополучно, довольно быстро обсудили все вопросы и отбыли в 63-й стрелковый корпус.

Хоменко сам вел автомашину. Бобков сидел с ним рядом. Позади следовали еще две автомашины: одна с охраной, другая с радиостанцией “Север”. В кузове последней находились офицер и радист.

В то время войска 44-й армии только еще занимали свои новые позиции под Никополем. Сплошного фронта там не было. К командному пункту 63-го стрелкового корпуса вели три дороги. Но одна из них шла через расположение войск противника. Генерал Хоменко ошибся в ориентировке и попал как раз на эту дорогу. Гитлеровцы подпустили нежданных “гостей” на близкое расстояние и открыли по ним огонь почти в упор. Чудом удалось спастись лишь одной машине, двигавшейся последней. Тяжело раненные офицер и радист, сохранив документы, вернулись в штаб корпуса.

Как только стало известно об этом, Ф.И. Толбухин приказал 44-й армии немедленно атаковать противника и попытаться вызволить из беды наших генералов. Однако атака успеха не имела. Спасти тт. Хоменко, Бобкова и всех, кто сопровождал их, не удалось.

Гитлеровцы потом сочиняли небылицы, писали в своих листовках, что советские генералы добровольно перешли на сторону врага. Никто из нас этому не верил. Мы отлично знали, что такие, как Хоменко и Бобков, живыми врагу не сдадутся.

Однако сам по себе случай был крайне неприятным. Командующий

армией заблудился в расположении своих частей и по ошибке заехал — к противнику!

Верховный Главнокомандующий распорядился о расформировании управления 44-й армии и немедленной передаче ее войск в другие объединения фронта. А заодно на нас обрушились и иные немилости со стороны И.В. Сталина».

После случившегося Сталин подписал директиву Ставки Верховного Главнокомандования от 7 ноября 1943 года за № 30239 следующего содержания: «...командующим войсками фронтов и отдельными армиями, представителям Ставки об усилении охраны и мер безопасности командного состава

7 ноября 1943 г. 20 ч. 30 мин.

Несмотря на неоднократные указания в течение последних двух недель имели место позорные случаи захвата противником наших высших командиров, выезжавших без должных мер предосторожности и охраны в передовую линию войск и потерявших ориентировку. Так, например:

1. В ночь на 20.10 командующий артиллерией 3-й ударной армии генерал-майор Петров и его начальник штаба полковник Недзвижский, выезжая на рекогносцировку, вследствие невыполнения Петровым требований регулировщиков, по ошибке заехали в расположение войск противника и были пленены немцами.

2. 21.10 при выезде в наши передовые части проехал по ошибке линию фронта и был пленен противником, попав в его танковую засаду, начальник штаба 49 ск полковник Фунтиков.

3. 6.11 командующий 44-й армией генерал-лейтенант Хоменко и командующий артиллерией той же армии генерал-майор Бобков при выезде в штабы корпусов потеряли ориентировку, попали в район расположения противника, при столкновении с которым в машине, управляемой лично Хоменко, заглох мотор и эти лица также были захвачены немцами со всеми находящимися при них документами. Этот позорный случай произошел, несмотря на предупреждение командира 10 гв. ск генерал-майора Рубанюка о том, что Хоменко и лица, его сопровождающие, поехали не по той дороге. На сделанное ему предупреждение Хоменко самоуверенно ответил: “Вы меня не учите, я умею читать карту” и продолжал движение в сторону противника.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Запретить выезд командующих армиями, командиров корпусов и лиц высшего командного состава им соответствующих в передовую линию войск без организованной по пути движения разведки и охраны в 2–3

бронемашины или танка.

2. При выезде в войска, от штаба корпуса и ниже, не брать с собой никаких оперативных документов, за исключением чистой карты района поездки.

3. Беспрекословно выполнять все требования регулировщиков.

4. Запретить высшему начальствующему составу личное управление автомашинами.

5. Возложить ответственность за точное выполнение настоящей директивы лично на командующих фронтами и отдельными армиями. В случае нарушения настоящей директивы командующий фронтом лично будет привлечен к ответственности».

К слову сказать, если генералы Хоменко и Бобков погибли, то упоминаемый в директиве генерал Петров действительно угодил в немецкий плен...

Начальник артиллерии 3-й ударной армии генерал Петров, вопреки всем мерам предосторожности, направился в войска в темное время суток. Заблудившись, он въехал в расположение противника, который открыл по его машине огонь. Как результат: тяжелое ранение и плен.

ПЕТРОВ Михаил Осипович (8 октября 1898 года). Русский. Генерал-майор артиллерии (1941). Родился в деревне Выборное ныне Запорожской области в семье рабочего. Окончил четырехклассную сельскую школу и четырехклассное техническое училище в Санкт-Петербурге.

В 1918 году вступил в Красную армию. Окончил Вторые Петроградские советские артиллерийские курсы РККА и курсы усовершенствования командного состава артиллерии в Казани (1920). Участник Гражданской войны против войск генерала Юденича. В период с 1920 по 1932 год командовал различными артиллерийскими подразделениями, затем был назначен на должность помощника начальника артиллерии Московского военного округа. В период с 1933 по 1939 год командовал артиллерией Сибирского, Киевского и Закавказского военных округов. В ноябре 1935 года ему было присвоено звание комбрига. Участник боев на озере Хасан и советско-финской войны. В период с 1939 по 1943 год — начальник артиллерийского училища. В ноябре 1941 года ему было присвоено звание генерал-майора артиллерии, а в мае 1943-го Петрова назначили командующим артиллерией 3-й ударной армии Калининского фронта. Награжден орденами Ленина (1941), Суворова 2-й степени (1943) и Красной Звезды (1938).

Из наградного представления к ордену Ленина на начальника Днепропетровского артиллерийского училища комбрига Петрова М.О.:

«Комбриг ПЕТРОВ М.О. начальник Днепропетровского артучилища вступил в бой со своим училищем 26.8.41 г. и на протяжении 15 дней училище ведет упорные бои, отстаивая каждую пядь нашей Родной земли. Такое высокое боевое качество, проявленное училищем, зависит во многом от твердого и волевого руководства боями со стороны тов. ПЕТРОВА. Он лично руководил боями на передовых линиях, ведя своих курсантов в атаку или воодушевляя их на величайшее упорство в бою. Преданный делу Ленина — Сталина тов. ПЕТРОВ проявил в этих боях бесстрашие и смелость, в результате его самоотверженного поведения в бою он 8.9.41 г. был тяжело ранен и эвакуирован.

Высокая дисциплина проявлена даже таким фактом со стороны товарища Петрова, он будучи ранен из госпиталя донес рапортом, что он ранен в обе ноги и командование училища сдал полковнику ТЕЛЬНОВУ.

Тов. ПЕТРОВ М.О. достоин награждения орденом Лнпта.

Командующий 6 армии генерал-майор Малиновский...»

13 июля 1943 года командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса Герой Советского Союза генерал-майор Лапшов вместе с генерал-лейтенантом Мазановым выехали на автомашине в расположение своих войск, но обратно не вернулись. Ф.Д. Свердлов пишет об этом так: «13 июля командир корпуса генерал Лапшов пригласил Мазанова поехать с ним на осмотр подбитой немецкой техники. В темноте автомобиль марки “виллис”, в котором они ехали, был обстрелян остатками немецких войск, которые прятались между танками, чтобы в темноте уйти к своим. Лапшов, его шофер и адъютант погибли на месте, а Мазанов был захвачен в плен». Только 15 июля генерал Лапшов был найден убитым от прямого попадания снаряда в автомобиль.

МАЗАНОВ Лавр Александрович (1 сентября 1900 года). Русский. Генерал-лейтенант артиллерии (1943). Родился в деревне Горки Тверской губернии в крестьянской семье. Окончил четырехклассную сельскую школу (1912). Два года работал в штамповочной мастерской, а затем в отцовском хозяйстве.

В Красной армии с июня 1919 года. Окончил военную артиллерийскую школу (1923) и Военную академию им. Фрунзе (1934). В 1921 году, будучи разведчиком-артиллеристом, участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. До 1931 года командовал различными артиллерийскими подразделениями. После окончания академии был назначен начальником штаба артиллерийского полка в Белорусской ССР, а затем преподавателем на артиллерийские курсы. В 1941 году Мазанова назначили начальником артиллерии 30-й армии. В октябре 1942 года ему было присвоено звание генерал-майора артиллерии, а в июле 1943-го — генерал-лейтенанта артиллерии. В том же 1943-м назначен начальником артиллерии 10-й гвардейской армии, а в июле месяце направлен для временного исполнения обязанностей командира корпусной артиллерийской группы 16-го гвардейского корпуса 11-й гвардейской армии. Награжден орденами Красного Знамени (1942) и «Знак Почета» (1941).

51-м стрелковым корпусом 40-й армии 2-го Украинского фронта генерал Любовцев командовал с мая 1944 года. «Корпус действовал в Яско-Кишиневской наступательной операции на правом крыле фронта и, успешно развивая наступление, вышел к предгорьям Восточных Карпат, где в районе г. Пятра (Румыния) 25 августа И.М. Любовцев с группой офицеров попал в засаду и, будучи ранен, был взят в плен», — сообщается в книге «Командармы». Ф.Д. Свердлов лишь добавляет некоторые детали: «25 августа 1944 года окруженные немецкие части предприняли контратаку, а ходе которой Любовцев попал под огневой налет, лишился левой руки, ноги, был ранен в голову и в бессознательном состоянии попал в плен».

ЛЮБОВЦЕВ Илья Михайлович (3 января 1899 года). Русский. Генерал-майор (1940). Родился в г. Богородск, ныне Ногинск Московской области, в семье плотника. Окончил четырехклассное городское училище. В Русской армии с 1916 года, писарь отдельного кавалерийского дивизиона, рядовой.

В Красную армию вступил в феврале 1918 года. Окончил 3-й Оренбургские кавалерийские курсы (1921), Военную академию им. Фрунзе (1926). Участник Гражданской войны: командир кавалерийского взвода 1-го территориального Московского полка на Южном фронте, командир конного отряда по охране железных дорог, помощник начальника и начальник отряда на Восточном и Северо-Кавказском фронтах, командир эскадрона 36-го стрелкового полка 3-й армии (1920–1921). Любовцев — участник подавления эсеровского мятежа в Ярославле (июль 1918), участник боев против войск генерала Мамонтова и Деникина на Южном фронте (1919), участник боев против войск адмирала Колчака на Восточном фронте (1919–1920).

С 1921-го — командир кавалерийского взвода и эскадрона (при особом отделе 1-го кавалерийского корпуса, в отряде Азербайджанского ЧК, в составе 18-й кавдивизии Кавказской армии, 2-го кавалерийского полка войск Грузинской ЧК и войск ОГПУ Северо-Кавказского фронта, 5-го Донского и 6-го полка войск ОГПУ). В составе Закавказского и Северокавказского фронтов участвовал в борьбе с вооруженными формированиями на Кавказе. С 1926-го — начальник штаба 77-го кавполка 6-й отдельной кавбригады, затем 11-й кавдивизии в Среднеазиатском

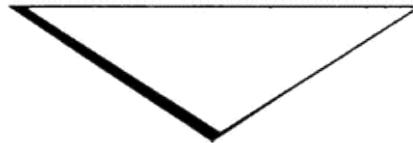
округе. Участвовал в боевых действиях против басмачей в Таджикистане. С сентября 1928-го — преподаватель Объединенной военной школы ВЦИК в Москве, а через год — начальник кавалерийских курсов усовершенствования командного состава. В 1931 году назначен начальником штаба 14-й кавалерийской дивизии Московского округа, затем командиром 252-го стрелкового полка 84-й стрелковой дивизии. С мая 1936-го — начальник учебного центра МВО в Мичуринске, а затем начальник штаба 16-й стрелковой дивизии. В мае 1938-го назначен командиром этой дивизии.

Дальнейшая военная биография генерала Любовцева описывается в книге «Командармы» так: «В начале Великой Отечественной войны дивизия под командованием И.М. Любовцева входила в состав 27-й армии Северо-Западного фронта и дислоцировалась в районе г. Таллин. Дивизия участвовала в прикрытии морского побережья Балтийского моря, обороняла г. Таллин и южное побережье Финского залива от высадки морских десантов. В последующем участвовала в битве за Ленинград на дальних подступах к городу. С июля 1941 г. И.М. Любовцев — заместитель командующего, затем командующий 8-й армией Северного, а с августа — Ленинградского фронтов. Армия имела задачу остановить наступающие с юга и юго-запада на Ленинград немецко-фашистские войска. Однако армия под командованием И.М. Любовцева не выполнила поставленную задачу. Он был снят с занимаемой должности и назначен командиром 2-й дивизии народного ополчения в Ленинграде... Части дивизии в составе 8-й, с октября 55-й армии Ленинградского фронта вели бои на рубеже р. Воронка, ст. Петергоф на Ораниенбаумском плацдарме. В январе 1942 г. назначен начальником штаба, а с апреля — заместителем командующего 55-й армией этого же фронта, которая провела ряд успешных частных наступательных операций в целях улучшения своего оперативного положения. “Показал себя мужественным, храбрым командиром, не теряется в сложных условиях боевой обстановки и при необходимости руководит боем, находясь непосредственно на передовой линии фронта”, — отмечалось в боевой характеристике. С мая 1943 г. находился на краткосрочных курсах при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. С февраля 1944 г. заместитель командира 104-го стрелкового корпуса в составе 40-й армии 1-го Украинского фронта. Части корпуса сыграли важную роль в период проведения Корсунь-Шевченковской наступательной операции. Корпус сумел отразить контрудары крупных сил противника, который пытался деблокировать группировку, окруженную советскими войсками в районе г. Корсунь-Шевченковский. В марте — апреле корпус в составе этой же

армии, но уже 2-го Украинского фронта участвовал в Уманско-Ботошанской наступательной операции. В ходе ее части и подразделения корпуса в тяжелых условиях распутицы и бездорожья прошли с боями около 400 км, форсировали крупные водные преграды — рр. Южный Буг, Днестр, Прут; 6 апреля вышли к р. Сирет, с ходу форсировали ее и перенесли боевые действия на территорию Румынии». Награжден орденом Суворова 2-й степени (1944).

Из наградного представления к ордену Суворова 2-й степени на генерал-майора Любовцева И.М.: «Тов. Любовцев непосредственный участник форсирования частями корпуса реки Прут, Сирет и Сучава. Выезжая на отдельные участки фронта и лично руководя там действиями войск, т. Любовцев содействовал в значительной степени успешному их завершению. Настойчиво добивался выполнения соединениями корпуса их задач, с большой инициативой и энергией помогая в управлении войсками...»

К слову сказать, генерал-майор Илья Михайлович Любовцев стал самым последним советским генералом, попавшим в немецкий плен в годы Великой Отечественной войны.

Глава восьмая.

СТАЛИНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ В ПЛЕНУ

Взятых в плен советских военнослужащих немцы, как правило, делили на две группы: красноармейцев и командиров. И если это не удавалось сделать сразу, то по прибытии командиров в пересыльный лагерь, начиная от среднего звена (младшего лейтенанта), отправляли в офлаги.

Так называемая «селекция» касалась не только евреев и комиссаров, но и командного состава, который немцы старались немедленно отделять от рядовых и младших командиров, как возможных организаторов сопротивления.

Такая задача ставилась в проекте особого распоряжения к директиве № 21 плана «Барбаросса». В ней, в частности, говорилось: «При захвате в плен войсковых подразделений следует немедленно изолировать командиров от рядовых солдат».

Что же касается советских генералов, то, безусловно, их изолировали в первую очередь. Немцы работали с ними до результата... Раненым генералам Красной армии оказывали медицинскую помощь, лечили. Целых и невредимых допрашивали. И все же плен для большинства из них, несмотря на особое положение, не был санаторно-курортным... Советские генералы на собственной шкуре испили полную чашу немецкой неволи, наравне со своими солдатами и офицерами, которых еще не так давно вели в бой.

В своем письме сестре из плена 10 июня 1943 года генерал-лейтенант М.Ф. Лукин свидетельствует:

«Дорогая Шурочка! Письмо твое с оказией получил 4 июня, посланное тобой по почте я не получил. Ты, конечно, представляешь, сколько радости мне доставило твое письмо; читая его, слезы радости и умиления лились ручьем; ведь мало, что оно от тебя, оно из родных краев! Письмо я выучил наизусть. Я очень рад, что ты и твое семейство живы...

Очень и очень жаль, что тебе не удалось получить ответа от моей мамуси. Где она теперь и как живет с моей дочуркой и старушкой Маней. 13 июня исполнится 2 года, как я покинул их. Ведь Юлечке в ноябре исполнится 16 лет — оставил ее девочкой, а теперь взрослая девушка. Мысль о них причиняет мне острую боль, относительно их жизни строю всевозможные картины, одна другой ужаснее и больше всего страшусь мысли, как бы они не попали туда, где большая Шура, или в другое подобное место. От одной этой мысли сердце останавливается, кровь

леденеет и разум мутится. Ведь, кроме Родины и моего народа, это самые близкие и родные мне существа. Дорого бы я заплатил, чтобы знать, что они живы и здоровы и вспоминают своего несчастного калеку папусю. Немцы написали в газетах, что ген.-лейт. Лукин, командующий 19 ар., взят в плен, но не написали, в каком состоянии. Обрадовались, что взяли мой труп! А раз в газетах написали, значит знают и наши, и это может послужить основанием для репрессии моей семьи. Родная Шурочка, я ведь чист перед своей Родиной и своим народом, я дрался до последней возможности, и в плен не сдался, а меня взяли еле живого. Моя мамуся не поверит, чтобы я цел и невредим, мог сдаться в плен врагу, как это сделали многие генералы, она знает, как я честен в этом. Шурочка, ты знаешь, какой патриоткой оказалась моя мамуся. Я искренне ею горжусь. Выходя из первого Смоленского окружения, 2 августа 41 г. при переправе через р. Днепр, я получил перелом кости в ступне левой ноги, и целых 7 недель не мог встать на ногу. Мне никто не предложил эвакуироваться, хотя Тимошенко и Булганин были у меня и видели, в каком состоянии я нахожусь. Самому просить было как-то стыдно, и поле боя я не оставил, хотя и имел все основания на поездку в тыл. Написал мамусе, и вот ее ответ: “Родной мой папочка, если есть возможность остаться на фронте, как бы мне ни хотелось тебя видеть, оставайся. Я знаю, как нужны такие командиры, как ты; с презрением смотрю на людей, которые из личного благополучия устриваются в тылу”. Вот какая моя мамуся! А как она была рада, как она гордилась мною, когда узнала, что я один из первых командующих армией был награжден орденом (это 4-м по счету). Моя армия не была разбита, пр-к нигде не прорвал фронта моей армии. Моя армия была окружена под Вязьмой по вине моих соседей и, больше всего, по вине моего старшего н-ка, который неправильно меня информировал о положении на фронте и вовремя не дал мне приказа отступить. У меня не осталось ни одного снаряда, не было горючего в машинах, с одними пулеметами и винтовками пытались прорваться. Я и к-ры моего штаба все время находились в цепи вместе с красноармейцами. Я с группой мог уйти, как это удалось сделать некоторым частям моей армии, но я не мог бросить на произвол, без командования большую часть армии. Мне были дороги интересы общего дела и моей армии, а не личная жизнь. Когда прорваться не удалось, я, взорвав всю артиллерию и уничтожив все машины, решил выходить из окружения небольшими группами.

Родная Шурочка, каждый взрыв орудия и пламя горящих машин больно отзывались в моем сердце! Но я был горд сознанием, что ничего в целостности врагу не оставлю. Блуждая по лесам, в поисках выхода, 12 октября

я был ранен в правую руку пулей. Рана пустяшная, на первый взгляд, кость не задета, но перебиты два нерва. Окружающие меня к(оманди)ры штаба в панике разбежались, оставив меня, истекающего кровью, одного. Бинта при нас не оказалось. Кровь лилась ручьем, остановить ее не могу, а шагах в 200 приближаются немцы. Первая мысль — бежать. Встал, сделал несколько шагов — упал из-за слабости (много потерял крови, от большой ходьбы левая нога болеть начала, еще не зажила как следует, несколько суток подряд не спал совершенно и в последние дни ничего не ел). Мелькает мысль: плен, но от нее прихожу в ужас. С быстротой молнии работает мозг. Перед глазами вереницей проходят мои родные и дорогие: мамуся, старушка мать, которую я много раз как сын обижал, дочурка Юлечка и все, все. Тяжело. В глазах муть. Хочется пить и уснуть. Боль ноющая, глухая. Стрельба, все усиливаясь, приближается. Совсем почти рядом рвутся снаряды, над головой непрерывно свищут пули. Стараясь преодолеть слабость, боюсь, как бы не заснуть. Мозг продолжает усиленно работать. Пытаюсь достать левой рукой револьвер из кобуры, думаю, живой не сдамся, последнюю пулю себе. Все попытки вынуть револьвер не удаются. Правая рука повисла, как плеть. Вдруг из кустов подошли две девушки санитарки, но у них не оказалось бинтов — все израсходовали. Наскоро сняли шинель, разрезали рукав кителя, оторвали от моей рубашки тряпку и перевязали. Взяли меня под руки и повели. Надо было уходить, немцы приближались. Сделал шагов 20–30, идти не могу. Положили меня на походную палатку и волоком потащили по земле. Спустились в овраг с кустарником, из ручейка напоили меня водой. Напившись, почувствовал прилив сил, пошли. Не прошли и 5 шагов, как я снова был ранен осколками снаряда: в правую ногу, выше колена, и в икру. Я упал. К счастью девушки остались невредимыми. Дальше идти не могу, прошу их достать мне револьвер, чтобы покончить расчеты с жизнью, но, оказалось, что мы револьвер оставили в суматохе на том месте, где они меня перевязывали. Немцы опять близко, в кустах слышна их гортанная речь. Прошу, умоляю, приказываю им оставить меня, а самим спастись. Но милые, родные русские девушки, совсем еще девочки, и слышать не хотели, даже обиделись: “За кого вы нас считаете!» Не бросили они своего истекающего кровью генерала, не уподобились горе-шкурникам, командирам моего штаба, а с нечеловеческими усилиями понесли меня. Подошел ген. Андреев. Встретился со своими, у которых оказались продукты, поел. Часа три уснул. Снова стрельба, и снова уходили. Бродили еще 2 суток. Ходить дальше нет сил. Чувствую, что становлюсь обузой окружающим. Мысль о самоубийстве не покидает меня, думаю, рано или поздно придется это

сделать. На сердце тяжело. В одном небольшом лесу встретили нач(альник). О(собого). О(тдела) 24 армии Можина (мамуся его знает по Новосибирску), он тяжело ранен, ходить не может, лежал в землянке уже дней 5, сказал, что он послал верного человека через фронт к своим, чтобы прислали за ним самолет, уговаривает и меня остаться с ним. Мелькнул луч надежды на спасение. Поели. Начали засыпать. Снова стрельба. 3 генерала, которые были со мной, выбежали посмотреть. Прошло минут 5 — не возвращаются, а стрельба уже совсем близко. Я решил уходить. Только я вышел из землянки с большим трудом, как шагах в 50 показались немцы. Выстрел, и я снова ранен в колено и опять в правую ногу разрывной пулей. Упал. Мой сапог быстро наполнился кровью. Чувствую, начинаю терять сознание. Силы оставляют меня. Прошу находившихся кр-цев пристрелить меня, пока не подошли немцы, говорю им, что я все равно больше не жилец, и что этим они избавят меня от позора быть в плену. Никто не решился. Проходят не минуты, а какие-нибудь секунды и за эти секунды успел просмотреть почти всю прошлую жизнь. Мамусю, маму, Юлечку, Маню видел в этот момент, как живых, склонившихся надо мной. И стало так мне легко на сердце, боли не чувствую. Помню еще, как подошли немцы и начали шарить по карманам. Потерял сознание. Пришел в себя на вторые сутки. Не понимаю, где нахожусь. Боли нет, еще действовал наркоз. Входит врач, открывает одеяло. Вижу, нет правой ноги. Все стало ясно: я в плену в немецком лазарете. Мозг начинает работать лихорадочно: плен, нет ноги, правая рука перебита, моя армия погибла. Позор! Сильные душевные муки. Жить не хочется. Наконец появляются физические боли, ужасные боли. Температура свыше сорока. Не сплю несколько суток. Наяву галлюцинирую. Переезд в г. Вязьму, из Вязьмы в Смоленск на грузовой 5-тонной машине 200 км дорога ужасная. В машине не только трясет, а подбрасывает. Боли нестерпимые. Хочу одного: или потерять сознание, или умереть, лишь бы не чувствовать боли. 3 ноября, я в Смоленске, в русском госпитале для пленных. Мороз 30 градусов. Госпиталь не отапливается, оборудован примитивно, переполнен до отказа, больные валяются кучами везде, даже все коридоры заняты, а раненые все прибывают тысячами, медикаментов острый недостаток, уход очень плохой, хотя медперсонал весь русский из военплен., питаемся супом из неочищенной картошки без мяса и жиров и вареной рожью, смертность доходит до 150 чел. в день. Боли ужасные, хочется кушать. Забыл, когда спал, снотворных, медикаментов нет. Отношение кр-цев и некоторых командиров явно враждебное к “старшим начальникам”. Говорят, продали их. Политработников и евреев выдают немцам, а с ними расправа короткая.

Обидно! К физической боли присоединяется нравственная боль, а эта в тысячу раз хуже физической. Приходит комиссия международ. Кр. Креста, шведы и швейцарцы, осталась довольна. На наш вопрос, почему так плохо обращаются с ранеными, отвечают: “Ваше правительство отказалось подписать конвенцию о пленных, немцы делают все, что в их силах и возможностях, вас — очень много”. Спасибо и на этом.

3 декабря. Положение мое почти безнадежное. Жду смерти, а умирать назло теперь не хочется, хочу жить, правда, жалею, что не был убит на поле боя, а теперь хочу жить. Приходят немецкие врачи и переводят меня в немецкий госпиталь. В комнате нас два генерала. Чистая постель, тепло, кормят хорошо, хорошо это — по-немецки, а по-нашему — сносно, хорошо как для пленного уход и лечение. К нам никого не допускают, тайком приходят немецкие раненые солдаты, приносят сигареты, конфеты. Сестра сварливая ведьма даже для своих раненых, а ухаживает хорошо. Рана начинает заживать. Наши часто бомбят Смоленск.

3 февраля 42 г. переезд в Германию. Мороз 30–40 градусов. Товарные вагоны. Лагерь для пленных, госпиталь русский. Хлеб из бураков с примесью древесных опилок и какой-то части муки, брюква, макароны, овсянка, нечищенная картошка, дают немного маргарина и две ложки сахара в неделю. Жить можно, чтобы не умереть. Большинство больных опухшие и до последней степени истощенные, настоящие скелеты. Тиф. Смертность ужасающая. Рядом с нами лазарет и лагерь: отделенные от русских проволокой английские, французские и сербские. Там другой мир. Их кормят несравненно лучше, обращаются с ними хорошо. Их правительства и междун. Кр. Крест присылают им посылки: всевозможные консервы, бисквиты, какао, кофе, шоколад, табак, обмундирование, и получают из дома, и пишут родным письма. Большинство из них никогда дома так не кушали, как едят в плену. Никто из них от голода и побоев не умер. Все они ненавидят и ругают немцев, ждут, чтобы русские пришли и их освободили, но у себя советской власти не хотят. Сами не воевали как следует и не воюют теперь, а хотят, чтобы русские за них кровь проливали. Сволочи! Ненавижу их, в особенности англичан и французозов! Сербы не прочь иметь у себя и советскую власть.

22 апр. 42 г. французский врач делал операцию руки (русс. врач отказался — неопытный, выпуска 40 г.). Прошло 14 месяцев со времени операции, а рука в таком же положении, как и была после ранения. Я ею не могу писать, ни ложку взять, папиросу держать не могу, застегнуться тоже не могу. Значит, операция прошла неудачно. Немцы лечить не хотят. После полутора лет бесперывного лежания начал ходить на костылях. Очень

неудобно: нет правой ноги и не работает правая рука. Метров 500 могу пройти и то ощущаю огромную радость: я хожу! Рана на ноге зажила, были осложнения: выходили осколки от снаряда, осталось два маленьких осколка. С 4 июня я в лагере пленных. Волосы на голове большую часть седые. (Я с конца 39 г. ношу прическу, ты меня с ней не видала.) Уже 5 мес. как ношу усы, говорят, очень приличные, буденовские. Бороду не отпускаю, вся седая. Вот и все про свою жизнь, конспективно, конечно...»

14 июля 1942 года генерал-лейтенанта А.А. Власова доставили на станцию Сиверская в штаб 18-й армии, где он и был допрошен. Согласно Женевской конвенции Андрей Андреевич был обязан сообщить только свое имя, воинское звание и наименование воинской части, которой командовал. Все остальные сведения сообщать он не был обязан. Однако про какие-либо конвенции малообразованный генерал ничего не знал, а потому рассказал немцам абсолютно все. При этом старался зарекомендовать себя как можно более сговорчивым, угодливым и полезным. Что и подтверждает протокол его допроса.

Потом был Винницкий лагерь, где Власов скрашивал свое пребывание в этом лагере «преферансом, приемами высоких гостей, душевными беседами и водкой».

«Об этом его периоде жизни рассказал на следствии бежавший из гитлеровского плена батальонный комиссар Иосиф Яковлевич Кернес — постоянный партнер генерала по преферансу, — пишет Павел Александрович Пальчиков. — В течение месяца они были вместе и почти каждый день расписывали “пульку”».

Судя по материалам уголовного дела Кернеса, Власов не хотел признавать себя побежденным. Утверждал, что 2-я ударная армия высшим советским командованием была отдана на растерзание фашистам...

По словам Кернеса, в лагере Власов держался с достоинством, к немцам обращался без подобострастия: знал себе цену. Любил беседовать в обществе из пяти — восьми человек о своей службе в Красной армии, о командировке в Китай, которая якобы спасла его от репрессий 1937–1939 годов. Отмечал, что не обижен в смысле своей карьеры, ибо очень быстро из командира дивизии и корпуса стал командующим армией и заместителем командующего фронтом, что путь от рядового бойца до командира соединения прошел последовательно, не перепрыгивая через ступень.

В своих беседах Власов пытался найти хоть какие-либо оправдательные мотивы предательства. Все чаще заговаривал о том, что за многие годы службы в армии сумел накопить лишь несколько штанов да

мундиров, приобрести самую посредственную домашнюю обстановку, в то время как соответствующие его рангу германские генералы имеют собственные виллы и крупные вклады в банках.

Однажды кто-то ему возразил, что “виллы” и старость себе и потомкам обеспечили многие из высшего генералитета — Ворошилов, Буденный, Кулик, Берия... В очень неплохих условиях до репрессий жили Тухачевский, Егоров, Дыбенко, Корк, Якир...

“О какой обеспеченной старости наших командиров можно говорить, — возмутился Власов, — если их могут в любой момент по одному подозрению, навету арестовать, а затем и расстрелять. И их настоящие заслуги перед Отечеством никто учитывать не будет. Другое дело — офицер германской армии, уважаемый, самостоятельный в своих действиях и обеспеченный круглой суммой накоплений и солидной пенсией при отставке!”

По предположению Кернеса, Власов, возможно, и не согласился бы возглавить РОА, если бы не один случай. Однажды во время традиционной игры в карты вошел кто-то из новых партнеров и сообщил о приказе Сталина, объявлявшем Власова изменником Родины. Последний страшно возмутился: “Нет, вы только подумайте, как ценят людей в советской стране. Ни за грош заслуги! Десятки лет непорочной службы, а после пленения, в котором я совершенно невиновен и об обстоятельствах которого я готов отчитаться, меня поторопились произвести в изменники. У нас все возможно, а уж врагом народа объявить могут и деревянный столб”».

Другой генерал, А.Г. Потатурчев, командир 4-й танковой дивизии, на допросах в немецком плену подробно и обстоятельно рассказал о структуре и боевых действиях своего соединения, чем удивил противника отсутствием у него офицерской чести. Как подчеркивает А.В. Исаев, «судя по материалам допроса, генерал Потатурчев был сильно подавлен случившимся, разгром его дивизии и пленение подействовали на него угнетающе. Надеясь выжить, он не отказался отвечать на расспросы о 4-й танковой дивизии, ее составе и вооружении, о Красной армии в целом, видимо, полагая, что это уже не имеет значения. С учетом разгрома его дивизии и других войск признавал слабую подготовку офицерского состава, говорил об отсутствии “четкого руководства” и даже соглашался, что “Гитлер — великий вождь”. В других случаях говорил о достаточной технической подготовленности офицеров, хорошем моральном духе танкистов и хвалил танк Т-34. В отношении других танков своей дивизии (КВ, Т-26, БТ-7, Т-28) отзывался критически, в частности, сетовал, что

двигатели КВ быстро перегреваются.

Зная о глубокой враждебности нацистов к коммунистам и большевистской идеологии, Потатурчев, видимо подсознательно подыгрывая немцам, не раз сугубо отрицательно высказывался о политсоставе Красной армии, а также о НКВД. Охотно признавался, что пессимистически относится к коммунизму, недоволен колхозным строем и соглашался, что офицеры Красной армии живут в “неслыханно отсталых” социальных условиях. Преимущественно на счет немецкой спеси и арийско-нацистского самомнения следует отнести выводы немцев в протоколе допроса об общем бескультурье советского генерала и об отсутствии у него “сознания национальной чести и долга, которое является у нас само собой разумеющимся”».

Другой генерал, командир 172-й стрелковой дивизии генерал-майор М.Т. Романов, в плену вел себя достойно. На это не смогли не обратить внимания немецкие офицеры:

«Группа Армии Центр 6.10.41

Допрос русского генерала

Михаила Тимофеевича Романова.

Персональные данные:

Родился 3.11.1891 в Нижний Новгород (сейчас Горький). Он женат, имеет 3 детей. Из них 2 сыновей — 18 и 19 лет. Последнее время сообщений от семьи не имеет. Его отец имел шляпочный цех в Нижнем Новгороде. Романов с 1915 года солдат 4 кавказского пехотного полка в Шадринск, губ. Пермь. В царской армии он не был офицером. В армии Керенского он получил сразу звание лейтенанта и был направлен в 50 резервный пех. полк в Ржеве. В 1920 он уже командир полка в Туркестане, 1938 — командир дивизии в Курске. 1939 — командир 185 стр. дивизии в Белгороде (Харьков). С 10 мая 1940 года — он командир 172 стр. дивизии в Сталиногорске (около Тулы). В финской войне генерал не участвовал.

2) Применение с началом войны.

Участие в захвате Польской территории, в 1939 году, Романов со своей дивизией не участвовал. В середине мая 1941 года, 172 дивизия, которая получила как раз усиление резервистами, находилась в военном лагере, в районе Тулы. Дивизия состояла из стрелковых полков — 388,497 и 514. Дивизии был подчинен легкий арт. полк 340. Танковых частей дивизии не придавалось. По словам Романова, дивизия была в хорошем состоянии. Она получила в подчинение батальон связи, численностью 350 человек и имела значительный парк автомобилей.

25.6.41 дивизия из лагеря направлена жел.дор.транспортом на

Могилев. Эшелоны, во время движения, были много раз атакованы авиацией немцев, в это время дивизия понесла первые потери. По прибытии в Могилев, дивизия была подчинена 45 армейскому корпусу. Командовал им генерал Макон. Генеральное командование располагалось в лесах юго-восточнее Могилева, на этом берегу Днепра.

3) Применение в Могилеве.

Дивизия получила приказ оборонять Могилев с севера, запада и юго-запада. Она была расположена с правого фланга от Днепра, левым флангом пересекая Днепр. Соединившись там с частями 187 стр. дивизии. После прибытия дивизии в Могилев, она получила в помощь гражданское население с инженерами, для использования строительства оборонительных сооружений и противотанковых рвов. Минирование проводилось только в полосе основных сил корпуса, в полосе дивизии — не проводилось.

Столкновение с немецкими частями состоялось 12.7.41 на всех направлениях. Напор был сильным, особенно частями с направления юга и юго-запада. Здесь находились основные части моторизованных и танковых войск немцев, которые сначала не пытались прорваться западнее Днепра, основными силами атаковавших восточнее реки. Первый прорыв немецких войск был так же на юго-западном фронте. В течении всего времени велся методичный обстрел наших позиций, который очень мешал, но не был очень силен. 26.7.41 окружение города было полным. Генерал выехал второпях к юго-западному фронту, где огонь танковых частей германской армии был сильнее, чем в других местах. Немецкие части здесь атаковали постоянно и достигли прорыва в обороне. Так как возникла паника, подчинение командам было невозможно. Генерал был разъединен с своим штабом и пытался прорваться только с одним человеком. Генерал был ранен в лопатку (спину). Он продвигался ночью через расположение немецких частей. Его везли на повозке и в таком положении он попал в лес юго-западнее Могилева. Из-за его ранения, ему стало хуже и он не мог дальше продолжать двигаться.

Его вывезли из леса и спрятали в нас. пункте Барсуки (30 км западнее Могилева).

4) Нахождение в деревне.

Генерал находился с еще одним солдатом в деревне, спрятавшись в бане. Он установил связь с коммунистами деревни, которые позаботились о снабжении его продуктами и медицинской помощью.

С наступлением холодов, к концу августа, он перешел в крестьянский дом. Хозяином дома был старый коммунист. Свой мундир он спрятал и

коммунисты позаботились о гражданской одежде. Он не имел связи ни с русскими солдатами, ни с партизанами, хотя много солдат проходило через деревню. Он отбрасывал любую возможность связи с партизанами, так как считал невозможным борьбу, с неимением достаточного вооружения и обеспечения, с частями немецкой армии, имевшей большой перевес в силе. В деревне связи с партизанами не имели. Он видел много раз приезжавших в деревню солдат немецкой армии, которые покупали продукты, и ничего страшного не происходило.

5) Пленение.

В лесу у Барсуков, по сообщению полицейского полка, замечена деятельность партизанов. Также поступали многочисленные слухи, что русские генерал скрывается там. При проверке нас. пункта Барсуки, генерал попал в руки 7 роты полицейского полка. В настоящее время он находится в лазарете для военнопленных в Могилеве.

На вопрос, известно ли ему что-то после 15.9.41, он ответил, что сам он листовки, сброшенные с самолетов, не читал, но жители говорили о их содержании.

На вопрос, почему он до этого времени не сдался, он ответил вопросом: “Вы спрашиваете меня как офицера? Генералы сами не сдаются!”

6) Основное впечатление.

Генерал вызывает хорошее впечатление как персональный человек, имеет хорошие манеры при еде и чистоплотен. На конкретные вопросы — дает конкретные ответы охотно. Он имеет здоровое отношение к большевикам, он благодарен им за свой рост по карьерной лестнице. Но в своем заявлении он не искренен.

7) Основное настроение.

Он считает, что русский народ, совместно с армией, победят в войне против Германии. Он обучался в академии и считает, что немецкая армия самая сильная в мире. Начало войны с Германией принесло большие проблемы. Еще незадолго до начала войны пропаганда об этом говорила. Газеты уделяли особое внимание Германии. Все действия Германии приветствовались и войны с ней никто не хотел. На вопрос, почему его дивизия в мае была усилена, он ответил, что такие учения проходят каждый год, в начале года. О концентрации частей Красной армии на западной границе он ничего не знает. По его мнению, Германия и Россия лучше бы оставались друзьями. Он считает, что немецкая армия очень сильна, но в истории достаточно примеров, когда и большие армии бывали разбиты, например — Наполеон.

После начала войны вся Россия поднялась на борьбу. Потерю районов Балтийских стран, Белоруссии и Украины он не считает концом — Россия большая!

Новой революции в России, с разгромом армии, быть не должно, считает он. Себя он считает не компетентным в ответах, так как он не политик.

На вопрос, считает ли он русских офицеров фанатиками, он ответил, что победитель — это вторая сторона русского человека, он убедился в этом, прослужив в армии 20 лет. Он считает, что все охотно идут служить в армию, гордятся этим и все имеют возможность стать офицером. Идеей солдат стала защита Родины. На вопрос о комиссарах, он уклончиво ответил, что он дисциплинированный солдат и никогда не уклонялся от выполнения приказов Управления. Он не считает, что комиссары ведут параллельное командование. Контроля со стороны комиссаров за корпусными офицерами не было. За время его службы он не встречал комиссаров-евреев.

Офицеры корпуса были все не верующие в бога. Он сам не посещал церковь 20 лет и в таком же духе воспитывал и своих сыновей. Официально церковь в России не признается больше, но дома каждый может служить богу, если он имеет желание.

При ответе на вопросы генерал старался не уронить статус советского генерала...»

Или вот что поведал немцам генерал Д.Е. Закутный, командир 21-го стрелкового корпуса:

«Приложение к А.О.К. (командование армии) 17, информационное сообщение № 26/41 от 4.8.41

Копия

Группа армий “Центр”, штаб, 30.7.41

Ю/АО

Допрос русского генерал-майора Закутного,
командира XXI армейского корпуса 29 июля 1941:

После того, как генерал 3. уже был допрошен А.О.К. 2, были выяснены следующие дополнительные вопросы:

1. Входит ли XXI корпус в состав 21 армии?

Да. Корпус располагался на правом фланге 21 армии, которая была присоединена к 13 армии. На начало войны XXI корпусу принадлежали 17, 24 и 37 дивизии. В то время корпус состоял из 187 и 117 стрелковых дивизий. Численный состав отдельных полков на последнее время составлял 250–300 человек. 24.7. корпус получил подкрепление

(резервистов) в количестве 1000 человек и 63 легковых автомобилей. Танковых соединений у корпуса в последнее время уже не было.

2. Так называемый XXV танковый корпус в период на 25.7. находился в районе Пропойска. И в действительности состоял по большей мере из одной дивизии.

3. В то же время один кавалерийский корпус находился в районе Речица — Мозырь. Обозначение (номер) корпуса не верно. Это подразделение было названо русскими “группа Городовикова”. Допрошенному неизвестно, принадлежали ли группе еще какие-либо дивизии помимо 32-й кавалерийской дивизии. Задачей группы было повлиять на связь противника с тылом.

4. Также неизвестно, что 21, 4 и 13 армии формируют особую группу под единым командованием. В целом, командиры корпусов плохо осведомлены о составе отдельных армий. Путь Мозырь — Житковичи, по словам допрошенного, удерживается одной стрелковой дивизией.

5. Общее число все еще находящихся в расположении подразделений и их номера неизвестны. Известно, что так называемая резервная армия будет, видимо, расположена на линии Москва — Харьков. Командиром штаба этой армии является генерал-майор Захаров.

6. Структура отдельных частей этой армии неизвестна. Поскольку людских ресурсов достаточно, можно говорить о ее штатном составе. Однако, амуниции будет несомненно не хватать.

7. Вооружение и амуниция:

Большая часть была уничтожена немецкими войсками еще в начале войны в западной области. Значительные запасы были высланы из Волжской области на Ближний Восток, где были израсходованы. Несмотря на то, что в последнее время боеприпасов было очень мало, за два дня до захвата генерала в плен вышел приказ о более экономном потреблении боеприпасов, т.к. предстояло рационирование.

8. Снабжение недавно сформированных подразделений командирами и младшими командирами расценивается как катастрофичное. Особенности трудности готовит захват штабов батальона и полка.

9. Новые выступающие армии на западном фронте, вероятно, представляют собой “мыльные пузыри”, т.к. зачастую в подчинении у одной армии находятся лишь одна-две дивизии. Прежде всего, были организованы штабы, ожидающие пополнения своих воинских частей.

10. Дивизии с номером свыше 200, по-видимому, являются реорганизованными, сформированными из оставшихся частей разбитых дивизий. Предполагается, что и эти новые дивизии, как и раньше, состоят

из 9–10 тысяч человек.

11. Когда З. спросили о дальнейших намерениях русских на западном фронте, он ответил, что не осведомлен о таких грандиозных планах. Однако, он считает, что отрезок Рогачев — Жлобин — Гомель — Мозырь при любых обстоятельствах должен быть удержан русскими, т.к. во-первых, он образует связь между западным и южным фронтами, а во-вторых, защищает путь к... Если немцам удастся совершить на этом месте прорыв, то тыл русского южного фронта будет находиться под сильной угрозой.

12. В 1932–1936 годы З. был сначала исполняющим обязанности командира, а потом стал командиром оперативного отдела генерального штаба. Насколько З. осведомлен, в кругах русского генштаба все еще ожидают массированную атаку на Украину с целью захвата плодородных земель. В последнее время мнение генштаба и его собственное мнение сводятся к тому, чтобы ни при каких обстоятельствах не давать сражение на границах.

З. утверждает, что генерал Баладин не является начальником штаба Тимошенко, но прежде... начальник штаба является генерал Шапошников.

З. сообщает о генерал-лейтенанте Карбышеве, профессоре в Академии Генштаба, который должен находиться сейчас в немецком плену.

Маршал Кулик, будучи разведчиком, смог убежать из Котла под Минском.

Наша акция по распространению листовок оценивается как эффективная, хотя всем солдатам в последнее время было запрещено поднимать листовки. Положение на фронте не известно даже старшим командирам. По мнению русских, успехи немцев, обнародованные с помощью листовок, призваны для того, чтобы воздействовать на настроение русских солдат.

В том случае, если заводы по производству танков не уничтожены, у русских должно иметься еще значительное количество танков.

И, напротив, при решении проблемы о пополнении обученных рядовых натолкнулись на большие трудности...»

Зато командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Потапов произвел на немцев особенное впечатление как своей выправкой, так и своей сдержанностью:

«...V.A.A. при командовании 2-й армии

28.9.41

Командующий русской 5-й армией генерал-майор Потапов представляет собой личность, которой нельзя отказать почти в солдатской

выправке. Во всяком случае, он резко выделяется среди ранее взятых в плен высших русских офицеров своим внешним видом и внутренней сдержанностью. Он родился в 1902 году в окрестностях Москвы. В 1919 году вступил в вооруженные силы. Начинал простым солдатом в Красной армии и прошел хорошую школу. Служил в кавалерии. С января 1941 года он — командующий 5-й армией.

Когда в начале беседы речь зашла о высших русских офицерах, генерал подчеркнул, что с начала реформы Тимошенко высшие командиры в русской армии, в общем, не менялись. И во время войны прежние генералы, за немногими исключениями, были оставлены на своих постах. Ответить на вопрос, находятся ли в высшем военном руководстве евреи, он, по его словам, не может, поскольку это ему неизвестно. Зато имеется много евреев на высших гражданских постах. На вопрос, находится ли офицерский корпус в определенной оппозиции к занятию высших государственных постов евреями, генерал также не мог дать прямого ответа, так как офицеры не имеют возможности высказывать свою позицию по этому вопросу. Что касается доли евреев-комиссаров в армии, ему известно, что евреи составляют приблизительно 1% от всех комиссаров. Отношение офицеров к комиссарам вполне хорошее и товарищеское. Это необходимо уже потому, что вопреки существующему, видимо, у немцев мнению, военный командир части также несет ответственность за политико-воспитательную работу в войсках. Во всяком случае, до настоящего момента не было ничего известно относительно желаний изменить прежнее положение комиссара. Что касается отношения к комиссарам со стороны солдат, оно также вполне хорошее. Если военнопленные высказываются в противоположном смысле, происходит это, по-видимому, оттого, что они ведут себя именно как военнопленные. Во всяком случае, в войсках было так, что практически жестокие приказы гораздо чаще исходили от офицера, чем от комиссара. Отсюда не следует делать вывод, что между офицером и рядовым менее доверительные отношения, чем между комиссаром и рядовым. Это понятно уже потому, что служебные отношения рядового и офицера — это отношения субординации, в то время как отношение комиссара к рядовому — это отношение товарища, который в качестве политического руководителя дает ему политический совет. Комиссар — друг солдата, делящегося с ним своими заботами. Комиссар — вовсе не подстрекатель к войне, как мы обычно его изображаем. Впрочем, можно быть разного мнения о существовании института комиссаров, объективно же следует сказать, что в русских условиях на современной стадии развития он представляется

целесообразным. Идеально было бы, конечно, объединить в один прекрасный день военные и политико-воспитательные задачи в руках офицера. Пока же о воплощении этого идеала нечего и думать, так как война требует мобилизации всех сил для защиты Отечества.

Оценивая перспективы войны среди русского высшего офицерского корпуса, генерал заметил, что ситуация в русском генеральном штабе рассматривается, правда, как очень серьезная, но не безнадежная. Во всяком случае, Красная Армия будет продолжать сопротивление. В каких масштабах это будет происходить, сказать ему, правда, трудно, поскольку у него нет общего представления о возможностях использования резервов и материального обеспечения. Что касается отношения в офицерском корпусе к мерам, принимаемым к семьям пленных офицеров, он должен сознаться, что эти меры рассматриваются как неправильные, ошибочные. Случаи, когда действительно уже проводились репрессии, ему, в частности, пока неизвестны. Он только знает, что семьи военнопленных будут, во всяком случае, лишены всякой финансовой помощи. Это воспринимается как в высшей степени несправедливый акт. В этой связи генерал выразил особую озабоченность по поводу своей жены и своего одиннадцатилетнего сына, живущих в Москве. Он считает, что сила морального сопротивления русского солдата возросла бы во много раз, если бы не было репрессий в отношении семей военнопленных. Когда ему было сказано, что в немецких частях обратили внимание, как часто в письмах павших русских солдат проявляется трогательная забота о своих семьях, генерал подчеркнул, что и русская сторона особо отметила заботу об оставшихся дома членах семей в письмах убитых немецких солдат.

В связи с этим разговором генерал коснулся и материального положения русского офицера (красного офицера) своего ранга. Он назвал это положение вполне удовлетворительным. Так, перед началом войны командующий армией получал ежемесячный оклад в размере 2600 рублей. В качестве служебного жилья ему выделялась квартира из десяти комнат. Во время войны оклад увеличивается на 25%.

Когда во время беседы речь зашла о политике политического руководства и его отношении к высшему военному руководству, генерал подчеркнул, что до настоящего момента вряд ли существовало различие во мнениях у политического и военного руководства. Даже в случае неудач Тимошенко, Ворошилов и Буденный пользуются столь большим авторитетом, что их смещение было бы невозможно уже только в силу их популярности. Когда английские средства информации сообщают, что маршал Буденный предан суду военного трибунала, это относится к

разряду смехотворной и наивной пропаганды, как и те сообщения, которые попали из Лондона в русскую прессу и утверждали, что рейхсминистр поссорился с фюрером, а фельдмаршал фон Браухич смещен. Ни один разумный человек в России не поверит подобным известиям.

Судить о том, существует ли полное согласие между английской военной миссией в Москве и русским военным командованием, он также не может. Насколько ему известно, эта военная миссия отвечает исключительно за поставку материалов, которые она, правда, не поставляет. Впрочем, англичанам всегда было свойственно критиковать другие народы, а самим со своим вкладом держаться в тени.

Упоминание об англичанах поневоле заставило задать генералу вопрос, что он вообще думает о мощи Англии. В ответ он сделал рукой столь выразительно пренебрежительный жест, который можно было назвать классически неблагоприятной оценкой. Одновременно генерал заявил, что русские считают Англию плохим союзником. Подходящая характеристика для англичан содержится в бытующем в России присловье, которое гласит: “Они любят чужими руками таскать каштаны из огня”. По мнению генерала, без помощи России Англии никогда не выиграть эту войну. Военные действия она ведет неправильно, и может случиться, что в один прекрасный день Англия потеряет все свои колонии, если Германии придет в голову отнять их у нее. Правда, что касается Ирана, доказано, что русские были там быстрее англичан. Лично от себя он мог бы добавить, что Россия имела к Ирану вполне определенные претензии. Что касается Америки, еще ни один русский не видел пока американской помощи. Одни только слова, но еще ни одного солдата на театре военных действий.

Кроме того, очень интересной была оценка генералом японцев. В 1939 году он лично сражался с японцами. Японец, по его словам, не является больше хорошим солдатом. Во всяком случае, он сражается уже не так, как в свое время, в русско-японскую войну. Кроме того, он не располагает техническими возможностями. Прежде всего, у японцев отсутствуют танки, да и технические войска не на высоте. Правда, японский солдат хорош в обороне, но не умеет атаковать. В первую очередь он боится ближнего боя. Высшее военное командование Японии также не блестяще. Авиация — хорошая. Правда, японским войскам генерал отдает предпочтение перед американскими.

На вопрос о том, готов ли русский народ в глубине души вести войну и в том случае, если обнаружит, что армия отступила до Урала, генерал ответил: “Да, он будет оставаться в состоянии моральной обороны!” Правда, он еще добавил, что, по его мнению, сопротивление будет

невозможно лишь тогда, когда Красная Армия однажды действительно будет разбита. Однако он не мог, по его словам, не сказать, что в настоящий момент война вполне популярна.

Затем разговор перешел на личность Тухачевского и его круг. По данным генерала, Тухачевский был хорошим военачальником, но никогда не был популярным. Все же правильно, что западные страны придерживаются мнения, что расстрел Тухачевского и его приверженцев пробил огромную брешь в русском военном руководстве. Правда, эту брешь снова удалось ликвидировать.

Что касается пропаганды, генерал Потапов заметил, что он слишком солдат, чтобы любить ее. Он назвал ее неизбежным злом. По поводу немецкой пропаганды он сказал, что некоторые из наших листовок очень хороши, но есть и другие, которые вызывают только смех. Подробности, однако, он привести не мог.

В заключение было задано несколько вопросов относительно текущего состояния русской экономики. Генерал охарактеризовал русскую экономику как тяжело пострадавшую в результате немецкого продвижения. В настоящее время, сказал он, экономика работает на значительно более низких оборотах. Правда, снабжение все еще достаточное. Однако во время этого ответа можно было отчетливо уловить, что все большее место среди русского высшего руководства занимают заботы о возможностях дальнейшего снабжения фронта и тыла. Затем генерал еще навел подробные справки относительно Германии в отношении России. Когда он заявил, что мы ведем империалистическую войну против друга, в качестве лучшего контраргумента ему были предъявлены 4 пункта Молотова из торжественного заявления фюрера. (Речь, видимо, идет о пунктах договора, подписанного между СССР и Германией 23 августа 1939 года.) В ходе этого разговора выяснилось, что русский командующий был совершенно не в курсе дела относительно этих экспансионистских замыслов. В отношении Румынии он задал классический вопрос: “Что нужно было Молотову в Румынии? Ведь у него не было никаких причин вмешиваться в румынские дела!” Определенные доказательства военных намерений русского государственно-политического руководства, которые были в вежливой, но вместе с тем недвусмысленной форме предъявлены генералу, заставили его задуматься, что было видно невооруженным глазом. Казалось, он проявляет немалый интерес к политической информации по поводу национал-социализма и к немецкому государству.

Подпись: БОССИ ФЕДРИГОТТИ, обер-лейтенант».

Генералы тоже люди, а потому все они вели себя в немецком плену по-разному. И трудно не согласиться со словами Н.П. Дембицкого: «Плен — это самое страшное, что могло произойти в жизни военного человека. Плен — это неволя: проволока, ограничения и лишения. В крайне сложных для человека физических и психологических условиях ломались даже очень сильные характеры».

«На каждого военнопленного офицера, — пишет А. Шнеер, — заполнялась регистрационная карточка, где записывались: личный номер, личные данные, домашний адрес, место жительства родителей, звание, должность, гражданская специальность, когда и где попал в плен, цвет волос, рост, отпечатки пальцев. Во Владимир-Волыньском Офлаге, например, кроме того на одежде красной краской рисовали: на спине “SU” — (“Soviet Union”), на груди — треугольник, а на ягодицах — два треугольника».

Например, карточка на военнопленного генерала Закутного выглядела так:

- «1. Фамилия...
2. Имя...
3. День рождения...
4. Место рождения...
5. Офлаг...
- 5а. Доставлен в лагерь...
6. Чин...
7. Военная часть...
8. Номер военнопленного в германском лагере...
9. Имя отца...
10. Имя матери...
11. Адрес ближайших родственников...
12. Профессия...
13. Когда и где попал в плен...
14. Номер в собственной части...»

Зеленого цвета с красной полосой наискосок (с правого верхнего угла на левый нижний угол) на титульной стороне, она была отпечатана на двух языках: немецком выше и русском ниже.

Были и другие варианты карточек. Например, карточка военнопленного генерала Ершакова соответствует той, о которой упоминает А. Шнеер. Есть на ней и фотография и отпечаток пальца генерала. Правда, эта карточка имеет белый цвет. Отпечатана же она только на одном языке — немецком.

Но все это только неодушевленная фактура плена, хотя и очень ценное свидетельство великой трагедии. Н.П. Дембицкий в своей статье очень

точно подмечает: «Из рассказов людей, прошедших фашистские лагеря, из многочисленных источников известно, что плен для многих бойцов и командиров оказался страшным испытанием. Следует признать, что не каждый человек мог спокойно переносить голод, холод, издевательства и смерть товарищей. После увиденного и пережитого люди подвергались психологическому стрессу. Так, академик И.Н. Бурденко, увидевший освобожденных пленных, описал их следующим образом:

“Картины, которые мне пришлось видеть, превосходят всяческое воображение. Радость при виде освобожденных людей омрачалась тем, что на их лицах было оцепенение. Это обстоятельство заставило задуматься — в чем тут дело? Очевидно, пережитые страдания поставили знак равенства между жизнью и смертью. Я наблюдал три дня этих людей, перевязывал их, эвакуировал — психологический ступор не менялся. Нечто подобное в первые дни лежало и на лицах врачей”».

О своих чувствах и первых впечатлениях немецкого плена весьма подробно и честно написал начальник разведывательного отдела 6-й армии Юго-Западного фронта В. Новобранец. Для нас он оставил следующее свидетельство: «Итак, я — военнопленный.

Я в плену у фашистов. А что это такое, фашистский плен?

От станции Владимир-Волынь колонна пленных бредет через весь городок. В груди — сумятица взбаламученных дум и чувств. Впереди и за мной, слева и справа такие же усталые люди с безнадежно опущенными плечами. Это — недавние бойцы и командиры Красной армии. Мы волочим ноги по центральной улице Владимира-Волынского, маленького городка Западной Украины. По выработанной военной привычке стараемся идти в ногу. Вижу, как передо мной неровно, толчками качается измятая офицерская фуражка. Это — лейтенант артиллерии. Он загребает левой ногой, видимо, раненый, пытается держать равновесие, а голову — высоко и прямо. Но вижу, чувствую и понимаю, как ему мучительно трудно сохранять офицерское достоинство. Слева от меня — капитан с повязкой на голове. Он идет будто в бреду, что-то бормочет, и лишь изредка улавливаю гневный вскрик, в котором мольба и матерщина...

Мои болезненные обостренные чувства машинально, по выработанной за много лет привычке, засекают и врубают в память все увиденное и услышанное, все, чем богата и радостна и так мучительно желанна жизнь. Жить надо, жить хочется, жить, чтобы бороться... пусть даже мучительно, стиснув зубы, но жить и бороться. Но как? Кому довериться? Ведь “один в поле не воин”. <...>

Мы — военнопленные. Еще с мальчишеских лет я усвоил, а за годы

учебы и военной службы твердо закрепил древнерусское правило: “Лежачего не бьют”. По всем международным правовым нормам, разработанным многими соглашениями, мы имеем право на гуманное отношение к себе. Однако на собственном опыте мы успели убедиться, что для фашистов нет правовых норм, как нет обычной человеческой морали. Они порвали и растоптали грязными окровавленными сапогами все законы и все обычаи человеческого общества.

Словарь Даля слово “пленник” раскрывает так: “Взятый в плен при войне, в набегах или дикими грабителями в рабство, взятый в неволю разбоем, грабежом; раб, холоп, невольник”.

Но это разъяснение не раскрывает полной сущности фашистского плена. Даже плен у людоедов не сравним с фашистским. Людоеды взятого в плен просто убивали и съедали, в этом была своя целесообразность; для племени людоедов пленник был просто дичью, такой же, как олень, заяц, дикий гусь.

Фашисты не просто убивали. Они разрабатывали целую систему морального подавления и физического уничтожения целых народов. И проводили эту систему с таким же холодным расчетом, как, скажем, агрономы проводят мероприятия по уничтожению саранчи или сусликов».

Например, режим и питание. Со слов Новобранца, и то и другое было рассчитано на медленную голодную смерть: «Днем за днем человек худел, будто высыхал. Первым делом терялась подвижность. Человек переставал ходить, двигаться и тихо умирал, не беспокоя даже соседей по нарам. Некоторые, наоборот, опухали, что тоже предвещало близкую смерть. Обессиленный организм не мог противостоять бесчисленным заболеваниям: тиф, дизентерия, бесконечное разнообразие желудочно-кишечных болезней и пр. А в результате получилось то, что добивались фашисты, — ежедневно умирали сотни людей. Круглые сутки по лагерю скрипели двуколки с телами умерших. Лагерники прозвали эти двуколки “колесницами смерти”. Трупы вывозились из лагеря на кладбище и сбрасывались в ямы. И никто и никогда не узнает, сколько и кто там захоронен. По нашим приблизительным подсчетам, там захоронено с сентября 1941 года по апрель 1942 года около 12 тысяч человек.

Арифметика очень простая: из 17 тысяч пленных в сентябре к апрелю осталось всего 5 тысяч».

Было и моральное подавление воли к борьбе и протесту: «В центре городка круглые сутки громкоговоритель кричал о немецких победах, о новых и новых занятых городах, об окружении Ленинграда и Москвы. Распространялись и гестаповские газеты для русских и украинцев: “Заря” и

“Лоба”. Газетенки заполнялись гнусной, но очень примитивной клеветой на наш общественный строй. В лагерь фашисты заслали много шпииков и провокаторов, подсаляли к офицерам уголовников.

И все же, несмотря на мрачное, подавленное настроение, советские люди в основной массе были верны своей Родине».

По обобщенным данным А. Шнеера, внутреннее устройство лагерей для советских военнопленных в основном было следующим: «В лагерях пленные офицеры были разделены на роты по 200–250 человек. Командирами рот назначались офицеры, немного знавшие немецкий язык. Офлаги, как и шталаги, возглавлял немецкий комендант, в подчинении которого находился комендант из числа пленных. Последнему и начальнику лагерной полиции принадлежала настоящая власть в лагере. Немецкое же руководство появлялось только во время поверки, когда проводились наказания провинившихся. Русским комендантом назначались повара, коменданты и полицаи в каждый отдельный блок, контролировались раздача еды и работа санитарного блока. Комендант барака назначал старших по комнатам и отвечал за порядок в своем бараке».

Далее историк не зря называет одним из самых известных офлагов на оккупированной территории СССР — Владимир-Волыньск. По воспоминаниям В. Новобранца, «организационная структура и внутрилагерное управление Владимир-Волынского лагеря создавались несколько необычно. Это был один из первых лагерей, и фашисты еще не выработали окончательно их организации. Наши старшие командиры — генералы и полковники — вначале отказались возглавить лагерь и создать в нем свое самоуправление. Свой отказ они объясняли нежеланием служить врагу- Но в данном конкретном случае это было ошибкой. Нельзя смешивать общелагерную комендатуру (внешнюю) с внутрилагерной организацией. Русские коменданты лагерей действительно назначались немцами из наиболее преданных им людей, обычно из перешедших к ним на службу изменников Родины, а внутрилагерная организация (командиры рот, батальонов, полков) обычно избиралась самими военнопленными. Внутрилагерная организация была не службой врагу, а службой своему народу».

Итак, Владимир-Волыньск: «Лагерь размещался на месте бывшего военного городка, за 8 рядами колючей проволоки. По свидетельству Ю.Б. Соколовского, в сентябре 1941 г. все офицеры, содержащиеся в лагере, были разделены на четыре полка по национальной принадлежности. Первый полк — украинский, второй и третий — русские, четвертый —

интернациональный, состоящий из офицеров — представителей народов Средней Азии и Кавказа. Командиры полков были из числа пленных офицеров. Командиром украинского полка был подполковник Поддубный, бывший командир полка войск НКВД. Комендантом лагеря был Метавосян — бывший командир полка или дивизии Красной армии, его помощником — майор Шагинян.

Во Владимир-Волынске в отдельном генеральском блоке в сентябре — октябре 1941 г. содержались командующий 6-й армией генерал-майор И.Н. Музыченко и командующий 12-й армией П.Г. Понеделин. Летом и осенью в этом генеральском блоке содержались генерал-майор Г.М. Зусманович, заместитель командующего по тылу 6-й армии, попавший в плен под Харьковом, и генерал-майор П.Г. Новиков, взятый в плен в первых числах июля 1942 г. в Севастополе».

В. Новобранцу, по чистой случайности оказавшемуся в генеральском бараке, доводилось беседовать с некоторыми из них. Самым первым он описывает генерала Музыченко: «В общем, я считал и считаю виновником многих наших неудач на фронте 6-й армии лично Музыченко. Если бы армией командовал другой, мы вышли бы из окружения. Считаю его не только малограмотным в военном деле, но и вообще бездарным человеком. Свое невежество в военном деле он восполнял высокомерием, заносчивостью, мощным голосом и угрозами расстрелять. Этих качеств у Музыченко хоть отбавляй! Я знал, что за малейшую ошибку, за неподчинение его глупым приказам Музыченко выпустил бы в меня пулю, что он однажды пытался сделать. Не мог я ему простить и бегства перед решающим боем на прорыв. Убежал он в одном из последних танков, который в какой-то степени оказал бы помощь наступающим солдатам. Он увез и моего помощника капитана Ободовского.

Когда я встретился с ним, был большой соблазн высказать ему свое мнение о нем как о человеке и командарме. Но вот увидел перед собой жалкого, опустившегося человека, похудевшего, небритого, в порванном костюме. И подумал: “Лежачего не бьют”. Он не виноват или мало виноват в том, что его скоропалительно выдвинули на такой пост, к которому не был подготовлен ни образованием, ни талантом. Причины наших поражений значительно глубже, и в них Музыченко не виноват. Ни одного слова упрека я ему не сказал.

Прошла беседа на совершенно иной основе. Для меня он уже был не командарм и не генерал. Мы оба — военнопленные. Беседу с ним я провел после предварительной проверки его морального состояния. Спросил, как он попал в плен. Он сказал, что пытался прорваться на танке. Вместе с ним

был, мол, помощник капитан Ободовский. Танк подбили немцы, и беглецов сцапали. Ободовского кто-то предал как разведчика, и он был расстрелян в Уманской яме, а вот Музыченко доставили сюда.

Он не говорил мне, где, в каком месте подбили танк, но сейчас из повести Е. Долматовского “Зеленая Брама” я узнал, что танк Музыченко был подбит в районе д. Ятрань, что в 20 км северо-западнее от места прорыва. Выходит, что в прорыве Музыченко не участвовал.

Очень мне было жаль Ободовского, молодого способного офицера. Я думал, что он погиб в бою в Подвысоком, а оказалось, что его без моего ведома захватил Музыченко.

Трудно было сдержаться от выражения своих чувств и не наговорить резкостей. Но не было смысла добивать уже поверженного громовержца. Но испытать, что в нем сохранилось, необходимо было. Поэтому на его вопрос, что нового, ответил:

— Ничего особенного. Немцы везде берут наши города, армия разбита. Музыченко стал укорять меня:

— Эх, товарищ подполковник, вы зря в панику впадаете. Наше поражение еще не значит проигрыша войны. Настоящая война только начинается. Скоро наша армия оправится и перейдет в наступление. Не падайте духом.

Этот укор мне понравился. Значит, генерал Музыченко еще не совсем потерянный человек».

Следующая беседа В. Новобранца состоялась с генералом Понеделиным, которого он знал еще до войны по Академии имени Фрунзе, где тот был начальником курса: «Кроме того, на последнем курсе Академии я был на стажировке в 51-й Перекопской дивизии, которой он командовал, и мы там ближе познакомились. Это был высокообразованный, культурный генерал, хорошо знал военное дело и был способным военачальником. И не его вина за поражение в Подвысоком. В беседе он затронул очень болезненную для него струну о том, что он объявлен Сталиным вне закона в приказе. Говорил, что там, в Москве, по-видимому, очень плохо знали, что происходило на фронте. Вернемся на Родину и во всем разберемся. Он рассказал мне, что немцы пытались склонять его на переход к ним на службу. Понеделин ответил так, как должен был ответить мужественный и честный советский гражданин и воин:

— То, что я объявлен вне закона, — это наше семейное дело. По окончании войны народ разберется, кто изменник. Я был верным сыном Родины и буду верен ей до конца.

Фашисты грозили:

— Так и этак вы все равно погибнете: на Родине вас расстреляют, в плену вы тоже погибнете. Так не лучше ли служить нам?

— Нет, — отвечал генерал, — лучше смерть, чем измена!» Во Владимиро-Волынском лагере был еще один генерал —

Артеменко. Новобранец о нем пишет следующее: «В плену он вел себя совсем по-другому. Он сразу же перешел на службу врагу. По личным качествам генерал Артеменко отличался исключительной глупостью, тупостью, военным невежеством, бездарностью, самодурством и свирепостью. По рассказам товарищей, он на фронте командовал дивизией. Свое неумение командовать он восполнял грубостью и расстрелом ни в чем не повинных офицеров, сам лично расстрелял несколько офицеров. В лагере офицеры его дивизии намеревались свести с ним свои фронтовые счета. Но Артеменко узнал, по-видимому, о готовящейся расправе и в лагере не показывался. Жил он в немецком городке. Немцы поручили ему формирование “украинской национально-освободительной армии”. Предварительно в украинском полку началась усиленная пропаганда с призывом записываться в украинскую армию...»

В своей книге А. Шнеер называет еще несколько известных офицерских лагерей: «В г. Кальвария тоже находился большой офлаг, где содержались 4500 командиров Красной армии. Комендантом лагеря был Енукидзе, воинское звание неизвестно.

В Виннице был создан специальный офицерский лагерь ОКХ, для старших офицеров Красной армии, представлявших особый интерес для немецкого командования. Много офлагов находилось на территории Польши, несколько на территории Германии. Крупнейший из них — офлаг XIII-D в Хаммельбурге; известен лагерь для старших советских командиров в Циттенхорсте».

Одним из офицерских лагерей был лагерь в Замостье. По свидетельству П.Н. Палий, «лагерь в Замостье был рассчитан на 2000 человек, но когда прибыло наше пополнение, на этой площади было размещено до 7000 человек. На всей территории было пять больших барачных корпусов по 950 человек, пять малых, по 150 человек, две конюшни, где было почти 1500 пленных, кроме того, был т.н. “генеральский” барак, где жили несколько генералов и полковников, полицейский барак, санитарная часть. По непонятным причинам все те, кто совершенно случайно попал на конюшни, оказались изолированными от остальных пленных. Ворота были закрыты, и около них всегда дежурил полицейский, пропускающий только тех, кто шел получать паек для “конюшечников”».

Как подчеркивает автор «Записок пленного офицера», «немцы мало

занимались внутренней администрацией лагеря. Во главе стоял “русский комендант”, он же и начальник внутренней полиции, подобранной из пленных. Комендантом этим оказался тот самый рыжий крупный субъект, который восстанавливал порядок после скандала, разыгравшегося при нашем входе в лагерь, звали его полковник Гусев. Кто он был, где и как попал в плен, кто и почему назначил его полным диктатором и вершителем судеб семитысячного населения лагеря для советских “господ офицеров”, никто не знал. Его главными помощниками были галичанин Гордиенко, огромного роста, невероятной физической силы и мрачного вида человек; Юрка Полевой, красивый, как киноактер, совсем молодой, наглый, с явно садистическими наклонностями лейтенант-танкист, и Стрелков, капитан-артиллерист, небольшого роста брюнет с лихо закрученными усами на румянном лице. При этом “главном штабе” был еще и старший переводчик лагеря по имени Степан Павлович, фамилия его для нас была неизвестна, пожилой человек типа школьного учителя, с бородкой клинышком и в больших очках. Этот центр назначал поваров на кухню, комендантов и полицаев в каждый отдельный барак, контролировал раздачу пищи, работу санитарного блока, назначения на работу и т.д. Комендант барака назначал старших по комнатам и полностью отвечал за порядок в своем бараке. В отдельном четырехкомнатном бараке № 12 одна комната была занята Гусевым и Степаном Павловичем, а в остальных трех жило, кажется, семь генералов и человек пятнадцать полковников. Самым старшим по чину был генерал-лейтенант Карбышев. Население этого 12-го барака совершенно не показывалось на дворе лагеря, а вход в барак для посторонних был категорически запрещен. Генералов и нескольких полковников вывезли из лагеря примерно через месяц после нашего прибытия, и в этом “бараке старшего командного состава” жили оставшиеся полковники, подполковники и некоторые майоры, мне никто не предлагал там места».

Все тот же Палий побывал и в «знаменитом» Хаммельбурге, о чем оставил достаточно подробное описание: «Хаммельбург — старинный немецкий город на севере Баварии. Международный лагерь для пленных офицеров вырос вокруг военного городка еще кайзеровских времен. В центре находилось десятка полтора двухэтажных кирпичных казарм, складов, конюшен и административных зданий, а во все стороны расползались улицы стандартных деревянных, в основном трехкомнатных барачков. Лагерь был разделен на 9 блоков, из них 3 русских. С прибытием нашей группы население этих русских блоков стало около четырех тысяч человек. Все три русских блока и один блок, где находились казармы немецких солдат охраны, были по одну сторону центральной части, а по

другую был лагерь английских, канадских и американских пленных офицеров. Эти блоки были совершенно изолированы от нас, и я лично, за все два месяца пребывания в Хаммельбурге, ни разу этих “избранников судьбы” не видал. Все то, что нам говорили конвоиры на пути из Лысогор в Хаммельбург, было правдой: в офицерском лагере для всех этих наций были хорошо оборудованные бараки, библиотеки, спортивные площадки, клубы, даже кино...

Всем этим пленным офицерам была разрешена переписка со своими семьями, они получали личные и стандартные краснокрестские посылки, все были сыты, хорошо одеты. Все это было доступно для офицеров союзных армий разных национальностей, но не для нас, Богом забытой “советской” национальности. Здесь, в Хаммельбурге, конечно, было довольно чисто, не так скученно, были бани, нормальные армейские уборные, прачечная, раз в неделю работали парикмахеры, но питание было заметно хуже...»

Любопытную характеристику Палий дает и находившимся там советским генералам: «В группе пленных генералов Красной армии, содержавшихся в Хаммельбурге, — среди них были Карбышев, Лукин и ряд других с громкими именами, — в продолжение последних месяцев обсуждалось, что произошло, что происходит и чего можно ожидать в будущем, как в отношении исхода войны, так и в отношении судьбы всей массы советских пленных, переживших зиму 1941–42 годов. Теперь эти вельможи советской военной элиты понимали, что если Советский Союз устоял и не распался при первом сокрушительном ударе Германии, то будущее становится очень неопределенным. Там, в этом “генеральском бараке”, не было единого мнения ни по одному вопросу, но у всех у них безусловно был известный “комплекс вины”. Если бы осенью 1941 года они не растерялись, не спрятались за своими чинами, как улитки в раковинах, а решительно и настойчиво стали бы говорить с немецкой администрацией лагерей, используя авторитет крупных военачальников, признаваемый и немцами, то вполне вероятно, что условия существования пленных во многих лагерях можно было бы улучшить. Во всяком случае, можно было бы не допустить, чтобы внутренняя администрация этих лагерей попала в руки авантюристов и негодяев типа Гусева, Скипенко или Стрелкова, как это случилось в Замостье, где в генеральском бараке жил тот же Карбышев и другие генералы».

Свое видение событий в Хаммельбурге сохранил и В. Новобранец: «Нашей собственной внутрилагерной организации здесь уже не было. Командиров рот назначали сами немцы. На кухню немцы подбирали

“придурков” тоже из наших предателей. По замыслу фашистов, в этом лагере после идеологической обработки должна была производиться вербовка командиров во власовскую армию или особые добровольческие легионы. Поэтому немцы здесь сосредоточили лучшие кадры гестаповцев, полиции и агентуры. Пропаганду вели на “научной основе”: среди пленных распространялись книги, брошюры, плакаты, в которых “ученые” фашисты с “научных позиций” пытались ревизовать марксизм-ленинизм. В этой области особенно отличался некий Альт Брехт. Мы прозвали его “старый брехун” — по игре слов: альт — старый, а “брехт” — производное от простого русского — брехло, брехать.

Я попал в сектор старших штабных офицеров от майора до полковника. Младшие офицеры размещались в других секторах по соседству с нами».

Ходил он и к генералам, тем более многие из них были старыми знакомыми: «...встретил генерала Шепетова, товарища по Академии им. Фрунзе. После первых приветствий и обмена новостями узнал от него, что здесь находится еще один наш товарищ по выпуску — генерал Ткаченко Семен Акимович и наш любимый преподаватель профессор Академии Генштаба генерал Карбышев Дмитрий Михайлович. Ткаченко тот самый, который в 1937 году спас нашего однокашника Гладкова.

Ткаченко и Шепетов жили в одной комнате. Я пошел к друзьям по Академии, а потом мы втроем вышли на прогулку. Было о чем переговорить, вспомнить, погоревать и посмеяться... Во время нашей беседы подошел генерал авиации Тхор. Ткаченко познакомил меня с ним и кратко изложил суть моей беды. Генерал Тхор спросил, сколько нас прибыло и есть ли среди прибывших смелые, надежные люди, чтобы вовлечь их в подпольную работу. Я ответил, что сюда прибыла вся наша подпольная организация, полностью сохранившая свою дееспособность. <...>

От друзей я узнал, что существует и генеральская группа подпольщиков, которой руководит Карбышев. В нее входили генералы Шепетов, Ткаченко, Тхор, Зусманович, Мельников и другие».

По мнению Н.П. Дембицкого, «тяжелые условия лагерной жизни, строгая изоляция от внешнего мира, активная пропагандистская работа среди военнопленных существенно влияли на подавление духа и достоинства людей, вызывая чувство безысходности. Многие в результате увиденного и пережитого, поддавшись вражеской пропаганде, человеческим эмоциям, различным посулам и угрозам ломались и становились на путь сотрудничества с врагом, тем самым сохраняя себе жизнь, но при этом переходили в разряд изменников Родины. <...>

Значительное число военнопленных приспособлялось к лагерной жизни и занимало выжидательную позицию. Вместе с тем в лагере находились и те, кто имел крепкие нервы и огромную силу воли. Именно вокруг них группировались единомышленники. Они совершали побег, саботировали производство и совершали диверсии, оказывали помощь нуждающимся, верили в Победу и возможность выжить...»

Итак, побег...

По одной из версий, командир 4-й танковой дивизии генерал-майор танковых войск А.Г. Потатурчев в ноябре 1945 года, после освобождения из концлагеря в Дахау, был арестован органами НКВД и умер в тюрьме в июле 1947 года. Но есть и другая версия, более правдивая. Ее приводит в своей документальной повести историк М.Ф. Кадет, опираясь исключительно на воспоминания вдовы генерала Марии Алексеевны Потатурчевой: «Пробираясь к линии фронта, Андрей Герасимович переоделся в гражданское. В Бобруйске случайно столкнулся с вольнонаемным, работавшим в тылу 4 дивизии, и тот узнал генерала. Завхоз (по определению Марии Алексеевны) предложил Потатурчеву на время укрыться и подлечиться в доме его родственника. Генерал согласился, а ночью его схватили немцы: завхоз, судя по всему, оказался предателем. После двухсуточных допросов Потатурчева повели на расстрел. Пуля навывлет прошла ниже сердца. Мария Алексеевна позже видела шрамы на груди и спине. Очнулся Андрей Герасимович в воде, куда его, посчитав убитым, немцы сбросили с обрыва. Заполз в камыши. Под вечер окликнул мужчину, пасшего коров. Когда стемнело, за Потатурчевым пришла девочка и привела в хату. Там его вымыли, переодели, накормили. Позже отправили к партизанам. Оттуда генерал вновь направился к линии фронта. Дальнейшие подробности рассказала Мария Алексеевна: “В ночь на 4

января 1942 года Андрей Герасимович вышел из окружения в Тульской области и при содействии военных властей на машине доехал до Москвы. 5 января он явился в наркомат обороны, где ему предложили написать дома подробное объяснение всего произошедшего и затем приехать в наркомат. Утром 6 января мужа вызвали по телефону в наркомат и прислали за ним машину. Я проводила его до здания наркомата. Вечером позвонила повторно в наркомат, где мне ответили, что Андрей Герасимович приедет позже. Больше я его не видела. Мужа сначала держали в Лефортовской тюрьме, куда я носила передачи. Затем его перевели в Бутырскую тюрьму. Вскоре не стали принимать передачи. Позже объяснили, что 30 сентября 1945 года Андрей Герасимович умер в тюремной больнице. Он долго болел. 11 августа 1953 года я была вызвана в пенсионный отдел Министерства Обороны СССР, где меня известили, что есть постановление МВД СССР от 5 августа 1953 года о прекращении дела в отношении генерала Потатурчева Андрея Герасимовича и мне назначена пенсия за реабилитированного мужа...»

Начальник автобронетанковых войск 18-й армии генерал-майор танковых войск Н.Д. Гольцев удачно бежал из плена уже через две недели — 30 августа 1941 года, а 14 октября был арестован органами НКВД по обвинению в добровольной сдаче в плен врагу. Согласно записке Л. Берии, генерал Гольцев сознался в этом на следствии:

«10. ГОЛЬЦЕВ Николай Дмитриевич 1897 года рождения, бывший член ВКП/б/ с 1919 года, из рабочих. До ареста — начальник автобронетанковых войск 18-ой армии, генерал-майор. Арестован 14/X-1941 года. Без сопротивления сдался немцам в плен. Сознался».

Имя Гольцева было внесено в список лиц, подлежащих суду с применением расстрела, который 29 января 1942 года утвердил И. Сталин, а 13 февраля Николай Дмитриевич был приговорен к высшей мере наказания. Сам приговор был приведен в исполнение 23 февраля. 17 сентября 1955 года определением Военной коллегии Верховного Суда СССР Гольцев был посмертно реабилитирован.

Командир 6-го стрелкового корпуса генерал-майор И.И. Алексеев в немецком плену содержался в комендатуре по охране тыла, а затем в Полтавском лагере военнопленных. «К работам немцами не привлекался, — писал в своей автобиографии генерал. — В период отправки пленных из г. Полтавы в центральный лагерь для военнопленных в г. Кременчуг, во время следования, в пути, в составе колонны (до 1000 чел.), бежал и в дальнейшем, пробираясь по тылу немцев, в конце октября 1941 г. вышел через фронт в районе г. Харьков на свои войска. По состоянию здоровья из

штаба Юго-Западного фронта был отправлен на лечение в госпиталь в г. Куйбышев. 15 декабря 1941 г. по выходе из госпиталя был арестован органами НКВД. С 15 декабря 1941 г. по январь 1946 г. находился под следствием в Москве».

Алексеев был освобожден в январе 1946 года и в этом же месяце восстановлен в рядах армии и прежнем воинском звании. Из распоряжения Главного управления кадров был направлен на учебу на Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. В июне 1947 года Алексеева назначили на должность начальника военной кафедры Уральского государственного университета в Свердловске. В сентябре 1953 года он вышел в отставку и прожил еще долгую жизнь. Умер Иван Иванович в 1985 году, всего год не дожив до своего девяностолетия.

Командир 51-й стрелковой дивизии генерал-майор П.Г. Цирульников бежал из лагеря военнопленных в Днепропетровской области. В ноябре 1941 года он вышел к своим, а 18 февраля 1942-го Петра Гавриловича арестовали, обвинив в преступном руководстве войсками и потере управления. На допросах в НКВД генерал Цирульников признал свою вину и даже рассказал о своем сотрудничестве с немцами, которому выдал всю известную ему служебную информацию. Однако категорически отрицал тот факт, что был завербован германской разведкой. 29 января генерала уволили из рядов Красной армии и практически в течение десяти лет он находился в заключении. Затем его осудили к 12 годам лишения свободы и только в августе 1953 года реабилитировали, восстановив в армии и прежнем воинском звании. После окончания Высших академических курсов генерал-майор Цирульников был назначен начальником военной кафедры Московского авиационного института. В 1957 году он вышел в отставку и умер в январе 1985 года.

Командир 10-й танковой дивизии генерал-майор танковых войск С.Я. Огурцов в немецком плену содержался в польском городе Замостье. В апреле 1942 года он был отправлен с эшеломом в Германию, но сумел выпрыгнуть из вагона, не доезжая до Люблина. Более месяца Сергей Яковлевич пробирался через польские леса на восток. Он пересек государственную границу СССР и встретил партизанский отряд под командованием Василия Манжевадзе. В этом отряде генерал Огурцов организовал и возглавил конную группу, с которой участвовал в разведывательных и боевых действиях против немецких тылов. Погиб генерал-танкист в бою 28 октября 1942 года на территории оккупированной Польши и был похоронен с почестями в лесу у села Зелина Томашувского района.

Командир 36-го стрелкового корпуса генерал-майор П.В. Сысоев в немецком плену находился под вымышленной фамилией рядового бойца. Прошел через лагеря военнопленных в Житомире, Ровно, Дрогобыч, Львов, Товкев и Грубежей. Как сообщается в книге «Комкоры», «в августе 1943 г. с группой военнопленных бежал из плена, взломав склад с оружием. До октября воевал в партизанском отряде из 5–25 человек, затем был помощником начальника штаба партизанского отряда А.Ф. Федорова. С апреля 1944 г. по январь 1946 г. проходил спецпроверку в органах НКВД.

После войны в марте 1946 г. П.В. Сысоев был направлен на учебу на ВАК при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова, по окончании которых в январе 1947 г. назначен старшим преподавателем кафедры ВДВ этой академии. С ноября 1953 г. в запасе». Умер Павел Васильевич в апреле 1981 года, несколько месяцев не дожив до своего восьмидесятилетия.

Немало советских генералов погибло в немецкой неволе. Попробуем вспомнить всех.

1) Начальник артиллерии 11-го механизированного корпуса генерал-майор артиллерии Н.М. Старостин в немецком плену содержался в лагере г. Хелм (русс. Холм), что располагался на юго-востоке Польши. Это так называемый шталаг № 319, предназначенный исключительно для рядового и сержантского состава из числа советских военнопленных. Известен как самый большой лагерь военнопленных на польской территории, действующий с июля 1941 года. В ноябре 1941 г. Николай Михайлович был расстрелян за антинацистскую пропаганду.

2) Командир 172-й стрелковой дивизии генерал-майор М.Т. Романов в плену вел себя достойно. Сначала находился в Луполовском лагере смерти — (шталаг № 341) создан в августе 1941 года на окраине Могилева — в районе Луполова, был обнесен колючей проволокой, по которой пропускаться электрический ток. Военнопленных содержали в антисанитарных условиях (свирепствовал тиф), пытали, морили голодом, расстреливали. 19 ноября 1941 года после неудачного побега генерал Романов был переправлен в лагерь в г. Хаммельбург, где 3 декабря умер от последствий ранения, полученного в бою.

3) Командир 12-го механизированного корпуса генерал-майор танковых войск Н.М. Шестопалов умер в госпитале дулага № 102 (пересыльный лагерь, обычно располагавшийся на открытом пространстве и реже в сельскохозяйственных и других постройках) на севере Литвы в Шяуляе 12 июля 1941 года. Посмертно был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

4) Командир 113-й стрелковой дивизии генерал-майор Х.Н. Алавердов в Хаммельбургском лагере вел антифашистскую агитацию и призывал к мятежу против лагерного режима. За все это его перевели в тюрьму Нюрнберга, но и там Христофор Николаевич продолжал агитировать своих сокамерников. Именно за это генерал Алавердов был расстрелян немцами в конце 1942 года.

5) Командир 6-го кавалерийского корпуса генерал-майор И.С. Никитин в плену сначала содержался во Владимир-Волыньском лагере военнопленных. Согласно данным книги «Комкоры», он был одним из организаторов подпольной борьбы с фашистами. «Затем направлен в

концлагерь Хаммельбург, откуда в январе 1942 г. переведен в Нюрнбергскую тюрьму. По данным ГУК МО, в апреле 1942 г. И.С. Никитин был расстрелян за отказ сотрудничать с врагом. Это подтвердили генерал-майоры К.А. Добросердов и И.П. Бикжанов, которые также находились в фашистских застенках».

6) Командир 212-й мотодивизии генерал-майор технических войск С.В. Баранов в плену содержался в лагере военнопленных в г. Замостье. В феврале 1942 года Сергей Васильевич заболел тифом и от болезни и истощения скончался.

7) Командир 58-й горнострелковой дивизии генерал-майор Н.И. Прошкин содержался в лагере для военнопленных в г. Замостье. Там он заболел тифом и в январе 1942 года умер.

8) Командующий 20-й армией генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков содержался в лагере военнопленных в районе г. Вуль-хайд, что под Берлином. Весной 1942 года был переведен в Хаммельбург, где в июле того же года умер от разрыва сердца.

9) Заместитель командира 6-го кавалерийского корпуса генерал-майор А.Б. Борисов был расстрелян в день своего пленения 27 мая 1942 года как еврей.

10) Заместитель командира 11-го механизированного корпуса генерал-майор П.Г. Макаров в немецком плену содержался в лагерях в Замостье и в Хаммельбурге. В декабре 1942 года его перевели в концлагерь Флоссенбург (концентрационный лагерь СС в Баварии возле города Флоссенбург на границе с Чехией; во время Великой Отечественной войны 15 октября 1941 года в концлагерь поступила первая партия советских военнопленных), где от побоев и истощения заболел туберкулезом. Осенью 1943 года Петр Григорьевич был убит.

11) Командир 80-й стрелковой дивизии генерал-майор В.И. Прохоров в плену содержался в Хаммельбурге. Осенью 1942-го был переведен в концлагерь Флоссенбург, где стал одним из руководителей Сопrotивления. Погиб в октябре 1943 года от побоев и голода.

12) Заместитель командира 62-й авиационной дивизии генерал-майор авиации Г.И. Тхор в плену содержался в Хаммельбурге. За антинацистскую агитацию он был переведен в Нюрнбергскую тюрьму, где в январе 1943 года его расстреляли. Указом Президента СССР М. Горбачева от 26 июня 1991 года за «мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», генерал-майор авиации Г.И. Тхор был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

13) Командир 5-й стрелковой дивизии народного ополчения И.А. Пресняков, по данным книги «Комдивы», «попал в плен и помещен в Рославльский лагерь, а оттуда переведен в г. Могилев, далее в начале мая 1942 г. — в г. Кальвария (Литва). В июле 1942 г. предпринял неудачную попытку побега, после чего направлен сначала в лагерь военнопленных Хаммельбург (Бавария), в декабре — в Нюрнбергскую тюрьму, а оттуда — в лагерь военнопленных Флессенбург, где И.А. Пресняков 5 января 1943 г. был казнен».

14) Командир 14-й гвардейской стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор И.М. Шепетов в немецкий плен попал раненым. Больше месяца его лечили в госпитале немецкой крепости Летцен и только затем перевели в Хаммельбургский лагерь. В нем он пробыл с июля по декабрь 1942 года. По данным А. Слоневского, генерала Шепетова выдал один из военнопленных. В тюрьме г. Нюрнберга Иван Михайлович в камере № 42 целых 17 дней ожидал суда, где за противодействие немецким властям получил статус политзаключенного и был направлен в концлагерь Флоссенбург. В лагерь смерти генерал Шепетов прибыл в составе группы из 10 заключенных 5 января 1943 года, а 21 мая за попытку побега его расстреляли.

15) Начальник артиллерии 3-й ударной армии генерал-майор артиллерии М.О. Петров умер в плену 21 ноября 1943 года от полученных ранений в момент пленения.

16) Командир 196-й стрелковой дивизии генерал-майор К.Е. Куликов в плену содержался в лагерях военнопленных в г. Владимире-Волынском и в г. Хаммельбурге. 12 февраля

1943 года был передан гестапо. Умер от туберкулеза. Например, из материала А. Громова можно узнать о генерале Куликове следующее: «Через два месяца плена, в ноябре 1941 года, генерал Куликов пишет письмо Адольфу Гитлеру. Командир предложил создать военное подразделение из русских солдат и офицеров. Но отчего-то немцы отклонили предложение генерала Куликова. И только через год была создана Русская освободительная армия, чьим идеологом стал генерал-лейтенант Андрей Власов.

— Скорее всего, таким образом генерал Куликов пытался вырваться из плена и совершить массовый побег, — убежден Владимир Пяткин. — Об этом косвенно свидетельствует то, что дело плененного генерала передали в гестапо. Там Куликова жестоко пытали и истязали. Судя по документам допросов, он не выдал никаких данных, которые реально помогли бы немцам в войне против СССР.

После пыток в гестапо генерала Куликова отправили в концлагерь в Хаммельбурге, затем в концлагерь Флоссенбурга, где он работал в мастерской по ремонту обуви и колодок для заключенных. К лету 1944 года Константин Ефимович совсем ослабел, и 30 июня немцы убили его уколом яда»

17) Командир 280-й стрелковой дивизии генерал-майор С.Е. Данилов содержался в немецких лагерях в Бобруйске и Молодечно. За отказ от сотрудничества был переведен в Нюрнбергскую тюрьму, а затем в Флоссенбургский лагерь смерти. В конце февраля 1944 года за связь с антифашистским подпольем был казнен с особой жестокостью: забит палками. Скончался, не приходя в сознание, 1 марта 1944 года.

18) Заместитель по тылу командующего 6-й армии Юго-Западного фронта генерал-майор Г.М. Зусманович в плену лето и осень 1942 года провел во Владимире-Волынском, затем проходил лечение в городе Холм, где и был оставлен в лагере военнопленных. В том же году был переведен в Хаммельбург. За отказ от сотрудничества прошел через Нюрнбергскую тюрьму и крепость Вайсенбург. Умер в Освенциме в июле 1944 года.

19) Командир 175-й стрелковой дивизии генерал-майор А.Д. Кулешов в плену содержался в лагере смерти Флоссенбург, где весной 1944 года умер от побоев и истощения.

20) Командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П.Г. Новиков после пленения под Севастополем был отправлен в Германию в лагерь Хаммельбурга. Там он, как подчеркивает Б. Тынчеров, «активно участвовал и руководил движением сопротивления вместе со знаменитым генералом-фортификатором Дмитрием Михайловичем Карбышевым.

Весной 1943 года по настоянию гестапо Петр Георгиевич Новиков был переведен в один из самых таинственных фашистских концлагерей — небольшой Флоссенбург, расположенный в округе Нейштадт, Верхняя Бавария, в котором происходил отбор заключенных с целью проведения специальных медицинских экспериментов.

Из-за жестокого режима, голода, побоев генерал Новиков сильно отощал, но продолжал стойко бороться с врагом. Находившиеся вместе с генералом во Флоссенбурге рассказывали, что он до конца держался мужественно и достойно, отказавшись служить фашистам.

В конце января — начале февраля 1944 года последний командующий обороной Севастополя Петр Георгиевич Новиков после очередного конфликта с охраной лагеря, а скорее всего, за участие в подпольной коммунистической организации в лагере Флоссенбург после ее разоблачения и отказ выдать своих собратьев по сопротивлению, был

зверски забит палками до смерти и застрелен».

21) Профессор генерал-лейтенант Д.М. Карбышев первые несколько месяцев плена содержался в распределительном лагере под Островом-Мазовецким. Нечеловеческие условия он пережил наравне со всеми, переболев тяжелой формой дизентерии. И только в октябре 1941 года его переведут в Замостье, где разместят в бараке. В марте 1942-го Дмитрия Михайловича отправят в другой лагерь — в Хаммельбург. Именно здесь его встретит В. Новобранец: «Из краткой беседы с Карбышевым и от других товарищей я узнал и понял, что он неплохо информирован о событиях на фронте. Он хорошо знал немецкий язык и как-то сумел установить связь с местной коммунистической организацией Хаммельбурга. От немецких товарищей он получал газеты, сводки Советского информбюро. Он же давал нам продуманные деловые советы по организации побегов. Основное направление для беглецов он указывал на Югославию и Чехословакию. Не рекомендовал бегать в Швейцарию, так как правительство этой страны выдавало беглецов обратно немцам.

Карбышев пользовался в лагере большим уважением, авторитетом и любовью. Когда он шел по лагерю, его приветствовали, стоя по команде “смирно”. В то же время мы всячески презирали немецких офицеров, при встрече с ними мы поворачивались к ним спиной. За это многие поплатились жизнью, но немцам так и не удалось заставить нас приветствовать их офицеров».

Дмитрию Михайловичу было тогда 62 года. Безусловно, ему было тяжелее всех переносить немецкую неволю, но он не унывал: «Да, товарищи, не повезло нам всем. Но вы люди молодые, вы еще дождетесь победы, светлых дней, увидите Родину, а я уж не увижу. Начинаю сдавать, не по возрасту такие физические и моральные переживания. Но будем крепиться, будем бороться и не складывать оружия».

Следующий пункт назначения генерала Карбышева был Берлин. В германской столице пленного советского генерала поместили в одиночную камеру без окон, с яркой, постоянно мигающей электрической лампочкой, не давая прогулок. Именно так фашисты готовили Карбышева к сотрудничеству: через состояние полной апатии и атрофии воли. Но ничего не вышло у них и на этот раз. Однажды спокойно выслушав условия «сотрудничества», Дмитрий Михайлович так же спокойно ответил: «Мои убеждения не выпадают вместе с зубами от недостатка витаминов в лагерном рационе. Я солдат и остаюсь верен своему долгу. А он запрещает мне работать на ту страну, которая находится в состоянии войны с моей Родиной». Несговорчивость известного генерал-лейтенанта инженерных

войск обернулась для него переводом в лагерь смерти Флоссенбюрг. Там он работал в сарае, обтесывая гранитные столбики для дорог, облицовочные и надгробные плиты. По поводу последних Дмитрий Михайлович как-то заметил: «Вот работа, доставляющая мне истинное удовольствие. Чем больше надгробных плит требуют от нас немцы, тем лучше, значит, идут у наших дела на фронте».

Как пишет В. Миркикин, «почти шестимесячное пребывание Дмитрия Михайловича на каторжных работах закончилось в один из августовских дней 1943 г. Пленник был переведен в Нюрнберг и заключен в тюрьму гестапо. После непродолжительного “карантина” его отправили в так называемый “блок” — деревянный барак посреди огромного вымощенного булыжником двора. <...>

Затем последовали Освенцим, Заксенхаузен, Маутхаузен — лагеря, которые навеки войдут в историю человечества как памятники самых страшных злодеяний германского фашизма».

До конца жизни над кроватью вдовы генерала Карбышева Лидии Васильевны на шнурке будет висеть маленькая иконка, которую он забыл взять с собой в тот последний отъезд из дома в июне 1941 года. Но уберегла бы она его от плена?

О гибели Дмитрия Михайловича впервые стало известно в феврале 1946 года, когда майор канадской армии Седдон Де-Сент-Клер пригласил к себе в госпиталь, где находился на излечении, представителя Советской миссии по делам репатриации в Англии, чтобы сообщить об этом: «Мне осталось жить недолго, поэтому меня беспокоит мысль о том, чтобы вместе со мной не ушли в могилу известные мне факты героической гибели советского генерала, благородная память о котором должна жить в сердцах людей. Я говорю о генерал-лейтенанте Карбышеве, вместе с которым мне пришлось побывать в немецких лагерях».

Со слов канадского офицера, в ночь с 17 на 18 февраля около тысячи пленных, одетых буквально в рвань, пригнали в концлагерь Маутхаузен... «Как только мы вступили на территорию лагеря, немцы загнали нас в душевую, велели раздеться и пустили на нас сверху струи ледяной воды. Это продолжалось долго. Все посинели. Многие падали на пол и тут же умирали: сердце не выдерживало. Потом нам велели надеть только нижнее белье и деревянные колодки на ноги и выгнали во двор. Генерал Карбышев стоял в группе русских товарищей недалеко от меня. Мы понимали, что доживаем последние часы. Через пару минут гестаповцы, стоявшие за нашими спинами с пожарными брандспойтами в руках, стали поливать нас потоками холодной воды. Кто пытался уклониться от струи, тех били

дубинками по голове. Сотни людей падали замерзшие или с размозженными черепами. Я видел, как упал и генерал Карбышев».

16 августа 1946 года генерал-лейтенанту Д.М. Карбышеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза «за исключительную стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне».

22) Командир 44-й горнострелковой дивизии генерал-майор С.А. Ткаченко, находясь в немецком плену (г. Гайсин), сумел скрыть, что является советским генералом, и был отпущен «домой», как украинец.

К слову сказать, в июле 1941 г. на сборных пунктах и пересыльных лагерях, расположенных в зоне ответственности сухопутных сил, скопилось большое число военнопленных, на содержание которых не было ни сил, ни средств. В связи с чем был издан приказ генерал-квартирмейстера от 25 июля 1941 г. № 11/4590 об освобождении советских военнопленных ряда национальностей: немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, а затем и белорусов. Однако уже в ноябре действие этого приказа было приостановлено. Всего в тот период было освобождено 318 770 человек, из которых 277 761 были украинцами.

Но это не спасло генерала Ткаченко. 30 августа 1941 года, при подходе к линии фронта его задержали полицейские и передали в полевую жандармерию. Так он оказался сначала в Житомирском, а затем во Владимиро-Волынском лагере военнопленных. С октября 1941-го Семен Акимович содержался в Хаммельбурге. Здесь он являлся активным участником группы сопротивления. А в начале осени 1942 года, за участие в подпольной организации и подготовку побега, был переведен в Нюрнбергскую тюрьму, а оттуда в лагерь смерти в Флоссенбург. Но даже и там генерал Ткаченко попытался совершить побег. Зимой 1945 года Семен Акимович — узник лагеря Заксенхаузен. Здесь он готовил боевые группы для восстания. Узнав об этом, в ночь с 2 на 3 февраля 1945 года, 200 военнопленных были отобраны для уничтожения. По дороге в крематорий, по команде генерала Ткаченко, все они набросились на конвой и погибли.

23) Начальник артиллерии 5-й армии генерал-майор артиллерии В.Н. Сотенский в немецком плену содержался в Хаммельбурге. Однако в январе 1943 года за участие в подпольной работе его посадили в Нюрнбергскую тюрьму, а в сентябре перевели в крепость Вюльцбург (расположена на горе высотой около 650 м в двух километрах от города Вайсенбург в Баварии). 22 апреля 1945 года генерал Сотенский был убит эсэсовцем выстрелом в затылок как не способный передвигаться самостоятельно.

24) Командир 181-й стрелковой дивизии генерал-майор Т.Я. Новиков в

немецком плену содержался и в Нюрнбергской тюрьме, и в крепости Бюльцбург. В апреле 1945 года Новикова перевели в лагерь смерти Флоссенбург, где он скончался от истощения.

В своей книге «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945» историк К.М. Александров очень «ловко» объясняет измену и предательство вообще, а генералов власовского движения в частности: «Предательство и измена всегда интересовали не только исследователей, но и психологов. Особенно если к ним имели отношение яркие фигуры и личности. В первую очередь, акт видимой измены свидетельствовал о нестандартном и непривычном поведении человека в экстремальной ситуации. Как правило, в сознании историков и тем более в массовом сознании априори складывалась негативная оценка таких поступков, равно как и тех, кто их совершал».

Что ж, пусть все это останется на совести Александрова, ведь общечеловеческие ценности еще никто не отменял, как никто не отменял понятие чести, как никто не отменял мужество и стойкость. Безусловно, при желании объяснение можно найти любому проступку, любой гадости, но, как говорится в народе, у вас своя правда — у нас своя, а истину знает бог. Например, небезызвестный и достаточно авторитетный генерал-фельдмаршал Германии Ф. Паулюс, уже находясь в советском плену, после допроса как-то сказал: «Странные люди. Пленного солдата спрашивают об оперативных вопросах». На что генерал Шмидт ответил: «Бесполезная вещь. Никто из нас говорить не будет». Или еще один штрих из воспоминаний начальника штаба 64-й армии генерала И.А. Ласкина: «По окончании обеда я спросил его (адъютанта Паулюса), почему генерал Шмидт все время молчит.

— Шмидт хорошо знает, что побежденные должны молчать, — ответил Адам». Словом, немецкие побежденные генералы должны молчать, а советские не обязаны. Потому что, следуя логике историка Александрова, если к предательству и измене имели отношение «яркие фигуры и личности». Имеется в виду, конечно же, генерал А.А. Власов и его окружение. А значит, яркая личность имеет право и на это. Вопрос заключается только в том, кого можно считать яркой личностью, а кого — нет.

В Советском Союзе по существующему законодательству сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, считалась тяжким воинским преступлением. Но, как мы видим, многие советские генералы попадали в плен, как правило, ранеными и контужеными. Правда, генерал Власов, как

«яркая личность», сдался в плен вполне здоровым, да еще и с женщиной, с которой сожительствовал после отъезда походно-полевой жены. Были и другие экземпляры из числа советских генералов, но в любом случае они остались в меньшинстве. «Неярких же личностей» было гораздо и гораздо больше. Вот характерный пример, который приводит в своих мемуарах В. Новобранец: «Вызвали на допрос и генерала Шепетова.

По его словам, в гестапо произошла следующая беседа:

— Садитесь, господин генерал, — предложил ему фашист. Когда генерал сел, фашист сказал:

— Я представитель местного гестапо и пригласил вас для того, чтобы указать вам на недопустимость пропаганды, которую вы ведете среди пленных. Это может кончиться для вас очень плохо.

— Я командир дивизии, и здесь немало офицеров моей дивизии, — ответил Шепетов. — Они часто подходят ко мне, спрашивают совета, делятся своими невзгодами. Я не знал, что мне не разрешается разговаривать со своими же бывшими подчиненными.

— Беседовать вы можете, господин генерал. Но вы уверяете всех, что победа будет на стороне России, что Германия проиграет войну. А это уже пропаганда.

— А что же должен говорить своим подчиненным советский генерал? Да, я так думаю и говорю — войну мы выиграем. Не могу же я утверждать, что Германия выиграет войну.

— Советую вам, господия генерал, вообще избегать таких разговоров в лагере. Почему-то другие генералы сидят в своих комнатах и ни с кем не беседуют, а за вами всегда толпа пленных. Предупреждаю, второй раз мы будем беседовать с вами по-другому».

От латинского слово «генерал» — «generalis» означает «общий». В толковом же словаре слово «общий» — это, прежде всего: «Коллективный, совместный с другими, принадлежащий всем». То есть высокий военный чин и в плену, где младшие по званию жили гораздо хуже, находился на виду, показывая пример своим безупречным поведением, храня свою честь и сохраняя мужество. Именно так должен был вести себя любой генерал, в том числе и советский. Но, к сожалению, не всем из них это удалось...

Командир 21-го стрелкового корпуса генерал-майор Д.Е. Закутный на первом же допросе большинство своих взглядов изложил по собственной инициативе. Как отметил зонденфюрер д-р В. Медер: «...причем конкретные вопросы на этот счет ему не задавались. Он явно испытывал потребность высказаться на эту тему, так что его высказываниям на этот счет следует придавать особое значение». Также Закутный «обратил

внимание немецкого командования на то, что среди пленных находится генерал Д.М. Карбышев», то есть выдал его. Согласно данным К.А. Александрова, «до конца лета содержался в Особом опросном лагере в Лодзи. В сентябре переведен в Офлаг XIII-D в Хаммельбурге, являлся старшим по Офлагу. 30 октября переведен в предместье Берлина — Лихтенфельде, в лагерь для французских военнопленных, в котором находился центр по обработке данных о советских УРах. Представил интересующие показания генерал-майору Вермахта В. Бирману и полковнику Гроссе. В феврале 1942 г. переведен в лагерь Валь, где познакомился с генерал-майором Ф.И. Трухиным. Оттуда вместе с ним направлен в лагерь для старших советских командиров Циттенхорст. Здесь с военнопленными работали руководящие члены НТСНП Д.В. Брунст, Р.Н. Редлих и др., стараясь выявить их отношение к советскому правительству и сталинскому режиму.

В январе 1943 г. при содействии Редлиха переведен в Особый лагерь Вустрау, в котором готовил для военнопленных обзоры военных действий по газетам. По рекомендации Редлиха поступил на службу в пропагандистское учреждение «Винета» при Министерстве по делам восточных территорий. 12 февраля выехал в Берлин. Редактировал ряд антисоветских брошюр, книгу полковника В.И. Мальцева «Конвейер ГПУ». В августе 1944 г. вступил в контакт с генерал-лейтенантом А.А. Власовым (до этого встречался с ним в августе 1942 г. в Циттенхорсте и в мае 1943 г. — в Дабендорфской школе РОА, по случаю выпуска пропагандистов, летом 1943 г. приезжал к нему в Далем, когда Власов находился под домашним арестом). В сентябре написал Власову письмо, в котором изложил основные принципы создания КОНР. 14 ноября присутствовал в Праге на собрании по созданию КОНР и обнародованию Пражского манифеста. Член Президиума КОНР, начальник Гражданского управления. 6 февраля 1945 г. вместе с управлением эвакуировался в Карлсбад (Карловы Вары). 26 апреля по поручению Власова остался в Фюссенне вместе с группой членов КОНР для связи с англо-американцами. 20 мая задержан германской полицией. 13 июня передан американцами в советскую оккупационную зону». Стоит добавить, что Р.Н. Редлих, хорошо знавший Закутного, так охарактеризовал этого бывшего советского генерала: «Этот пошел из-за супа. Это точно. Идеюности в нем никакой не было» (К.М. Александров).

Командир 171-й стрелковой дивизии генерал-майор А.Е. Будыхо содержался в Полтавском и Владимиро-Вольнском лагерях. С апреля 1942-го в Хаммельбурге. По данным К.М. Александрова, «занимался антисоветской и антисталинской агитацией среди военнопленных. Член

РТНП (Русская национально-трудовая партия — коллаборационистская организация, созданная русскими националистами в годы Второй мировой войны, имела филиалы в Германии и на оккупированных территориях СССР). Весной 1942 г. вместе с пленными командиром 102-й стрелковой дивизии комбригом И.Г. Бессоновым, начальником артиллерии 20-го механизированного корпуса полковником Н.Н. Любимовым, заместителем начальника штаба 6-й армии полковником М.А. Меандровым и командиром 301-го стрелкового полка подполковником В.В. Бродниковым приступил к формированию Политического Центра борьбы с большевизмом (ПЦБ), целью которого являлась организация массированного десанта для развертывания антисталинской повстанческой деятельности в районах расположения исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР на Северной Двине и в среднем течении р. Обь. В июле вместе с комбригом И.Г. Бессоновым и полковником А.Г. Петровым выехал из Хаммельбурга в Бухенвальд для создания ПЦБ. С конца лета 1942 г. — начальник отдела внутренней разведки ПЦБ, в задачу которой входило выявление просоветски настроенных лиц из числа представителей комначсостава РККА, отбираемых в парашютно-десантные подразделения ПЦБ.

В мае 1943 г. после ликвидации ПЦБ СД и ареста Бессонова, Любимова и Бродникова изъявил желание перейти в РОА — в распоряжение генерала Восточных войск Вермахта генерал-лейтенанта Х. Гельмиха. С июня — при штабе Восточных войск Вермахта. 7 сентября назначен приказом Гельмиха в чине генерал-майора РОА на должность штаб-офицера по обучению и подготовке восточных войск при 710-м восточном полку полковника Вермахта В. фон Хешшига в полосе 16-й армии Вермахта группы армий “Север”. 16 сентября прибыл к месту службы в поселок Чудная Гора. Ночью 13 октября вместе с ординарцем рядовым РОА А. Хижинским покинул расположение части и 19 октября сдался представителям 4-й Ленинградской партизанской бригады. 7 ноября доставлен самолетом в Москву и взят под стражу. 11 ноября арестован по обвинению в “измене Родине”. 19 апреля 1950 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР за измену Родине. В 1982 году Главная военная прокуратура отказала в его реабилитации.

Заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-майор Ф.И. Трухин сначала содержался в сборном лагере в Шталуленене, а затем в Хаммельбурге. По данным К.М. Александрова, уже «в октябре дал письменное согласие на борьбу с Советской властью, вступил в РТНП. В ноябре разработал ряд документов, касающихся военной деятельности

РТНП, для передачи германскому командованию. В декабре дал согласие представителю Восточного министерства штурмфюреру СА Френцелю работать в лагерях для пропагандистов. 15 марта 1942 г. вместе с генерал-майором Д.Е. Закутным переведен в особый лагерь Вустрау, предназначенный для будущих пропагандистов на оккупированных территориях и представителей администрации. Познакомился с руководителями НТСНП — Д.В. Брунстом, Р.Н. Редлихом и Ю.А. Трегубовым. 24 апреля назначен как старший по званию внутренним комендантом (старшим офицером) Циттенхорстского лагеря пропагандистов. 5 мая Циттенхорст посетил начальник политического отдела Министерства по делам восточных территорий доктор Г. Лейббрандт. В разговоре с ним Т. настойчиво требовал создания РОА и превращения войны с Советским Союзом в войну со сталинским режимом. С начала июля две недели находился в варшавской разведшколе Абвера, в которой составил 3 конспекта по общевойсковой разведке для преподавателей из числа бывших командиров РККА. 22 июля возвратился в Циттенхорст. 1 сентября уведомлен об официальном освобождении из плена и оставлен преподавателем в Циттенхорсте. В октябре вступил в НТСНП на квартире председателя Союза В.М. Байдалакова в Берлине. Позднее кооптирован в члены Исполнительного бюро и Совета. С ноября — старший преподаватель Циттенхорста.

В феврале 1943 г. на квартире Байдалакова познакомился с генерал-лейтенантом А.А. Власовым, 25 марта при очередном посещении Берлина получил от него предложение возглавить Дабендорфскую школу РОА и откомандирован в Дабендорф. До августа занимал должность начальника учебной части курсов, а затем — начальника школы. Организовывал отбор курсантов, работу школы и занятия, фактически превратил пропагандные курсы в центр подготовки командных кадров будущей власовской армии, через который прошло около 5000 будущих офицеров. Развернул среди курсантов нелегальную деятельность запрещенного нацистами НТС, принял на работу преподавателями 10 членов Союза и создал им режим наибольшего благоприятствования. Участвовал в разработке программы НТС-1943 — Схемы национально-трудового строя; в частности, написал или доработал главы “Общее положение о национальной политике”, “Внешняя политика”, “Оборона страны” и некоторые другие. В октябре 1944 г. назначен начальником штаба ВС КОНР. В январе 1945 г. участвовал в переговорах Власова и генерала от кавалерии П.Н. Краснова о создании Управления казачьих войск КОНР наряду с ГУКВ. Добился слияния с ВС КОНР самостоятельных казачьих соединений, таких как XV казачий

кавалерийский корпус СС и Отдельный казачий корпус в Северной Италии. В марте в районе Братиславы (Словакия) организовал разведшколу ВС КОНР на 100 курсантов. Несмотря на свое дворянское происхождение, очень настороженно относился к вступлению в ВС КОНР участников Белого движения — таких как генерал-майоры А.В. Туркул и Б.С. Пермикин — и согласился на создание ими самостоятельного корпуса в составе ВС КОНР только под давлением Власова. К лету 1945 г. планировал создать 4 и 5-ю пехотные дивизии, отдельный танковый полк. В силу реально складывающейся обстановки на фронте возглавил в апреле Южную группу ВС КОНР. 17–18 апреля отдал приказ о продвижении в Чехию для объединения с Северной группой генерал-майора ВС КОНР С.К. Буняченко. К 1 мая штаб ВС КОНР и Южная группа находились у Райн-баха между Будвайсом и Линцем на территории Австрии. Договорившись предварительно с командованием 11-й танковой и 26-й пехотной дивизий 3-й американской армии о капитуляции Южной группы, получил известия о местонахождении Власова и о решении Буняченко принять участие в Пражском восстании на стороне чехов. Когда посланный для уточнения действий генерал-майор ВС КОНР В.Г. Баерский не вернулся, невзирая на резкие протесты штаба, вечером 7 мая выехал к Власову и Буняченко. Утром 8 мая вместе с генерал-майором ВС КОНР М.М. Шаповаловым захвачен у Пршибрама чешскими партизанами просоветской ориентации. После расстрела Шаповалова утром 9 мая передан советскому командованию и доставлен в Москву».

Начальник училища ПВО ВМФ в Лиепае генерал-майор береговой службы И.А. Благовещенский сначала содержался в Шяуляйской тюрьме, затем в Тильзитском лагере и в Хаммельбурге. Как пишет К.М. Александров, «вместе с генерал-майорами Е.А. Егоровым и Е.С. Зыбиным подписал обращение к германскому командованию о создании боевых частей из военнопленных. В ноябре вступил в РТНП, являлся членом ЦК, начальником военного отдела партии. Вместе с Егоровым и Зыбиным завербовал в антисоветские формирования около 3000 военнопленных. В апреле 1942 г. отправлен на курсы пропагандистов в Вульгайде, в сентябре назначен комендантом лагеря для подростков-ремесленников при Гитлерюгенд. С марта по июнь 1943 г. — начальник Дабендорфской школы РОА, выпустил 250 пропагандистов. В июле убыл в отпуск в Каунас к брату Борису. С декабря — начальник Инспекториата РОА по контролю за работой пропагандистов. В ноябре 1944 г. назначен начальником идеологической группы Главного управления пропаганды КОНР. 6 февраля 1945 г. вместе с КОНР эвакуировался в Карлсбад. 7 февраля переехал в

Мариенбад и возглавил русскую колонию. В апреле генерал-лейтенантом ВС КОНР А.А. Власовым назначен представителем КОНР для связи с союзными войсками. В конце мая посетил представителей советских войск в Пльзене и оставил им свой адрес. 3 июня арестован представителями советской репатриационной комиссии в Мариенбаде и вывезен в Москву».

Начальник штаба 19-й армии генерал-майор В.Ф. Малышкин сначала содержался в лагере военнопленных под Смоленском, затем в Фюрстенберге. Как подчеркивает К.М. Александров, «С апреля — на курсах пропагандистов в Вульгайде. В июле назначен преподавателем и помощником по руководству занятиями начальника курсов барона Г. фон де Роппа. В декабре встретился с капитаном В.К. Штрик-Штрикфельдом. При его содействии переведен в Берлин в Отдел пропаганды ОКВ, где познакомился с генерал-лейтенантом А.А. Власовым и стал одним из главных участников Власовского движения. 24 января 1943 г. в Особом опросном лагере в Летцене дал показания советнику германского МИД Г. Хильгеру о планах Сталина в отношении Германии на 1941 г. С марта участвовал в редактировании газеты “Заря”. Руководил 1-й антибольшевистской конференцией бывших бойцов и командиров РККА в Дабендорфе. В июле посетил Париж. Встречался с представителями белой военной эмиграции, в частности с профессором, генерал-лейтенантом Н.Н. Головиным. 24 июля с большим успехом выступил в зале Ваграм перед многочисленной русской аудиторией с речью, носившей ярко выраженный независимый и национальный характер. После выступления короткое время содержался под арестом в Гестапо. С марта 1944 г. руководил пропагандной группой, посещавшей русские батальоны РОА на южном побережье Франции. С ноября 1944 г. — член Президиума КОНР, начальник Главного организационного управления. Возглавлял всю работу по организации практической деятельности управлений и отделов КОНР. 6 февраля 1945 г. вместе с управлением эвакуировался из Берлина в Карлсбад. В апреле получил задание и полномочия от генерал-лейтенанта Власова вступить в контакт с американским командованием для переговоров о предоставлении чинам ВС КОНР политического убежища. 29 апреля при посредничестве секретаря Главного организационного управления КОНР Д.А. Левицкого и офицера по особым поручениям Управления безопасности КОНР капитана ВС КОНР В.А. Ларионова вступил в переговоры с начальником отдела армейской разведки штаба 7-й американской армии полковником Снайдером. 4 мая отправлен в лагерь Аугсбург. 9 мая американцами объявлен интернированным. Содержался вместе с генерал-лейтенантом ВС КОНР Г.Н. Жиленковым, капитаном ВС

КОНР Н.Ф. Лапиным, капитаном В.К. Штрик-Штрикфельдом и другими власовцами. 1 августа переведен в лагерь Секкенхейм, где содержалась большая группа офицеров ВС КОНР. 2 октября переведен в составе группы в лагерь УСС США Оберрусель под Франкфуртом-на-Майне. По предложению сотрудника УСС, выступившего под псевдонимом Сандерс, написал докладную записку о подготовке командного состава в РККА и работе АГШ. 25 марта 1946 г. в наручниках передан в советскую оккупационную зону».

Заместитель командующего Волховским фронтом и временно исполняющий обязанности командующего 2-й ударной армии генерал-лейтенант А.А. Власов первоначально содержался в лагере военнопленных в Летцене в Восточной Пруссии (в августе 1942 года в этом лагере немцы организовали особый лагерь по подготовке офицеров для частей «Русской освободительной армии». При этом лагере, в отдельных изолированных бараках, была создана школа по подготовке контрразведчиков для частей РОА и лагерей военнопленных. Школа подчинялась командующему иностранными формированиями немецкой армии на советско-германском фронте, генерал-лейтенанту Кестрингу (бывшему военному атташе Германии в СССР)). Из Летцена Власова перевели в Винницкий лагерь для военнопленных, находившийся в ведении главного командования сухопутных войск (ОКХ). «Совместно с командиром 41 сд полковником Боярским Власов подготовил 3 августа 1942 года так называемый “Меморандум Власова — Боярского”, в котором были сформулированы предложения относительно создания центра по формированию вооруженных частей из советских военнопленных, — читаем у Л. Решина и В. Степанова. — По мнению Власова, это придавало бы “освободительному движению” вид государственности и освободило военнопленных от чувства измены Родине. После состоявшейся 10 августа беседы Власова с представителем МИД Германии Хильгером, бывшим советником германского посольства в Москве, в октябре того же года Власов был направлен в Берлин, в лагерь при отделе пропаганды вооруженных сил Германии, где уже находились бывший начальник штаба 19-й армии генерал-майор Малышкин и Благовещенский.

Власов заявил им о своем намерении создать русское национальное правительство и приступить к формированию добровольческой армии для ведения вооруженной борьбы с Советским Союзом».

По авторитетному мнению доктора исторических наук А. Огорокова, «речь шла о грандиозной пропагандистской операции, призванной заставить народы Советского Союза проливать пот и кровь ради победы

германского рейха. Именно эту цель преследовала начатая службой пропаганды вермахта акция, ключевой фигурой в которой стал генерал-лейтенант А.А. Власов, взятый в плен в июле 1942 года и давший согласие на предложение капитана службы пропаганды вермахта В. Штрик-Штрикфельдта создать и возглавить армию для борьбы против сталинской диктатуры». Далее О कोरोков пишет: «В сентябре 1942 года Власов подписал первую листовку, адресованную “Товарищам командирам и советской интеллигенции”, призывавшую к борьбе против сталинского режима. Вслед за этим отделом пропаганды ОКБ было разработано воззвание так называемого Русского комитета, получившее название “Смоленской декларации”. Оно включало в себя обращение “К бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза”. <...>

Обращение было дополнено политической программой из 13 пунктов, которая, впрочем, даже не декларировала каких-либо обязательств перед РОА со стороны германского правительства.

27 декабря 1942 года документ был подписан Власовым как председателем Русского комитета, местом деятельности которого был назван город Смоленск. Власов не мог не отдавать себе отчета, что и возглавляемый им комитет, и его декларации попросту фиктивны. Тем не менее Власов и примкнувшие к нему пленные генералы и офицеры, возможно, рассчитывали, что Русский комитет и Русская освободительная армия станут известны среди солдат “восточных” частей, военнопленных и населения оккупированных территорий, послужат средством сплочения всех “национально мыслящих сил” и создания массового “освободительного движения”. Надеялся ли Власов после разгрома СССР создать при содействии немцев независимое русское государство, сказать трудно. Во всяком случае, советник германского посольства Хильгер на допросе 8 августа 1942 года заявил Власову и полковнику Боярскому, что возрождение собственной русской государственности на основах великорусских притязаний противоречило бы германским интересам.

12 января 1943 года отдел пропаганды ОКБ получил согласие Розенберга на распространение “Смоленской декларации”, что послужило толчком для развертывания мощной пропагандистской кампании».

После очередной пропагандистской акции, поездки (март — апрель 1943 г.) по оккупированным территориям, Власов был упрятан в Далеме под Берлином, под домашний арест. В этот период он посещал Дабендорфскую школу РОА и принимал посетителей. Однако дальнейшие события привели к встрече осенью 1944 года Власова и Гимmlера, который

заявил, «что отдел пропаганды вооруженных сил не смог организовать советских военнопленных для борьбы против большевиков, в связи с чем эту работу он берет на себя». И эта работа действительно началась: «14 ноября 1944 года в Праге состоялось первое заседание новой агентурно-политической организации, действовавшей уже под эгидой и при участии представителей главного штаба СС, — “Комитета освобождения народов России”. Председателем был назначен Власов. Одновременно началось формирование вооруженных сил КОНР в составе десяти дивизий из военнопленных для борьбы против Красной армии. Гиммлер согласился на создание пяти дивизий», — читаем далее у Л. Решина и В. Степанова.

О дальнейшей судьбе А.А. Власова весьма подробно и точно рассказывает историк К.М. Александров: «В декабре 1944 — январе 1945 г. через посредников, а также путем переписки и личных встреч вел переговоры с Начальником ГУКВ генералом от кавалерии П.Н. Красновым на предмет объединения действий и сил, завершившиеся безрезультатно. 6 февраля 1945 г. вместе с КОНР эвакуировался в Карлсбад. Безуспешно пытался вступить в контакт с западными союзниками. В конце февраля представил к производству в чин генерал-майора ВС КОНР группу полковников на строевых и штабных должностях. 1 марта встречался с министром пропаганды И. Геббельсом. В начале марта согласился на использование 1-й пехотной дивизии ВС КОНР на Одерском фронте. 27 марта председательствовал на последнем заседании Президиума КОНР, утвердил план спасения ВС КОНР путем их концентрации в Югославии. С марта — апреля действия В. настолько контролировались представителями СС во главе с оберфюрером Э. Креггером, что В. уже не мог влиять на развитие событий. 13 апреля В. заявил о вступлении в брак с вдовой офицера СС Х. фон Билленберга — А. фон Билленберг. Этот брак в окружении Власова осуждался. 26–27 апреля отказался улететь в Испанию, решив разделить судьбу ВС КОНР до конца. В первых числах мая, находясь в расположении Северной группы ВС КОНР генерал-майора ВС КОНР С.К. Буняченко, категорически протестовал против вмешательства дивизии в Пражское восстание, 4 мая после отказа Буняченко подчиниться покинул дивизию. 8–11 мая безрезультатно пытался вести переговоры со штабом 3-й американской армии в Пльзене о предоставлении власовцам политического убежища. 11 мая вместе с группой офицеров и сотрудников Управления безопасности КОНР находился в замке Шлюссльбург (Лиарже) в 50 км от Пльзена. Несмотря на уговоры коменданта капитана Р.Е. Донахью, отказался бежать вглубь американской зоны. На рассвете 12 мая приказал Буняченко распустить дивизию и переходить в американскую

зону мелкими группами. В колонне из 7 автомашин отправился в Пльзень в сопровождении американцев на переговоры с командованием 3-й американской армией. Через 3 км колонна была остановлена группой автоматчиков отдельного мотострелкового батальона 162-й танковой бригады во главе с капитаном М.И. Якушовым. На машину В. указал капитан ВС КОНР П.Н. Кучинский, после чего В. и переводчик оберлейтенант В.А. Ресслер оказались арестованы и доставлены в советскую зону, в штаб 25-го танкового корпуса. В 20.15. В. написал свой последний приказ остаткам 1-й дивизии ВС КОНР. Через некоторое время доставлен в Москву».

Старший адъютант батальона (начальник штаба) Ялтинской бригады народного ополчения младший лейтенант Г.Н. Сатиров в плен попал раненым в районе Севастополя в октябре 1941 года. Было ему 37 лет от роду. До марта 1945 года он находился в лагерях советских военнопленных в Германии, несколько раз пытался бежать. В его очень честных воспоминаниях есть объяснение мужеству и стойкости советских военнопленных, увиденное и осознанное самим автором: «Стены камеры испещрены надписями чуть ли не на всех языках мира. (В тюрьме бьют смертным боем за точку на стене, а здесь почему-то не обращают на это никакого внимания.) Я видел русские, французские, польские, немецкие, итальянские, чешские, украинские, арабские, словацкие, голландские, греческие надписи. <...>

Есть и более длинные записи: «Они били меня, эти проклятые боши. Меня — офицера французской армии, кавалера Почетного легиона. Били за то, что я не желал на них работать, предпочитая любезничать с хорошенькой немкой. Я знаю, они меня казнят. Но я не боюсь смерти. Франция отомстит бошам!»

От русских надписей веет озорством, удалством, ухарством. Вот изображен большой фаллос с подписью: «Х... Гитлер!» А вот другой рисунок: русский уд направлен в сторону немецкой цитронии (гейневское выражение). Подпись гласит: «...я вашу новую Европу!» И все в таком же роде.

Когда просмотришь все надписи, первое впечатление остается далеко не в пользу русских. Как-то даже досадуешь на своих. Думается: вот у французов всюду проглядывает любовь к отчизне, ностальгия, а в наших надписях нет и следа патриотизма, никакой взволнованности чувств. Отчего это?

Я рассказал об этом товарищам по тюремной камере. Никита Федорович задумался вначале, но потом с живостью возразил мне: «А мне, знаете, нравятся русские надписи. У французов сантименты, порожденные в большой мере страхом пыток и казни. Русский же человек и перед лицом смерти не пасует. Сейчас его поведут на пытку, через час, может быть, пристрелят, а наш земляк положил на все с прибором. Это ли не положительная черта русского характера».

Задумался и я. В самом деле, Никита Федорович в основном прав.

Французское сердце, как стены старинной капеллы, искусно расписано всякими сакраментально-сентиментальными образами — арабесками... За русским же озорством таится огромная сила, уверенность, воля к жизни и к борьбе».

То же самое мы можем сказать и о советских генералах в плену. Во многих из них таилась огромная сила, уверенность, воля к жизни и к борьбе. Хотя, как мы видим, были и другие...

1) Командир 4-го стрелкового корпуса генерал-майор Е.А. Егоров «содержался в лагере военнопленных в Бело-Подляску, затем в августе переведен в Хаммельбург в офицерский лагерь... В сентябре 1941 г. Е.А. Егоров дал согласие на сотрудничество с германским военным командованием, вступил в т.н. Русскую трудовую народную партию (РТНП), созданную с санкции немецкого командования бывшими советскими офицерами и генералами, перешедшими на сторону врага. В РТНП занимал должность начальника штаба военного отдела, был председателем партийной комиссии (партийного суда). В ноябре 1941 г. Е.А. Егоров подписал вместе с другими офицерами и генералами, предателями Родины, обращение к немецкому командованию с просьбой сформировать из числа военнопленных добровольческую армию и направить ее на фронт для участия в боях с Красной Армией. С этой целью он, будучи руководителем одной из вербовочных комиссий, принимал участие в вербовке военнопленных в концлагерях (всего им было завербовано около 800 человек), проводил антисоветскую деятельность. Однако уже в феврале 1942 г., вероятно под влиянием личной беседы с бывшим командующим 5-й армией генералом М.И. Потаповым, Е.А. Егоров подал заявление о выходе из РТНП. В апреле 1943 г. вместе с другими военнопленными генералами был переведен в Нюрнбергский лагерь военнопленных, а в сентябре того же года — в крепость Вюсбург (Вейсенбург), где содержался до апреля 1945 г. Затем был отправлен в г. Мосбург, где освобожден американскими войсками и переправлен в Париж, после чего передан советскому командованию» («Комкоры»).

2) Командир 13-й стрелковой дивизии генерал-майор А.З. Наумов, выходя из окружения, «на станции Осиповичи попал в облаву и, как гражданское лицо, препровожден в Минский лагерь, откуда его выпустили, как местного жителя (в Минске жила семья Наумова). Однако 18 октября Наумов был арестован на квартире и доставлен в Минскую тюрьму, где находился два месяца, затем направлен в Минский лагерь для военнопленных. Там Наумов подал заявление о желании проводить шпионскую работу против СССР. В апреле 1942 года он был переведен в

лагерь военнопленных в городе Кальвария (Литва), а затем в Офлаг XIII-D (Хаммельбург).

В Хаммельбурге Наумов дал показания представителю МИД Германии советнику Хильгеру, рассказав о приеме в Кремле 5 мая 1941 года выпускников военных академий (немцы искали доказательства подготовки СССР к нападению на Германию). Здесь, в лагере, он затем осуществлял вербовку военнопленных в “восточные” батальоны.

24 сентября 1942 года Наумов обратился к коменданту лагеря с заявлением:

«Доношу, что среди русских военнопленных лагеря ведется сильная советская агитация против тех людей, которые с оружием в руках хотят помогать немецкому командованию в деле освобождения нашей родины от большевистского ига.

Эта агитация исходит главным образом от лиц, принадлежащих к генералам, и со стороны русской комендатуры. Последняя стремится всеми средствами дискредитировать тех военнопленных, которые поступают на службу к немцам в качестве добровольцев, употребляя по отношению к ним слова: “Эти добровольцы всего-навсего продажные души”.

Тех, кто работает в историческом кабинете, также игнорируют и оскорбляют такими словами, как: “Вы продались за чечевичную похлебку”.

При таком положении дел русская комендатура вместо оказания помощи этим людям в поднятии производительности труда совершает обратное. Она находится под влиянием генералов и всячески старается препятствовать работе.

Активное участие в этой агитации принимают: генералы Шепетов, Тхор, Тонконогов, полковник Продимов, подполковник Новодаров.

Все вышеприведенное соответствует действительности, и я надеюсь, что комендатура лагеря благодаря принятию соответствующих мер обеспечит успешное выполнение порученных ей задач...»

В октябре 1942 года Наумов записался в военно-строительную организацию ТОДТ, где сначала занимал должность начальника строевого отдела лагеря в местечке Шляхтензее, близ Берлина, а затем — должность коменданта участка работ “Белое болото”, около города Борисова. В мае 1943 года группа военнопленных, работавших на этом участке, совершила побег. Наумов был снят с должности и направлен в Лодзь, в лагерь для “фольксдойче”, где находилась его семья. В октябре 1944 года Наумов с семьей перебрался в Берлин, устроился работать чернорабочим на трикотажной фабрике “Клаусе”. 23 июля 1945 года он был арестован в лагере для репатриированных» (Решин Л., Степанов В. Судьбы

генеральские).

3) Командир 36-й кавалерийской дивизии генерал-майор Е.С. Зыбин, «оказавшись в плену, выдал немцам известные ему секретные данные о частях Красной армии. В ноябре 1941 г. вместе с изменниками, бывшими генералами И.А. Благовещенским и Е.А. Егоровым, обратился к немецкому командованию с просьбой создать русские части для борьбы с большевиками, но получил ответ, что для этой цели уже создана “Русская трудовая народная партия”, куда впоследствии он вступил. Занимался вербовкой для враждебной деятельности против СССР бывших военнослужащих Красной армии. 23 октября 1942 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР Е.С. Зыбин был признан виновным в измене Родине, заочно осужден и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. 29 апреля 1945 г. в числе группы советских военнопленных генералов он был освобожден из плена американскими войсками из лагеря Мосбург и отправлен в Париж. 3 мая 1945 г. передан представителям Советской военной миссии и 25 мая доставлен в Москву» («Комдивы»).

4) Командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин с августа 1941 года по 29 апреля 1945 года находился в немецком плену. 16 августа 1941 года приказом Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 в числе других генералов назван трусом, дезертирующим к врагу и сдающимся ему в плен. Военной коллегией Верховного Суда СССР от 13 октября 1941 года заочно осужден к высшей мере наказания. Содержался в лагерях гг. Канельбург, Нюрнберг, Вейсенберг, откуда в мае 1945 года был освобожден, и до репатриации находился в Париже. Его жена Нина Михайловна и отец Григорий Васильевич были арестованы как «члены семьи изменника Родины».

5) Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н.К. Кириллов «до конца войны находился в плену. Приказом Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. он был объявлен злостным дезертиром, нарушившим присягу и предавшим свою Родину. Военной коллегией Верховного Суда СССР 13 октября 1941 г. заочно приговорен к расстрелу. После освобождения Н.К. Кириллов был передан представителям советской военной администрации в Германии, после чего переправлен в Москву» (Комкоры»).

6) Начальник штаба 6-го стрелкового корпуса генерал-майор Б.С. Рихтер. «По словам генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко и генерал-майора И.И. Алексеева, 27 или 28 июня 1941 года Рихтер отправился в танке на разведку в направлении Яворово (Львовская обл.). К вечеру вернулись лишь экипажи двух танков сопровождения, которые сообщили, что

нарвались на артиллерийский огонь немцев, танк же Рихтера успел проскочить вперед. С тех пор на нашей стороне генерала Рихтера не видели, а 28 августа 1941 года семья его получила извещение, что генерал-майор Рихтер Борис Стефанович пропал без вести в бою за социалистическую Родину.

Однако в 1942–1943 гг. от задержанных немецких агентов, закончивших Варшавскую разведшколу, стали поступать сообщения, что в числе преподавателей этой школы имеется некто Рудаев — по слухам, бывший генерал Красной армии. Правда, агенты по-разному описывали этого человека: кто утверждал, что это брюнет низкого роста, а кто — что это высокий блондин. Не имели устойчивых признаков и такие приметы, как цвет глаз, манера говорить и пр. Вместе с тем 18 декабря 1942 года в органы госбезопасности поступили оперативные материалы о том, что под псевдонимом Рудаев скрывается бывший начальник штаба корпуса или армии генерал-майор по имени Борис Степанович. На основании этого был сделан вывод, что речь может идти о генерал-майоре Б.С. Рихтере.

В дальнейшем агентам, обучавшимся в Варшавской разведшколе, предъявлялась для опознания фотография Рихтера. Поскольку по фотографии Рихтер был опознан многими людьми, на основании этого Военная коллегия Верховного Суда СССР 21 июля 1943 года заочно приговорила его по ст. 58–1 «б» УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества» («Судьбы генеральские»).

7) Командир 27-го стрелкового корпуса генерал-майор П.Д. Артеменко 10 апреля 1942 г. Военным трибуналом Юго-Западного фронта был осужден заочно по ст. 58, п. 1 «б» УК РСФСР («измена Родине военнослужащими») и приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества. В плену содержался в лагерях Нюрнберга и Вейсенберга. Заболел дистрофией. Освобожден войсками союзников и передан представителям Советской военной администрации в Германии, после чего переправлен в Москву.

8) Командир 15-го стрелкового корпуса генерал-майор П.Ф. Привалов в плену содержался в нескольких лагерях. В мае 1945 года был освобожден из лагеря Вайсенбург американскими войсками. Через Советскую военную миссию по репатриации в Париже был переправлен в Москву.

9) Командир 48-й стрелковой дивизии генерал-майор П.В. Богданов до ноября 1941 года находился в лагере польского города Сувалки, а затем, после согласия на сотрудничество с врагом, был переправлен в Германию. От своего имени писал обращения к русскому народу и к генералам Красной армии, вербовал военнопленных в «Боевой союз русских

националистов», выдавал бывших политработников Красной армии. Осенью 1942 года вступил в Боевую дружину (позднее бригаду), созданную фашистами для борьбы с партизанами («Боевой союз русских националистов» под командованием В. Гиля (Родионова)). Возглавлял контрразведку. В августе 1943 года бригада Гиля перешла на сторону Красной армии. Богданов же был арестован Гилем накануне этого перехода.

О генерале Богданове свои воспоминания оставил Л. Самутин («Я был власовцем»):

«Другой человеческий тип являл собой генерал-майор Богданов. Это была весьма и весьма примечательная в своем роде личность. Его мы видели все, и каждый день не менее трех раз.

Генерал-майору Богданову был разрешен проход по территории лагеря, и он трижды в день отправлялся из офицер-блока на кухню через весь лагерь, по апельплацу мимо всех блоков, провожаемый тысячами голодных глаз и посылаемый вдогонку матюгами, одетый в длинную генеральскую шинель, как бы и не со своего плеча. В руках всегда был большой немецкий солдатский котелок. Коротышка, менее 160 см росту, он казался сравнимым со своим котелком. Это была какая-то карикатура на генерала. Только в условиях сталинщины такое физическое, моральное и умственное ничтожество могло получить такое высокое воинское звание, как генеральское. Генерал Богданов был, несомненно, позорищем для армии уже в то время, как мы видели его в лагере пленных. Но я тогда не знал, конечно, что мне придется увидеть его еще и в других условиях, где низость этой человеческой личности обнаружится в формах, совершенно анекдотических, в то время как его личные действия выявят его жестокую и садистскую натуру. Мне было бы трудно поверить рассказам об этом человеке, если бы не пришлось все видеть собственными глазами год спустя.

Генерал Богданов с первых минут плена выдал немцам какие-то авансы, и они держали его про запас, может, когда-нибудь и пригодится».

10) Командир 43-й стрелковой дивизии генерал-майор В.В. Кирпичников в конце октября 1941 года был передан в распоряжение управления пропаганды финской армии и вскоре перевезен в Хельсинки. Как пишет В.С. Христофоров, «финских пропагандистов, оказавшихся в основном бывшими русскими белогвардейцами, особенно интересовало политическое настроение военнослужащих Красной армии и населения, а также состояние экономики Советского Союза. По этим вопросам генерал мало что мог сказать. Тогда его стали склонять к выступлению по радио и в

печати с призывом к русскому народу и советским военнопленным объединиться для борьбы против советского строя, а также к подписанию обращения к советским военнопленным с предостережением не возвращаться на родину, так как там их ждет смерть. Кирпичникову предлагали также возглавить в Финляндии антисоветское движение. Надо отметить, что финны делали все, чтобы растражировать “измену” В.В. Кирпичникова и тем заставить принять их предложения. В прессе широко освещался факт пленения советского генерала, был подготовлен специальный документальный фильм о нахождении в плену генерала Кирпичникова, который демонстрировали не только в кинотеатрах, но и советским военнопленным. Кирпичникова убеждали, используя возможности финской разведки, организовать переписку с женой, которой обещали передать до 60 тыс. рублей в качестве единовременной материальной помощи. Применяя метод кнута и пряника, финны то проявляли особую заботу о генерале, то сажали его в карцер, морили голодом. И все же своего Власова финны из Кирпичникова не сделали. Он наотрез отказался возглавить антисоветское движение в Финляндии, хотя в то же время под влиянием финских пропагандистов все же написал ряд критических заметок о возможности государственного переворота в Советском Союзе, популярности Белого движения среди населения СССР, войне СССР с Германией и ее союзниками, работе НКВД, семье и быте в Советском Союзе и на ряд других тем. В частности, в одной из подобных заметок Кирпичников отметил, что в СССР нарушены устои семьи и брака и назвал советскую молодежь безнравственной и распущенной. Финны, поняв, что теряют время, в первой декаде декабря 1941 года перевели Кирпичникова в лагерь № 1 для военнопленных советских офицеров, расположенный в местечке Каккури в 28 км от станции Пейпохи, где содержалось около 2000 офицеров Красной армии. Там Кирпичников находился до возвращения в Советский Союз. При этом почти год его содержали в одиночной камере бывшей тюрьмы для политических преступников с целью изоляции от остальных военнопленных советских офицеров. Уже один этот факт свидетельствует, что финны не доверяли генералу.

После подписания в сентябре 1944 года перемирия между Финляндией и СССР администрация финского лагеря неоднократно предлагала Кирпичникову отказаться от возвращения на родину и либо остаться в Финляндии, либо выехать в Швецию или США, так как возвращавшихся из плена дома ожидают репрессии. Кирпичников на предложения финнов ответил отказом.

Во второй половине октября 1944 года всех обитателей офицерского лагеря № 1 привезли к советско-финской границе и передали советскому военному командованию. Так генерал-майор В.В. Кирпичников возвратился на родину...» (Христофоров В.С. «Попав в плен, я был морально подавлен»).

11) Начальник военных сообщений генерал-майор технических войск М.Н. Сиваев в немецком плену содержался сначала в двух лагерях в Польше, а затем был переведен в Хаммельбург. С ноября 1943-го — в Нюрнберге, с февраля 1945-го — в крепости Вайсенбург. В мае 1945 года освобожден американскими войсками и через Советскую военную миссию по репатриации в Париже отправлен в Москву.

12) Командующий ВВС 2-й ударной армии генерал-майор авиации М.А. Белешев в немецком плену содержался в лагерях военнопленных в Виннице и Морицфельде (лагерь для военнопленных летчиков, штурманов, стрелков-радистов, бортмехаников; всего 150 человек). Затем был переведен в крепость Вюрцбург, где находился до мая 1945 года, освобождения союзниками. В своих воспоминаниях летчик Б.В. Веселовский рассказывает такой случай: «Нам хотелось склонить к участию в нашем комитете генерала Белишева, через него, как старшего по званию, отдавались распоряжения администрации.

Вести дела с генералом Белишевым поручили мне. Вечером я встретил его у флигеля, и мы разговорились. Оказалось, он с Урала, один его сын — танкист, другой — артиллерист. Оба на фронте. Генерал находился при штабе 2-й ударной армии Власова, когда она была окружена и разгромлена, а ее штаб оказался в плену. Немцы всячески склоняли Белишева перейти к ним на службу, но он на предательство не пошел.

Я откровенно сказал Белишеву, что ребята побаиваются его и относятся к нему с подозрением. Генерал возмутился и просил передать, что он никогда не пойдет на сотрудничество с немцами, что он патриот своего Отечества и, если ему поверят, готов возглавить комитет по организации побега.

На другой день меня привели в штаб. Полковник Холтерс, улыбаясь, сообщил, что разыскали в Каунасе мою жену и я могу написать ей письмо. На мой вопрос: «Могут ли ее привезти сюда?» — Холтерс ответил утвердительно.

Я написал Наташе о своем положении, просил: пусть добивается свидания со мной. Наташа сообщила, что жива, здорова, но на свидание прибыть не может по ряду обстоятельств. По содержанию записки чувствовалось, что она многого недоговаривает.

Обо всем этом я рассказал на собрании комитета. Мнения и высказывания были различны. Каждому члену комитета поручили подобрать наибольшую группу желающих бежать.

Все члены комитета были коммунистами, поэтому мы решили создать подпольный комитет партии.

Чтобы не вызвать подозрений, комитет собирался на короткое время в нашей комнатухе или у Белишева. Разрабатывали план побега, а точнее, два его варианта.

Первый — скрытно уйти ночью. Второй — подготовить восстание, в ходе которого уничтожить охрану, штаб, линии связи, захватить оружие и автомобили и двигаться на них в Литву или в Польшу, к партизанам.

Большинством комитета был принят второй вариант. Члены комитета назначались старшими групп. Общее руководство возлагалось на генерала Белишева. После уничтожения охраны лагеря вооруженные группы должны были захватить штаб, караульное помещение, гараж. Моей группе в пятнадцать человек поручалось захватить контрольно-пропускной пункт, гараж и продовольственный склад. В целях конспирации задача не доводилась до личного состава. Это предполагалось сделать в канун восстания, каждому участнику соответственно поставить задачу. Восстание намечалось на 15 мая.

В 19.30–20.00 генерал Белишев должен был выйти из флигеля с полотенцем на плече — сигнал к началу действий всех групп.

Ночью накануне мы с Володей Коняхиным долго не могли уснуть. Разные мысли лезли в голову. Почти до утра мы вертелись с боку на бок. Томительно тянулся день. Лишь после ужина время пошло быстро. В соседнем бараке я объяснил каждому, как и где действовать. Там же прилег на чью-то койку, ожидая сигнала.

Вдруг послышался рев автомобиля и топот бегущих по коридору. Грохнула распахнутая дверь. Вбежал офицер в черной форме СС и солдат с автоматом.

— Ахтунг!

Все вскочили. Офицер громко зачитывал фамилии. Солдат выталкивал названного за дверь, приговаривая:

— Шнель! Шнель!

Очутившись за дверью, я увидел в коридоре стоящих в два ряда автоматчиков. Меня втокнули в кузов большой, крытой брезентом машины. Их был полон двор. В машине уже находились Белишев, Коняхин, Лепехин и еще десять наших пленных.

Солдат закрыл перегородку в кузове машины, по другую ее сторону

разместилось около десятка автоматчиков.

Мы все смотрели друг на друга в недоумении. Было ясно одно — предательство. Но кто?

Через минут сорок во дворе тюрьмы нас вытолкали из машины, рассредоточили по одному на дистанции несколько метров. Люди в штатском подошли к каждому из нас, приказали раздеться догола и тщательно обыскали всю одежду и белье, прощупывая каждый шов. По команде мы снова оделись.

Меня отвели в тесную холодную камеру-одиночку. Сюда едва пробивался свет из маленького зарешеченного оконца под потолком.

“Вот и спета моя песенка!” — подумалось мне. Несомненно, немцы были осведомлены о нашем плане. Мы заранее условились — в случае провала не признаваться ни в чем ни под какими пытками.

Через пару часов меня повели на допрос. Офицер СС зло глядел на меня сквозь очки. Коверкая русские слова и мою фамилию, объявил сразу, что участь моя решена, только чистосердечное признание может “спасить свой голова”. Далее он пояснил, что мне надо ответить лишь на один вопрос: кто из немецких солдат согласился достать нам канистры с бензином?

Действительно, с несколькими солдатами охраны у нас налаживались отношения. Однако замысел сорвался из-за того, что внезапно была заменена вся охрана. С новым составом установить контакты не удалось.

Я отвечал, как условились на комитете, что “ничего не знаю, подозреваете меня и обвиняете напрасно”. Эсэсовец выходил из себя, кричал, избивал кулаками, тыкал пистолетом в лицо и грозил пристрелить. Я повторял одно и то же: “Ничего не знаю!”, “Первый раз слышу”, “Обвиняете меня напрасно”. Допросы продолжались каждые сутки по несколько часов, в основном ночью. Счет дням был потерян. Баланда и кусок хлеба с опилками — вся еда. Я чувствовал, как хую и слабую, бока болели и немели от бетонного пола одиночки. Я крепился изо всех сил, старался не падать духом, проделывал кое-какие упражнения, старался больше держаться на ногах.

Однажды из камеры меня привели в просторный коридор, где уже стояли раздетые догола мои товарищи. Были они обросшие, избитые, едва узнаваемые. Кучку одежды перед каждым из нас опять тщательно обыскали люди в штатском. Потом нам приказали одеться и погрузили в крытые автомашины, на которых привезли в город Инстенбург, на вокзал. В товарном вагоне нас доставили в польский город Лодзь, на окраине которого находился концлагерь. Здесь содержалось несколько тысяч

военнопленных, в основном из частей ВВС и ПВО».

13) Начальник штаба 3-й гвардейской армии генерал-майор И.П. Крупенников в немецком плену содержался в Летценском лагере военнопленных, затем в Нюрнбергской тюрьме. В начале мая 1945 года был освобожден союзниками. Через Советскую военную миссию по репатриации в Париже был переправлен в Москву.

14) Начальник снабжения 22-го стрелкового корпуса генерал-майор интендантской службы Т.Ю. Ротберг в июле 1942 г. был освобожден из плена под подписку о неучастии в борьбе против германской армии. Проживал в Таллине. После освобождения Эстонии Красной армией осенью 1944 года был арестован органами НКВД. 19 октября 1951 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Тыниса Юрьевича к лишению свободы сроком на 25 лет с конфискацией имущества, а 24 июля 1953 года он умер в Тайшетском лагере. Как свидетельствует Н. Смирнов, «31 октября 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела другое заключение Главной военной прокуратуры, в котором утверждалось, что следствие по делу Ротберга проведено с грубым нарушением процессуального закона и длилось оно почти семь лет. В течение длительного периода Ротберг не признавал себя виновным, затем вынужден был давать показания, в которых признавался в измене Родине. Отмечалось далее в заключении и то, что Ротберг пленен, будучи раненым, никаких военных секретов немцам фактически не выдавал, после освобождения Таллина советскими войсками сам явился в органы контрразведки “Смерш”...

Военная коллегия, согласившись с выводами этого заключения, приговор в отношении Ротберга отменила по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления».

15) Командир 29-й моторизованной дивизии генерал-майор И.П. Бикжанов в немецком плену сначала находился в лагере Замостье. «Затем содержался в лагерях военнопленных в городах Хаммельбург (с апреля 1942 г.), Нюрнберг (с апреля 1943 г.), в крепостной тюрьме Вайсенбург (с сентября 1943 г.). 29 апреля 1945 г. освобожден войсками 3-й американской армии. Находился в распоряжении военной миссии в Париже...» («Комдивы»).

16) Командующий 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко «содержался в тюрьме г. Ровно, затем в лагерях для военнопленных в гг. Владимир-Волынский, Хаммельбург, Гогельштейн, Мосбург. Освобожден из плена американскими войсками и 29.4.1945 г. направлен в Советскую

военную миссию по делам репатриации в г. Париж» («Комкоры»).

17) Командир 49-го стрелкового корпуса генерал-майор И.А. Корнилов «находился в лагерях для военнопленных в городах Умань, Брест, Седльце, Замосць, Нюрнберг, в крепости Вейсенбург. 29 апреля 1945 г. освобожден из плена союзными войсками и направлен в г. Париж в распоряжение Советской военной миссии по делам репатриации» («Комкоры»).

18) Командир 8-го стрелкового корпуса генерал-майор М.Г. Снегов. Сначала он содержался в городах Умань, Винница, Замостье. В апреле 1942 года переведен в лагерь в Хаммельбурге, в начале 1943 года отправлен в крепость Летцен, затем — в Гогенштейнский концлагерь, с ноября того же года содержался в крепости Вюрцбург под Вайсенбургом. Дважды имел беседы с бывшим генерал-лейтенантом А.А. Власовым, однако остался верен присяге и отклонил все его предложения о вступлении в Русскую освободительную армию. 29 апреля 1945 года был освобожден американскими войсками («Комкоры»).

19) Командир 72-й горнострелковой дивизии генерал-майор П.И. Абрамидзе в немецком плену содержался в лагерях Замостье и Хаммельбург. За антинемецкую агитацию был переведен в Нюрнберг, а затем в Вайсенбург. 4 мая 1945 года был освобожден американскими войсками и через Советскую военную миссию по репатриации в Париже был отправлен в Москву.

20) Командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Потапов «содержался в лагерях гг. Хаммельбург, Гогельштейн, Вайсенбург, Моозбург. Освобожден из плена союзными войсками и 29 апреля 1945 года направлен в Париж в распоряжение Советской военной миссии по делам репатриации советских граждан» («Командармы»).

21) Начальник штаба 37-й армии генерал-майор К.Л. Добросердов в плену содержался в лагере военнопленных во Владимире-Волынском, а затем в концлагере Хакенштейн. В 1944 году переведен в крепость Вайсенбург. 27 апреля 1945 года освобожден американскими войсками и через Советскую военную миссию по репатриации в Париже направлен в Москву.

22) Командир 141-й стрелковой дивизии генерал-майор Я.И. Тонконогов в плену содержался в лагере военнопленных Замостье, а затем был перевезен в Германию. В начале мая 1945 года был освобожден из концлагеря Дахау союзниками и вернулся на родину.

23) Командир 219-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Скугарев содержался в лагерях для военнопленных во Владимир-Волынском, Хаммельбурге, Нюрнберге, Заксенхаузене. В конце апреля 1945 года

освобожден из плена и направлен в Москву.

24) Командир 146-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Герасимов из лагеря военнопленных в середине 1943 года, был переведен в тюрьму Нюрнберга, а затем Вайсенбурга. 4 мая 1945 года освобожден союзниками и 19 мая отправлен в Париж в Советскую военную миссию по репатриации, откуда был доставлен в Москву.

25) Командующий 19-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин «с октября 1941 г. находился на излечении в немецких госпиталях в с. Семлево (Вяземский район Смоленской обл.), гг. Смоленск, Люккенвальде, в пригороде Берлина — Бисдорф. С 1943 г. М.Ф. Лукин находился в лагерях в районе гг. Вустрау, Бриц, Лихтенфельд, Вюдебкрг, Мосбург. В тяжелейших условиях немецко-фашистских концлагерей М.Ф. Лукин вел себя мужественно и достойно. В апреле 1945 г. был освобожден из плена американскими войсками и до 25 мая находился в г. Париж» («Командармы»).

26) Начальник артиллерии 20-й армии генерал-майор артиллерии И.П.Прохоров в плену содержался в ряде лагерей для советских военнопленных в Германии. 29 апреля 1945 года был освобожден союзниками и через Советскую военную миссию по репатриации в Париже вернулся на родину.

27) Начальник артиллерии 24-й армии генерал-майор С.А. Мошенин, оказавшись в окружении немецких войск, переоделся в гражданскую одежду, уничтожил личные документы и, не будучи разоблаченным в качестве генерала, находился на территории противника вплоть до ее освобождения советскими войсками. И хотя он не содержался в лагерях для советских военнопленных, все же на оккупированной немцами территории ему пришлось познать и неволю. Генерал Мошенин неоднократно задерживался и 8 месяцев работал на ремонте и перешивке железнодорожных путей в прифронтовой полосе. В конце июня 1942 года Степан Арсентьевич оттуда бежал и устроился на работу в сельскохозяйственную общину. Мошенина арестовали «за измену Родине» 28 августа 1943 года. Следствие по его делу длилось около 10 лет, и только 28 марта 1952 года Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело, признала Мошенина виновным в измене Родине и на основании ст. 58–1 «б» УК РСФСР приговорила его к лишению свободы сроком на 25 лет с конфискацией всего имущества. А 27 июля 1953 года приговор в отношении генерала Мошенина был отменен и дело прекращено. Как пишет Н. Смирнов, «после реабилитации он некоторое время находился в распоряжении Главного управления кадров Министерства обороны СССР и

26 октября 1953 года был уволен из кадров Советской Армии по болезни. Степан Арсентьевич умер 6 декабря 1957 года».

28) Командующий 32-й армией генерал-майор С.В. Вишневецкий в плену «находился в военной тюрьме г. Летцен, в Хаммельбургском офицерском лагере, в Нюрнбергской тюрьме, в Флессенбургском концлагере и в Дахау в зоне американских войск в г. Мангейм, затем после освобождения — в Советской военной миссии в Париже» («Командармы»).

29) Командующий 48-й армией генерал-майор А.Г. Самохин в плену содержался в Хаммельбургском лагере. В мае 1945 года был освобожден из немецкого плена и отправлен в Москву.

30) Командир 6-го кавалерийского корпуса генерал-майор А.А. Носков содержался в лагерях военнопленных в Лозовой, Павлограде и в Хаммельбурге. В 1944 году был переведен в Нюрнберг, а затем в крепость «Вюрсбург» в Южной Баварии. 4 мая 1945 года освобожден из плена союзниками и через Советскую военную миссию по репатриации в Париже отправлен в Москву.

31) Командир 5-й гвардейской танковой бригады генерал-майор танковых войск Н.Ф. Носков содержался в ряде лагерей военнопленных и был освобожден из плена 29 апреля 1945 года союзниками. Через советскую военную миссию по репатриации в Париже был отправлен в Москву.

32) Командир 327-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Антюфеев содержался в лагерях в Выру (Эстония), Каунасе, Фаленбостале, Вайсенбурге и Моссбурге. 29 апреля 1945 года освобожден союзниками и вернулся на родину.

33) Командир 246-й стрелковой дивизии генерал-майор И.И. Мельников в плену лечился в госпиталях Ржева и Смоленска, а затем содержался в лагерях для военнопленных в Летцене, Хаммельбурге, Нюрнберге, Вайсенбурге и Моссбурге. Освобожден союзниками 29 апреля 1945 года. Через Советскую военную миссию по репатриации в Париже был отправлен в Москву.

34) Командир 8-го кавалерийского корпуса генерал-майор М.Д. Борисов в плену содержался в тюрьме Шпандау. За участие в подпольной работе и подготовку восстания среди французских заключенных был переведен в крепость Вайсенбург. 4 мая 1945 года освобожден союзниками и переправлен в Москву.

35) Командир 25-го танкового корпуса генерал-майор танковых войск П.П. Павлов «содержался в лагере военнопленных в г. Хаммельбург и Флессенбургском концлагере. В конце апреля 1945 г. освобожден

американскими войсками, после чего был направлен на сборно-пересыльный пункт репатриированных 1-го Украинского фронта в г. Дрезден» («Комкоры»).

36) Командир 62-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Г.М. Зайцев первоначально находился в госпиталях в Запорожье и Владимир-Волынском. С августа 1943 года содержался в крепости Вайсенбург. В мае 1945 года освобожден американскими войсками, после чего был переправлен в Москву.

37) Начальник артиллерии 11-й гвардейской армии генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Мазанов в начале 1945-го был переведен в лагерь Феллингбостель, из которого был освобожден 17 апреля 1945 года союзниками. Через Советскую военную миссию по репатриации в Париже был отправлен в Москву.

38) Командир 51-го стрелкового корпуса генерал-майор И.М. Любовцев в плену лечился в Вене, а затем был переведен в крепость Вайсенбург. В начале мая 1945-го освобожден союзниками, после чего через Советскую военную миссию по репатриации в Париже отправлен в Москву.

39) Командир 128-й стрелковой дивизии генерал-майор А.С. Зотов сначала содержался в лагере в г. Сувалки. Несколько месяцев спустя за антинемецкую пропаганду и подготовку к побегу этапирован в тюрьму под Берлином, в которой провел 10 месяцев, и 6 из них в одиночной камере. 2 мая 1945 года освобожден советскими войсками из концлагеря Заксенхаузен. Через Советскую военную миссию по репатриации в Париже отправлен в Москву.

Глава девятая.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА

Их искали и буквально по крупицам собирали любую информацию, прежде чем исключить из списков Красной армии. Но и после исключения поисковая работа не прекращалась...

Вот, например, официальное письмо начальника штаба Инженерных войск Красной армии генерал-майора инженерных войск Назарова заместителю начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии от 30 июня 1942 года за № 759612с: «По объяснению командующего 43 Армией Генерал-Лейтенанта ГОЛУБЕВА, бывший преподаватель старший кафедры тактики высших соединений Высшей Военной Академии имени К.Е. Ворошилова Генерал-Лейтенант Инжвойск КАРБЫШЕВ — Дмитрий Михайлович в середине июля месяца 1941 года одетый в гражданское платье за неделю до выхода отряда ГОЛУБЕВА из окружения, ушел из отряда в направлении на Смоленск.

О дальнейшей судьбе КАРБЫШЕВА, ГОЛУБЕВУ ничего не известно.

Прошу оформить приказом НКО КАРБЫШЕВА, пропавшим без вести...»

Буквально через неделю появляется и соответствующий приказ Главного управления формирования и комплектования войск Красной армии № 0509/пр от 6 июля 1942 года: «Исключить из списков Красной армии Генерал-лейтенанта инженерных войск, КАРБЫШЕВА Дмитрия Михайловича — преподавателя старшего кафедры тактики высших соединений Высшей Военной академии им. К.Е. ВОРОШИЛОВА, пропавшего без вести в боях против немецко-фашистских войск, в июле месяце 1941 года.

ОСНОВАНИЕ: отношение Штаба Инженерных войск Красной армии от 30.6.1942 г. № 759612/с.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И УКОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЙСК КА ГЕНЕРАЛ-МАЙОР /БЕЛЯКОВ/».

На документе есть приписка: «отм(енен) ГУК (Главное управление кадров) 03723–45 г.»

А вот другой любопытный документ из Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР, подписанный заместителем начальника 6-го отдела майором Моисеевым, датированный 30 июля 1942

года и адресованный начальнику Центрального бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии полковнику Шавельскому: «Препровождается именной список генералов Красной армии, судьба которых неизвестна, согласно Вашей просьбы.

Для сведения сообщаю, что о всех генералах указанных в списке запрошены соответствующие Центральные управления и отделы кадров фронтов и армий, которым дано указание весь материал направлять в Ваш адрес.

ПРИЛОЖЕНИЕ: именной список на 5 листах.

ИМЕННОЙ СПИСОК

Генералов Красной армии, судьба которых неизвестна.

1. Генерал-майор ЗАКУТНЫЙ Дмитрий Ефимович б. нач. штаба 21 стр. корп. На западный фронт не выходил. По рассказу генерал-полковника Кузнецова и корреспондента “Красной Звезды” батальонного комиссара т. Полякова т. Закупили в июле м-це 1941 г. вышел на центральный фронт и там был назначен к-ром стр. корпуса. Дальнейшая судьба неизвестна. Донесение нач. отдела кадров Зап. фронта вх. ГУК НКО № 011423 от 7.4.42 г.

2. Генерал-лейтенант МУЗЫЧЕНКО Иван Николаевич б. комвойск 6 армии. Судьба до настоящего времени не установлена.

3. Генерал-майор МАКАРОВ Петр Григорьевич б. зам. к-ра 11 мех. корпуса. Тоже.

4. Генерал-майор СНЕГОВ Михаил Георгиевич б. К-р 8 стр. корпуса. По рассказу пом.нач. опер. отдела штаба 8 стр. корпуса майора Чудновского генерал-майор Снегов в период атаки, когда его танк был подбит и в момент, когда он переходил из одного танка в другой, был дважды ранен в грудь, был вывезен в лес Юго-вост. Подвысокое, где и остался с остатками 72 стр. дивизии.

5. Генерал-лейтенант ПЕТРОВСКИЙ Леонид Григорьевич б. к-р 63 стр. корп. Судьба до настоящего времени не установлена.

6. Генерал-майор ОБОРИН Степан Ильич б. к-р 14 мех. корпуса. Тоже.

7. Генерал-майор ТУПИКОВ Василий Иванович б. Нач. штаба Юго-зап. фронта. По сообщению нач. штаба 21 армии генерал-майора Данилова, генерал-майор ТУПИКОВ погиб. Вх.ГУК №018293 от 18.6.42г.

8. Генерал-майор ПОТАПОВ Михаил Иванович б. ком-войск 5 армии. Тоже.

9. Генерал-майор ДАНИЛОВ Сергей Евлампиеич б. к-р 280 стр. дивизии. Ранен, остался в оккупированной местности вх. ГУК НКО № 010302 от 27.3.42 г.

10. Генерал-майор ТОНКОНОГОВ Яков Иванович б. к-р 141 стр. дивизии. Во время выхода из окружения взят в плен. вх. ГУК НКО № 010302 от 27.3.42 г...»

Что же касается генерала А.А. Власова, то его, как известно, искали долго, и о судьбе изменника также долго ничего не было известно. Например, Д.А. Волкогонов в книге о Сталине рассказывает, как вождь впервые узнал о предательстве генерала: «...поздно ночью, когда у него еще оставались Молотов и Берия, последний, сверкнув стеклами маленьких очков, вытащил из своей неизменной кожаной папки несколько листов бумаги и положил их перед Сталиным.

— Что это?

— Посмотрите. Вот как объявился “пропавший без вести” командарм 2-й ударной армии, — ответил Берия.

Сталин придвинул к себе листки, быстро пробежал глазами: “Обращение Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза

Русский комитет ставит перед собой следующие цели: свержение Сталина и его клики, заключение почетного мира с Германией, создание Новой России... Призываем переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской освободительной Армии...

*Председатель Русского комитета генерал-лейтенант
Власов.*

*Секретарь Русского комитета генерал-майор
Мальшкин”.*

Далее шли листовки-пропуска, предназначенные для перехода линии фронта, “Открытое письмо А.А. Власова: почему я стал на путь борьбы с большевизмом” и другая подобная “продукция”.

Сталин брезгливо отодвинул листовки от себя, спросил Берию:

— А может, это фальшивки? Что известно о Власове? Есть подтверждения?

— Да, есть. Власов активно работает на немцев». Собственно, так все и было. Генерал Власов попал в плен

12 июля 1942 года. Приказ о его исключении из списков Красной армии датирован 5 октября 1942 года за № 0870, в котором указывалось: «...4. Генерал-Лейтенант ВЛАСОВ Андрей Андреевич — командующий 2 ударной Армией. Пропал без вести в 1942 г.». Но вскоре напротив этой

записи появится аккуратный штамп: «Отмена, пр-з № 0341 1943 г.».

Обращение же так называемого Русского комитета датировано 27 декабря 1942 года.

Об организации Репатриационной миссии СССР было объявлено 24 октября 1944 года. Ее главой был назначен генерал-полковник Ф.И. Голиков, а его заместителем — генерал-лейтенант К.Д. Голубев. Уже в ноябре 1944 года новая советская организация разместилась в большом белом особняке на проспекте Бижо в Париже. Именно сюда привозили освобожденных из плена советских генералов, а затем уже переправляли в Москву.

Передо мной два абсолютно уникальных документа: списки следующих из Парижа в Москву. Вот первый, на котором сверху карандашом вписан старший — майор Честнейший:

«На самолете № 884 следуют из ПАРИЖА в МОСКВУ следующие лица:

1. ПОНЕДЕЛИН Павел Григорьевич
2. ЛУКИН Михаил Федорович
3. КРУПЕННИКОВ Михаил Павлович
4. РОМАНОВ Михаил Афанасьевич
5. ЕГОРОВ Евгений Арсеньевич
6. АРТЕМЕНКО Павел Данилович
7. ПРОХОРОВ Иван Павлович
8. МУЗЫЧЕНКО Иван Николаевич
9. СИВАЕВ Максим Наумович
10. МАЗАНОВ Лаврентий Александрович
11. СНЕГОВ Михаил Георгиевич
12. ДОБРОСЕРДОВ Константин Леонидович
13. САМОХИН Александр Георгиевич
14. ЛЮБОВЦЕВ Илья Михайлович
15. БОРИСОВ Михаил Дмитриевич
16. ЗАЙЦЕВ Георгий Михайлович
17. ВИШНЕВСКИЙ Сергей Владимирович
18. АРТЕМЕНКО Михаил Павлович
19. МЕНЬШИКОВ Александр Иванович
20. МИХАЙЛОВ Николай Филиппович».

И, наконец, второй, где старшим указан майор Марков:

- «1. ПОТАПОВ Михаил Иванович
2. КОРНИЛОВ Иван Алексеевич

3. НОСКОВ Александр Алексеевич
4. ГЕРАСИМОВ Иван Михайлович
5. КИРИЛЛОВ Николай Кузьмич
6. АБРАМИДЗЕ Павел Юлианович
7. АНТЮФЕЕВ Иван Михайлович
8. БЕЛЕШЕВ Михаил Александрович
9. ЗЫБИН Ефим Сергеевич
10. ЛАЗУТИН Николай Георгиевич
11. БИКЖАНОВ Ибрагим Таскаевич
12. НАУМОВ Иван Алексеевич
13. МЕЛЬНИКОВ Иван Иванович
14. РЫЖКОВ Афанасий Николаевич
15. ПАВЛОВ Петр Петрович
16. ТРОФИМОВ Алексей Иванович».

К слову сказать, 31 мая 1945 года эти списки были подшиты в дело.

А 27 мая 1945 года председателю Государственного Комитета Оборона товарищу Сталину принесли совершенно секретное сообщение начальника «Смерш» генерала В.С. Абакумова: «В соответствии с Вашим указанием, вчера, 26 мая с.г., работниками Главного управления “Смерш”, действовавшими под видом сотрудников уполномоченного СНК СССР по репатриации, на двух самолетах из Парижа в Москву были доставлены 29 генералов Красной армии, 3 комбрига и бригадный (воен) врач, находившиеся в плену у немцев.

Все прибывшие размещены в специально подготовленные здания под Москвой, им созданы соответствующие условия и за ними обеспечено наблюдение.

Нашими работниками они подробно опрашиваются, и все комнаты, где они проживают, обеспечены оперативной техникой.

После тщательной проверки результаты расследования по каждому из них Вам будут доложены.

Список прибывших генералов прилагаю.

АБАКУМОВ».

Как пишут Л. Решин и В. Степанов, «в списке значились тридцать три фамилии: генерал-лейтенанты М.Ф. Лукин, Л.А. Мазанов, И.Н. Музыченко, генерал-майоры П.И. Абрамидзе, П.Д. Артеменко, И.М. Антюфеев, М.А. Белешев, И.П. Бикжанов, М.Д. Борисов, С.В. Вишневский, И.М. Герасимов, К.Л. Добросердов, Е.А. Егоров, Г.М. Зайцев, Е.С. Зыбин, Н.К. Кириллов, И.А. Корнилов, И.П. Крупенников, И.М. Любовцев, И.И. Мельников, Н.Ф. Михайлов, А.А. Носков, П.П. Павлов, П.Г. Понеделин,

М.И. Потапов, И.П. Прохоров, А.Г. Самохин, М.Н. Сиваев, М.Г. Снегов, комбриги Н.Г. Лазутин, М.А. Романов, А.Н. Рыжков, бригадный военврач И.А. Наумов.

Через некоторое время список пополнился именами генерал-майоров А.С. Зотова, П.Ф. Привалова, И.М. Скугарева, Я.И. Тонконогова. Всего на проверку и «фильтрацию» было направлено тридцать семь человек. В программу проверок входило и прослушивание генеральских разговоров».

31 августа из «Смерша» в Государственный Комитет Обороны (Товарищу Сталину) поступило очередное сообщение за № 830/А: «В соответствии с Вашим указанием, при этом представляю список генералов Красной армии, освобожденных из германского плена и доставленных в Главное управление «Смерш».

Перечисленные в прилагаемом списке генералы Красной армии содержатся в специальном помещении близ Москвы под охраной и проверяются нашими органами.

В настоящее время проверкой установлено, что:

генерал-майор ПОНЕДЕЛИН П.Г. — бывший командующий войсками 12-й армии;

генерал-майор АРТЕМЕНКО П.Д. — бывший командир 27-го стрелкового корпуса;

генерал-майор ЕГОРОВ Е.А. — бывший командир 4-го стрелкового корпуса;

генерал-майор ЗЫБИН Е.С. — бывший командир 36-й кавалерийской дивизии;

генерал-майор КРУПЕННИКОВ И.П. — бывший начальник штаба 3-й гвардейской армии;

генерал-майор авиации БЕЛЕШЕВ М.А. — бывший командующий ВВС 2-й ударной армии;

генерал-майор САМОХИН А.Г. — бывший начальник 2-го управления Главного разведывательного управления Красной армии;

комбриг ЛАЗУТИН Н.Г. — бывший начальник артиллерии 61-го стрелкового корпуса, — вели себя предательски, проводили антисоветскую деятельность и, по моему мнению, их следует арестовать.

Что же касается генерал-лейтенанта ЛУКИНА М.Ф. — бывшего командующего 19-й армией, в отношении которого имеются материалы об его антисоветской деятельности, но, учитывая, что в результате ранения он остался калекой (парализована рука и ампутирована нога), а также

генерал-майора ЛЮБОВЦЕВА И.М. — бывшего командира 51-го стр(елкового) корпуса, у которого в результате ранения ампутирована рука;

генерал-майора МИХАЙЛОВА Н.Ф. — бывшего командира 5-й гвардейской танковой бригады (болен туберкулезом в тяжелой форме);

генерал-майора ЗОТОВА А.С. — бывшего командира 128-й

стр(елковой) дивизии;

генерал-майора танковых войск ПАВЛОВА П.П. — бывшего командира 25-го танкового корпуса;

генерал-майора МЕЛЬНИКОВА И.И. — бывшего командира 246-й стр(елковой) дивизии;

генерал-майора ДОБРОСЕРДОВА К.Л. — бывшего начальника штаба 37-й армии;

генерал-майора СКУГАРЁВА И.М. — бывшего командира 219-й стр(елковой) дивизии;

генерал-майора КОРНИЛОВА И.А. — бывшего командира 49-го стр(елкового) корпуса,

— на которых в процессе проверки каких-либо материалов пока не добыто, считал бы целесообразным этих лиц освободить и обеспечить агентурным наблюдением.

Остальных генералов, перечисленных в прилагаемом списке, продолжать проверять и результаты их проверки дополнительно Вам доложить.

Прошу Ваших указаний.

АБАКУМОВ».

С момента возвращения советских генералов из плена прошло три месяца, и это сообщение, по сути, подводило итоги фильтрации: «... выявлено восемь предателей, еще на восемь генералов пока никаких материалов не добыто, но будет вестись работа, может, что и найдется», — комментируют документ Л. Решин и В. Степанов. И далее: «Видимо, Верховный Главнокомандующий не согласился с предложением Абакумова, изложенным в сообщении от 31 августа 1945 года, — освободить под негласный надзор генералов Добросердова, Зотова, Корнилова, Любовцева, Мельникова, Михайлова, Павлова, Скугарева. Проверка их проводилась до 21 декабря 1945 года.

Была решена судьба только генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, бывшего командующего 19 армией. В справке говорилось:

“...Показал, что в октябре 1941 года в районе Вязьмы при попытке выхода из окружения был тяжело ранен и захвачен немцами в плен.

Показаниями арестованных Главным управлением «Смерш» одного из руководителей НТСНП белоэмигранта Брунста, изменника Власова и бывшего начальника курсов мл(адших) лейтенантов 33-й армии Минаева устанавливается, что Лукин, пребывая осенью 1942 года в лагерях военнопленных в городах Цитенхост и Вустрау, проявлял антисоветские настроения по вопросам коллективизации и сельского хозяйства,

карательной политики Советской власти и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Лукин, будучи допрошен по этому вопросу, отрицает преступную связь с этими лицами и проводимую им антисоветскую деятельность.

В результате ранения у Лукина парализована рука и ампутирована нога»».

Как утверждают Л. Решин и В. Степанов, «в сотнях томов следственных дел, заведенных на советских генералов и офицеров — действительных и мнимых предателей, — не содержится и намек на сотрудничество генерала Лукина с гитлеровцами или их пособниками. Он был верен своему солдатскому долгу, несмотря на негативные высказывания о колхозах или репрессиях. Об этом говорили на допросах все от офицера-патриота до предателя Власова».

Есть и еще одно свидетельство в отношении генерала Лукина, оставленное В. Шлеевым: «...вспоминается рассказанный мне самим М.Ф. Лукиным во второй половине 1960-х гг. эпизод о том, как к нему, еще в госпитале для русских военнопленных в Смоленске, заявился бывший помощник начальника особого отдела 19-й армии, тоже попавший в плен и вскоре перешедший на сторону гитлеровцев. По поручению немецких властей он предложил и генералу Лукину поступить так же, якобы ради интересов русского народа, ибо, по мнению этого предателя, война в основном была нашей страной проиграна и в Европе будет устанавливаться так называемый гитлеровский “новый порядок”. Однако М.Ф. Лукин с возмущением отказался от такого предложения и прогнал предателя.

Кратко рассказано об этом в литературной записи воспоминаний М.Ф. Лукина в “Огоньке”, а позднее в книге В. Муратова и Ю. Городецкой и более подробно в обстоятельной беседе генерала с писателем К.М. Симоновым, зафиксированной на диктофоне. Машинописный текст этой беседы с сопроводительной запиской К.М. Симонов переслал М.Ф. Лукину незадолго до его кончины. В этой беседе генерал также сообщил писателю, что несколько лет тому назад в Смоленском областном партийном архиве его познакомили с одним из документов упомянутого выше предателя-особиста, в котором он сообщил, что генерал М.Ф. Лукин решительно и бесповоротно отказался от любого сотрудничества с гитлеровцами. Этот материал, ставший известным советским властям и органам военной юстиции, как говорил мне сам М.Ф. Лукин, сыграл решающую роль в его окончательной и полной реабилитации».

К слову сказать, сам по себе процесс фильтрации был достаточно жестким. Он включал в себя обычные допросы, иногда даже с пристрастием. Очные ставки с присутствием свидетелей. А самое главное — проверку данных бывшего военнопленного.

Проверяемый офицер или солдат должен был рассказать об обстоятельствах пленения, о том, какие документы и вооружение имел при себе. Подробно поведать о пребывании в плену, где подвергался регистрации, где подвергался аресту и допросам. В фильтрационном деле перечислялись люди, с которыми военнопленный был в неволе. Также пребывание в плену должны были подтвердить как минимум два человека, показания которых подшивались в фильтрационное дело.

В результате в нем появлялся следующий документ:

«Утверждаю

Нач. отдела контрразведки

СМЕРШ...

Заключение

...я, старший оперуполномоченный... рассмотрев материал на бывшего военнопленного...

НАШЕЛ:

Что по состоянию на... 1945 года компрометирующих данных на проверяемого не добыто.

По учету розыска агентуры противника не проходит.

ПОСТАНОВИЛ:

(Ф.И.О.) отнести к... категории и передать командованию... по нарядам... с последующей разработкой по месту работы.

Оперуполномоченный (личная подпись)».

Однако, как мы видим, фильтрация для советских генералов была еще во много раз сложнее, чем для солдат и офицеров, вернувшихся из немецкого плена.

Фильтрацией в «СМЕРШе» занимался 2-й отдел контрразведки. Первичная проверка бывших военнослужащих Красной армии была одной из тех задач, которую решали три отделения 2-х отделов управлений КР «СМЕРШ» фронтов. На армейских сборно-пересылочных (СПП) и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах (ПФЛ) эта проверка проводилась путем личного досмотра и письменных объяснений об

обстоятельствах пребывания в плену. Только затем проводился допрос, в ходе и после которого оперативники контрразведки выявляли противоречия в ответах и организовывали агентурное изучение подозреваемых. На каждого проверяемого заводилось дело с протоколами допроса и заключением по результатам фильтрации. На подозреваемого заводилось дело-формуляр с приобщением материалов оперативного характера. Фильтрация завершалась во фронтовом ПФЛ, где соответствующая работа продолжалась в течение двух месяцев (соответственно, в СПП и ПФЛ — пять — десять дней). В ПФЛ работа велась в оперативном и следственном направлениях с учетом проведенной фильтрации на СПП и ПФЛ.

В отношении же советских генералов, освобожденных из плена, фильтрация проводилась ЦЕЛЫХ СЕМЬ МЕСЯЦЕВ. 21 декабря 1945 года Сталину был направлен соответствующий доклад о результатах проверки.

«В соответствии с Вашим указанием, рассмотрев материалы на 36 генералов Красной армии, находившихся в германском плену и доставленных в мае — июне 1945 года в Главное управление “Смерш”, мы пришли к следующим выводам:

1. Направить в распоряжение Главного управления кадров НКО 25 генералов Красной армии (список прилагается).

С указанными генералами по прибытии их в НКО будет беседовать тов. Голиков, а с некоторыми из них — тт. Антонов и Булганин.

По линии Главного управления кадров НКО генералам будет оказана необходимая помощь в лечении и бытовом устройстве. В отношении каждого будет рассмотрен вопрос о направлении на военную учебу, а отдельные из них в связи с тяжелыми ранениями и плохим состоянием здоровья, возможно, будут уволены в отставку.

На время пребывания в Москве генералы будут размещены в гостинице и обеспечены питанием.

2. Арестовать и судить 11 генералов Красной армии, которые оказались предателями и, находясь в плену, вступили в созданные немцами вражеские организации и вели активную антисоветскую деятельность...»

К этому докладу было приложено два списка. Первый — на 22 генералов, прошедших проверку и направленных в распоряжение Главного управления кадров НКО СССР. Как подчеркивают Л. Решин и В. Степанов, «на каждого из них давалась краткая характеристика — указывались год и место рождения, занимаемая перед пленением должность, партийность, стаж в Красной армии, обстоятельства пленения, поведение в плену. Последний раздел характеристики каждого из генералов содержал компрометирующие сведения: “проявлял антисоветские настроения”,

“выдал немцам данные о численном составе и вооружении своего соединения” и т.п.».

Итак, генералы, прошедшие проверку:

1) генерал-лейтенант Мазанов Л.А., начальник артиллерии 30-й армии пленен 13 июня 1943 года в районе села Никитское Смоленской области, проводя рекогносцировку, наскочил на немецкую засаду;

2) генерал-лейтенант Музыченко И.Н., командующий 6-й армией, пленен в августе 1941 года в районе Умани.

3) генерал-майор Абрамидзе П.И., командир 72-й горнострелковой дивизии, пленен 8 августа 1941 года в районе Умани;

4) генерал-майор Антюфеев И.М., командир 327-й сд 2-й ударной армии пленен 5 июля 1942 года в районе села Спасская Полисть Ленинградской области;

5) генерал-майор Бикжанов И.П., командир 29-й моторизованной дивизии, пленен 25 июля 1941 года в районе деревни Заболотье, близ Бобруйска;

6) генерал-майор Борисов М.Д., командир 7-го гвардейского кавалерийского корпуса, пленен 23 февраля 1943 года в районе Дебальцево;

7) генерал-майор Вишневецкий С.В., командующий 32-й резервной армией, захвачен в плен 23 октября 1941 года в районе Вязьмы;

8) генерал-майор Герасимов И.М., командир 146 сд, пленен 10 ноября 1941 года в районе станции Сычевка;

9) генерал-майор Добросердов К.Л., начальник штаба 37-й армии, оказавшись на оккупированной территории, заболел и после выздоровления пленен в сентябре 1941 года в районе станции Березань при попытке перейти линию фронта;

10) генерал-майор Зайцев Г.М., командир 62-й гвардейской сд, будучи тяжело раненым, пленен 16 марта 1943 года в районе реки Северский Донец;

11) генерал-майор Зотов А.С., командир 128 сд, потеряв управление частями дивизии, пленен в первые дни войны на захваченной противником территории;

12) генерал-майор Корнилов И.А., командир 49 ск, будучи раненым, пленен 10 августа 1941 года в районе села Подвысокое близ Умани;

13) генерал-майор Любовцев И.М., командир 51 ск, наскочив на засаду немцев и будучи ранен, пленен 25 августа 1944 года в районе Пятру-Нямц, Румыния;

14) генерал-майор Мельников И.И., командир 246 сд, будучи тяжело ранен, пленен 29 февраля 1942 года;

15) генерал-майор Михайлов Н.Ф., командир 5-й гвардейской танковой бригады, пленен в мае 1942 года близ Харькова;

16) генерал-майор Носков А.А., командир 6-го кавалерийского корпуса, пленен 28 мая 1942 года в районе села Протопоповка, близ станции Лозовая;

17) генерал-майор Павлов П.П., командир 25-го танкового корпуса, будучи раненым, пленен 15 марта 1943 года в районе станции Лозовая;

18) генерал-майор Потапов М.И., командующий 5-й армией, будучи контуженым, пленен 21 сентября 1941 года в районе города Пирятин;

19) генерал-майор Прохоров И.П., начальник артиллерии 20-й армии, будучи тяжело раненым, пленен 12 октября 1941 года в районе Вязьмы;

20) генерал-майор Снегов М.Г., командир 8 ск, будучи ранен, захвачен в плен в районе города Умань в августе 1941 года;

21) генерал-майор Скугарев И.М., командир 219 сд, будучи раненым, пленен в районе местечка Борзна в сентябре 1941 года;

22) генерал-майор Тонконогов Я.И., командир 141 сд, пленен 9 августа 1941 года в районе Умани.

Второй список был на генералов, освобожденных из плена и по окончании фильтрации намеченных к аресту:

«Совершенно секретно

СПИСОК

Генералов Красной армии, находившихся в германской плену и доставленных в мае — июне 1945 г. в Главное управление “Смерш”.

1. ПОНЕДЕЛИН Павел Григорьевич, генерал-майор, бывший командующий 12-й армией бывшего Юго-Западного фронта, 1893 года рождения, уроженец деревни Парниково, Ивановской области, русский, из семьи крупного кулака, бывший член ВКП(б) с 1918 года, в 1937 году за притупление партийной бдительности Дзержинским райкомом ВКП(б) гор. Ленинграда ему был объявлен строгий выговор, в Красной армии с 1918 года.

Признался, что 7 августа 1941 года в районе гор. Умань изменил Родине, сдавшись без сопротивления в плен к немцам.

После пленения допрашивался германскими офицерами и фельдмаршалом Клейстом, которым выдал известные ему секретные данные о личном составе и вооружении войск 12-й армии и ее соседей.

В период пребывания в плену немцы изъяли у Понеделина дневник, в котором он излагал свои антисоветские взгляды по вопросам политики ВКП(б) и Советского правительства.

Так, Понеделин писал, что колхозное крестьянство, лишившись

частной собственности, обнищало, вследствие чего к Советскому правительству относится недоброжелательно и поддерживать его в войне с немцами не будет.

В своем дневнике Понеделин также записал, что в 1937–1938 гг. производилось очищение страны от старых кадров, которые не соглашались с генеральной линией партии, при этом Понеделин характеризовал эти кадры с положительной стороны и указывал, что мероприятия Советского правительства в отношении этих людей были неправильны.

Кроме того, Понеделин в этом же дневнике высказывал пораженческие настроения.

Узнав о приказе Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии об объявлении его изменником Родины, Понеделин в дневнике сделал запись, содержащую резкий выпад против товарища Сталина.

Высказывание антисоветских взглядов со стороны Понеделина подтверждают находившиеся вместе с ним в немецком плену генерал-лейтенант Музыченко И.Н. — бывший командующий 6-й армией, генерал-майор Скугарев И.М. — бывший командир 219-й стр(елковой) дивизии и генерал-майор Кириллов Н.К. — бывший командир 13-го стрелкового корпуса.

Будучи допрошен, Понеделин показал, что антисоветские настроения у него возникли еще с 1929 года, вследствие несогласия с политикой партии и правительства в области коллективизации сельского хозяйства.

Однако материалами следствия устанавливается, что Понеделин еще ранее проводил антисоветскую деятельность...

В конце 1941 года, когда Понеделин находился в немецком лагере военнопленных в гор. Ровно, представители германского генштаба предлагали ему поступить на службу к немцам, но это предложение он якобы не принял.

Приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года Понеделин объявлен как злостный дезертир, нарушивший присягу и предавший свою Родину, а Военной коллегией Верховного суда Союза ССР от 13 октября 1941 года заочно осужден к расстрелу.

Жена Понеделина — Понеделина Н.М. и его отец Понеделин Г.В. решением Особого совещания при НКВД СССР 12 октября 1941 года, как члены семьи изменника Родины, осуждены к 5 годам исправительно-трудовых лагерей.

2. АРТЕМЕНКО Павел Данилович, генерал-майор, бывший командир

27-го стр(елкового) корпуса быв(шего) Юго-Западного фронта, 1896 года рождения, уроженец гор. Сумы, украинец, бывший член ВКП(б) с 1925 года, в Красной армии с 1917 года.

Признался, что, являясь командиром корпуса, не обеспечил руководство подчиненными ему войсками, в результате чего они в первый же месяц войны попали в окружение войск противника и были разгромлены, а сам Артеменко 27 сентября 1941 года близ деревни Семеновка Берзаринского района УССР сдался противнику в плен, не оказав при этом никакого сопротивления.

Находясь в плену, как признал Артеменко, он выдал немцам известные ему данные о войсках Красной армии и планы командования Юго-Западного фронта. Вместе с этим он сообщил немцам сведения о новых видах вооружения Красной армии и свои предположения о людских резервах Советского Союза.

Артеменко советовал немцам, как лучше организовать действия германских войск борьбе против Красной армии, клеветал на Советское правительство, политико-моральное состояние советского народа и военнослужащих Красной армии, а также заявлял о неизбежном поражении СССР в войне с Германией.

Преступная деятельность Артеменко подтверждается захваченными органами “Смерш” показаниями Артеменко, которые он давал немцам на допросах, а также показаниями арестованного генерал-майора Будыхо А.Е. — бывшего командира 71-й стр(елковой) дивизии и свидетелей: генерал-майора Добросердова К.Л. — бывшего начальника штаба 37-й армии; генерал-майора Кириллова Н.К. — бывшего командира 13-го стр(елкового) корпуса и генерал-майора Абрамидзе П.И. — бывшего командира 72-й горнострелковой дивизии.

За измену Родине Артеменко 10 апреля 1942 года военным трибуналом Юго-Западного фронта заочно осужден к расстрелу.

3. ЕГОРОВ Евгений Арсеньевич, генерал-майор, бывший командир 4-го стр(елкового) корпуса 3-й армии быв(шего) Западного фронта, 1891 года рождения, уроженец гор. Киева, русский, быв(ший) член ВКП(б) с 1920 года, в Красной армии с 1918 года.

Признался, что в первые дни войны между Германией и Советским Союзом растерял подчиненные ему части корпуса и 29 июня 1941 года сдался в плен к немцам без сопротивления.

После пленения Егоров был помещен немцами в Хаммельсбургский лагерь военнопленных, где установил связь с изменниками Родины генералами Красной армии Трухиным Ф.И. — быв(шим) начальник(ом)

оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа и Благовещенским И.А. — быв(шим) начальник(ом) училища противовоздушной обороны ВМФ в Либаве и принимал активное участие в проводимой ими антисоветской деятельности.

Собираясь вместе, как показал Егоров, они с антисоветских позиций обсуждали положение на фронтах и клеветали на Советское правительство, обвиняя его в неспособности организовать отпор наступающему противнику.

Егоров также признал, что под влиянием Трухина и Благовещенского, он в сентябре 1941 года вступил в созданную немцами в Хаммельбургском лагере военнопленных антисоветскую организацию “Русская трудовая народная партия” и впоследствии являлся членом комитета этой организации и председателем партийного суда.

В ноябре 1941 года Егоров участвовал в составлении обращения к германскому командованию, в котором группа предателей — бывших военнослужащих Красной армии просила разрешить им сформировать из числа военнопленных «добровольческие отряды» для вооруженной борьбы против Советского Союза.

Впоследствии при “Русской трудовой народной партии” под руководством Егорова был создан специальный штаб, занимавшийся антисоветской обработкой военнопленных и вербовкой их в так называемые “добровольческие отряды”.

Егоров признал, что за период существования возглавляемого им штаба в “добровольческие отряды” было завербовано около 800 человек.

Враждебная деятельность, проводимая Егоровым в период пребывания в плену у немцев, подтверждается показаниями арестованных генерал-майора Трухина Ф.И. — быв(шего) начальника оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа и генерал-майора береговой службы Благовещенского И.А. — быв(шего) начальника училища противовоздушной обороны ВМФ в Либаве, а также свидетелей: генерал-майора Потапова М.И. — бывшего командующего 5-й армией; генерал-майора Абрамидзе П.И. — бывшего командира 72-й горно-стр(елковой) дивизии; генерал-майора Кириллова М.К. — быв(шего) командира 13-го стр(елкового) корпуса и генерал-майора Скугарева И.М. — быв(шего) командира 219-й стр(елковой) дивизии.

4. ЗЫБИН Ефим Сергеевич, генерал-майор, бывший командир 36-й кавалерийской дивизии быв(шего) Юго-Западного фронта, 1894 года рождения, уроженец села Васильевка Боринского района Воронежской области, русский, бывший член ВКП(б) с 1927 года, в Красной армии с

1918 года.

В 1922 году арестовывался Орловской губЧК за должностные преступления, в 1938 году арестовывался органами НКВД по подозрению в антисоветском военном заговоре, но за недостаточностью собранных улик из-под стражи был освобожден. Признался, что в плен к немцам сдался без сопротивления 28 августа 1941 года в районе дер. Клетное Волковысского района БССР, после того как растерял подчиненные ему воинские части.

Оказавшись в плену, выдал немцам известные ему секретные данные о частях Красной армии и впоследствии перешел к ним на службу, получив должность коменданта Хаммельбургского лагеря военнопленных.

Находясь в этом лагере, как показал Зыбин, он в конце 1941 года установил связь с изменниками Родины генералами Красной армии: Трухиным Ф.И. — бывши(м) начальник(ом) оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа и Благовещенским И.А. — бывши(м) начальник(ом) училища противовоздушной обороны ВМФ в Либаве, и вместе с ними проводил антисоветскую работу среди военнопленных. Зыбин клеветал на советский строй и руководителей Советского правительства, обвиняя их в неподготовленности страны к войне.

В ноябре 1941 года под влиянием своих враждебных убеждений Зыбин вступил в созданную немцами в лагерях антисоветскую организацию “Русская трудовая народная партия” и являлся инициатором формирования из числа военнопленных так называемых “добровольческих отрядов” для борьбы против Красной армии.

Зыбин признал, что обработал и завербовал для вражеской деятельности против СССР около 40 военнопленных — бывших военнослужащих Красной армии.

Антисоветская деятельность Зыбина подтверждается показаниями арестованных генерал-майора Трухина Ф.И. — бывшего начальника оперативного отдела штаба Прибалтийского военного округа и генерал-майора береговой службы Благовещенского И.А. — бывшего начальника училища противовоздушной обороны ВМФ в Либаве, а также свидетелей: генерал-майора Самохина А.Г. — бывшего начальника 2-го управления Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии; генерал-майора Герасимова И.М. — бывшего командира 146-й стр(елковой) дивизии; генерал-майора Артеменко П.Д. — бывшего командира 27-го стр(елкового) корпуса и генерал-майора Егорова Е.А. — бывшего командира 4-го стр(елкового) корпуса.

За измену Родине Зыбин 13 октября 1942 года Военной коллегией Верховного суда Союза ССР заочно осужден к расстрелу.

Жена Зыбина — Зыбина В.А. Особым совещанием при НКВД СССР 26 июня 1943 года, как член семьи изменника Родины, осуждена на 5 лет ссылки в Омскую область.

5. КРУПЕННИКОВ Иван Павлович, генерал-майор, бывший начальник штаба 3-й гвардейской армии быв(шего) Юго-Западного фронта, 1896 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский, кандидат в члены ВКП(б) с 1942 года, в Красной армии с 1918 года.

Признался, что в декабре 1942 года в результате потери ориентировки оказался в расположении войск противника и, не желая рисковать своей жизнью, добровольно сдался в плен к немцам.

На допросах выдал немцам известные ему данные о расположении войск 3-й гвардейской армии, их вооружении, а также о подготовке резервов Красной армии.

В начале 1943 года, находясь в Летценском лагере военнопленных, по собственной инициативе поступил на службу в качестве преподавателя на созданные немцами курсы офицерского состава и пропагандистов так называемой “Русской освободительной армии”.

Кроме того, показаниями арестованного Никитина В.С. — бывшего командира 11-го стр(елкового) корпуса Крупенников уличается как участник антисоветского заговора в Красной армии, а агентурными материалами — в проявлении в период 1937–1941 гг. антисоветских настроений и восхвалении врагов народа.

Арестованный Никитин от своих показаний отказался и 20 июля 1939 года Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к 10 годам лишения свободы.

Преступная деятельность Крупенникова в период его пребывания у немцев подтверждается показаниями генерал-лейтенанта Мазанова Л.А. — бывшего начальника артиллерии 30-й армии и генерал-майора Борисова М.Д. — быв(шего) командира 7-го кавалерийского корпуса, а также показаниями арестованных подполковника Ткачева И.М. — бывшего начальника штаба 33-й гвардейской стр(елковой) дивизии, подполковника Вольвача И.М. — быв(шего) начальника отдела боевой подготовки штаба 47-й армии и Калимбета Д.Е. — бывшего библиотекаря Летценского лагеря военнопленных.

6. ЛАЗУТИН Николай Георгиевич, комбриг...

7. САМОХИН Александр Георгиевич, генерал-майор, бывший начальник 2-го управления Главного разведывательного управления Красной армии, 1902 года рождения, уроженец станицы Сиротинской Сталинградской области, русский, член ВКП(б) с 1920 года, в Красной

армии с 1919 года.

Показал, что, получив назначение на должность командующего 48-й армией, он 21 апреля 1942 года на самолете ПР-5 вылетел в штаб бывш(его) Брянского фронта для получения указаний и вручения командующему фронтом пакета особой важности из Ставки Верховного Главного Командования.

В полете летчик Коновалов, потеряв ориентировку, уклонился от заданного маршрута, перелетел линию фронта и был сбит немцами перед передним краем их обороны.

После падения самолета Самохин пытался уничтожить пакет из Ставки, поджег его, но так как к нему приближались немцы, он бросил пакет в грязь, а поэтому не знает, попал ли он в руки противника.

Освобожденный из немецкого плена и допрошенный нами бортмеханик самолета, на котором летел Самохин, — воентехник 2-го ранга Корнилов Т.Н. подтвердил, что Самохин действительно жег какие-то документы.

После пленения Самохин был доставлен немцами в гор. Орел, где у него были изъяты удостоверение личности, партийный билет, орденская книжка и написанная им брошюра “Тактика германской армии”.

Самохин показал, что по прибытии в г. Орел он был немцами подвергнут допросу, но никаких показаний о Красной армии якобы не дал.

Однако на следующий день после пленения Самохина командующий 2-й германской танковой армией (в районе которой был сбит самолет Самохина) генерал Шмидт издал приказ, в котором было сказано:

“За сбитие 21 апреля самолета и взятие в плен генерала Самохина я выражаю батальону благодарность.”

Благодаря этому действию командование получило ценные данные, которые при известных обстоятельствах могут благоприятно повлиять на дальнейшее проведение операций”.

На последующих допросах в Главном управлении “Смерш” Самохин сознался, что назвал немцам правильные фамилии ряда работников Генерального штаба Красной армии, как то: начальника Главного разведывательного управления генерал-майора Панфилова, начальника Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенанта Бодина и начальника направления Оперативного управления Генштаба генерал-майора Шевченко. Кроме того, Самохин сообщил немцам структуру Главного разведывательного управления Красной армии, но, как он показал, эта структура не соответствовала действительности.

Самохин также показал, что, испугавшись возможных его допросов в

гестапо, пытался подставить себя германской разведке для вербовки и последующей переброски в Советский Союз, где он имел намерение явиться с повинной, но немцы его предложение якобы отвергли.

На допросах Самохин ведет себя неискренне.

8. ПРИВАЛОВ Петр Фролович, генерал-майор, бывший командир 15-го стрелкового корпуса быв(шего) Юго-Западного фронта, 1898 года рождения, уроженец села Смолевичи Клинцовского района Орловской области, русский, член ВКП(б) с 1919 года, в Красной армии с 1918 года.

На допросе показал, что 22 декабря 1942 года при поездке в дивизию в районе Кантемировка наскочил на немецкую засаду, был тяжело ранен и захвачен немцами в плен.

На допросе выдал немцам известные ему данные о формировании и организации химических войск Красной армии, а впоследствии якобы за антифашистские настроения был заключен немцами в тюрьму.

В марте 1943 года, находясь в Киевской тюрьме, изъявил добровольное согласие служить у немцев и получил назначение в немецкую особую кавалерийскую дивизию СС, где, по заявлению Привалова, якобы использован не был.

В июле 1943 года, как показал Привалов, при попытке к бегству он был арестован немцами и заключен в Берлинскую тюрьму, где подал на имя немецкой администрации заявление с просьбой освободить его из-под стражи, указав в своем заявлении, что “меня использовали, взяли, что нужно было, и бросили в тюрьму”.

Заявление Привалова на имя немцев изъято органами “Смерш”.

Будучи допрошен по этому вопросу, Привалов заявил, что такое заявление он написал умышленно, с целью освобождения из немецкой тюрьмы.

9. БЕЛЕШЕВ Михаил Александрович, генерал-майор авиации, бывший командующий ВВС 2-й ударной армии быв(шего) Волховского фронта, 1900 года рождения, уроженец гор. Москвы, русский, член ВКП(б) с 1919 года, в Красной армии с 1919 года.

Показал, что в сентябре 1942 года, находясь в окружении войск противника, был захвачен немцами в плен.

После пленения Белешев был доставлен в лагерь военнопленных в гор. Винницу, где установил связь с изменником Родины Власовым и согласился служить в создававшейся немцами так называемой “Русской освободительной армии”, но, по неизвестным для него причинам, использован там не был.

Белешев сознался, что на допросе в разведотделе ставки германской

армии он одобрил предложение немцев об использовании пленных советских летчиков для борьбы против Красной армии, после чего был назначен немцами на должность коменданта лагеря военнопленных в гор. Мариенфельд, где содержались военнослужащие частей ВВС Красной армии.

Арестованный бывш(ий) командир дивизии комбриг дивизии Бессонов показал, что в 1943 году при встрече с Белешевым в Мариенфельдском лагере последний высказывал пораженческие настроения и дал Бессонову согласие участвовать в подготовлявшемся немцами авиационном десанте в тыл Советского Союза для проведения повстанческой деятельности.

Белешев показания Бессонова отрицает. Будучи комендантом этого лагеря, Белешев по заданию немцев вел антисоветскую обработку военнопленных и подготавливал их для участия в борьбе против Советской власти на стороне немцев.

В мае 1943 года, как показал Белешев, он якобы за попытку к бегству был снят с должности коменданта лагеря и заключен в крепость Вюрцбург, где содержался до дня освобождения его войсками союзников.

10. КИРИЛЛОВ Николай Кузьмич, генерал-майор, бывший командир 13-го стрелкового корпуса бывш(его) Юго-Западного фронта, 1897 года рождения, уроженец гор. Саратова, русский, бывший член ВКП(б) с 1931 года, в Красной армии с 1920 года, в прошлом депутат Верховного Совета СССР.

Показал, что 7 августа 1941 года в районе Умани попал в окружение войск противника и без сопротивления сдался в плен к немцам.

Находясь в плену, допрашивался германскими офицерами, и в частности фельдмаршалом Клейстом, которые, как показал Кириллов, неоднократно предлагали ему подписать антисоветское обращение к военнослужащим Красной армии и вступить на службу в так называемую «Русскую освободительную армию», но от этих предложений он якобы отказался.

Находившиеся вместе с Кирилловым в плену у немцев генерал-майор Абрамидзе — быв. командир 72-й горнострелковой дивизии, генерал-майор Герасимов И.М. — быв(ший) командир 146-й стр(елковой) дивизии, генерал-майор Скугарев И.М. — быв(ший) командир 219-й стр(елковой) дивизии, генерал-майор Добросердов К.Л. — быв(ший) начальник штаба 37-й армии и генерал-майор Потапов М.И. — быв(ший) командующий 5-й армией показали, что за время пребывания в лагерях Кириллов на службе у немцев не состоял.

Приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной армии

№ 270 от 16 августа 1941 года Кириллов объявлен как злостный дезертир, нарушивший присягу и предавший свою Родину, а Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 13 октября 1941 года заочно осужден к расстрелу.

Жена Кириллова — Кириллова Н.М., как член семьи изменника Родины, Военным трибуналом Приволжского военного округа 19 октября 1941 года осуждена на 5 лет ссылки в Красноярский край.

11. СИВАЕВ Максим Наумович, генерал-майор технических войск, бывш(ий) начальник военных сообщений 24-й армии бывшего Резервного фронта, 1891 года рождения, уроженец дер. Хлысты Ельнинского района Смоленской области, русский, член ВКП(б) с 1918 года, в Красной армии с того же года.

Показал, что 2 ноября 1941 года в районе дер. Старая Русса Сухиничского района, находясь в окружении войск противника, был захвачен немцами в плен.

На допросе в штабе германской воинской части Сиваев выдал немцам известные ему секретные данные о работе железнодорожного транспорта в СССР.

По показанию находившегося вместе с Сиваевым в германском плену генерал-майора Добросердова — бывшего начальника штаба 37-й армии устанавливается, что Сиваев, будучи в лагере военнопленных в Вульгайде, проходил обучение на курсах фашистских пропагандистов.

Будучи допрошен, Сиваев показал, что он действительно занимался на курсах фашистских пропагандистов.

21 декабря 1945 года. АБАКУМОВ».

Для тех советских генералов, которые были освобождены из советского плена, но оказались под арестом по обвинению в измене Родине, участь была незавидной. Чтобы это понять, достаточно ознакомиться с делом генерал-майора В.В. Кирпичникова.

В середине мая 1945 года проверка бывшего командира 43-й стрелковой дивизии была закончена. По результатам фильтрации его арест был утвержден начальником ГУКР «Смерш» генералом В.С. Абакумовым и санкционирован заместителем главного военного прокурора. Сам Кирпичников был препровожден в Лефортовскую тюрьму, а 5 июля начальником следственного отдела ГУКР «Смерш» было утверждено постановление о привлечении В.В. Кирпичникова в качестве обвиняемого по статье 58–1 «б» УК РСФСР за измену Родине. В этом документе, в частности, говорилось: «Будучи командиром 43-й стрелковой дивизии в звании генерал-майора в октябре 1941 года, сдавшись в плен к белофиннам, изменил Родине, выдал” врагу секретные данные о действиях выборгской группировки войск Красной армии. Кроме того, в собственноручно написанном им докладе для финской разведки клеветал на советскую власть, Красную армию, ее высшее командование и восхвалял действия финских войск».

Комментируя эти строки, генерал-лейтенант ФСБ В.С. Христофоров пишет: «Обвинение в измене Родине, предъявленное В.В. Кирпичникову, практически не оставляло для него шансов остаться живым. В соответствии с действовавшим Уголовным кодексом измена Родине представляла собой действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи Советского Союза, государственной независимости или неприкосновенности его территории. В условиях Великой Отечественной войны измена Родине считалась тяжким преступлением и с объективной стороны могла быть совершена в форме шпионажа, выдача военной или государственной тайны, переходу на сторону врага, бегства или перелета за границу. Измена Родине, в форме какого бы действия она ни выражалась, всегда квалифицировалась как совершенная в ущерб военной мощи, независимости или неприкосновенности СССР, что влекло применение высшей меры уголовного наказания — расстрела с конфискацией имущества».

Далее автор статей о В.В. Кирпичникове приводит допрос генерала:

«“В предъявленном мне обвинении признаю себя виновным частично. Добровольно в плен к белофиннам я не сдавался, а попал в плен, будучи контужен при обстоятельствах, о которых сообщил на предыдущих допросах... Я сообщил секретные данные о действиях выборгской группировки частей Красной армии, а также другие, интересующие их данные о советских войсках. Я не могу восстановить в своей памяти, чтобы я когда-либо за время пребывания в плену у белофиннов написал собственноручно финской разведке доклад, в котором бы сообщил о действиях Красной армии, клевет[тал] на советскую власть, Красную армию, ее высшее командование и восхвалял действия финских войск”.

Последовал очередной вопрос следователя: “Вам предъявляется этот собственноручно написанный вами доклад, в котором имеется ваша подпись. Может быть, это поможет вам восстановить в памяти факт ваших предательских действий”. Ответ: “Вынужден признать, что предъявленный мне документ является собственноручно написанным мною докладом для финских разведывательных органов”. Вопрос: “Что побудило вас совершить это предательство?” Ответ: “Попав в плен, я был морально подавлен и, потеряв веру в боеспособность Красной армии, полагал, что победа будет на стороне Германии и Финляндии. Исходя из этого появившегося у меня пораженческого настроения в собственноручно написанном мною докладе я начал возводить клевету на советскую власть и Красную армию, надеясь таким образом расположить к себе белофиннов и, сохранив жизнь, обеспечить себе более или менее привилегированное положение в плену”».

«На допросе, проходившем 31 мая 1946 года, обвиняемому были заданы вопросы о собственноручных показаниях, данных им в плену, на которых поставлена дата “1.9.41”. Кирпичников признался, что сразу же, после того как оказался в плену в штабе финской дивизии, по предложению финского штабного офицера сделал описание хода боевых операций 43-й стрелковой дивизии. В составленном документе Кирпичников выдал финнам секретные сведения, относящиеся к действиям 43-й дивизии и всей выборгской группировки советских войск. Он признался, что при этом возводил клевету на советское командование, Красную армию и советскую действительность, восхваляя в то же время действия финской армии и ее командования.

Кирпичников рассказал, что сотрудники управления пропаганды Финляндии предлагали ему возглавить антисоветское освободительное движение в Финляндии. На это Кирпичников ответил отказом: “Пусть даже если меня будет ждать смерть на своей родине, я все же вашего

предложения не принимаю». Факт отказа Кирпичникова от сотрудничества с финскими спецслужбами подтвердил один из бывших военнопленных, сообщивший следствию, что Кирпичников не поддавался уговорам «идти в эту армию»».

По мнению генерала Христофорова, «анализ материалов уголовного дела свидетельствует, что информация, полученная в ходе допросов свидетелей, не была в полной мере учтена для характеристики личности обвиняемого и при вынесении приговора». Вот несколько примеров: «В протоколе допроса Г.М. Першина содержится следующая информация: «Летом 1942 года, примерно в августе, Кирпичников выступал перед военнопленными с обращением, в котором призывал военнопленных вести себя с соответствующим русскому человеку достоинством. Он обратил внимание на взаимоотношения между военнопленными, указывая на необходимость уважать старших по званию, соблюдать внешний вид, быть подтянутым и опрятным, не лазить по помойным ямам, не подбирать окурки и не попрошайничать у финских солдат. Указывал на необходимость повести борьбу с продажей отдельным военнопленным табака за хлеб и другую пищу. По вопросу о плохом питании сказал, что Финляндия — страна небольшая и бедная и лучших условий создать не может. На нашей обязанности лежит все, что нам дают, получать сполна и кушать, с тем чтобы сохранить свое здоровье». Осенью 1942 года адъютант Кирпичникова — Н.Я. Финогин был отправлен на работу к одному из финских крестьян, откуда за нарушения дисциплины его водворили обратно в лагерь. В качестве наказания его заставили несколько дней подряд стоять по два часа в день с мешком, наполненным песком. Генерал-майор Кирпичников просил начальника лагеря освободить Финогина от наказания и, когда ему в этой просьбе было отказано, Кирпичников, взяв такой же мешок, встал рядом с Финогиным.

Кирпичников ушел в барак только тогда, когда ему лично приказал начальник лагеря.

Бывший военнопленный финского лагеря № 1 передал содержание разговора, который происходил между следователем лагеря и финским офицером, приехавшим в лагерь для отбора из числа пленных сотрудников в антисоветскую газету «Северное Слово»: «Офицер спросил следователя: «А как Кирпичников?» Финский следователь ответил: «О, это патриот, с ним и говорить нечего»».

Словом, «измену Родине», если она была уже черным по белому внесена в дело, опровергнуть не представлялось возможности. Чтобы это понять, достаточно ознакомиться с характеристикой обвинений

Кирпичникова начальником ГУКР «Смерш» В.С. Абакумовым: «Кирпичников признался в том, что, потеряв управление войсками, попал в окружение противника и, будучи контужен в сентябре 1941 года, был пленен финнами. На допросах выдал финнам сведения о концентрации частей Красной армии на Выборгском направлении и другие секретные данные о советских войсках. Кроме того, представил финскому командованию доклад, в котором подробно описал боевые действия 43-й стрелковой дивизии. В этом докладе Кирпичников клеветал на советский строй и организацию Красной армии, а также восхвалял финскую армию. На предложение финских властей возглавить антисоветское движение среди советских военнослужащих Красной армии, находившихся в финском плену, Кирпичников якобы ответил отказом, вследствие чего финнами был заключен в лагерь, где содержался до выхода Финляндии из войны». Всего это было вполне достаточно, чтобы бывшего командира стрелковой дивизии расстреляли...

Дело по обвинению бывшего командира 43-й стрелковой дивизии было рассмотрено 28 августа 1950 года. Приговор был однозначным: Кирпичникова Владимира Васильевича подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества. К слову сказать, уголовное дело в отношении генерал-майора Кирпичникова рассматривалось не однажды. Как свидетельствует генерал Христофоров, «в Главной военной прокуратуре (5 июня 1990 г. и 26 апреля 2002 г.). В первом случае оснований для постановки вопроса о принесении протеста на приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 августа 1950 года не нашли. Во втором было утверждено заключение “Об отказе в реабилитации по архивному делу в отношении Кирпичникова В.В.”, в котором отмечено, что вина Кирпичникова в измене Родине в форме выдачи противнику военной тайны является установленной, и в соответствии с пунктом “а” части 1 статьи 4 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года “О реабилитации жертв политических репрессий” Кирпичников реабилитации не подлежал».

Что касается советских генералов из окружения генерала А.А. Власова, то ими «Смерш» занимался отдельно. Так, генерал-майор Д.Е. Закутный, арестованный 20 мая 1945 года германской полицией, был репатриирован в советскую оккупационную зону 13 июня. По утверждению К.М. Александрова, его «дело вел заместитель начальника отделения следственного отдела ГУКР «СМЕРШ» майор Седов. 1 апреля 1946 года согласился с предъявленным обвинением.

30–31 июля в ходе заседаний Военной коллегии Верховного Суда СССР подтвердил собственное активное участие во Власовском движении, подчеркнув следующее: «Я оказался идейным врагом своего народа, так как полностью разделял антисоветский манифест КОНР и проводил вербовку новых лиц в Комитет», который «ставил перед собой основной целью свержение советской власти путем вооруженного выступления, террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства, шпионажа и диверсий»». (Здесь и далее: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. М., 2009).

Л. Решин и В. Степанов дополняют это так: «1 августа 1946 года Закутный был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни через повешение. В последнем слове Закутный сказал: «Я еще не безнадежно потерян для своей Родины и прошу сохранить мне жизнь, дав этим возможность хотя бы частично искупить столь большую мою вину. Прошу дать мне возможность умереть честным человеком, а не врагом своего государства»».

Генерал-майор Ф.И. Трухин, переданный 11 мая 1945 года сотрудникам ОКР «СМЕРШ» 162-й танковой бригады, был срочно доставлен из Чехии в Москву. По данным К.М. Александрова, его «дело вел старший оперуполномоченный ГУКР «СМЕРШ» (затем 3-го Главного управления МГБ СССР) майор А.А. Коваленко... Допрашивали примерно 20 раз — 20 мая, 21 мая, 1 и 8 июня, 30 июля, 4, 8, 24 и 29 августа, 22 сентября, 8, 9, 10 октября, 14 ноября, 14 декабря, 30 января 1946, 13, 16 и 26 марта и о генерал-лейтенанте М.Ф. Лукине — 11 июля. Дал показания, свидетельствовавшие в пользу М.Ф. Лукина, подтвердив его лояльность в плену советскому государству. 11 апреля подписал предъявленное обвинение.

31 июля 1946 в ходе заседания Военной коллегии Верховного Суда

СССР признал, что, будучи в плену, “встал во главе борьбы с советской властью, организовывал других”, “вошел в трудовую партию, вошел в союз «Новое поколение», и все это в поисках путей борьбы с советской властью”, “был идейным вдохновителем курсов в Дабендорфе”, “играл ведущую роль в КОНРе”, “был начальником штаба РОА”. В последнем слове подтвердил готовность “вынести любой приговор”».

Л. Решин и В. Степанов дополняют это так: «1 августа 1946 года Трухин был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни через повешение. В последнем слове сказал: “Я изложил всю гадость, мерзость, гнусность моего падения начиная с 1941 года. Нет имени преступления, которые я совершил. Я сознался во всем. Я сделал бесконечно много гадостей и поэтому жду и готов вынести любой приговор”».

Генерал-майор береговой службы И.А. Благовещенский, арестованный 3 июня 1945 года в Мариенбаде представителями советской репатриационной комиссии, был также срочно отправлен в Москву. По данным К.М. Александрова, его «дело вел старший следователь следственного отдела ГУКР “СМЕРШ” майор Мартынов. 7 апреля 1946 согласился с предъявленным 4 апреля обвинением. 25 июля ознакомился с материалами дела в 9 томах.

30–31 июля в ходе заседаний Военной коллегии Верховного Суда СССР пытался доказать пассивный характер собственного участия во Власовском движении и разочарование в борьбе против советской власти задолго до создания КОНР, надеясь добиться смягчения приговора».

Л. Решин и В. Степанов дополняют это так: «1 августа 1946 года Благовещенский вместе с другими обвиняемыми, проходившими по делу А.А. Власова и его штаба, был приговорен к смертной казни через повешение.

На суде Благовещенский, в частности, заявил: “...в антисоветскую организацию, возглавляемую Власовым, я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов, с целью подрыва этой организации изнутри, с целью ее разложения...”»

Генерал-майор В.Ф. Малышкин был принудительно репатриирован в наручниках в советскую оккупационную зону 25 марта 1946 года и отправлен в Москву. По данным К.М. Александрова, «в Москве допрашивался начальником отделения следственного отдела ГУКР “СМЕРШ” подполковником В.А. Соколовым... практиковавшим пытки и истязания подсудимых, и его помощником майором А.А. Коваленко. 2 апреля на одном из первых допросов мотивировал свои поступки так: “Я

рассчитывал, что, оставшись у американцев, смогу продолжать ранее начатую борьбу против советского правительства. На протяжении ряда лет я относился враждебно к советской власти, считая, что советское правительство проводит чуждую интересам народов политику, в результате чего крестьяне и рабочие лишены всяких прав и живут в нужде. В связи с этим я боролся за то, чтобы свергнуть в СССР советскую власть, заменив ее буржуазно-государственной системой». 18 апреля подписал предъявленное обвинение».

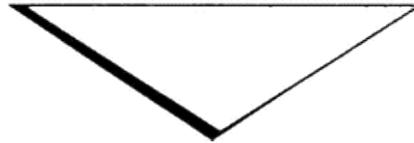
Л. Решин и В. Степанов дополняют это так: «1 августа 1946 года Малышкин был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни через повешение. В последнем слове Малышкин сказал: “Сейчас не могу объяснить, что сыграло решающую роль в преступлении, которому нет имени. Я пошел против общественного и государственного строя. Я дал все показания, я ничего не скрыл, все изложил. Умирать, конечно, неохота. Но после всего, что мной сделано, как смотреть в глаза людям? Жду сурового приговора”».

Генерал-лейтенант А.А. Власов в Москву был доставлен уже 15 мая 1945 года. По утверждению К.М. Александрова, «...около 40 минут допрашивался начальником ГУКР “СМЕРШ” генерал-полковником В.С. Абакумовым. Содержался под № 31 в одиночной камере Внутренней тюрьмы НКГБ — МГБ СССР. Непрерывно допрашивался с 16 по 25 мая 1945 (с перерывами на сон и приемы пищи) начальником следственного отдела ГУКР «СМЕРШ» генерал-майором А.Г. Леоновым... Вторым следователем в 1945–1946 гг. был начальник отделения следственного отдела ГУКР “СМЕРШ” подполковник В.А. Соколов...

8 апреля подписал предъявленное обвинение. 31 июля 1946 в ходе заседаний Военной коллегии Верховного Суда СССР признал инкриминируемую руководящую роль в военно-политической деятельности, которую вместе с другими подсудимыми пытался вести и вел в 1942–1945 на стороне противника с целью свержения советской власти. Подтвердил активное участие в создании КОНР и редактировании Пражского манифеста, заявив следующее: “Формировал армию для борьбы с советским государством, я сражался с Красной армией... вел самую активную борьбу с советской властью и несу за это полную ответственность <...> Я не имел связи с Англией и Америкой, но я надеялся на поддержку с их стороны в части создания мне условий для продолжения антисоветской деятельности”. Откровенно признал: “Все проводилось от моего имени, и я за это отвечаю. Если бы немцы сразу же, как я перешел к ним, разрешили мне действовать против Советов, то,

безусловно, я был бы активным борцом»».

Л. Решин и В. Степанов дополняют это так: «Осужден 1 августа 1946 года к смертной казни через повешение. В последнем слове заявил: “Содеянные мною преступления велики, и ожидаю за них суровую кару. Первое грехопадение — сдача в плен. Но я не только полностью раскаялся, но на суде и следствии старался как можно яснее выявить всю шайку. Ожидаю жесточайшую кару”».

Глава десятая.
ГЕНЕРАЛЬСКИЙ ПЛЕН НА ВЕСАХ
ПРАВОСУДИЯ

Из названных Абакумовым (Список генералов, находившихся в плену и намеченных к аресту) 11 генералов (в том числе 1 комбриг) семь были необоснованно осуждены к расстрелу, а один — к лишению свободы сроком на 25 лет. Н.Г. Смирнов в книге «Вплоть до высшей меры» рассказывает: «Понеделина и Кириллова “разместили” в тюрьме, в которой они, имея за плечами приговор о расстреле, в течение более пяти лет ожидали окончательного решения своей участи.

Формально по их делам проводилась дополнительная проверка. В результате этой проверки Главная военная прокуратура пришла к выводу, что имеются новые обстоятельства их преступной деятельности, которые не были учтены при вынесении им приговора 13 октября 1941 года.

2 августа 1950 года Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела заключение Главного военного прокурора и приговор в отношении Понеделина и Кириллова отменила, а дело их направила на новое расследование, которое велось совсем недолго. Собственно и расследовать-то нечего было. Уже 25 августа того же года Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела по первой инстанции дело Понеделина и признала его виновным в том, что, оказавшись в окружении противника, он не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддавшись панике и 7 августа 1941 года, нарушив присягу, изменил Родине: без сопротивления сдался в плен немцам и на допросах сообщил им сведения о подчиненных ему войсках. Кроме того, Понеделину вменено в вину и то, что он в лагере военнопленных вел дневник, в котором делал записи клеветнического характера в отношении “одного из руководителей партии и Советского правительства” (имелся в виду, конечно же, Сталин). В приговоре утверждалось, что Понеделин подвергал антисоветской критике политику Советской власти в отношении коллективизации и делал в дневнике “другие подобные записи”. Следует сказать, что многим арестованным вменялось в вину ведение дневников, в которых они выражали свое мнение и отношение к тем или иным событиям, давали им свою оценку. В тех же случаях, когда эти суждения и оценки не совпадали с официальной трактовкой соответствующих событий, авторы дневников признавались преступниками, по меньшей мере — лицами, ведущими антисоветскую агитацию...

В своем последнем слове в суде Понеделин сказал: “Я не был врагом

народа и не способен им быть. Прошу вас вернуть меня к обществу, дать возможность работать и радоваться вместе с этим обществом”. Увы, Понеделину так и не предоставили эту возможность. На основании ст. 58–1 “б” УК РСФСР он был приговорен к расстрелу и расстрелян.

В связи с жалобой жены Понеделина — Понеделиной Н.М. — вновь была проведена дополнительная проверка, которой установлено, что Понеделин сделал все возможное, чтобы прорваться из окружения. В плен он добровольно не сдавался.

Установлено также, что представители немецко-фашистского командования и действительные изменники Родины неоднократно пытались склонить Понеделина к борьбе против Советского Союза, но он постоянно отвергал эти предложения.

Так, небезызвестный генерал Власов на допросе 25 мая 1945 года показал: “В беседе Понеделин на мои предложения принять участие в работе по созданию русской добровольческой армии наотрез от этого отказался...”

29 февраля 1956 года Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор от 25 августа 1950 года по вновь открывшимся обстоятельствам и дело в отношении Понеделина прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления».

Генерал-майор Кириллов был также реабилитирован. По определению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 29 февраля 1956 года дело в отношении Н.К. Кириллова было прекращено «за отсутствием состава преступления». Дело в том, что находившиеся вместе с Кирилловым в плену пояснили, что Кириллов на службе у немцев не находился, ничем себя не скомпрометировал.

Единственным «доказательством» вины Кириллова явился приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года, где он был объявлен злостным дезертиром, предателем.

Генерал-майор Привалов Петр Фролович до 27 ноября 1951 года содержался в тюрьме.

По его делу следствие велось почти 6 лет. Только 51 раз выносились постановления о продлении срока следствия, а с 1 января по 10 октября 1951 года он содержался под стражей без вынесения постановления о продлении срока следствия.

«27 ноября 1951 года Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело Привалова, признала его виновным в совершении указанных выше действий и на основании ст. 58–1 “б” УК РСФСР приговорила Привалова к расстрелу. Его ходатайство о помиловании было

отклонено Президиумом Верховного Совета СССР, и 31 декабря 1951 года Привалов был расстрелян.

В судебном заседании Привалов не отрицал того, что он обращался к немецкому командованию с заявлением, в котором содержалась просьба направить его на службу в немецкую армию. Но делал он это с единственной целью: таким путем вырваться из плена и перейти на сторону Красной армии. В немецкой армии не служил, ни в каких карательных операциях не участвовал и других действий, вменявшихся ему в вину, не совершал. Он предпринимал попытки связаться с партизанами, пытался перейти к ним, но сделать этого не удавалось, потому что всякий раз его задерживали немцы и заключали в тюрьму.

В результате изучения дела Привалова в Верховном Суде СССР в октябре 1967 года установлено, что показания, данные Приваловым в судебном заседании, ничем не опровергаются, напротив, он подвергается имеющимися в деле доказательствами. Был внесен протест в пленум Верховного Суда СССР, который и был рассмотрен 18 марта 1968 года. Состоявшийся в отношении Привалова приговор отменен, и дело о нем прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Генерал-майор Крупенников Иван Павлович был расстрелян на основании приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 августа 1950 года. «Военная коллегия Верховного Суда СССР признала Крупенникова виновным в измене Родине, выразившейся в том, что он сдался в плен противнику с имевшимися у него оперативными документами. На допросах у немецкого командования выдал данные о подготовке резервов Красной армии и давал советы, как лучше организовать управление на территории, оккупированной немецкими войсками. Кроме того, указывается в приговоре, Крупенников “возводил клевету на руководителя ВКП(б) и Советского правительства”, на внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза.

Дополнительной проверкой, проведенной по делу Крупенникова, установлено, что в плен он не сдавался, а был пленен при обстоятельствах, лишивших его возможности оказать какое-либо сопротивление. Оперативные документы немцы забрали не у него, а у убитых начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-майора Стельмаха и адъютанта последнего — лейтенанта Крупенникова Юрия (сына генерала Крупенникова).

После пленения Крупенников все время содержался в лагере военнопленных. Сколько-нибудь объективных, убедительных доказательств, свидетельствующих о совершении Крупенниковым

вмененных ему в вину действий, которые бы давали основание квалифицировать их как измену Родине, по делу не установлено. Предварительное следствие проведено необъективно, с грубым нарушением норм уголовно-процессуального законодательства.

В своем последнем слове в судебном заседании Крупенников заявил: «Как был советским человеком, так и остался»...

Рассмотрев 8 июня 1957 года заключение Главного военного прокурора, Военная коллегия Верховного Суда СССР состоявшийся в отношении Крупенникова приговор отменила по вновь открывшимся обстоятельствам и дело о нем прекратила за недоказанностью обвинения».

Генерал-майор технических войск Сиваев Максим Наумович, как было установлено дополнительной проверкой, был привлечен к уголовной ответственности, а затем и осужден необоснованно.

«В плен он не сдавался, а был пленен при обстоятельствах, исключавших возможность оказания сопротивления противнику. Не обучался он и на курсах пропагандистов. Установлено, что Сиваев, находясь в лагере военнопленных, по приказу немецкого командования посещал, как и другие военнопленные, лекции антисоветского содержания, но потом отказался, после чего был переведен в другой лагерь. Не подтверждено и обвинение Сиваева в выдаче немцам секретных сведений, поскольку к моменту его допроса указанные выше сведения не являлись секретными.

Допрошенные в ходе дополнительной проверки генералы Музыченко И.Н., Лукин М.Ф., Прохоров И.П. и Мельников И.И., находящиеся вместе с Сиваевым в немецком плену, охарактеризовали его как преданного Советской Родине генерала.

19 января 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев заключение, составленное в порядке ст. 373 УПК РСФСР, приговор в отношении Сиваева отменила по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления».

Генерал-майор Самохин Александр Георгиевич находился под следствием в течение 6 лет, и только 25 марта 1952 года дело по его обвинению было рассмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР.

«Признав Самохина виновным в измене Родине, Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к лишению свободы сроком на 25 лет с конфискацией всего имущества. Самохина не расстреляли, но лишили свободы на максимальный срок, предусмотренный действовавшим в то время законодательством.

Немногим более чем через год заместитель Главного военного прокурора Советской Армии генерал-майор юстиции Китаев утвердил заключение, составленное в порядке, предусмотренном ст. 373 УПК РСФСР, в котором предлагалось приговор в отношении Самохина отменить и дело о нем прекратить ввиду необоснованного привлечения его к уголовной ответственности и осуждения.

В заключение отмечалось, что, оказавшись на территории, занятой немецкими войсками, Самохин принял все меры к уничтожению документов особой важности, пытался покончить жизнь самоубийством, но был захвачен немецкими солдатами. Эти обстоятельства подтвердили Коновалов — пилот подбитого самолета, на котором летел Самохин, борт-механик того же самолета Корнилов и плененный советскими войсками немецкий офицер Манн.

Относительно двух ответственных работников Генерального штаба Советской Армии Самохин лишь подтвердил то, что немцам уже было известно.

Плененные немецкие офицеры разведки и контрразведки обер-лейтенант Манн, полковники Пецольт и Шельдкнехт, которые в свое время допрашивали Самохина, рассказали, что он на допросах вел себя с достоинством, на их вопросы отвечал уклончиво, никаких данных, интересовавших немецкое командование, не сообщил, в момент пленения никаких оперативных документов у него не изымалось.

Ничем не опровергнуты утверждения Самохина о том, что предложение о сотрудничестве с немецкой разведкой он делал с единственной целью — таким путем перейти на сторону советских войск.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев 28 июля 1953 года указанное выше заключение и согласившись с содержащимися в нем предложениями, приговор в отношении Самохина отменила и дело, по которому он был осужден, прекратила.

29 мая 1953 года Самохину вручена справка о его реабилитации.

После реабилитации Самохин в августе 1953 года зачисляется слушателем Высших академических курсов при Высшей военной академии. После окончания этих курсов назначается старшим преподавателем общевойсковой подготовки военной кафедры МГУ имени М.В. Ломоносова».

А.Г. Самохин умер в 1955 году.

Генерал-майор авиации Белешев Михаил Александрович был приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного Суда СССР на основании ст. 58–1 «б» УК РСФСР.

«Как потом было установлено, Белешев осужден по сфальсифицированному в отношении него делу. Поэтому определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 июля 1957 года состоявшийся в отношении Белешева приговор отменен по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Генерал-майор Артеменко Павел Данилович. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 2 августа 1950 года приговор Военного трибунала Юго-Западного фронта был отменен, и дело направлено на новое расследование. Повторно осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР 26 августа 1950 года и приговорен к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян.

Генерал-майор Егоров Евгений Арсентьевич под следствием находился до 15 июня 1950 года. 15 июня 1950 года по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР лишен воинского звания, государственных наград, приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Генерал-майора Зыбина Ефима Сергеевича за потерю управления дивизией и антисоветскую агитацию в плену (измена родине) Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 25 августа 1946 года.

О чем говорят эти факты? Прежде всего, о том, что карательные органы в то время были не просто придирчивы, они выражали политику системы того государства. С одной стороны, действительно тысячи советских людей по разным причинам оказались на службе у врага. Многие из них, как могли, скрывали это. И нужно было выявить пособников и предателей. Нередко происходили ошибки и трагедии. Немало зависело и от личности самого оперативного работника или следователя. С одной стороны, даже судя по генералам, вернувшимся из плена, видно, что отношение к ним было предвзятое. С другой стороны, установленные факты критического отношения к первым лицам государства по тем временам и законам были страшным государственным преступлением. А уж те, кто попал в приказ Ставки ВГК даже по ошибке, вообще не могли рассчитывать на снисхождение. Приказ обратной силы не имел.

Бывшие генералы А.А. Власов, Д.Е. Закутный, И.А. Благовещенский, В.Ф. Малышкин и Ф.И. Трухин по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР в ночь на 1 августа 1946 года были повешены во дворе Бутырской тюрьмы. Останки казненных кремировали и прах развеяли в безымянном рву Донского монастыря («клумба невостребованных прахов»).

2 августа советские газеты опубликовали «Сообщение ТАСС»: «От Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

На днях Военная Коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело Власова А.А., Малышкина В.Ф., Жиленкова Г.Н., Трухина Ф.И., Закутного Д.Е., Благовещенского И.А., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д., Шатова Н.С. по обвинению в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58–1, 58–8, 58–9, 58–10 и 58–11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Все обвиняемые признали себя виновными в смысле предъявленных им обвинений.

В соответствии с пунктом 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила обвиняемых Власова, Малышкина, Жиленкова, Трухина, Закутного, Благовещенского, Меандрова, Мальцева, Буняченко, Зверева, Корбукова и Шатова к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение».

ИЗ ПРОТЕСТА (В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА) ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА (ИЮНЬ 2001; № 7 у — 37604–42) ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ ВЛАСОВА А.А., ЖИЛЕНКОВА Г.Н., МАЛЫШКИНА В.Ф., ТРУХИНА Ф.И., БЛАГОВЕЩЕНСКОГО И.А., ЗАКУТНОГО Д.Е., МЕАНДРОВА М.А., МАЛЬЦЕВА В.И., БУНЯЧЕНКО С.К., ЗВЕРЕВА Г.А., КОРБУКОВА В.Д. И ШАТОВА Н.С.

«Преступная деятельность Власова А.А., Жиленкова Г.Н., Малышкина В.Ф., Трухина Ф.И., Благовещенского И.А., Закутного Д.Е., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д. и Шатова И.С. в совершении инкриминированных им предварительным следствием и судом преступных деяний подтверждается другими свидетельскими показаниями, а также многочисленными обращениями, докладными записками, учебными программами, наставлениями, антисоветскими газетами, журналами и брошюрами с призывами к вооруженной борьбе с Советским Союзом, различными соглашениями, телеграммами, другими вещественными доказательствами, сгруппированными в томах 7, 8, 9 и 27 настоящего уголовного дела.

В частности, протоколом допроса Власова немцами после его добровольной сдачи в плен (т. 7, л.д. 23–32, 34–43); обращением Власова к командирам Красной армии и советской интеллигенции с призывом к борьбе против Советской власти от 10 сентября 1942 г. (т. 7, л.д. 66); обращением “Русского комитета”, подписанным Власовым и Малышкиным, призывающим бойцов и командиров Красной армии к борьбе против Советской власти от 27 декабря 1942 г. (т. 7, л.д. 68); докладной запиской Трухина командованию германской армии с указанием на необходимость формирования “РОА” и предложением своих услуг в борьбе против Советской власти (т. 8, л.д. 10–14, 15–18); учебной программой по подготовке агентуры для диверсионно-повстанческой и террористической деятельности на территории Советского Союза, составленной по указанию Трухина в апреле 1945 г. (т. 8, л.д. 20–22); материалами для пропагандистов с изложением методов “подрывной работы большевистской агентуры в рядах ВС “КОНРа” (т. 27, л.д. 131, 132, 133–135); антисоветскими газетами, журналами и брошюрами с призывами

к вооруженной борьбе с Советским Союзом (т. 9, 50 изданий); временным наставлением по полевой службе штабов ВС “КОНРа” (т. 27, л.д. 15–123); соглашением между председателем “Комитета освобождения народов России” генерал-лейтенантом Власовым А.А. и правительством Великогермании о предоставлении в распоряжение “КОНРа” “необходимых для освободительной борьбы против совместного врага — большевизма денежных средств в форме кредита” от 1–8 января 1945г. (т. 7, л.д. 16–17); телеграммой Гимmlера Власову о назначении последнего Гитлером верховным главнокомандующим “РОА” (т. 7, л.д. 12–13) и другими.

Таким образом, бесспорно установлено, что Власов А.А., Жиленков Г.Н., Малышкин В.Ф., Трухин Ф.И., Благовещенский И.А., Закутный Д.Е., Меандров М.А., Мальцев В.И., Буняченко С.К., Зверев Г.А., Корбуков В.Д. и Шатов Н.С., являясь военнослужащими Красной армии, будучи антисоветски настроенными, нарушив в первые годы Великой Отечественной войны воинскую присягу, изменили Родине и в разное время добровольно перешли на сторону фашистской Германии, то есть на сторону врага.

Находясь на стороне врага, они по заданию руководителей немецко-фашистского правительства и верховного командования вооруженными силами фашистской Германии на протяжении 1941–1943 гг. проводили ярую изменническую деятельность, направленную на вооруженную борьбу против Советского Союза, а 14 ноября 1944 г. вошли в созданный Гимmlером так называемый “Комитет освобождения народов России” (“КОНР”) и по заданию германской разведки создали из числа изменников Родины, белоэмигрантов, националистов и другого антисоветского контингента вооруженные воинские формирования, объединили их, назвав “Русской освободительной армией” (“РОА”). Они также организовали шпионаж и диверсии в тылу советских войск, убийства офицеров и солдат Красной армии, участвовали в них, тщательно готовили совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти, руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Их преступные действия носили согласованный и совместный характер, были объединены единым умыслом и достижением единого преступного результата — свержения при помощи фашистской Германии и ее вооруженных сил Советского правительства, ликвидации социалистического строя и установлении на территории Советского Союза фашистского государства.

Все они осуществляли организационную деятельность, направленную

к подготовке и совершению инкриминированных им деяний, участвовали в организации, образованной для подготовки и совершения этих общественно опасных контрреволюционных преступлений, что повлекло за собой тягчайшие последствия — умышленное уничтожение советских граждан, ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости и неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной и государственной тайны и переход на сторону врага, а также подрыв и ослабление власти Рабоче-Крестьянских Советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянских правительств Союза ССР и автономных республик, подрыв и ослабление внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции, а также причинило непоправимый ущерб международному авторитету Советского государства и национальной безопасности, промышленности и сельскому хозяйству, противодействовало нормальной деятельности учреждений и организаций, то есть все они без исключения совершили преступления, предусмотренные ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. “О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников”, ст.ст. 58–1 “б”, 58–8, 58–9, 58–10, ч. 2 и 58–11 УК РСФСР.

Вина всех осужденных по настоящему уголовному делу лиц в инкриминированных им предварительным следствием и судом преступлениях доказана, мера наказания избрана и применена в соответствии с характером и степенью общественной опасности совершенных преступлений, осуждены они законно и обоснованно, а поэтому реабилитированы быть не могут.

Вместе с тем, в соответствии с п. “а” ст. 5 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. “О реабилитации жертв политических репрессий” антисоветская агитация и пропаганда, предусмотренные ст. 58–10 УК РСФСР, признаются не содержащими общественной опасности деяниями и лица, осужденные за них, реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения, в связи с чем уголовное дело в отношении всех осужденных по нему лиц в данной части подлежит прекращению на основании ст. 5, ч. 1, п. 2 УПК РСФСР, то есть за отсутствием в деянии состава преступления.

На основании изложенного, руководствуясь ч. 2 ст. 36 Федерального

закона Российской Федерации “О прокуратуре Российской Федерации”, ст. ст. 4, 5, 8 и 9 Закона Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”, ст. 371 и ч. 1 ст. 376 УПК РСФСР, —

ПРОШУ:

Приговор Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР от 1 августа 1946 г. в отношении Власова Андрея Андреевича, Жиленкова Георгия Николаевича, Малышкина Василия Федоровича, Трухина Федора Ивановича, Благовещенского Ивана Алексеевича, Закутного Дмитрия Ефимовича, Меандрова Михаила Алексеевича, Мальцева Виктора Ивановича, Буняченко Сергея Кузьмича, Зверева Григория Александровича, Корбукова Владимира Денисовича и Шатова Николая Степановича изменить:

в части осуждения Власова А.А., Жиленкова Г.Н., Малышкина В.Ф., Трухина Ф.И., Благовещенского И.А., Закутного Д.Е., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д. и Шатова Н.С. по ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР приговор отменить и дело в этой части прекратить на основании ст. 5, ч. 1, п. 2 УПК РСФСР, то есть за отсутствием в деянии состава преступления;

считать Власова А.А., Жиленкова Г.Н., Малышкина В.Ф., Трухина Ф.И., Благовещенского И.А., Закутного Д.Е., Меандрова М.А., Мальцева В.И., Буняченко С.К., Зверева Г.А., Корбукова В.Д. и Шатова Н.С. осужденными по совокупности совершенных ими преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. и схст. 58–1 “б”, 58–8, 58–9 и 58–11 УК РСФСР (в редакции 1926 года), и признать их не подлежащими реабилитации.

В остальной части приговор оставить без изменения.

Генерал-полковник юстиции М.К. Кислицын.

СПРАВКА: Уголовное дело пересматривается в связи с обращением Общероссийского политического общества движения “За веру и Отечество”, в лице главы движения иеромонаха Никона (Белавенец). После пересмотра уголовное дело подлежит возврату в ЦА ФСБ России. Гуганов В.А....»

Вряд ли нам сегодня можно себе даже представить, какое счастье испытали те советские генералы, которые прошли через фильтрацию «Смерша» после освобождения из немецкого плена и были восстановлены в рядах армии. И тем не менее счастливые мгновения прочувствовал каждый из них на себе. Вот только жизнь теперь складывалась у всех по-разному, собственно, как и до плена.

1) Бывший командир 72-й горнострелковой дивизии генерал-майор П.И. Абрамидзе в кадрах Советской армии был восстановлен в декабре 1945-го. В период с 1947 по 1949 год занимал должность начальника военной кафедры Тбилисского института физической культуры, а затем должность начальника военной кафедры в сельхозинституте. С 1949-го — начальник военной кафедры Тбилисского государственного университета. В августе 1956-го вышел в отставку. Умер в апреле 1989 года. После войны был награжден еще тремя орденами: Красного Знамени (1946, 1953) и Отечественной войны 1-й степени (1985).

2) Бывший командир 327-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Антюфеев после восстановления в кадрах Советской армии в декабре 1945-го обучался на курсах при Военной академии им. Фрунзе. С 1947 по 1955 год был начальником военной кафедры Томского государственного университета. В декабре 1955 года был уволен в отставку. Умер в сентябре 1980 года в городе Паневежисе Литовской ССР. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1947).

3) Бывший командир 29-й моторизованной дивизии генерал-майор И.П. Бикжанов был восстановлен на службе в декабре 1945-го. Затем состоял в распоряжении Главного управления кадров НКО СССР (лечение, отпуск). С апреля 1946-го обучался на курсах командиров стрелковых дивизий при Военной академии им. Фрунзе. В 1947-м назначен начальником военной кафедры Казахского государственного университета в Алма-Ате. С апреля 1950 года в отставке. Умер в декабре 1988 года. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946).

4) Бывший командир 8-го кавалерийского корпуса генерал-майор М.Д. Борисов после восстановления в кадрах Советской армии учился на Высших академических курсах при Высшей военной академии им. Ворошилова. С июня 1947-го — начальник военной кафедры Харьковского

государственного университета. С апреля 1958-го в отставке. Умер в мае 1987 года. После войны был награжден четырьмя орденами: Ленина (1946), Красного Знамени (1946, 1947) и Отечественной войны 1-й степени (1985).

5) Бывший командующий 32-й армией генерал-майор СВ. Вишневецкий после восстановления в армии в декабре 1945-го обучался на Высших академических курсах при Высшей военной академии им. Ворошилова. С 1947-го преподавал в Военной академии им. Фрунзе. В запасе с 1949 года. Умер в июне 1967 года. После войны был награжден тремя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946, 1949).

6) Бывший начальник штаба 37-й армии генерал-майор К.Л. Добросердов после восстановления в армии окончил Высшие академические курсы при Военной Академии Генштаба. В январе 1947-го был назначен на должность начальника военной кафедры Московского полиграфического института. В феврале переназначен на такую же должность в Московский юридический институт. Умер в 1949 году. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946).

7) Бывший командир 62-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Г.М. Зайцев после восстановления в кадрах окончил курсы командиров дивизий при Военной академии им. Фрунзе и был назначен на должность начальника военной кафедры Московского института кинематографии.

В 1955 году вышел в отставку. Умер в январе 1961 года. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946).

8) Бывший командир 128-й стрелковой дивизии генерал-майор А.С. Зотов после восстановления в кадрах окончил курсы командиров дивизий при Военной академии им. Фрунзе и был назначен на должность начальника военной кафедры Саратовского юридического института. В 1954 году вышел в отставку. Умер в апреле 1959 года. После войны был награжден тремя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946, 1947).

9) Бывший командир 49-го стрелкового корпуса генерал-майор И.А. Корнилов с марта 1946-го — слушатель Высших академических курсов при Высшей военной академии им. Ворошилова. С мая 1947 года — начальник военной кафедры сначала Куйбышевского планового института, а с июля 1950-го — Ростовского государственного университета. Умер в июне 1953 года. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946).

10) Бывший командир 51-го стрелкового корпуса генерал-майор И.М. Любовцев после восстановления в кадрах армии был назначен старшим

преподавателем в Высшую военную академию им. Ворошилова. В 1948 году вышел в отставку. Умер в феврале 1975 года. После войны был награжден тремя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946, 1947).

11) Бывший начальник артиллерии 11-й гвардейской армии генерал-лейтенант Л.А. Мазанов после восстановления в армии окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. Остался в академии преподавателем кафедры артиллерии. В 1953 году вышел в отставку. Умер в 1959 году. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946).

12) Бывший командир 246-й стрелковой дивизии генерал-майор И.И. Мельников после восстановления в кадрах окончил курсы командиров дивизий при Военной академии им. Фрунзе и был назначен начальником военной кафедры Московской сельскохозяйственной академии. В отставку вышел в 1954 году. Умер в 1972 году. После войны был награжден четырьмя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946, 1947, 1950).

13) Бывший командир 5-й танковой бригады генерал-майор Н.Ф. Михайлов после восстановления в кадрах окончил курсы командиров дивизий при Военной академии им. Фрунзе. Из-за подорванного здоровья службу продолжать не смог. В феврале 1947 года вышел в отставку. Умер в Москве в 1972 году.

14) Бывший командующий 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко после восстановления в армии был зачислен в распоряжение ГУК НКО. Окончил Высшие академические курсы при Академии Генштаба. В 1947 году вышел в отставку. Умер в 1970 году. После войны был награжден тремя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946, 1957).

15) Бывший командующий 19-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин с 1946 года в отставке. Умер в мае 1970 года. После войны был награжден тремя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946, 1947). В 1993 году посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

16) Бывший командир 6-го кавалерийского корпуса генерал-майор А.А. Носков после восстановления в армии окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. Ворошилова. В мае 1947-го назначен исполняющим должность заместителя командира 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, а с июля 1951-го — 16-й механизированной дивизии. С февраля 1952 года — заместитель командира 17-го стрелкового корпуса, а с декабря 1953 года — заместитель командира 119-го горнострелкового корпуса в Туркестанском округе. В 1954 году

вышел в отставку. Умер в Москве в январе 1960-го. После войны награжден тремя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946,1948).

17) Бывший командир 25-го танкового корпуса генерал-майор П.П. Павлов после восстановления в армии окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. Ворошилова. В мае 1947-го назначен на должность заместителя командира по бронетанковым и механизированным войскам 36-го гвардейского стрелкового корпуса. В 1950 году вышел в отставку. Умер в Москве в 1962 году. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946).

18) Бывший командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Потапов после восстановления в армии окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. Ворошилова. С мая 1947-го — помощник командующего войсками 6-й гвардейской механизированной армии Забайкальского военного округа. С июля 1953-го командовал бронетанковыми и механизированными войсками 25-й армии, с января 1954-го — помощник командующего 25-й армией по танковому вооружению, с августа 1954-го — командующий 5-й армией, с 1958-го — 1-й заместитель командующего войсками и член совета Одесского военного округа. В 1961 году присвоено звание генерал-полковника. Умер в Москве в 1961 году. После войны был награжден пятью орденами: двумя Ленина, двумя Красного Знамени и Красной Звезды.

19) Бывший начальник артиллерии 20-й армии генерал-майор И.П. Прохоров после восстановления в армии окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. Ворошилова. Был назначен старшим преподавателем кафедры ракетных войск и артиллерии этой академии.

С 1953 года в отставке. Умер в 1961 году. После войны был награжден двумя орденами: Ленина и Красного Знамени.

20) Бывший командир 219-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Скугарев после восстановления в кадрах окончил курсы командиров дивизий при Военной академии им. Фрунзе. Из-за подорванного здоровья продолжать службу не смог. С 1947 года в отставке. Умер в Горьком в 1964 году. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946).

21) Бывший командир 8-й стрелкового корпуса генерал-майор М.Г. Снегов после восстановления в армии окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. Ворошилова. В августе 1947-го был назначен начальником штаба тыла Архангельского военного округа. В сентябре 1949-го — помощником командующего по строительству и

расквартированию войск этого округа. С января 1952-го — начальник военной кафедры института инженеров коммунального строительства. В 1959 году вышел в отставку. Умер в 1960 году. После войны был награжден тремя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1946, 1949).

22) Бывший командир 141-й стрелковой дивизии генерал-майор Я.И. Тонконогов после восстановления в кадрах окончил курсы командиров дивизий при Военной академии им. Фрунзе. В 1947 году назначен начальником военной кафедры Саратовского экономического института. В 1949 году вышел в отставку. Умер в Киеве в 1985 году.

К вышеперечисленным генералам, освобожденным из плена в 1945 году, и восстановленным в кадрах армии следует добавить еще трех, бежавших из плена и долго находившихся под следствием. Ведь они также были восстановлены в армии, хотя и в разное время.

23) Бывший командир 6-го стрелкового корпуса генерал-майор И.И. Алексеев после восстановления в армии в январе 1946 года окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. Ворошилова. С 1947-го — начальник военной кафедры Уральского государственного университета. В 1953 году вышел в отставку. Умер в феврале 1985-го в Свердловске. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1947).

24) Бывший командир 36-го стрелкового корпуса генерал-майор П.В. Сысоев после восстановления в армии в январе 1946 года окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. Ворошилова. В январе 1947-го назначен старшим преподавателем кафедры ВДВ этой академии. В 1953 году вышел в отставку. Умер в Москве в 1981 году. После войны был награжден двумя орденами: Ленина (1946) и Красного Знамени (1947).

25) Бывший командир 51-й стрелковой дивизии генерал-майор П.Г. Цирульников после побега из плена в течение 10 лет находился в заключении. Только затем был осужден к 12 годам лишения свободы. Однако в августе 1953 года его реабилитировали и восстановили в армии. В 1955 году Цирульников окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. Ворошилова и был назначен начальником военной кафедры Московского авиационного института. В 1957 году вышел в отставку. Умер в 1985 году. После войны был награжден орденом Ленина (1954).

Еще три генерала также попадают в этот список. С их прижизненной реабилитацией вопрос также растянулся на долгие годы.

26) Бывший командир 146-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М.

Герасимов был арестован сразу же после проверки 29 декабря 1945 года («ведение антисоветской пропаганды среди военнопленных»). Только 1 августа 1953 года его освободили и уволили в отставку (звания генерал-майора был лишен в 1952 году). Три года спустя, в ноябре 1956-го, полностью реабилитировали, а в 1957 году вернули генеральское звание. Умер Иван Михайлович в апреле 1968 года в Бердичеве.

27) Бывший начальник артиллерии 24-й армии генерал-майор С.А. Мошенин был арестован 28 августа 1943 года. 28 марта 1952 года Военная коллегия Верховного Суда СССР признала его виновным в измене Родине и на основании ст. 58–1 «б» УК РСФСР приговорила к 25 годам лишения свободы. Только летом 1953 года в Главной военной прокуратуре было составлено заключение, в котором указывалось, что осужден Степан Арсентьевич необоснованно. Военная коллегия Верховного Суда СССР согласилась с этим заключением и приговор отменила. После реабилитации генерал Мошенин находился в распоряжении Главного управления кадров МО СССР, а в октябре 1953 года был уволен из армии в отставку по болезни. Умер Мошенин в 1957 году.

28) Бывший командующий 48-й армией генерал-майор А.Г. Самохин был арестован 28 декабря 1945 года. «25 марта 1952 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58 п. 1 “б” УК РСФСР (“за измену Родине и добровольную сдачу в плен без сопротивления”) и приговорен к 25 годам ИТЛ, а постановлением Совета Министров СССР от 12 апреля 1952 г. — лишен воинского звания “генерал-майор”. Освобожден постановлением от 28 июля 1953 г., с полной реабилитацией. 28 августа 1953 г. приказ об его увольнении и постановление о лишении воинского звания были отменены, и генерал-майор А.Г. Самохин зачислен слушателем ВАК при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. По их окончании в 1954 г. был назначен старшим преподавателем общевойсковой подготовки военной кафедры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С 1955 г. в запасе» («Комкоры»). После войны был награжден орденом Ленина (1954). Умер летом 1955 года в Москве.

Остальным советским генералам, освобожденным и бежавшим из плена, пришлось испытать горькую чашу неволи до дна. Всех их обвинили в измене Родине, всех их по разным причинам называли предателями, а потом почти всех приговорили к расстрелу. Но пройдут долгие годы и целые десятилетия, прежде чем с них снимут эти совершенно несправедливые обвинения и реабилитируют. Однако все это произойдет только после их смерти.

1) Бывший командующий ВВС 2-й ударной армии генерал-майор М.А. Белешев был арестован сразу же после проверки 29 декабря 1945 года. 26 августа 1950 года Военная коллегия Верховного Суда СССР на основании ст. 58–1 «б» УК РСФСР приговорила его к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Посмертно реабилитирован 4 июня 1957 года.

2) Бывший командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н.К. Кириллов «арестован 30 декабря 1945 г., после чего находился под следствием. 25 августа 1950 г. осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58, п. 1 УК РСФСР («измена Родине военнослужащим»), приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян, захоронен на Донском кладбище Москвы. По определению Военной коллегии Верховного Суда СССР от 29 февраля 1956 г. дело в отношении Н.К. Кириллова было прекращено «за отсутствием состава преступления». Н.К. Кириллов восстановлен в воинском звании и наградах» («Комкоры»).

3) Бывший начальник штаба 3-й гвардейской армии генерал-майор И.П. Крупенников после возвращения из немецкого плена и фильтрации был арестован. В 1950 году Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его «за добровольную сдачу в плен» к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 28 августа. Как пишет Н. Смирнов, «в своем последнем слове в судебном заседании Крупенников заявил: “Как был советским человеком, так и остался”. Действительно, до последних дней своей жизни генерал Крупенников оставался гражданином своей Родины.

Рассмотрев 8 июня 1957 года заключение Главного военного прокурора, Военная коллегия Верховного Суда СССР состоявшийся в отношении Крупенникова приговор отменила по вновь открывшимся обстоятельствам и дело о нем прекратила за недоказанностью обвинения».

4) Бывший командующий 10-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин был арестован после фильтрации 30 декабря 1945 года и заключен в Лефортовскую тюрьму. «Ему было предъявлено обвинение в том, что “он, являясь командующим 12-й армией и попав в окружение войск противника, не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике и 7 августа 1941 года, нарушив воинскую присягу, изменил Родине, без сопротивления сдался в плен немцам и на допросах сообщил им сведения о составе 12-й и 6-й армий”. Для того чтобы разобраться в том, какие секретные сведения о составе частей 12-й армии, окруженных в августе 1941 г., сообщил немцам на допросах П.Г. Понеделин, понадобилось 5 лет следствия. 29 февраля 1956 г. Верховный Суд СССР, проверив материалы дела П.Г. Понеделина и учитывая, что дополнительными расследованием были вскрыты новые обстоятельства, свидетельствующие о его необоснованном осуждении и что эти обстоятельства были неизвестны суду в момент вынесения приговора, принял решение. Отменить приговор, вынесенный в 1950 г., прекратить дело за отсутствием состава преступления и посмертно реабилитировать П.Г. Понеделина. 9 мая того же года приказом министра обороны был отменен декабрьский приказ 1946 г. об увольнении П.Г. Понеделина из армии в связи с арестом, и генерал П.Г. Понеделин, бывший командующий 12-й армией, был исключен из списков Советской Армии ввиду его смерти. Этим приказом окончательно было возвращено его доброе имя» («Командармы»).

5) Бывший командир 15-го стрелкового корпуса генерал-майор П.Ф. Привалов «до 21 декабря 1945 г. проходил проверку в Главном управлении Смерш. В ходе проверки было установлено, что после пленения на допросе выдал противнику известные ему данные о формировании и организации химических войск Красной армии, впоследствии якобы за антифашистские настроения был заключен немцами в тюрьму. В марте 1943 г., находясь в Киевской тюрьме, изъявил добровольное согласие служить у немцев и получил назначение в немецкую особую кавалерийскую дивизию СС, где, по показаниям Привалова, использован не был. В июле 1943 г. при попытке к бегству был арестован немцами и заключен в Берлинскую тюрьму. 27 ноября 1951 г. П.Ф. Привалов был осужден по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР по ст. 58 п. 1 “б” УК РСФСР (“Измена Родине военнослужащим”) к высшей мере наказания, с конфискацией имущества. Расстрелян 31 декабря 1951 г. в Москве, захоронен на Донском кладбище. Реабилитирован по Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1968 г. — “за отсутствием состава преступления”» («Комкоры»).

6) Бывший начальник снабжения 22-го стрелкового корпуса генерал-

майор Т.Ю. Ротберг, арестованный осенью 1944 года, умер 24 июля 1953 года в Тайшетском лагере. По документальным данным Н. Смирнова, «27 июля 1953 года Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела заключение Главной военной прокуратуры. В заключении указывалось, что сообщенные Ротбергом немцам спустя шесть месяцев после пленения сведения о 22-м стрелковом корпусе являлись устаревшими к тому времени и никакой тайны не составляли. На оккупированной территории Ротберг антисоветской деятельностью не занимался, а поэтому предлагалось назначенное наказание снизить до 8 лет и 6 месяцев, то есть до фактически отбытого срока лишения свободы к тому времени. Военная коллегия согласилась с этим предложением.

Более чем через четыре года, а именно 31 октября 1957 года, Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела другое заключение Главной военной прокуратуры, в котором утверждалось, что следствие по делу Ротберга проведено с грубыми нарушениями процессуального закона и длилось оно почти семь лет. <...>

Военная коллегия, согласившись с выводами этого заключения, приговор в отношении Ротберга отменила по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления».

7) Бывший начальник военных сообщений генерал-майор М.Н. Сиваев после возвращения из плена был арестован сразу же после фильтрации. А в 1950 году Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Сиваева к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 28 августа 1950 года. Только «19 января 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев заключение, составленное в порядке ст. 373 УПК РСФСР, приговор в отношении Сиваева отменила по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления» (Н. Смирнов).

В этот список следует добавить и еще двух генералов, бежавших из плена.

8) Бывший начальник автобронетанковых войск 18-й армии генерал-майор Н.Д. Гольцев, как мы помним, 13 февраля 1942 года в числе еще 46 человек был приговорен ОСО при НКВД СССР к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 23 февраля 1942 года. Только 17 сентября 1955 года определением Военной коллегии Верховного Суда СССР Гольцев был посмертно реабилитирован.

9) Бывший командир 4-й танковой дивизии генерал-майор А.Г. Потатурчев умер в тюремной больнице, по одним данным, 30 сентября

1945 года, а по другим — в июле 1947-го. По утверждению жены генерала, дело Потатурчева прекращено постановлением МВД СССР от 5 августа 1953 года.

Итак, из 75 советских генералов, попавших в немецкий плен, только 28 успешно прошли фильтрацию и были восстановлены в рядах армии. 9 советских генералов были обвинены в измене Родине, приговорены к расстрелу и только спустя годы реабилитированы. 24 советских генерала, как мы помним, погибли в плену, и 1 генерал-майор — С.Я. Огурцов, бывший командир 10-й танковой дивизии, бежав из плена, геройски погиб в бою уже в партизанском отряде. Следовательно, остаются 13 советских генералов, которые не прошли фильтрацию, не были восстановлены в рядах армии и не были реабилитированы в последующие десятилетия...

Бывший командир 27-го стрелкового корпуса генерал-майор П.Д. Артеменко был «арестован 29 декабря 1945 г., после чего находился под следствием. В декабре 1946 г. приказом ГУК НКВД уволен из РККА по ст. 44, п. “в”. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 2 августа 1950 г. приговор Военного трибунала Юго-Западного фронта был отменен, и дело направлено на новое расследование. Повторно осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР 26 августа 1950 г. и приговорен к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян, захоронен на Донском кладбище Москвы. Отказано в реабилитации, по заключению Главной Военной прокуратуры от 9 февраля 2001 г. — обвинение и осуждение П.Д. Артеменко было признано законным» («Комкоры»). Книга «Комкоры. Военный биографический словарь. Том 1» была издана в 2006 году. Однако, как свидетельствует В.Е. Звягинцев, «... 16 декабря 2004 года... был полностью реабилитирован Главной военной прокуратурой генерал-майор П.Д. Артеменко». Странная реабилитация... Как это понимать даже теперь, представить себе весьма сложно, ведь факты предательства этого генерала налицо. Например, в своих воспоминаниях маршал Баграмян вполне открыто обвиняет генерала Артеменко в неудачном отходе: «Фашистам так и не удалось перерезать далеко растянувшиеся пути отхода 5-й армии.

Совершенно иначе произошло с 27-м стрелковым корпусом. Генерал П.Д. Артеменко и его штаб плохо организовали отход своих частей. Они явно недооценили реальные возможности противника помешать этому ответственному и сложному маневру. К сожалению, и штаб фронта не предусмотрел этой угрозы. Командующий 6-й немецкой армией немедленно воспользовался нашим просчетом. Узнав через свою разведку о начавшемся передвижении советских частей, не отличавшемся ни

скрытностью, ни четкостью, он приказал командиру 11-й танковой дивизии генералу Штапфу опередить их с выходом к Днепру. Сильная подвижная группа Штапфа устремилась по единственному шоссе на правом фланге корпуса. Генерал Артеменко почему-то поручил прикрывать эту дорогу не 28-й горнострелковой дивизии генерал-майора К.И. Новика, которая опиралась своим правым флангом на эту важную коммуникацию, а 171-й стрелковой генерала А.Е. Будыхо, находившейся ближе к Киеву. Пока выделенный Будыхо подвижный отряд в составе стрелкового полка и одного дивизиона из 357-го легкоартиллерийского полка пробирался сквозь забитую тылами лесисто-болотистую местность, фашистские танки успели далеко проскочить по шоссе, которое вело к единственной в этом районе мостовой переправе через Днепр у села Окуниново.

На пути танков успел развернуться только 2-й дивизион 357-го артиллерийского полка. Фашисты наткнулись на его батареи в районе села Иванкова. Одну из батарей атаковало около десятка танков. Два из них артиллеристы успели уничтожить, но и сами почти все погибли в огненном смерче, который обрушили на них фашисты».

Обвиняет генерала Артеменко, как мы помним, и В. Новобранец, не верить которому оснований нет (но повторимся): «Он сразу же перешел на службу врагу. По личным качествам генерал Артеменко отличался исключительной глупостью, тупостью, военным невежеством, бездарностью, самодурством и свирепостью. По рассказам товарищей, он на фронте командовал дивизией (корпусом, В. Новобранец просто запомнил. — *Примеч. авт.*). Свое неумение командовать он восполнял грубостью и расстрелом ни в чем не повинных офицеров, сам лично расстрелял несколько офицеров. В лагере офицеры его дивизии намеревались свести с ним свои фронтовые счета. Но Артеменко узнал, по-видимому, о готовящейся расправе и в лагере не показывался. Жил он в немецком городке. Немцы поручили ему формирование “украинской национально-освободительной армии”».

Из допроса генерала Артеменко в плену известно, что он совершенно добровольно сдался в плен. Достаточно подробно оценил сильные и слабые стороны своих войск и войск противника. Все это, собственно, и объясняет объективную причину его сдачи в плен, которую указал, как мы помним, в своей докладной записке начальник отдела боевой подготовки 40-й армии полковник Н.А. Никитин: «...беспольность жертвовать собой и терпеть лишения, т.к. положение безвыходное, добровольная сдача в плен гарантирует жизнь».

Бывший начальник училища ПВО ВМФ в Либаве генерал-майор И.А.

Благовещенский, бывший заместитель командующего Волховским фронтом и по совместительству командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант А.А. Власов, бывший командир 21-го стрелкового корпуса генерал-майор Д.Е. Закутный, бывший заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта генерал-майор Ф.И. Трухин, а также бывший начальник штаба 19-й армии генерал-майор В.Ф. Малышкин по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР были лишены воинского звания, государственных наград и в ночь на 1 августа 1946 года повешены во дворе Бутырской тюрьмы. Попытки же реабилитировать их до настоящего времени успеха не имели. Почему, об этом рассказывает старший помощник Главного военного прокурора полковник юстиции В.Ф. Алиферовец: «С точки зрения общепринятой теории права, судебное разбирательство по делу Власова и других бывших советских военачальников, несомненно, проведено с грубейшим нарушением правовых норм, без соблюдения всех необходимых процедур, в т.ч. с игнорированием стадии судебного следствия, без участия защитников и прокурора. В этом смысле процесс над власовцами ничем не отличался от других аналогичных судебных процессов того времени, когда речь шла о привлечении к уголовной ответственности по небызывестной 58 статье УК РСФСР. Сегодня, наверное, любому, даже очень далекому от вопросов юриспруденции человеку, известно, что в те годы никакой состязательности и равенства сторон в судебном уголовном процессе не было, да и не могло быть по определению, в силу существовавшего в стране политического режима. Суд в подобных случаях руководствовался не стремлением к установлению истины, а указаниями лиц высших партийных органов и руководителей репрессивного аппарата. В данном случае, как это усматривается из документов служебной переписки, суд руководствовался указаниями Сталина и Абакумова.

Собственно говоря, приговор по делу был вынесен еще за неделю до начала судебного заседания. Это было сделано 23 июля 1946 года на заседании Политбюро во главе со Сталиным. В его решении были четко назначены и определены как сроки и форма предстоящего процесса, так и мера наказания всем подсудимым.

К слову сказать, советское уголовно-процессуальное законодательство того времени не было ориентировано на правовые системы наиболее развитых, демократических и цивилизованных стран. Поэтому в соответствии с отечественным Уголовно-процессуальным кодексом вполне допустимым было то, что суд, например, мог при рассмотрении дел о “контрреволюционных преступлениях” признать доказательствами

протоколы допросов лиц, произведенных в ходе предварительного расследования, без их проверки в судебном заседании и даже без их оглашения. Свидетели по усмотрению суда могли вообще не вызываться и не допрашиваться. Таков был закон.

Вероятнее всего, что и методы, какими допрашивались обвиняемые по этому делу, были не самыми гуманными. Тем более, если принять во внимание то, что многие из оперуполномоченных и сотрудников следственного отдела ГУКР «СМЕРШ», принимавших участие в расследовании уголовного дела, впоследствии были досрочно уволены из органов за нарушения социалистической законности, в т.ч. за применение пыток и истязаний, а кое-кто осужден и даже расстрелян во главе с самим министром госбезопасности Абакумовым В.С.

Вместе с тем, бесспорно, что Власов А.А. и его соратники по службе в стане врага заслужено осуждены по инкриминируемым им статьям Уголовного кодекса. Их вина в совершении предательства и измены Родине совершенно очевидна и ни у кого не вызывает сомнений. Доказательств тому превеликое множество, хоть они и не были должным образом и в полном объеме исследованы в суде. В связи с этим назвать процесс над власовцами политическим (а кое-кто сегодня придерживается и такой точки зрения), а приговор в отношении них несправедливым было бы по меньшей мере кощунственным. Они получили то, что заслужили».

К сожалению, не все понимают разницу между судом законным и справедливым.

Суд законный должен быть справедливым, правильным, обоснованным. Суд же справедливый может быть только беспристрастным в соответствии с истиной.

Следовательно, даже если суд над Власовым и его подельниками не признать законным, то не признать справедливым его невозможно.

Бывший командир 48-й стрелковой дивизии генерал-майор П.В. Богданов, по данным, опубликованным Л. Решиным и В. Степановым, «22 июля... был помещен в лагерь военнопленных в городе Сувалки и назначен старшим по лагерю. 26 июля на построении Богданов выдал немцам комиссара 48 сд полкового комиссара Фомина и старшего политрука Колобанова, которые были затем этапированы из лагеря в неизвестном направлении. Вернувшиеся из плена утверждали, что Фоминов и Колобанов были расстреляны...

18 сентября 1941 года Богданов был переведен в одну из берлинских тюрем, где подал следователю заявление с просьбой дать ему возможность сформировать из военнопленных отряд для борьбы с Красной Армией.

После этого он был переведен в Вульгайде, в лагерь министерства пропаганды, а в июне 1942 года завербован в агентурно-политическую организацию “Боевой союз русских националистов”, находившуюся под опекой разведоргана “Цеппелин”, действовавшего на правах отдела VI управления РСХА — имперского управления безопасности. В начале августа Богданов написал два воззвания, переданных по радио: “К русскому народу” и “К генералам Красной армии” (в последнем отказался от звания генерала и от советского гражданства). В декабре 1942 года он вступил рядовым во “2-ю русскую дружину СС” (в ней насчитывалось до 200 человек). В январе 1943 года бывший советский генерал был произведен в поручики, назначен заместителем начальника штаба дружины. В марте 1943-го после сформирования “1-го русского национального полка СС” (в результате слияния “1-й и 2-й русских дружин СС”) Богданов произведен в майоры и назначен начальником контрразведки полка. В апреле того же года он становится генерал-майором (все приказы о его производстве подписаны командиром “1-го русского национального полка СС” подполковником Гилем-Родионовым).

Стремясь доказать свою лояльность немецкому командованию, Богданов принимал участие в карательных операциях против партизан и местного населения. В мае 1943 года он расстрелял майора Точилова и лейтенанта Меха якобы за просоветские настроения и попытку перейти к партизанам.

В июне 1943 года Богданов назначается начальником контрразведки “1-й русской национальной бригады СС”, сформированной за счет “вливания” в “1-й полк” мобилизованных окруженцев и военнопленных. Численность бригады — до 3000 человек.

14 августа (по другим сведениям — 16 августа 1943 года) накануне перехода бригады на сторону партизанского отряда им. Железняк (командир капитан Титков), Богданов был арестован Гилем-Родионовым и передан партизанам. Ордер на арест Богданова “Смершем” оформлен 20 августа 1943 года. 24 апреля 1950 года П.В. Богданов приговорен к высшей мере наказания — расстрелу». Не реабилитирован.

Бывший командир 171-й стрелковой дивизии генерал-майор А.Е. Будыхо «в конце июня 1942 года... то ли по малодушию, то ли по другим мотивам, которые остаются не до конца понятными, принял предложение Бессонова вступить в уже знакомую... агентурно-политическую организацию “Политический центр борьбы с большевизмом”, где занял пост заместителя Бессонова по строевой части, — пишут Л. Решин и В. Степанов. — С февраля до конца апреля 1943 года Будыхо выполнял

обязанности начальника контрразведки и, по данным советского следствия, выявлял лиц, настроенных просоветски и не разделявших программу “Российской народной партии реалистов”, созданной Бессоновым в рамках мероприятий ПЦБ. Во всех группах ПЦБ Будыхо завербовал информаторов, связь с которыми держали два “политических комиссара”.

После расформирования ПЦБ Будыхо подал заявление о вступлении в РОА. Собственно говоря, ни штабов, ни аппарата управления, ни объединенных общим командованием частей и соединений в РОА не было. До 28 апреля 1945 года эта аббревиатура обозначала лишь принадлежность к “русским” ротам и батальонам, придаваемым немецким частям и комплектуемым через генерал-инспектора “восточных” войск при главном штабе сухопутных сил Германии. Но система воинских званий и утвержденная униформа уже существовали.

В первых числах Будыхо перевели в Летцен, в учебный лагерь РОА, где он находился до 13 сентября 1943 года. Накануне пришел приказ генерал-инспектора “восточных” войск об учреждении его в звании генерал-майор с правом ношения знаков различия РОА (особо надежным разрешали носить немецкие знаки различия). Будыхо принял присягу на верность фюреру и был направлен в отдел формирования “восточных” частей при штабе 16-й армии, расположенный в деревне Чудная Гора Солецкого района Ленинградской области, в распоряжение начальника отдела полковника Хеннинга, где находился до 12 октября.

10 октября “легионеры” двух “русских” батальонов, приданных частям 16-й армии, перебили немцев и перешли к партизанам. Полковник фон Хеннинг уехал разоружать оставшихся. Из трофейных немецких документов известно, что на 14 октября была намечена отправка Будыхо в лагерь, как непригодного для использования.

12 октября 1943 года, сговорившись с денщиком Хижинским, захватив пистолет и винтовку, Будыхо ушел из деревни Дубровка, куда был переведен отдел. Они направились в сторону Новоржева и 19 октября встретились в деревне Рылово с группой партизан из 4-го отряда 1-й Ленинградской бригады.

7 ноября Будыхо был взят под стражу, а 23 ноября 1943 года состоялся первый его допрос в Главном управлении контрразведки “Смерш”.

19 апреля 1950 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Будыхо к высшей мере наказания — расстрелу.

На суде Будыхо сказал: “Вербую меня в ПЦБ, Бессонов сказал, что есть возможность вырвать хороших генералов из плена. Это запало мне в душу. Я подумал, что таким путем, перейдя на советскую территорию, я

немедленно пойду с повинной к Советской власти”. Вину свою он признал, просил только учесть явку с повинной».

В очередной раз дело генерала Будыхо изучалось в Главной военной прокуратуре в январе 2001 года. И на этот раз заключение было однозначным: осужден обоснованно.

Бывший командир 4-го стрелкового корпуса генерал-майор Е.А. Егоров, как мы помним, дал согласие на сотрудничество с германским военным командованием в сентябре 1941 года и до февраля 1942-го активно сотрудничал с врагом. Однако затем, вероятно, под влиянием личной беседы с бывшим командующим 5-й армией генералом М.И. Потаповым, отказался от этого сотрудничества. После освобождения из плена до июня 1950 года находился под следствием, а 15 июня по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР был лишен воинского звания, государственных наград, приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Захоронен на Донском кладбище в Москве. Не реабилитирован.

Бывший командир 36-й кавалерийской дивизии генерал-майор Е.С. Зыбин после освобождения из плена и фильтрации был арестован. В 1946 году Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его за потерю управления дивизией и антисоветскую агитацию в плену к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 25 августа 1946 года. Обоснованность осуждения за измену Родине генерала Зыбина в очередной раз была подтверждена Главной военной прокуратурой 17 сентября 2002 года.

Бывший командир 43-й стрелковой дивизии генерал-майор В.В. Кирпичников по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 15 августа 1950 года был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Как свидетельствует генерал Христофоров, «спустя много лет архивное дело в отношении В.В. Кирпичникова еще дважды рассматривалось в Главной военной прокуратуре (5 июня 1990 г. и 26 апреля 2002 г.). В первом случае оснований для постановки вопроса о принесении протеста на приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 августа 1950 года не нашли. Во втором было утверждено заключение “Об отказе в реабилитации по архивному делу в отношении Кирпичникова В.В.”, в котором отмечено, что вина Кирпичникова в измене Родине в форме выдачи противнику военной тайны является установленной, и в соответствии с пунктом “а” части 1 статьи 4 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года “О реабилитации жертв политических репрессий” Кирпичников реабилитации не подлежал».

Бывший командир 13-й стрелковой дивизии генерал-майор А.З. Наумов был арестован еще 23 июля 1945 года в лагере для репатриированных. 19 апреля 1950 года Наумов был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу. Как подчеркивают Л. Решин и В. Степанов, «в последнем слове Наумов сказал: “Я очень виноват и должен понести наказание за совершенные мною преступления. Я не враг Советской власти, а подлец и предатель своей Социалистической Родины. Я променял шкуру свою и семью на Родину. Готов понести любое наказание. Виноват”».

Бывший начальник штаба 6-го стрелкового корпуса генерал-майор Б.С. Рихтер, как мы помним, согласно показаниям 19 арестованных в СССР агентов немецкой разведки, с 1942 года под фамилией Рудаева возглавлял разведывательно-диверсионную школу абвера, расположенную в Варшаве. Именно на основании этих показаний 21 июня 1943 года Военная коллегия Верховного Суда СССР заочно приговорила Рихтера к высшей мере наказания. Сведений о дальнейшей судьбе до сих пор не обнаружено. Как подчеркивают Л. Решин и В. Степанов, «в 1965 году у главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции А.М. Горного возникли сомнения в том, что Рудаев и Б.С. Рихтер — одно и то же лицо. Однако предписания генерала Горного по дополнительной проверке обстоятельств этого дела полностью выполнены не были. Сомнения остались».

Глава одиннадцатая.
ГЕНЕРАЛЫ, А ТАКЖЕ ЛИЦА
ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО
(ПОЛИТИЧЕСКОГО) СОСТАВА РККА И
НКВД В ПЛЕНУ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

По данным, опубликованным в статистическом исследовании «гриф секретности снят», в Первую мировую войну армия царской России потеряла 208 генералов. В другой книге молодых историков Ф.А. Гущина и С.С. Жебровского «Пленные генералы российской императорской армии 1914–1917» приводятся конкретные сведения о количестве русских военачальников, захваченных противником в плен в годы Первой мировой войны: «В результате проведенного исследования авторам удалось собрать информацию о 66 генералах действительной службы, взятых в плен за время Первой мировой войны. Полученное число не совпадает с данными официальной статистики. В издании “Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (В цифрах)”, вышедшем в 1925 г., приводится число 73 — генералов “попало в плен” к 31 декабря 1917 г. Не ясно, на основе каких источников были получены эти данные, и совершенно не ясно, кто был включен в число “попавших в плен”. Вполне возможно, что, помимо генералов, находившихся на действительной военной службе, были учтены и отставные генералы, и генералы морского ведомства, интернированные с началом войны на территории Австро-Венгрии и Германии».

Далее авторы исследования приводят любопытный анализ пленных русских генералов: «Из общего числа 66 пленных военачальников восемь имели чин полного генерала (четыре генерала от инфантерии, три генерала от кавалерии и один генерал от артиллерии), 18 — генерал-лейтенанта, 40 — генерал-майора. Всего во время боевых действий попали в плен три командира корпуса, два начальника штаба корпуса, 13 начальников и командующих пехотных дивизий, 16 командиров бригад пехотных дивизий, четыре командира пехотных полков, один начальник отдельной кавалерийской бригады, один командир бригады кавалерийской дивизии, три инспектора артиллерии корпуса, восемь командиров артиллерийских бригад, один комендант крепости, один командир крепостной артиллерии, один начальник штаба крепости, один председатель корпусного суда, четыре генерала, служивших в ополчении, один командир пограничной бригады. <...>

Из общего числа пленных генералов более трети — 24 человека — принадлежали к Генеральному штабу. По родам войск, в которых они служили, пленные военачальники распределяются следующим образом:

артиллерия полевая — 11;

военно-судебное ведомство — 1;
кавалерия — 2;
крепостные управления — 3;
высшие общевойсковые соединения (штабы корпусов) — 6;
ополчение и рабочие части — 5;
пехота — 33.

Особый интерес представляют данные распределения по частям войск, в составе которых генералы попали в плен:

авиация — 1;
полевая артиллерия — 10;
кавалерия — 2;
крепостной гарнизон — 17;
пехота и общевойсковые части — 30. <...>

В общей сложности в кампанию 1914 г. были пленены 25 генералов (около 42%), 32 (чуть более 53%) — в кампанию 1915 г. В 1916 г. не известно ни одного случая пленения русского генерала, в 1917 г. были захвачены три человека (5%). Таким образом, наибольшие потери пленными наш генералитет понес во время маневренного периода войны — в 1914–1915 гг. <...>

Проведенное исследование показывает, что большая часть генералитета (исключая интернированных) попала в плен в боевых условиях, то есть была захвачена либо прямо во время сражения, либо после практически полного уничтожения частей, которыми они командовали, — таковых насчитывается 36 (60%).<...>

Остальные генералы — 24 человека (40%) — попали в плен в результате капитуляций...<...>

Если проанализировать все массовые случаи пленения генералов на предмет их участия в кампаниях до 1914 г., а также количества среди них георгиевских кавалеров, результаты будут весьма недвусмысленны. Так, среди сдавшихся генералов XIII армейского корпуса лишь треть имели боевой опыт, кавалеров ордена Св. Георгия или золотого оружия среди них не было вовсе. Только 35,5% генералов Новогеоргиевского гарнизона участвовали хотя бы в одном сражении до 1914 г., георгиевских кавалеров среди них было только 17,6%. В то же время почти все генералы самсоновской армии, захваченные в плен в бою (75%), имели за плечами одну-две, а некоторые... даже три войны, каждый третий из них имел Георгиевское отличие. Половина командного состава XX корпуса (50%) также получили первый боевой опыт до 1914 г. <...>

Кровавые боевые потери, по подсчетам авторов, составили 36 человек.

Исключая умерших от ран в плену и интернированных, пленными высший командный состав потерял 58 человек».

Примечателен и еще один вывод, сделанный авторами исследования: «Больше полусотни военачальников во вражеском плену — ни в одной из предыдущих войн русская армия не имела таких потерь! В Отечественной войне 1812 г. были захвачены в плен лишь три русских генерала. В неудачной Русско-японской войне 1904–1905 гг. нами было потеряно 17 генералов пленными, из них 14 — это защитники Порт-Артура, двое были захвачены в Мукденском хаосе и один — при занятии японцами о. Сахалин. Таким образом, в Первую мировую войну было потеряно пленными генералов втрое больше, чем во всех предыдущих войнах с начала XIX в.».

И еще. По утверждению историков, «условия содержания в плену, хотя и не могли идти ни в какое сравнение с происходившим в лагерях военнопленных в 1941–1945 гг., были все же чрезвычайно тяжелы. Грубое и жестокое обращение с пленными, плохое питание приводило к весьма печальным результатам». Они также подчеркивают, что «попавшие в плен русские военачальники терроризировались немецкими властями, предъявлявшими им нелепые обвинения».

Что касается цифр генералов вермахта в советском плену, то, по данным И.В. Безбородовой («Генералы вермахта в плену»), их оказалось в 5 раз больше, чем советских. При этом «значительная часть была взята в плен после капитуляции Германии или арестована в последующие месяцы». В частности, она пишет: «Официальные данные статистики УПВИ (276 немецких военнопленных генералов и 12 австрийских) были рассекречены и опубликованы совсем недавно. Однако изучение документов персонального учета военнопленных из фондов Центра хранения и историко-документальных коллекций показывает, что эти данные нуждаются в проверке и уточнении ввиду особенностей учета военнопленных, проводимого Управлением НКВД».

Как подчеркивает автор справочника во вступительной статье, «публикуемые в данном справочнике сведения, выявленные на основании архивных данных, включают информацию о 403 генералах (в том числе 3 фельдмаршалах и 8 адмиралах) вермахта и приравненных к ним лицах. Среди них 389 немцев, 1 хорват, 13 австрийцев. 105 человек умерли в плену, 24 из них были казнены, 268 генералов были осуждены судебными органами на длительные сроки каторжных работ или тюремного заключения, 11 человек были переданы в Польшу и Чехословакию для проведения судебных процессов. Судьба 9 человек еще нуждается в уточнении, 278 генералов были освобождены в основном в 1953–1956 годах».

Далее она пишет: «Условия содержания генералов и офицеров в советском плену определялись “Положением о военнопленных”, утвержденным в 1941 г. В основном это Положение было выдержано в духе международных соглашений о военнопленных, несмотря на то, что Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию 1919 г. о содержании военнопленных. Самым серьезным отличием Положения от Женевской конвенции было отсутствие пунктов о контроле за содержанием военнопленных со стороны Международного Красного Креста и стран-покровительниц из числа сохранивших нейтралитет. Женевская конвенция предписывала возможность приведения в исполнение смертного приговора не ранее чем через 3 месяца после сообщения о нем державе-покровительнице, запрещение содержания в тюрьмах и концлагерях без приговора суда, запрещение содержания в карцере и наказания

ограничением в пище и многие другие ограничения в наказаниях военнопленных. В Положении эти ограничения отсутствовали или были сильно изменены. Первое Положение о военнопленных было разработано еще в 1931 г., как бы в качестве компенсации за игнорирование конференции в Женеве. Отличительной чертой этого документа была замена общегуманистического подхода женевских соглашений на классовый, пролетарский. В Положении провозглашались равные условия содержания для всех военнопленных, как рядовых, так и офицеров. Однако в 1941 г. это Положение было отредактировано. Характерно, что из него были исключены все статьи, обеспечивающие провозглашенный принцип равных условий содержания. Практически сразу были введены офицерские и генеральские продовольственные пайки более высокой калорийности; офицерам, особенно высшим, предоставлялись гораздо более благоустроенные помещения и особый режим содержания, правда только до тех пор, пока на это были политические причины. Даже ношение знаков отличия и различия было разрешено вплоть до 1945 г.».

В конце войны, когда началась репатриация военнопленных, руководство НКВД приступило к фильтрации военнопленных, выявляя военных преступников. Уже осенью 1947 года Совет Министров СССР принял постановление о проведении судебных процессов над бывшими военнослужащими вражеских армий. А в конце 1947 года было проведено 9 открытых судебных процессов в 9 городах Советского Союза. В частности, перед судом предстали 143 человека, в том числе 23 генерала. Что же касается репатриации, то из «357 зарегистрированных УПВИ генералов германской армии в августе 1948 г. было репатрировано всего 7 (бывших членов Национального комитета “Свободная Германия” и Союза немецких офицеров), 68 к этому времени были осуждены, 5 человек переданы в Польшу и Чехословакию, 26 умерли. Из оставшихся только на 23 не имелось компрометирующих материалов. В 1949 г. МВД предложило репатриировать 76 генералов, добавив к 23 лояльным престарелых и отставных, арестованных в советской зоне оккупации Германии уже после войны. В результате долгих разборок и обсуждений несколько генералов умерли, несколько оказались под следствием, но 45 все-таки были репатриированы. В это время целый ряд генералов был отправлен в тюрьму для проведения следствия, что произвело удручающее впечатление на оставшихся».

Летом 1950 года к судебной ответственности были привлечены 118 генералов немецкой армии. В 1950–1952 годах прошла целая серия судебных процессов над немецкими военнопленными. Тогда же снова

применяется смертная казнь, отмененная в 1947 году И.В. Безбородова уточняет: «Всего в 1951–1953 годах были осуждены 14 немецких генералов». Окончательное решение вопроса с пленными немецкими генералами произошло после смерти Сталина. Безбородова констатирует: «В 1953 г. после смерти Сталина и ликвидации УПВИ была проведена крупная репатриация немецких военнопленных. В этом году вернулся на родину и фельдмаршал Ф. Паулюс.

В 1954–1956 годах постепенно расформировывались последние лагеря и спецгоспитали для военнопленных. В октябре 1955 г. после визита канцлера К. Аденауэра в Советский Союз и его переговоров с Н.С. Хрущевым и Н.А. Булганиным, занимавшим тогда пост председателя Совета Министров СССР, об установлении дипломатических отношений с ФРГ были репатриированы более 14 тыс. осужденных немецких военнопленных, среди них был и генерал Вальтер фон Зайдлиц. В 1956 г. одним из последних были “выдворены из СССР” немецкие генералы Гельмут Никкельман, Вернер Шмидт-Хаммер, Отто Раузер, Курт фон Лютцов, Пауль Класс и другие».

Кроме 75 советских генералов, попавших в немецкий плен, были и те, кто не был генералом в прямом смысле этого слова, однако относился к высшему политическому составу и имел специальное звание бригадного комиссара, дивизионного комиссара и корпусного комиссара. Эти и другие специальные звания высшего политсостава Красной армии действовали в период с 1935 по 1942 год и соответствовали с 1940 года званиям генеральским.

1) Бригадный комиссар Николай Иванович ТОЛКАЧЕВ (1899–1942). В Красной армии с 1918 года. Принимал участие в Гражданской войне и в конфликте на КВЖД. С середины 1930-х годов занимал должность комиссара 85-й стрелковой дивизии в Челябинской области. В конце июня был тяжело ранен в обе ноги. В бессознательном состоянии попал в плен. После излечения с помощью подпольщиков бежал и остался в оккупированном немецкими войсками Минске. До апреля 1942-го возглавлял отдел пропаганды Военного совета партизанского движения. В мае в числе 28 арестованных партизан был повешен. Посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

2) Дивизионный комиссар Серафим Петрович НИКОЛАЕВ (1904 — неизвестно). В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. В начале июня 1941 года назначен комендантом 41-го укрепрайона в Лиепеае. При прорыве из окружения 21 июля попал в плен. Первоначально Николаеву удалось скрыть свою принадлежность к высшему политическому составу, однако очень скоро он был разоблачен и 20 сентября 1941 года отправлен в Нюрнберг. Дальнейшая судьба неизвестна, но, скорее всего, Серафим Петрович был убит в гестапо.

3) Корпусной комиссар Федор Алексеевич СЕМЕНОВСКИЙ (1901–1941). В Красной армии с 1920 года. Участник Гражданской войны. В начале Великой Отечественной войны назначен членом Военного совета 20-й армии. Принимал участие в боях в Белоруссии и в Смоленском сражении. В плен попал при попытке выйти из окружения 24 октября 1941 года. В этот же день был расстрелян, как комиссар. Награжден орденом Красного Знамени (1938).

4) Бригадный комиссар Петр Николаевич ЯКИМОВ (1899–1955). В начале войны занимал должность начальника снабжения 37-го стрелкового корпуса. В плен попал в 1941 году. После освобождения прошел

филтрацию, был аттестован на звание подполковника. Умер в Киеве.

5) Бригадный комиссар Георгий Николаевич ЖИЛЕНКОВ (1910–1946). С 1940 года был секретарем Ростокинского райкома ВКП(б) города Москвы. С июня 1941-го — член Военного совета 32-й армии. 14 октября, при выходе из окружения, был взят в плен, где скрыл свое звание и должность. До мая 1942-го работал шофером в одной из пехотных дивизий вермахта, а затем был разоблачен. На первом же допросе заявил о своем желании бороться с советской властью, после чего был передан в распоряжение отдела пропаганды Верховного командования вермахта. С декабря 1942 г. был одним из ближайших сотрудников генерала Власова. Руководил пропагандистской работой в РОА, а также занимался вопросами создания «Комитета освобождения народов России». В мае 1945-го интернирован союзниками и только через год был передан представителям советского командования. 1 августа 1946 года приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни. В своем последнем слове Жиленков признал свою вину и заявил: «... если суд найдет возможным использовать мою жизнь, то я готов загладить мою вину чем угодно и в любых условиях». Повешен, не реабилитирован. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В этот список следует добавить еще два имени, имевших специальные звания и попавших в немецкий плен в 1941 году.

6) Бригврач (соответствовало званию бригадного комиссара) Иван Алексеевич НАУМОВ (1894–1950). В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В начале 1941 года был назначен на должность заместителя начальника Санитарного управления Белорусского военного округа. В немецкий плен попал уже на второй день войны вместе со всем составом военного госпиталя 10-й армии. В плену главный врач госпиталя в Смоленске, в котором лечились советские раненые. После освобождения филтрацию не прошел и был арестован 28 декабря 1945 года. Следствие по делу Наумова длилось пять лет, а в августе 1950 года он умер в Бутырской тюрьме от двусторонней пневмонии. Реабилитирован посмертно.

7) Майор государственной безопасности (специальное звание высшего состава органов НКВД и НКГБ СССР в период с 1935 по 1943 год, соответствовало бригадному комиссару) Павел Васильевич ЧИСТОВ (1905–1982). В органах госбезопасности с июля 1923 года. Участник проведения массовых репрессий на территории Челябинской и Сталинской областей. С августа 1941-го — заместитель начальника Главного управления оборонительных работ. По совместительству был назначен

начальником 4-го управления оборонительных работ со штабом в городе Сумы. В немецкий плен попал утром 3 сентября 1941 года. Выехав из штаба Юго-Западного фронта в Конотоп, Чистов угодил в засаду. Из плена освобожден в мае 1945-го американцами. Филтрацию не прошел и был арестован 21 сентября 1946 года. Особым совещанием приговорен к 15 годам лишения свободы. В ноябре 1955-го условно-досрочно освобожден. Отбывал бессрочную ссылку, однако в июне 1956 года был освобожден и в 1957 году вернулся в Москву. До выхода на пенсию работал бухгалтером. Неоднократно подавал ходатайства о своей реабилитации, однако все они были отклонены. Был награжден орденами Ленина и «Знак Почета».

Остальные лица высшего командного состава Красной армии, попавшие в немецкий плен, имели персональные воинские звания комбриг и комдив. Все они по разным причинам не были аттестованы на генеральское звание, а угодив в плен, и вовсе были обречены уже никогда не стать генералами.

1) Комбриг Борис Михайлович ДВОРКИН (1904–1944). Участник Гражданской войны. В начале Великой Отечественной войны был призван из запаса и назначен командиром 241-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии Приморской армии. Участник обороны Севастополя. В июне 1942 г. захвачен в плен. Содержался в концлагере Маутхаузен, где участвовал в подпольной антифашистской организации «Братский союз военнопленных». По немецким документам значился генерал-майором и был расстрелян в октябре 1944 года.

2) Комбриг Николай Георгиевич ЛАЗУТИН (1901–1950). В Красной армии с 1919 года. Участник Гражданской войны. С 1939-го — начальник артиллерии 61-го стрелкового корпуса. В начале войны принимал участие в приграничном сражении, а в середине июля попал в окружение. 3 августа 1941 года при попытке выйти из окружения захвачен в плен. Согласно приговору Военной коллегии Верховного Суда ССС, Лазутин был признан виновным в измене Родине. Ему, в частности, вменялись в вину добровольная сдача в плен противнику, активное пособничество немцам в установлении жесткого режима содержания военнопленных, сотрудничество с гестапо. Однако после смерти Сталина было установлено, что все эти обвинения ничем не обоснованы. В связи с этим 28 декабря 1956 года пленумом Верховного Суда СССР Лазутин был посмертно реабилитирован.

3) Комбриг Михаил Афанасьевич РОМАНОВ (1897–1960-е). С июля 1941-го командовал 277-й стрелковой, а с декабря 41-го — 195-й стрелковой дивизиями. 27 июля 1942 года попал в плен, прибыв к новому месту службы, на замену командира 193-й стрелковой дивизии. После освобождения успешно прошел фильтрацию и был уволен из армии в запас.

4) Комбриг Афанасий Николаевич РЫЖКОВ (1901 — неизвестно). С января 1942 года командовал 355-й стрелковой дивизией. В немецкий плен попал в июле 1942 года. После освобождения успешно прошел

филтрацию и был восстановлен в рядах армии. В 1950 году уволен в отставку.

5) Комбриг Иван Георгиевич БЕССОНОВ (1904–1950). Начальник штаба 519-й стрелковой дивизии. 26 августа 1941 года, при выходе из окружения, сдался в плен. Активно сотрудничал с немцами. В мае 1945 года передан советским властям и арестован. На суде Бессонов признал свою вину в измене Родине и просил учесть его добровольную явку с повинной. 19 апреля 1950 года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

6) Комбриг Михаил Васильевич БОГДАНОВ (1897–1950). В январе 1940 года назначен начальником артиллерии 8-го стрелкового корпуса. В плен попал при попытке выхода из окружения в районе Умани. Весной 1942 года в Хаммельбурге начал свое сотрудничество с врагом. Осенью 1944-го получил чин генерал-майора РОА и был назначен на должность начальника артиллерийского отдела. 8 мая 1945-го сдался советским войскам в Чехословакии. В 1950 году приговорен к высшей мере наказания. 19 апреля расстрелян. Не реабилитирован.

7) Андрей Никитич СЕВАСТЬЯНОВ (1887–1947) сдался в немецкий плен, как комбриг. На самом деле комбригом он не был. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В Красную армию вступил в 1918 году. После демобилизации в 1924 году работал бухгалтером. Трижды привлекался к уголовной ответственности (за спекуляцию золотом и валютой, а также дважды за растрату). От следствия скрылся, нелегально проживал в Москве. С началом войны записался в ополчение, выдав себя за артиллерийского специалиста. Был назначен на должность начальника артиллерии 266-й дивизии. Со слов самого Севастьянова, хотя в воинском билете у него была запись о принадлежности к среднему административному звену, командир дивизии направил в штаб Московского округа аттестационные документы на присвоение ему звания капитана. Однако по приказу начальника артиллерии 21-й армии он надел знаки различия комбрига. 18 августа 1941 года дивизия отправилась на фронт, а через месяц сдался в плен, как комбриг. Уже в плену выдал себя за генерал-майора. Активно сотрудничал с врагом. В октябре 1943 года был зачислен в офицерский резерв школы пропагандистов в чине генерал-майора РОА. Приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания 10 февраля 1947 года. В своем последнем слове Севастьянов сказал: «Мне уже шестьдесят лет. Одной ногой стою в могиле. Оправдаться мне нечем, да и глупо и смешно. Поступил как мальчишка. За свои преступления я подлежу расстрелу, но все же прошу снисхождения».

8) Комдив Александр Дмитриевич СОКОЛОВ (1898–1941). Участник Первой мировой, Гражданской и советско-финской войн. Подпоручик Русской армии. В Красную армию вступил в 1918 году. В 1939 году, будучи начальником штаба 9-й армии, был отстранен от должности и понижен в звании до полковника. Только в 1940-м ему вернули звание комдива. В марте 1941 года назначен командиром 16-го механизированного корпуса. В начале войны командовал Бердичевской группой войск. В августе 1941-го попал в плен, где умер от ран. Награжден орденом Красного Знамени.

Таким образом, из 75 советских генералов, взятых в плен во время Великой Отечественной войны, в 1941 году были пленены 54 генерала, в 1942-м — 15 генералов, в 1943-м — 5 генералов и в 1944-м — 1 генерал.

Из общего числа пленных генералов только 6 из них были генерал-лейтенантами, а остальные — генерал-майорами.

Всего за время войны в плен попали:

1 — заместитель командующего фронтом (по совместительству командующий армией);

1 — начальник штаба фронта;

6 — командующих армиями (один из них не успел приступить к своим обязанностям);

3 — начальника штаба армии;

1 — заместитель командующего армией;

4 — начальника артиллерии армии;

1 — начальник автобронетанковых войск армии; 1 — начальник военных сообщений армии;

16 — командиров корпусов (в том числе 2-х механизированных и 2-х кавалерийских, остальные стрелковые);

1 — заместитель командира корпуса;

2 — начальника штаба корпуса;

2 — начальника артиллерии корпуса;

1 — начальник снабжения корпуса;

1 — командир бригады;

1 — профессор академии;

1 — начальник училища;

1 — командующий ВВС армии;

30 — командиров дивизий (в том числе 2-х моторизованных, 3-х горнострелковых, 2-х танковых, 1-й кавалерийской и 1-й народного ополчения, остальные стрелковые);

1 — заместитель командира дивизии.

По национальному признаку 62 генерала были русскими, 4 — украинцами, 1 — белорус, 2 — татарина, 2 — еврея, 1 — грузин, 1 — армянин, 1 — русский немец, 1 — эстонец.

Только более 30 генералов из 75 окончили военные академии и имели высшее военное образование: 4 окончили Военную академию Генштаба,

более 20 — общевоинскую академию и только 5 — другие академии.

Среди 75 генералов насчитывалось всего 25 офицеров Русской армии и более 40 участников Первой мировой и Гражданской войн.

Самым молодым генералом, оказавшимся в немецком плену, был П.Г. Новиков, командир 109-й стрелковой дивизии и временно исполняющий обязанности командующего Севастопольским оборонительным районом (35 лет), а самым пожилым — профессор Военной академии Генштаба Д.М. Карбышев (61 год).

Из плена сумели убежать только 6 генералов, а 24 генерала погибли в неволе.

Из 75 генералов на сегодняшний день не реабилитированы только 12 генералов, что по самым разным причинам оставляет их в списке предателей своего Отечества.

Кроме 75 генералов в немецкий плен попали 5 лиц высшего политического состава Красной армии: 3 — бригадных комиссара, 1 — дивизионный комиссар и 1 — корпусной комиссар (кроме одного предателя, все они погибли). Также в немецкую неволю угодили 6 — комбригов и 1 — комдив (2 — погибли, 2 — были восстановлены в армии после освобождения из плена и 2 — оказались предателями, а 1 — обвинен в измене Родине, но после смерти реабилитирован), 1 — бригадный врач и 1 — майор государственной безопасности (не реабилитирован).

Судьбы 75 советских генералов, оказавшихся в немецком плену в годы Великой Отечественной войны, вполне, без всяких прикрас и надуманной лжи, отражают ее суть.

1941 год... За период с 22 июня по декабрь в плен попало 54 генерала. И эта цифра логична, потому что произошли крупные, катастрофические поражения фронтов. Как точно подмечал Д.А. Волкогонов, «лето сорок первого было особенно жестоким». Оно действительно было катастрофическим, жестоким, страшным. Огромные массы бойцов и командиров Красной армии попали в окружение. Одни из них погибали, другие сумели выйти к своим, а третьи были захвачены в плен. К слову сказать, уже в 1941 году в немецком плену оказались миллионы советских воинов. Все тот же Волкогонов подчеркивает, что за три недели войны «около 30 дивизий фактически перестали существовать и около 70% потеряли более 50% личного состава; уничтожено около трех с половиной тысяч самолетов, более половины складов горючего и боеприпасов». Уже тогда становилось ясно, что война будет кровавой и долгой.

Неудачи 1942 года были хотя и менее катастрофическими, однако в плен попали 15 советских генералов. Это и «барвенковский котел» под Харьковом, откуда удалось вырваться менее десятой части окруженных. Это и окружение 2-й ударной армии под Любанью. Это и последнее дыхание обороны Севастополя. Это и провал Ржевско-Сычевской операции...

В переломный 1943 год, открывший прямую дорогу к Великой Победе от Сталинградской операции к битве за Днепр, в плен угодили только 5 советских генералов.

В начале завершающего периода войны (1944 г. — были прорваны мощные оборонительные рубежи и разгромлены войска вермахта под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму, в Белоруссии и Молдавии, в Прибалтике и Заполярье), когда Красная армия вышла на границы Восточной Пруссии, на Вислу и Карпаты, в плену оказался всего один советский генерал. Как мы помним, командир 51-го стрелкового корпуса генерал-майор И.М. Любовцев с группой офицеров попал под огневой налет и, лишившись левой руки, ноги, будучи раненым в голову, в бессознательном состоянии оказался в руках у немцев. Именно он и стал последним, 75-м, плененным советским генералом.

Плененные советские генералы — это еще и ответ на вопрос, почему мы победили в той войне. Победили потому, что на войне учились воевать у своего врага, изобретая все новые теоретические и практические формы и способы вооруженной борьбы. Победили потому, что война вычистила бездарностей и открыла широкий простор для полководческой деятельности талантливым военачальникам. Большинство советских генералов, оказавшись в плену, смогли с достоинством и честью выдержать испытания тяжелых условий лагерной жизни, изоляции, голода, издевательств и казней. 24 генерала, погибших в плену, 6 генералов, бежавших из плена, и еще 33 генерала, вернувшихся на родину в 1945-м, — яркое тому подтверждения. И только 12 из 75, поддавшись пропаганде, угрозам и эмоциям, встали на путь сотрудничества с врагом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945. СПб., 2001.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945. М., 2009.

Анфилов В.А., Голиков Ф.И. Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами. М, 2005.

Афанасенко В.И. Герой в плену. Донской временник. Краеведение Ростовской области. Интернет.

Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971.

Безбородова И.В. Генералы вермахта в плену. М, 1998.

Бирюзов С.С. Когда гремели пушки. М., 1961.

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М, 2009.

Веселовский Б.В. Скрытая биография. М., 1996.

Визит ветеранов и сотрудников МИД России на Смоленщину. Совет ветеранов МИД России. 13 октября 2011 г. Интернет.

Военная одежда Вооруженных Сил СССР и России (1917–1990-е годы). Коллектив авторов. М., 1999.

Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет. Книга 2. М., 1996.

Гапеев Н.И. Дороги победы. Боевой путь 81-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка. Книга памяти. Щелково, 2002.

ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1156. Л. 144–145.

Герасимов Г.И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА. Российский исторический журнал, №1, 1999.

Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Том 2. М., 1988.

Коллектив авторов. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993.

Громов А. Установлено имя генерала РККА из Тверской области, который предложил Гитлеру создать Русскую освободительную армию. Комсомольская правда от 5 марта 2013.

Гущин Ф.А., Жебровский С.С. Пленные генералы Российской императорской армии 1914–1917. М., 2010.

Далецкий Л. Герой России из Замоскворечья. Вестник Замоскворечья, № 8, 1 апреля 2002.

Дембицкий Н.П. Судьба пленных. Война и общество, 1941–1945. Книга

2. М, 2004.

Допрос генерал-майора Д.Е. Закутного. Военно-исторический журнал, № 3, 1992.

Долматовский Е. Зеленая Брама. М., 1989.

Дроговоз И. Железный кулак РККА. Танковые и механизированные корпуса Красной армии 1932–1945. М., 1999.

Еременко А.И. В начале войны. М, 1965.

Жирнов Е. 204 генерала не имеют вовсе наград. Коммерсантъ Власть, № 18, 9 мая 2011.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Том 1. М., 1985.

Звягинцев В.Е. Война на весах Фемиды: война 1941–1945 в материалах следственно-судебных дел. М., 2006.

Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990.

Исаев А.В. Генерал А.Г. Потатурчев в немецком плену. Военно-исторический журнал, № 9, 2011.

Кадет М.Ф. Тайны скорбного дня. М., 2004.

Катусев А.Ф., Оттоков ВТ. Движение которого не было, или История власовского предательства. Военно-исторический журнал, №4,1991.

Киевский Краснознаменный. Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа. М., 1974.

Командармы. Военный биографический словарь. М., 2005.

Комкоры. Военный биографический словарь. Том 1. М., 2006.

Комкоры. Военный биографический словарь. Том 2. М, 2006.

Комдивы. Военный биографический словарь. Том 1. М., 2011.

Комсомольская правда от 9 мая 1940.

Коняев Н.М. Власов. Два лица генерала. М., 2003.

Краснов В. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М, 2000.

Кустов М. Цена Победы в рублях. М., 2011.

Ласкин И.А. У Волги и на Кубани. М., 1986.

Лозунько С. Западный фронт, 6-й мехкорпус, 29-я моторизованная дивизия. Аспекты, № 36, 9–15 сентября 2005.

Лукин М. Ф. Письмо сестре А.Ф. Лукиной. Край Смоленский № 3, 1991.

Мартов В. Белорусские хроники, 1941 год. Интернет версия.

Миркискин В. Несломленный генерал. Независимое военное обозрение, 14 ноября 2003.

Непомнящий Н.Н. Сто великих военных тайн. Вторая мировая война (1939–1945). М., 2009.

Новобранец В. Я предупреждал о войне Сталина. Записки военного

разведчика. М, 2009.

Окороков А. Особый фронт. М., 2007.

Палий П.Н. Записки пленного офицера. Военная литература. Интернет.

Пальчиков П. Два лика генерала А.А. Власова. Москва, № 5, 2007.

Перемышленникова Н Ты у меня. Источник № 4, 1998.

Печенкин А.А. Первые советские генералы — славные сыновья Отечества. Военно-исторический журнал, № 7, 2001.

Печенкин А.А. Генералы погибали не только в боях. Независимая газета, 17 июня 2005.

Печенкин А.А. Отдали жизнь за Родину. О потерях советских генералов и адмиралов в годы Великой Отечественной войны, 2011. Великая оболганная война. Интернет.

Пирог В.С. Денежное довольствие в Красной армии. Фонтанка.ру. Интернет.

Пять дней из жизни Фридриха Паулюса в России. Дневник оперуполномоченного КРО ОО НКВД Донского фронта, старшего лейтенанта ГБ Тарабарина. Достоинство. Интернет.

РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 19. Д. 69. Л. ПО.

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 801. Л. 53–76.

РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 76. Л. 34.

РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 69. Л. ПО.

РГВА. Ф. 14. Оп. 19. Д. 69. Л. 112.

РГВА. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 104. Л. 22.

РГВА. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 886. Л. 140–143.

Решин Е.Г. Генерал Карбышев. М, 1987.

Решин Л., Степанове. Судьбы генеральские. Военно-исторический журнал, № 10–12, 1992; № 1–3, 5–8, 10–12, 1993.

Решин Л.Е. Воинствующая некомпетентность. Военно-исторический журнал, № 2, 1992.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М, 2001.

Самутин Л. Я был власовцем. М., 2013.

Самсонов А. Деньги от Сталина. Часть 2. Военное обозрение, 10 мая 2013.

Сатиоров Г.Н. Русский человек и перед лицом смерти не пасует. Из воспоминаний военнопленного. Отечественные архивы, № 6, 2003.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск № 35. С. 30.

Свердлов Ф. Советские генералы в плену. М., 1999.

- Симонов К.М.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1982.
- Смирнов А.* Незнакомая Красная армия. Время новостей, № 137, 3 августа 2006.
- Смирнов Н.* Вплоть до высшей меры. М., 1997.
- Смыслов О.* Иуды в погонах. М., 2013.
- Смыслов О.С.* Окопная правда войны. М., 2013.
- Смыслов О.С.* Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2014.
- Советская военная энциклопедия. В 8-ми томах. М., 1976.
- Советская кавалерия. Военно-исторический очерк. М., 1984.
- Слоневский А.* Родоначальник украинской гвардии. Экспедиция XXI №4 (118), 2012.
- Софронов И.* Генерал с гранитным сердцем. Братишка, № 10, 2011.
- Тынчеров Б.* Последний командир Второй Обороны Севастополя. Sevastopol.ws, 21 февраля 2010. Интернет.
- Христофоров В.С.* Попав в плен, я был морально подавлен. Военно-исторический журнал, № 9, 2006 и № 7, 2007.
- ЦАМО. Картотека военнопленных офицеров.
- ЦАМО. Личное дело А.А. Власова № 1543529.
- ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 56–57.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11459. Д. 20. Л. 49–51.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682523. Д. 9. Л. 11, 20.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682523. Д. 36. Л. 92.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 5. Л. 38, 38 об.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 5. Л. 24, 24 об.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 13. Л. 9.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 418. Л. 226, 226 об.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 19. Л. 433.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 53. Л. 153.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 54. Л. 14.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 1. Л. 75.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 24. Л. 219.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 72. Л. 175.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 72. Л. 179.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 744825. Д. 58. Л. 15.
- ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 54. Л. 720.
- ЦАМО. Ф. 37А. Оп. 890. Д. 7. Л. 134–136.
- ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 39. Л. 253.
- ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220. Д. 58. Л. 191.
- ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 652. Л. 30.

ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 277–278.

ЦАМО. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 17. Л. 59.

ЦАМО. Ф. 221. Оп. 2454. Д. 26. Л. 76.

ЦАМО. Ф. 221. Оп. 2467 ее. Д. 39. Л. 346–348.

ЦАМО. Ф. 221. Оп. 355802. Д. 1. Л. 1–10.

ЦАМО. Ф. 228. Оп. 2892 ее. Д. 14. Л. 65–67.

Чураков Д. Общество и власть в 30-е гг. XX века. Образовательный портал «Слово». Интернет.

Шлеев В.В. Письмо из плена. Отечественная история, № 4, 1995.

Шнеер А. Плен. Гешарим, 2005.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Шеренга военнопленных красноармейцев

Солдаты из немецкой 101-й пехотной дивизии конвоируют пленных командиров Красной Армии по мосту через реку Сан в пограничном городе Перемышль. 1941 г.

Е.А. Егоров

П.Г. Макаров

Н.М. Старостин

А.Г. Потатурчев

Х.Н. Алавердов

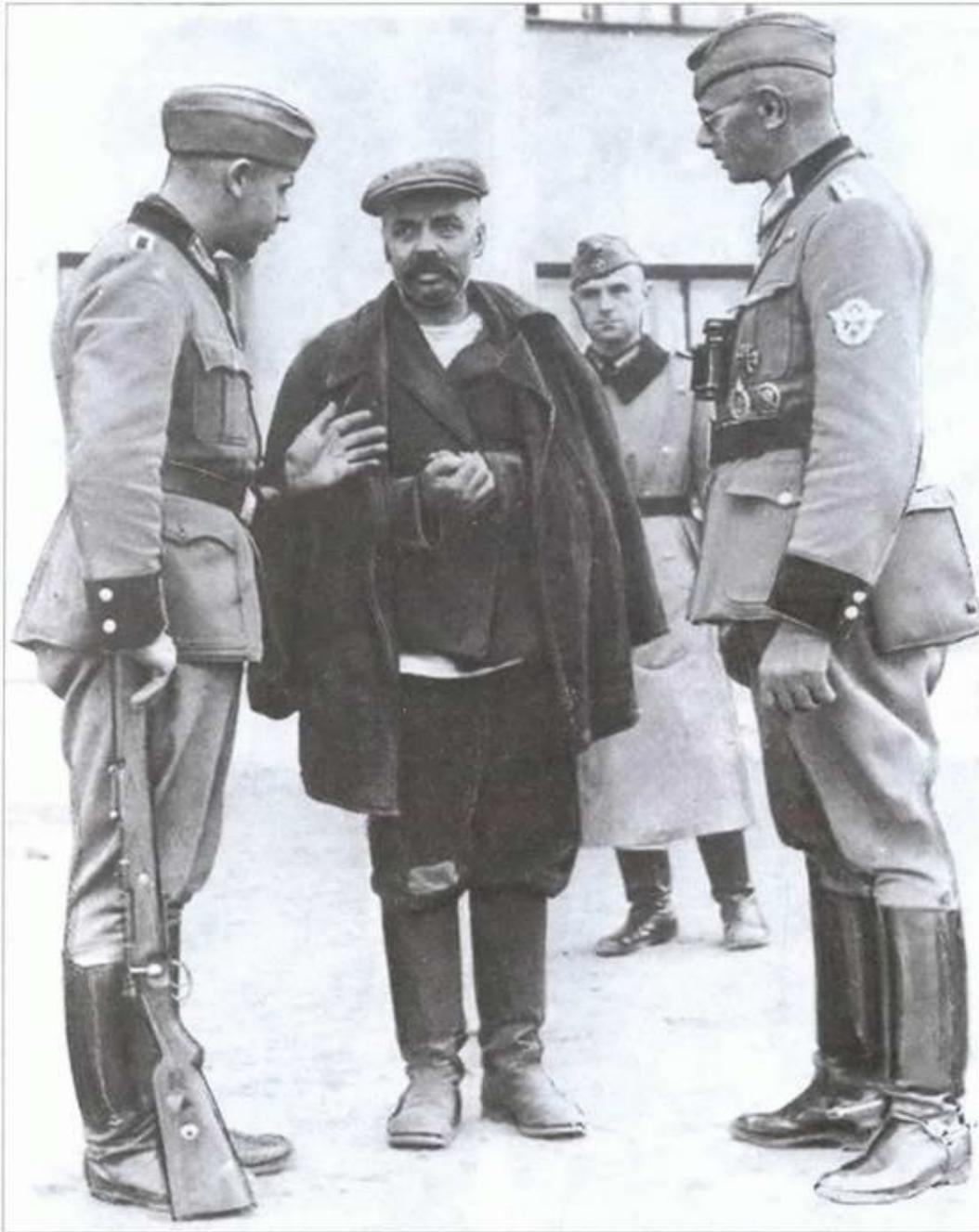
И.П. Бижанов

И.С. Никитин

А.З. Наумов

Генерал М. Т. Романов в гражданской одежде, задержанный немцами. Могилев, июль 1941 г.

М.Г. Снегов

В.И. Прохоров

С.А. Ткаченко

М.И. Попанов

*Генерал-лейтенант И.Н. Музыкаченко, командующий 6-й армией Юго-Западного фронта в плену.
Август 1941 г.*

Пленные командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин (в центре) и командир 13-го стрелкового корпуса 12-й армии генерал-майор Н.К. Кириллов. Район Умани, август 1941 г.

Б.С. Рухтер

И.И. Алексеев

П.В. Сысоев

П.Д. Артеменко

К.Л. Добросердов

С.В. Баранов

Я.И. Тонконогов

И.М. Герасимов

Г.И. Тхор

П.Г. Цирульников

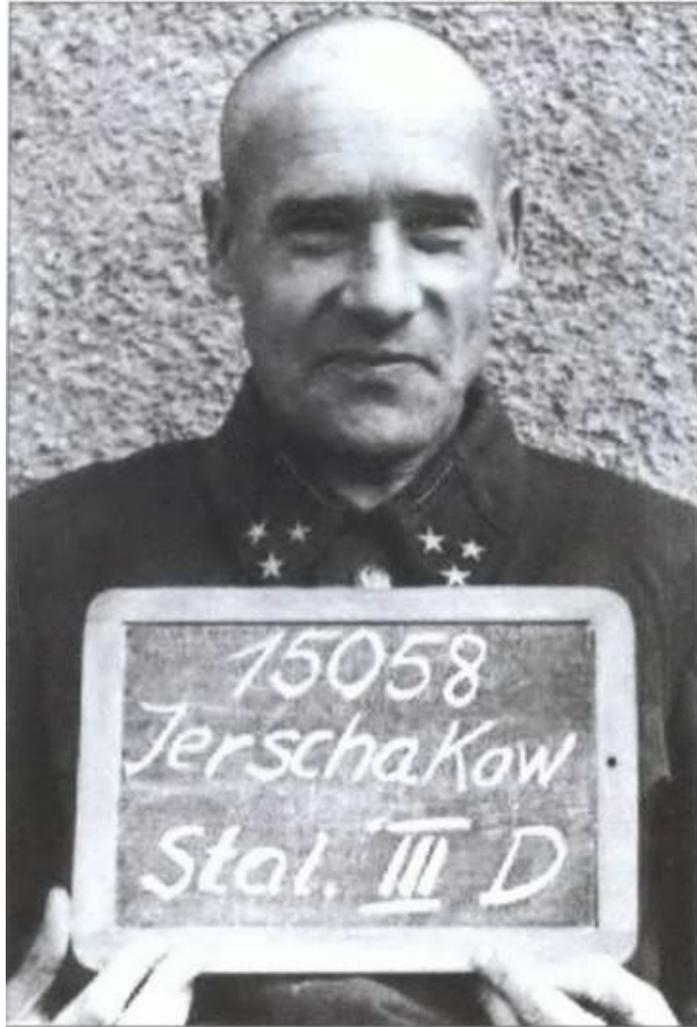
Н.М. Шестопапов

Т.Ю. Ромберг

Д.М. Карбышев

Генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков в плену

Советские военнопленные в лагере Маутхаузен, где погиб Д.М. Карбышев

A.C. Зомов

М.Ф. Лукин

С.А. Мошенин

И.П. Прохоров

С.В. Вишневский

С.Е. Данилов

А.Г. Самохин

А.А. Носков

И.М. Шенетов

И.М. Антюфеев

М.А. Белешев

П.Г. Новиков

П.Ф. Привалов

П.П. Павлов

М.О. Петров

Л.А. Мазанов

Генерал-лейтенант А.А. Власов, будущий глава Русской освободительной армии, на допросе у генерал-полковника Линдемана после сдачи в немецкий плен. Август 1942 г.

Генерал-майор Ф.И. Трухин среди власовцев и восточных рабочих

Встреча с Геббельсом. Первый слева — А.А. Власов, второй слева — Г.Н. Жиленков, крайний справа — Геббельс

Суд над генералом Власовым и его окружением. 1946 г.

* * *

СТАЛИНСКИЕ ГЕНЕРАЛЫ В ПЛЕНУ

Новая книга О.С. Смыслова продолжает рассказ о самой трагичной стороне войны — плене. Теперь объектом исследования стали судьбы генералов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, оказавшихся в годы войны в немецком плену. На страницах книги рисуются тяжелейшие испытания, выпавшие на долю пленных советских генералов, анализируется их поведение в плену и дается оценка тем или иным действиям.

www.365days.ru

Смотрите в пакетах кабельных и спутниковых операторов!

*Не только читайте,
но и смотрите!*

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАНАЛ «365 ДНЕЙ ТВ»

*все о российской
и мировой истории*

ISBN 978-5-4444-2095-9

9 785444 420959

notes

Примечания

Котел — территория с имеющимися на ней войсковыми соединениями, линия фронта вокруг которой замкнута противником, что означает полное окружение этих войск. Имеет происхождение от нем. *in den Kessel geraten* — попасть в окружение, а если буквально, то «попасть в котел». Знаменитая немецкая тактика «молниеносной войны» базировалась на многочисленных охватах в клещи, в результате которых в котлах различных размеров оказывались войсковые формирования вплоть до объединений. Это породило новое слово «окруженец», то есть человек, попавший или побывавший в окружении. Окружение же, *Einkesselung, Kessel*, по-немецки дало и русскую кальку — «котел».